РУКОВОДСТВО

КЪ ИЗУЧЕНІЮ

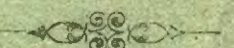
СЦЕНИЧЕСКАГО ИСКУССТВА.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

Составилъ

Н. Свѣдѣнцовъ,

преподаватель сценическаго искусства въ Императорскомъ Театральномъ училищѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

—

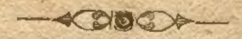
1874.

РУКОВОДСТВО

КЪ ИЗУЧЕНІЮ

СЦЕНИЧЕСКАГО ИСКУССТВА.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

Составилъ

Н. Сведенцовъ,

преподаватель сценическаго искусства въ Императорскомъ Театральномъ училищѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Скарятина, на углу Фонарнаго пер., д. Франка.

1874.

Изданіе II 1887 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Честь первой попытки поставить обученіе сценическому искусству на серьезную теоретическую, научную почву принадлежитъ у насъ бывшему режиссеру Александринскаго театра Е. И. Воронову. Не входя въ критическую оцѣнку его „Проэкта драматическаго класса“, замѣтимъ, что, къ сожалѣнію, смерть помѣшала ему осуществить на практикѣ широко составленную имъ программу драматическаго обученія, основную задачу котораго онъ совершенно вѣрно и точно опредѣлилъ слѣдующими словами: „приготовленіе для большой сцены артистовъ развитыхъ въ пониманіи, ловкихъ и хорошо, ясно, громко и толково говорящихъ“. Второй достойный вниманія трудъ по этой части представляетъ сочиненіе П. Д. Боборыкина „Театральное Искусство“, представляющее теорію сценическаго образованія въ гораздо болѣе опредѣленномъ видѣ; оно отличается полнотою программы и разнообразіемъ собранныхъ свѣдѣній, но въ то же время, по характеру изложенія, скорѣе можетъ быть признано пособіемъ при обученіи театральному дѣлу, чѣмъ руководствомъ. Въ прямой противоположности съ послѣднимъ по объему и характеру является брошюра С. Кафтырева „Первое знакомство со сценой“, которая, будучи по словамъ самаго автора, не болѣе, какъ опытомъ азбуки драматическаго искусства, заключаетъ въ себѣ самыя простыя, элементарныя понятія, касающіяся чисто внѣшней стороны сценическаго выполненія. Этимъ ограничиваются наши спеціаль-

ныя сочиненія о сценическомъ дѣлѣ, если не считать цѣлой массы критическихъ статей и замѣчаній, разсѣянныхъ въ нашей періодической литературѣ, которыя, рядомъ съ весьма дѣльными мыслями, представляютъ нерѣдко такія противорѣчія, что въ общемъ весьма трудно составить по нимъ понятіе о томъ, каково должно быть современное сценическое искусство и какими началами долженъ руководиться молодой, сценическій дѣятель. Будучи далекъ отъ мысли считать предлагаемый мною нынѣ трудъ вполнѣ удовлетворительнымъ разрѣшеніемъ упомянутаго вопроса, замѣчу, что я только развилъ и пополнилъ научнымъ образомъ задачу, высказанную Е. И. Вороновымъ, въ проэктѣ, при чемъ старался принаровить его, какъ руководство, къ тому уровню научнаго развитія, на которомъ находится большинство начинающихъ. Прилагаю при этомъ списокъ сочиненій, изъ которыхъ я дѣлалъ извлеченія и замѣтки, собранныя въ моей книгѣ. Имѣя въ тоже время въ виду практическую сторону обученія, я счелъ полезнымъ приложить къ руководству драматическую христоматію, планъ которой приспособленъ къ его теоретической программѣ. Назначеніе ея—дать учащимся, на первый разъ готовый, по возможности разнообразный матерьялъ для упражненій при выработкѣ дикціи и мимики; при окончательномъ разучиваніи ролей необходимы цѣлыя пьесы; вотъ обстоятельство, извиняющее неизбѣжную отрывочность сценъ въ ней помѣщенныхъ.

Желалъ бы, чтобъ изданный мною трудъ вызвалъ со стороны людей, понимающихъ дѣло, серьезныя замѣчанія относительно его недостатковъ, которыя я всегда буду готовъ принять съ искренней благодарностью.

Н. Свѣдѣнцовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Теорія сценическаго выраженія страстей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Декламація.

Физическія болѣзни.

Душевныя болѣзни.

Смерть.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Честь первой попытки поставить обученіе сценическому искусству на серьезную теоретическую, научную почву принадлежитъ у насъ бывшему режиссеру Александринскаго театра Е. И. Воронову. Не входя въ критическую оцѣнку его „Проэкта драматическаго класса“, замѣтимъ, что, къ сожалѣнію, смерть помѣшала ему осуществить на практикѣ широко составленную имъ программу драматическаго обученія, основную задачу котораго онъ совершенно вѣрно и точно опредѣлилъ слѣдующими словами: „приготовленіе для большой сцены артистовъ развитыхъ въ пониманіи, ловкихъ и хорошо, ясно, громко и толково говорящихъ“. Второй достойный вниманія трудъ по этой части представляетъ сочиненіе П. Д. Боборыкина „Театральное Искусство“, представляющее теорію сценическаго образованія въ гораздо болѣе опредѣленномъ видѣ; оно отличается полнотою программы и разнообразіемъ собранныхъ свѣдѣній, но въ то же время, по характеру изложенія, скорѣе можетъ быть признано пособіемъ при обученіи театральному дѣлу, чѣмъ руководствомъ. Въ прямой противоположности съ послѣднимъ по объему и характеру является брошюра С. Кафтырева „Первое знакомство со сценой“, которая, будучи по словамъ самаго автора, не болѣе, какъ опытомъ азбуки драматическаго искусства, заключаетъ въ себѣ самыя простыя, элементарныя понятія, касающіяся чисто внѣшней стороны сценическаго выполненія. Этимъ ограничиваются наши спеціаль-

ныя сочиненія о сценическомъ дѣлѣ, если не считать цѣлой массы критическихъ статей и замѣчаній, разсѣянныхъ въ нашей періодической литературѣ, которыя, рядомъ съ весьма дѣльными мыслями, представляютъ нерѣдко такія противорѣчія, что въ общемъ весьма трудно составить по нимъ понятіе о томъ, каково должно быть современное сценическое искусство и какими началами долженъ руководиться молодой, сценическій дѣятель. Будучи далекъ отъ мысли считать предлагаемый мною нынѣ трудъ вполнѣ удовлетворительнымъ разрѣшеніемъ упомянутаго вопроса, замѣчу, что я только развилъ и пополнилъ научнымъ образомъ задачу, высказанную Е. И. Вороновымъ, въ проэктѣ, при чемъ старался принаровить его, какъ руководство, къ тому уровню научнаго развитія, на которомъ находится большинство начинающихъ. Прилагаю при этомъ списокъ сочиненій, изъ которыхъ я дѣлалъ извлеченія и замѣтки, собранныя въ моей книгѣ. Имѣя въ тоже время въ виду практическую сторону обученія, я счелъ полезнымъ приложить къ руководству драматическую христоматію, планъ которой приспособленъ къ его теоретической программѣ. Назначеніе ея—дать учащимся, на первый разъ готовый, по возможности разнообразный матерьялъ для упражненій при выработкѣ дикціи и мимики; при окончательномъ разучиваніи ролей необходимы цѣлыя пьесы; вотъ обстоятельство, извиняющее неизбѣжную отрывочность сценъ въ ней помѣщенныхъ.

Желалъ бы, чтобъ изданный мною трудъ вызвалъ со стороны людей, понимающихъ дѣло, серьезныя замѣчанія относительно его недостатковъ, которыя я всегда буду готовъ принять съ искреннею благодарностью.

Н. Свѣдѣнцовъ.

Сочиненія, могущія быть источниками и пособіемъ при изученіи теоріи сценическаго искусства.

Engel. Ideen zu einer Mimik mit erläuterden Kupfertafeln.

Le Brun. Conférences sur l'expression des différents Caractéres des Passions 1667. Изд. Моро 1820.

Camper. Discours sur le moyen de représenter les diverses passions. 1792.

Lavater. L'art de connaitre les hommes par la phisionomie 1807. Изд. Моро 1820.

Charles Bell. On the anatomy and plilosophy of expression as connected with the fine arts. (Анатомія и философія Выраженія) 1844.

Lessing. Hamburgische Dramaturgie 1765.

Rötsher. Die Kunst der dramafischen Darstellung in ihrem organischen Zusammenhange vissenschatfflich entvikelt 1864. Извлеченія изъ этой книги напечатаны были въ Антрактѣ 1865.

Thürnagel. Theorie der Schauspielkunst 1836.

Gouttman. Gimnastik der Stimme, gestüzt auf phisiologische gezetze 1861.

Benedix. Der mundhliche Vortrag 1868.

Samson. L'art theatral 1865.

Diderot. Paradoxe sur le comedien. Изложеніе его этюда см. журн. Всемірный Трудъ 1869.

Delestret. Etudes des passions, appliquées aux beaux arts 1853.

Gratiolet. Da la phisionomie et des mouvemeuts d'expression 1865.

Duchène de Boulogne—Le mécanisme de la phisionomie avec planches photographiées 1862.

Belouino. Des passions dans leurs rapports ave la religion, la philosophie, la phisiologie et la medecine legale 1844.

Кленке. Система органической психологіи пер. Пестича 1856.

Щепкина. Записки и письма 1864.

Классовскаго. Теорія и мимика страстей.

Гербертъ-Спенсеръ — Основанія біологіи. пер. Герда 1870.
Пидеритъ. Мозгъ и его дѣятельность, пер. Хмѣлевскій 1866.
Кабанисъ. Отношенія между физическою и нравственною природою человѣка. пер. Бибиковъ 1866.
А. Бэна. Психо-физіологическіе этюды, пер. Резенера 1869.
Клодъ-Бернаръ. Лекціи физіологіи и патологіи нервной системы. 1866.
Сѣченова. Физіологія нервной системы. 1866.
Сѣченова. Рефлексъ головнаго мозга. 1871.
Льюиса. Физіологія обыденной жизни. 1867.
Дарвинъ. О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ. 1872.
Вундтъ. Душа животныхъ и человѣка изд. Гайдебурова. 1865.
Боборыкина. Театральное искусство. 1872.
Кафтырева. Первое знакомство со сценой. 1873.
Альтмана. Маска актера, практическое руководство къ искусству гримироваться. 1873.
Воронова. Проэктъ драматическаго класса. 1868.
Гризингеръ. Душевныя болѣзни. 1867.
Лоранъ. О притворномъ умопомѣшательствѣ. 1869.
Мори. Сонъ и сновидѣнія. 1867.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ

ТЕМЫ ДЛЯ УПРАЖНЕНІЙ

въ словесномъ и мимическомъ выраженіи ощущеній, аффектовъ и страстей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Скарятина, на углу Фонарнаго переулка, домъ Франка.
1874

ДЕКЛАМАЦІЯ.

ПЕРІОДИЧЕСКАЯ РѢЧЬ.

Прежде всего, Аѳиняне, приношу я мольбу всѣмъ богамъ и богинямъ о томъ, чтобы вы оказали мнѣ въ настоящемъ состязаніи такую же любовь, какую я всегда питалъ къ этому городу и ко всѣмъ вамъ; потомъ, чтобы боги внушили вамъ то, что наиболѣе послужитъ къ вашей славѣ и заявитъ вашу совѣстливость, — чтобы вы не съ противникомъ моимъ совѣтовались о томъ, какъ надлежитъ вамъ меня слушать (это было бы невыносимо тяжело), а съ законами и съ вашею присягою, въ которой, кромѣ всего прочаго, написано: «одинаково выслушивать обоихъ.» Это значитъ не только не составлять заранѣе сужденія, не только выражать къ обоимъ соперникамъ равное расположеніе, но даже позволять имъ слѣдовать тому порядку и пользоваться тѣми средствами, какія они сами изберутъ и пожелаютъ...

...Я полагаю, Аѳиняне, всѣ вы согласитесь, что тяжба моя общая съ Ктесифонтомъ и требуетъ отъ меня отнюдь не меньшей заботливости, чѣмъ отъ Ктесифонта: лишиться чего бы то ни было прискорбно и тяжело, а особенно, если у насъ отнимаетъ что нибудь врагъ; тѣмъ прискорбнѣе еще и тяжелѣе — лишиться вашей любви и вашего расположенія, потому что пріобрѣсть ихъ есть величайшее счастіе. А такъ какъ именно о немъ теперь идетъ дѣло, то я желаю и прошу васъ всѣхъ выслушать мои оправда-

нія во всѣхъ обвиненіяхъ безпристрастно, какъ повелѣваютъ законы, постановленные искони Солономъ: онъ по любви къ вамъ сдѣлалъ васъ судьями всякихъ тяжебныхъ дѣлъ, и не только издалъ объ этомъ законы, но и обязалъ судей присягою, не потому, какъ мнѣ кажется, чтобы не довѣрялъ вамъ; но потому что видѣлъ всю невозможность опровергнуть обвиненія, клеветы, которыми обвинитель уже отъ того, что первый держитъ рѣчь, бываетъ силенъ; — невозможно это, если каждый судья не будетъ слѣдовать указаніямъ совѣсти, не будетъ внимать благодушно оправданіямъ обвиняемаго, который говоритъ послѣ обвинителя, и если, одинаково и безпристрастно выслушавъ обоихъ, не разберетъ всего дѣла.

Намѣреваясь нынѣ отдать отчетъ во всей моей жизни, и частной и общественной, я опять хочу возвать къ богамъ и предъ лицомъ вашимъ молюся во первыхъ о томъ, чтобы вы въ настоящемъ состязаніи оказали мнѣ такую же любовь, какую я всегда выражалъ къ городу и ко всѣмъ вамъ; потомъ, чтобы боги вамъ всѣмъ внушили о настоящей тяжбѣ такое рѣшеніе, которое послужило бы къ общей вашей славѣ и выразило бы личную совѣстливость каждаго изъ васъ.

Демосѳенъ. (Рѣчь «о Вѣнкѣ»).

Уже давно, почтенные сенаторы, угрожаетъ намъ опасностью этотъ заговоръ, втайнѣ и предательски затѣянный; но, по неизвѣстной причинѣ, созрѣть ему и всей безднѣ золъ и преступленій, сопряженныхъ съ неслыханною дерзостью, суждено было открыться въ мое консульство. Если изъ столь многочисленной шайки злодѣевъ казнимъ мы одного Катилину, то мы отсрочимъ только на нѣсколько времени и опасность, угрожающую обществу, и заботу предотвратить ее; зло же самое останется, мало того: оно глубже проникнетъ внутрь нашего отечества, заразитъ его еще болѣе. Такъ человѣкъ въ тяжкой болѣзни, метаясь въ жару горячки, выпивъ холодной воды, чувствуетъ себя лучше; но ненадолго: болѣзнь возвращается къ нему съ большею силою. Такимъ образомъ и наша общественная болѣзнь, возникшая въ

государствѣ, казнью Катилины на время пріостановленная въ своемъ ходѣ, обнаружится потомъ еще съ большею силою, если сообщники Катилины останутся невредимы. А потому, почтенные сенаторы, пусть дурные граждане сами себя обнаружатъ, пусть они отдѣлятся отъ благонамѣренныхъ, пусть соберутся въ одно мѣсто; пусть, чего я давно желаю, между ими и нами будетъ хоть одна стѣна городская. Пусть наконецъ не будутъ они посягать на жизнь консула въ его домѣ! Не будемъ мы наконецъ видѣть толпу заговорщиковъ около трибунала городскаго претора; не станутъ они съ мечами угрожать Сенату; не станутъ наконецъ въ самомъ городѣ готовить факелы и горючіе матерьялы для его же разрушенія. Даю вамъ слово, почтенные сенаторы, что такова будетъ бдительность нашихъ консуловъ, таково согласіе ваше и сознаніе вашего значенія, такова доблесть всадниковъ Римскихъ, таково единодушіе благонамѣренныхъ гражданъ, что всѣ замыслы Катилины, вмѣстѣ съ его отъѣздомъ, будутъ открыты, предупреждены и подавлены въ самомъ началѣ.

Цицеронъ. (Рѣчь противъ Катилины).

Я вижу, что вы сѣете, но не полною рукою; почему я и опасаюсь, что вы не обильную жатву соберете; по пословицѣ: что посѣешь, то и пожнешь. Какое безчестіе для насъ быть такъ привязанными къ вещамъ скоропреходящимъ, быть столь прикованными къ землѣ и столь мало внимательными къ бѣднымъ, которые суть также дѣти одного Отца Небеснаго; въ лицѣ которыхъ намъ представляется самъ Іисусъ Христосъ! Для безконечной любви Господа Іисуса недостаточно было претерпѣть за насъ крестъ и самую смерть; Онъ благоволилъ еще, чтобы доставить намъ случай засвидѣтельствовать къ нему любовь и признательность,—являться къ намъ въ лицѣ бѣдныхъ, странниковъ, узниковъ и болящихъ. Онъ, кажется, говоритъ намъ устами сихъ несчастныхъ страдальцевъ: если вы не хотѣли быть признательными Мнѣ за все, что Я сдѣлалъ и претерпѣлъ для васъ, имѣйте, по крайней мѣрѣ, состраданіе къ Моей бѣдности; если Моя бѣдность не трогаетъ васъ, сжальтесь хоть надъ Моими страданіями,

которыя изнуряютъ Меня, надъ Моими цѣпями, которыя тяготятъ Мои руки и ноги. Если Мои страданія, Моя бѣдность, Мои цѣпи не трогаютъ васъ, подумайте хоть о томъ, какъ мало и ничтожно то, чего Я у васъ прошу; Я не требую отъ васъ многоцѣнныхъ приношеній; нѣтъ, Я прошу у васъ только одинъ кусокъ хлѣба, бѣдный покровъ отъ темной ночи, одно слово ласковое и добрый совѣтъ. Но если Мои страданія васъ не трогаютъ, позаботьтесь, по крайней мѣрѣ, о собственныхъ своихъ выгодахъ, подайте мнѣ милостыню, чтобъ увеличить тѣмъ свои заслуги, чтобъ пріобрѣсть право на тѣ награды небесныя, которыя Я обѣщалъ милостивымъ.

Іоаннъ Златоустъ. (Бесѣда о благотворительности).

...И такъ, что есть одежда наша? Она есть произведеніе беззаконія; она есть обязаніе грѣховной раны, и притомъ пустое, безъ цѣлебнаго елея; она есть слабое средство для кратковременнаго сохраненія осужденнаго тѣла отъ дѣйствія стихій, совершающихъ его казнь; она есть прикрытіе нравственнаго безобразія, содѣлавшагося естественнымъ; она есть защита отъ стыда тѣлесной наготы, изобрѣтенная обнаженнымъ къ совѣсти человѣкомъ; она есть видимый знакъ человѣка — преступника; она есть всеобщій и всегдашній трауръ, наложенный раскаяніемъ, по смерти первобытной непорочности; она есть знамя побѣды, которое нашъ врагъ выставилъ наружу, овладѣвъ нашею внутренностью. Что же дѣлаютъ тѣ, которые съ такою заботливостью наперерывъ стараются блистать красотою и великолѣпіемъ одеждъ? Едва ли что нибудь болѣе, какъ только возобновляютъ и украшаютъ торжество древняго врага человѣческаго рода. Что значитъ сія гордость, съ которою имѣющій на себѣ дорогую одежду едва удостоиваетъ взора покрытую вретищемъ или полураздѣтую нищету, сія ненасытимость, съ какою нѣкоторые со дня на день умножаютъ сіе непостоянство, съ которымъ такъ часто перемѣняютъ уборы? Не есть ли сіе нѣчто подобное тому, какъ если бы больной вздумалъ тщеславиться множествомъ своихъ струповъ и красотою обязаній; или если бы рабъ, принужденный носить

оковы, желалъ имѣть ихъ въ великомъ числѣ, и выработанныя съ разнообразнымъ искусствомъ.

Филаретъ. (Слово противъ роскоши въ одеждѣ).

...Наконецъ, передъ лицомъ Бога, похвалимся ли мы нашею общественною жизнью? Открытое вольномысліе въ самыхъ священныхъ для человѣка предметахъ, не только явное охлажденіе и пренебреженіе къ Церкви, но и нескрываемая непріязнь къ ней, извращеніе нравственныхъ понятій, публичный развратъ, убійство времени, достоянія и жизни въ денежныхъ играхъ, роскошь и расточительность среди вопіющихъ нуждъ общественныхъ и всеобщихъ жалобъ на затрудненія въ средствахъ жизни, равнодушіе и неразвитіе общественной дѣятельности среди настоятельно вызывающихъ ее вопросовъ, странный голосъ среди отечества противу отечественныхъ интересовъ и стремленіе ослаблять основы народной жизни; неуваженіе власти, и при слабомъ чувствѣ законности, неугомонныя посягательства на неподлежащія права; упадокъ серьезнаго образованія и воспитанія, раздоръ въ семействахъ между отцами и дѣтьми, безмѣрное пьянство въ народѣ, умноженіе дерзкихъ общественныхъ преступленій: и все это въ то самое время, когда рѣчь и дѣло идетъ о возрожденіи Россіи и мы воображаемъ, что идемъ впередъ! Не кажется ли вамъ, не можетъ ли придти на мысль всякому строгому наблюдателю, если посмотрѣть вокругъ себя серьезно, что жизнь наша какъ будто сдвинулась съ вѣковыхъ религіозныхъ и нравственныхъ основаній, и, въ разладѣ съ народною вѣрою и совѣстью, съ отечественною любовію и правдою, при нашей внутренней несостоятельности, идетъ будто не вѣсть куда, безъ разумныхъ убѣжденій и сознательно-вѣрныхъ стремленій? Но это было бы ужасно!—Народъ! помни Бога!

Еп. Іоаннъ. (Слово при дворянскихъ выборахъ).

Тамъ, на берегу Невы, подымается скала, дикая и безобразная, и на той скалѣ всадникъ, столь же почти огромный, какъ сама она, и этотъ всадникъ, достигнувъ высоты, осадилъ могу-

чаго коня своего на краю стремнины; и на этой скалѣ написано Петръ, и рядомъ съ нимъ Екатерина; и въ виду этой скалы воздвигнута нынѣ другая, несравненно огромнѣе, но уже не дикая, изъ безобразныхъ камней наброcанная громада, а стройная, величественная, искусствомъ округленная колонна; и ей подножіемъ служатъ бронзовые трофеи войны и мира, и на высотѣ ея уже не человѣкъ скоропреходящій, а вѣчный сіяющій Ангелъ, и подъ крестомъ сего Ангела издыхаетъ то чудовище, которое тамъ, на скалѣ, полу-раздавленное, извивается подъ копытами конскими; и между сими двумя монументами (вокругъ которыхъ подъемлются зданія великолѣпныя, и Нева кипитъ всемірною торговлею), однимъ мановеніемъ царскимъ сдвинута была стотысячная армія, и въ этой стотысячной арміи подъ одними орлами и Русскій и Полякъ, и Ливонецъ и Финъ, и Татаринъ и Калмыкъ, и Черкесъ и боецъ Закавказскій; и эта армія прошла отъ Торнео до Арарата, отъ Парижа до Адріанополя, и громкому ура ея отвѣчали пушки съ кораблей Чесмы и Наварина... Не вся ли это Россія? Россія, созданная вѣками, бѣдствіями, побѣдою? Россія, прежде безобразная скала, набросанная медленнымъ временемъ, мало по малу, подъ громомъ древнихъ междоусобій, подъ шумомъ Половецкихъ набѣговъ, подъ гнетомъ Татарскаго ига, въ бояхъ Литовскихъ, сплоченная Самодержавіемъ, слитая воедино и обтесанная рукою Петра, и нынѣ стройная, единственная въ свѣтѣ своею огромностію колонна? И Ангелъ, вѣнчающій колонну сію, не то ли онъ знаменуетъ, что дни боеваго созданія для насъ миновались, что все для могущества сдѣлано, что завоевательный мечъ въ ножнахъ и не иначе выйдетъ изъ нихъ, какъ только для сохраненія; что наступило время созданія мирнаго; что Россія, все свое взявшая, извнѣ безопасная, врагу недоступная или погибельная, не страхъ, а стражъ породнившейся съ нею Европы, вступила нынѣ въ новый великій періодъ бытія своего, въ періодъ развитія внутренняго, твердой законности, безмятежнаго пріобрѣтенія всѣхъ сокровищъ общежитія; что, опираясь всѣмъ Западомъ на просвѣщенную Европу, всѣмъ Югомъ на богатую Азію, всѣмъ

Сѣверомъ и Востокомъ на два океана, богатая и бодрымъ народомъ, и землею для тройнаго народонаселенія, и всѣми дарами природы для животворной промышленности, она, какъ удобренное поле, кипитъ брошенною въ нѣдра ея жизнію, и готова произрастить богатую жатву гражданскаго благоденствія, ввѣренная самодержавію, коимъ некогда была создана и упрочена ея сила, и коего символъ нынѣ воздвигнутъ передъ нею Царемъ ея въ лицѣ сего крестоносна го Ангела, а имя его: **Божія правда.**

Жуковскій. (Воспоминаніе о торжествѣ 30-го авг. 1834 г.).

I.

Балъ разгорался часъ отъ часу сильнѣе; тонкій чадъ волновался надъ безчисленными тускнѣющими свѣчами; сквозь него трепетали штофные занавѣсы, мраморныя вазы, золотыя кисти, барельефы, колонны, картины; отъ обнаженной груди красавицъ поднимался знойный воздухъ и часто, когда пары, будто бы вырвавшіеся изъ рукъ чародѣя, въ быстромъ круженіи промелькали передъ глазами,—васъ, какъ въ безводныхъ степяхъ Аравіи, обдавалъ горячій, удушающій вѣтеръ; часъ отъ часу скорѣе развивались душистые локоны; смятая дымка небрежнѣе свертывалась на раскаленныя плечи; быстрѣе бился пульсъ; чаще встрѣчались руки, близились вспыхивающія лица; томнѣе дѣлались взоры, слышнѣе смѣхъ и шопотъ; старики поднимались съ мѣстъ своихъ, расправляли безсильные члены и въ полупотухшихъ, остолбенѣлыхъ глазахъ мѣшалась горькая зависть съ бѣшенымъ воспоминаніемъ прошедшаго,—и все вертѣлось, прыгало, бѣсновалось въ сладострастномъ безуміи...

На небольшомъ возвышеніи съ визгомъ скользили смычки по натянутымъ струнамъ; трепеталъ могильный голосъ волторнъ, и однообразные звуки литавръ отзывались насмѣшливымъ хохотомъ. Сѣдой капельмейстеръ, съ улыбкой на лицѣ, внѣ себя отъ восторга, безпрестанно учащалъ размѣръ и взоромъ, тѣлодвиженіями возбуждалъ утомленныхъ музыкантовъ.

— «Не правда ли»? говорилъ онъ мнѣ отрывисто, не оставляя смычка: «не правда ли? я говорилъ, что оживлю этотъ балъ—и

сдержалъ свое слово. Все дѣло въ музыкѣ; не умѣютъ составлять ее; она поднимаетъ съ мѣста, она невольно вводитъ танцующихъ въ упоенiе; въ сочиненiяхъ славныхъ музыкантовъ есть мѣста, которыя производятъ странное дѣйствiе, — я славно подобралъ ихъ—въ этомъ все дѣло;—вотъ, слышите: это вопль Донны-Анны, когда Донъ-Жуанъ насмѣхается надъ нею; вотъ стонъ умирающаго Командора; вотъ минута, когда Отелло начинаетъ вѣрить своей ревности,—вотъ послѣдняя молитва Дездемоны».

Еще долго капельмейстеръ исчислялъ мнѣ всѣ человѣческiя страданiя, получившiя голосъ въ произведенiяхъ славныхъ музыкантовъ; но я не слушалъ его болѣе,—я замѣтилъ въ музыкѣ что-то странное, обворожительно-ужасное; я замѣтилъ, что къ каждому звуку присоединялся другой звукъ болѣе пронзительный, отъ котораго холодъ пробѣгалъ по жиламъ и волосы дыбомъ становились на головѣ; прислушиваюсь: то какъ-будто крикъ страждущаго младенца, или буйный вопль юноши, или визгъ сиротѣющей матери, или трепещущее стенанiе старца, и всѣ голоса различныхъ терзанiй человѣческихъ явились мнѣ разложенными по степенямъ одной безконечной гаммы, продолжавшейся отъ перваго вопля новорожденнаго до послѣдней мысли умирающаго Байрона: каждый звукъ вырывался изъ раздраженнаго нерва и каждый напѣвъ былъ судорожнымъ движенiемъ.

Этотъ страшный оркестръ темнымъ облакомъ висѣлъ надъ танцующими,—при каждомъ ударѣ оркестра вырывались изъ облака: и громкая рѣчь негодованiя; и прерывающiйся лепетъ побѣжденнаго болью; и глухой говоръ отчаянiя; и рѣзкая скорбь жениха, разлученнаго съ невѣстою; и раскаянiе измѣны; и крикъ разъяренной, торжествующей черни; и насмѣшка невѣрiя; и безплодное рыданiе генiя; и таинственная печаль лицемѣра, и стонъ страдальца, не признаннаго своимъ вѣкомъ; и вопль человѣка, въ грязь втоптавшаго сокровищницу души своей; и болѣзненный голосъ изможденнаго долгою жизнiю человѣка; и радость мщенiя; и трепетанiе злобы; и упоенiе истребителя; и томленiе жажды; и скрежетъ зубовъ; и хрустъ костей; и плачъ; и взрыдъ; и хохотъ... и все сливалось въ неистовыя созвучiя, которыя громко

выговаривали проклятіе природѣ и ропотъ на провидѣніе; при каждомъ ударѣ оркестра выставлялись изъ него то посинѣлое лицо истерзаннаго пыткою, то смѣющіеся глаза сумасшедшаго, то трясущіяся колѣна убійцы, то замолчавшія уста убитаго тайною душевною грустію; изъ темнаго облака капали на паркетъ кровавыя слезы,—по нимъ скользили атласные башмаки красавицъ... и все по прежнему вертѣлось, прыгало, бѣсновалось въ сладострастномъ, холодномъ безуміи...

II.

Долго за разсвѣтъ длился балъ; долго поднятые съ постели житейскими заботами останавливались посмотрѣть на мелькающія тѣни въ свѣтлыхъ окошкахъ.

Закруженный, усталый, истерзанный его мучительнымъ весельемъ, я выскочилъ на улицу изъ душныхъ комнатъ и впивалъ въ себя свѣжій воздухъ; утренній благовѣстъ терялся въ шумѣ разъѣзжающихся экипажей и предо мною были растворенные двери храма.

Я вошолъ; въ церкви пусто, одна свѣча горѣла предъ иконою, и тихій голосъ священника раздавался подъ сводами: онъ произносилъ завѣтныя слова любви, вѣры, надежды; онъ возвѣщалъ таинство искупленія, онъ говорилъ о Томъ, кто соединилъ въ себѣ всѣ страданія человѣка; онъ говорилъ о высокомъ созерцаніи божества, о мирѣ душевномъ, о милосердіи къ ближнему, о братскомъ соединеніи человѣчества, о забвеніи обидъ, о прощеніи врагамъ, о тщетѣ замысловъ богопротивныхъ, о безпрерывномъ совершенствованіи души человѣка, о смиреніи предъ судьбами Всевышняго; онъ молился объ оглашенныхъ, о предстоящихъ!

Я бросился къ притвору храма, хотѣлъ удержать бѣснующихся страдальцевъ, сорвать съ сладострастнаго ложа ихъ растерзанное сердце, возбудить его отъ холоднаго сна огненною гармоніею любви и вѣры,—но уже было поздно! всѣ проѣхали мимо церкви и никто не слыхалъ словъ священника...

Кн. Одоевскій. (Балъ).

ТЕМА ДЛЯ МѢРНАГО ЧТЕНІЯ.

Патеръ Лаврентій, услышавъ о томъ, какъ внезапно и чудно
Кончилъ жизнь владѣтель замка Рингштетена, тотчасъ
Въ замкѣ явился; и онъ, входя на дворъ, осѣненный
Липами, встрѣтился тамъ съ монахомъ, недавно вѣнчавшимъ
Рыцаря: въ ужасѣ тотъ удалиться спѣшилъ. Такъ и должно!
Патеръ Лаврентій сказалъ, теперь моя наступила
Очередь; мнѣ помощникъ не нуженъ. Хотѣлъ онъ невѣстѣ,
Вдругъ овдовѣвшей, отрадное слово сказать въ подкрѣпленье,
Но Бертальда, ему не внимая, молчала угрюмо.
Старый рыбакъ молился и плакалъ, и въ горѣ смиряясь,
Думалъ: оно иначе и быть не могло—то Господній
Судъ; и конечно Гульбрандова смерть никому не могла быть
Такъ тяжела, какъ именно той, которую съ смертной
Вѣстью прислали къ нему, отверженной, бѣдной Ундинѣ.
Стали готовить обрядъ похоронный, какъ было прилично
Сану покойника; тѣло его положить надлежало
Подлѣ церкви приходской; тамъ, гдѣ были гробницы
Предковъ его, одарившихъ множествомъ вкладовъ богатыхъ
Эту церковь. И щитъ и шлемъ ужъ лежали на кровлѣ
Гроба, чтобъ съ нимъ опуститься въ могилу, ибо нашъ рыцарь
Былъ послѣдній въ родѣ своемъ, который съ нимъ вмѣстѣ
Кончился весь. И ходъ печальный уже начинался,
Пѣснь погребальная къ свѣтло-спокойной небесной лазури
Тихо всходила; съ длиннымъ крестомъ, во всемъ облаченьи
Патеръ Лаврентій шелъ впереди; за нимъ шла Бертальда
Въ горькихъ слезахъ, на дряхлую руку отца опираясь.
Вдругъ посреди Бертальдиныхъ женщинъ, одѣтыхъ въ глубокій
Трауръ и шедшихъ въ свитѣ ея, замѣтили бѣлый
Образъ, въ длинномъ, густомъ покрывалѣ, тихо идущій,
Грустно потупивши голову. Страхомъ проникнутъ былъ каждый,
Шедшій подлѣ такого товарища; всѣ сторонились,
Пятились, такъ, что порядокъ хода разстроился. Силой
Два смѣльчака хотѣли незванаго изъ ряда вывесть;
Но отъ нихъ ускользнувши какъ легкая тѣнь, онъ на прежнемъ
Мѣстѣ явился опять и послѣдовалъ тихо за гробомъ.
Вотъ, напослѣдокъ онъ, мало-по-малу, мѣняяся мѣстомъ
Съ тѣми, кто въ страхѣ спѣшилъ отъ него удалиться, подлѣ
Самой вдовы очутился; но ею сначала примѣченъ
Не былъ, и сзади пошелъ смиренно-печальный. Достигнулъ
Ходъ до кладбища, и всѣ обступили могилу. Тутъ въ первый
Разъ Бертальда незванаго гостя увидѣла, въ страхѣ
Стала она рукою махать, чтобъ онъ удалился;

Но покровенный, кротко упорствуя, трясъ головою,
Руки къ ней простиралъ и какъ будто молилъ о пощадѣ.
Вспомнила тутъ невольно Бертальда Ундину, какъ руку
Къ ней она подняла на Дунаѣ, когда ей хотѣла
Такъ добродушно подать ожерелье, и какъ подъ водами
Скрылась потомъ навсегда. Но въ это мгновеніе подалъ
Знакъ отецъ Лаврентій, чтобъ всѣ умолкли. И стали
Гробъ опускать въ могилу, и мало-по-малу засыпанъ
Былъ онъ землею. Когда же совсѣмъ былъ набросанъ могильный
Холмъ и читать послѣднюю началъ молитву священникъ,
Стала вдова на колѣни, стали и всѣ на колѣни,
Въ томъ числѣ и могильщики, кончивши насыпь. Когда же
Снова всѣ встали... ужъ бѣлый образъ пропалъ, а на мѣстѣ,
Гдѣ онъ стоялъ на колѣнахъ, сквозь травку сочился прозрачный
Ключъ; серебристо віясь, онъ впередъ пробирался, покуда
Всей не обвилъ могилы; тогда ручейкомъ побѣжалъ онъ
Далѣ, и бросился въ свѣтлое озеро ближней долины.
Долго, долго спустя, про него тѣхъ мѣстъ поселяне
Чудную повѣсть любили прохожимъ разсказывать; долго,
Долго жило повѣрье у нихъ, что ручей тотъ Ундина,
Добрая, вѣрная, слитая съ милымъ и въ гробѣ Ундина.

Жуковскій. (Ундина, гл. 19)

ТЕМЫ ДЛЯ АКЦЕНТУИРОВАНІЯ.

(Акцентъ звукоподражательный).

...И онъ подступаетъ къ наклону скалы
И взоръ устремилъ въ глубину...
Изъ чрева пучины бѣжали валы,
Шумя и гремя, въ вышину;
И волны спирались, и пѣна кипѣла:
Какъ будто гроза, наступая, ревѣла.
И воетъ и свищетъ и бьетъ и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ;
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ:
Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ...
Не море-ль изъ моря низвергнуться хочетъ?
И вдругъ, успокоясь, волненье легло;
И грозно изъ пѣны сѣдой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощеннаго чрева;
И глубь застонала отъ грома и рева.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и реветъ,
Какъ влага мѣшаясь съ огнемъ;
Волна за волною, и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ...
И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
Извергнутый бездны зіяющимъ зѣвомъ...

Жуковскій. (Кубокъ).

...И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины—
И грянулъ бой, Полтавскій бой.
Въ огнѣ подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ!
Шведъ, Русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ.
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ!
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды...
Ура! мы ломимъ: гнутся Шведы
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ—и врагъ бѣжитъ;
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.

Пушкинъ. (Полтава).

Вотъ взошла луна златая,
Тише, чу!... гитары звонъ
И Испанка молодая
Оперлася на балконъ,
Ночной зефиръ
Струитъ эѳиръ,
Шумитъ, бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

Скинь мантилью, ангелъ милый,
И явись, какъ майскій день,
Сквозь чугунныя перила
Ножку дивную продѣнь.
Ночной зефиръ
Струитъ эѳиръ,
Шумитъ, бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

Пушкинъ.

Слезы людскія, о слезы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,—
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистощимыя, неисчислимыя,—
Льетесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую, порою ночной.

Тютчевъ.

(Символическій).

Сплю, но сердце мое чуткое не спитъ:
За дверями голосъ милаго звучитъ:
«Отвори, моя невѣста, отвори,
Догорѣло пламя алое зари;
Надъ лугами надъ шелковыми
Бродитъ бѣлая роса,
И слезинками перловыми
Мнѣ смочила волоса;
Съ неба сходитъ ночь прохладная;—
Отвори мнѣ, ненаглядная»!
— Я одежды легкотканныя сняла,
Я омыла мои ноги и легла,
Я на ложѣ цѣпенѣю и горю—
Какъ я встану, какъ я двери отворю?
Милый въ дверь мою кедровую
Стукнулъ смѣлою рукой,
Всколыхнуло грудь пуховую
Перекатною волной,
И, полна желанья знойнаго,
Встала съ ложа я покойнаго...
Съ смуглыхъ плечъ моихъ покровъ ночной скользитъ
Жжетъ нога моя холодный мраморъ плитъ,
Съ черныхъ косъ моихъ струится ароматъ,
На рукахъ запьстья цѣнныя бренчатъ.

Отперла я дверь докучную—
Статный юноша вошелъ
И со мною сладкозвучную
Потихоньку рѣчь повелъ:
И слилась я съ рѣчью нѣжною
Всей душой моей мятежною...

Мей. (Подражаніе восточнымъ).

...Какой бы цѣной ни досталось
Забвенье крестьянкѣ моей,
Что нужды? Она улыбалась.
Жалѣть мы не будемъ о ней.
Нѣтъ глубже, нѣтъ слаще покоя,
Какой посылаетъ намъ лѣсъ,
Недвижно, безтрепетно стоя
Подъ холодомъ зимнихъ небесъ.
Нигдѣ такъ глубоко и вольно
Не дышитъ усталая грудь
И, ежели жить намъ довольно,
Намъ слаще нигдѣ не уснуть!
Ни звука! Душа умираетъ
Для скорби, для страсти. Стоишь
И чувствуешь, какъ покоряетъ
Ее эта мертвая тишь.
Ни звука! И видишь ты синій
Сводъ неба, да солнце, да лѣсъ
Въ серебряно-матовый иней
Наряженный, полный чудесъ,
Влекущій невѣдомой тайной
Глубоко-безстрастный... Но вотъ
Послышался шорохъ случайный—
Вершинами бѣлка идетъ.
Комъ снѣга она уронила
На Дарью, прыгнувъ по соснѣ.
А Дарья стояла и стыла
Въ своемъ заколдованномъ снѣ...

Некрасовъ. (Морозъ, красный носъ).

Свою куклу раздѣла малютка
И накрыла ее лоскуткомъ;
А сама нарядилась, какъ кукла,
И не дѣтскимъ забылася сномъ.
И не видитъ малютка во гробѣ
Въ этотъ солнечный день, при свѣчахъ,

Какъ хорошъ ея маленькій гробикъ
Подъ парчей золотою, въ цвѣтахъ.
А ужъ какъ бы она любовалась,
Еслибъ только могли разбудить...
Милый другъ, будемъ плакать, какъ дѣти,
Чтобъ не дѣтское горе забыть...

Фетъ. (Смерть малютки).

Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла?
Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?
— Я весной взошла, лѣтомъ выросла.
Подъ тобою ли, подъ рябинушкой
Что не макъ цвѣтетъ, не трава растетъ,
Не трава растетъ, не огонь горитъ,
Не огонь горитъ—ретиво сердце,
Ретиво сердце молодецкое.
Ахъ! горитъ, горитъ, какъ смола кипитъ
По душѣ-ль душѣ, по лебедушкѣ
По лебедушкѣ, по голубушкѣ
По голубушкѣ красной дѣвицѣ.
Ты душа-ль, душа, красна-дѣвица!
На зарѣ-ль, зарѣ, зарѣ утренней
При восходѣ-ли свѣтла солнышка,
Не простившися съ отцомъ, съ матерью,
Не видавшись съ добрымъ молодцемъ,
Жизнь оставила, скончалася.
Ой вы вѣтры, вѣтры теплые,
Вѣтры теплые, вы осенніе!
Вы не дуйте здѣсь, васъ не надобно.
Прилетайте вы, вѣтры буйные,
Что со сѣверной со сторонушки;
Вы развѣйте здѣсь мать сыру-землю,
И развѣявши по чисту полю,
По чисту полю, по широкому,
Вы раскройте мнѣ гробову доску;
Ужъ и дайте мнѣ вы въ послѣдній разъ
Распрощатися съ моей милою,
Съ моей милою душой—дѣвицей!
Окропивъ ее горячей слезой
Я вздохну, умру подлѣ ней тогда!

(Русская пѣсня).

(Драматическій, 4 голоса).

До разсвѣта поднявшись, коня осѣдлалъ
Знаменитый Смальгольмскій баронъ
И безъ отдыха гналъ межъ утесовъ и скалъ
Онъ коня, торопясь въ Бротерстонъ.

Не съ могучимъ Боклю совокупно спѣшилъ
На военное дѣло баронъ,
Не въ кровавомъ бою перевѣдаться мнилъ
За Шотландію съ Англіей онъ;

Но въ желѣзной бронѣ онъ сидитъ на конѣ;
Наточилъ онъ свой мечъ боевой;
И покрытъ онъ щитомъ, и топоръ за сѣдломъ
Укрѣпленъ двадцати-фунтовой.

Черезъ три дни домой возвратился баронъ,
Отуманенъ и блѣденъ лицомъ;
Черезъ силу и конь, опѣненъ, запыленъ,
Подъ тяжелымъ ступалъ сѣдокомъ.

Анкраморскія битвы баронъ не видалъ,
Гдѣ потоками кровь ихъ лилась,
Гдѣ на Эверса грозно Боклю напиралъ,
Гдѣ за родину бился Дугласъ:

Но желѣзный шеломъ былъ изсѣченъ на немъ,
Былъ изрубленъ и панцырь и щитъ,
Былъ недавнею кровью топоръ за сѣдломъ,
Но не англійской кровью покрытъ.

Соскочивъ у часовни съ коня за стѣной,
Притаяся въ кустахъ, онъ стоялъ;
И три раза онъ свиснулъ—и пажъ молодой
На условленный свистъ прибѣжалъ.

Подойди, мой малютка, мой пажъ молодой,
И присядь на колѣна мои;
Ты младенецъ, но ты откровененъ душей
И слова непритворны твои.

Я въ отлучкѣ былъ три дни, мой пажъ молодой;
Мнѣ теперь ты всю правду скажи;
Что замѣтилъ? Что было съ твоей госпожей?
И кто былъ у твоей госпожи?

«Госпожа по ночамъ къ отдаленнымъ скаламъ,
Гдѣ маякъ, приходила тайкомъ;
(Вѣдь огни по горамъ зажжены, чтобъ врагамъ
Не укрыться во мракѣ ночномъ).

«И на первую ночь непогода была
И безъ умолку филинъ кричалъ,
И она въ непогоду ночную пошла
На вершину пустынную скалъ.

«Тихомолкомъ прокрался я къ ней въ темнотѣ;
И сидѣла одна—я узрѣлъ;
Не стоялъ часовой на пустой высотѣ;
Одиноко маякъ пламенѣлъ.

«На другую же ночь—я за ней по слѣдамъ
На вершину опять побѣжалъ—
О Творецъ, у огня одинокаго тамъ
Мнѣ невѣдомый рыцарь стоялъ.

«Подпершися мечемъ, онъ стоялъ предъ огнемъ,
И бесѣдовалъ долго онъ съ ней;
Но подъ шумнымъ дождемъ, но при вѣтрѣ ночномъ,
Я разслушать не могъ ихъ рѣчей.

«И послѣдняя ночь безненастна была
И порывистый вѣтеръ молчалъ,
И къ маяку она на свиданье пошла;
У маяка ужъ рыцарь стоялъ.

«И сказала (я слышалъ): «въ полуночный часъ,
Передъ свѣтлымъ Ивановымъ днемъ,
Приходи ты; мой мужъ не опасенъ для насъ,
Онъ теперь на свиданьи иномъ;

«Онъ съ могучимъ Боклю ополчился теперь;
Онъ въ сраженьи забылъ про меня—
И тайкомъ отопру я для милаго дверь
Наканунѣ Иванова дня».

— Я не властенъ придти, я не долженъ придти,
Я не смѣю придти (былъ отвѣтъ);
Предъ Ивановымъ днемъ одинокимъ путемъ
Я пойду... мнѣ товарища нѣтъ.—

«О, сомнѣніе прочь! безмятежная ночь
Предъ великимъ Ивановымъ днемъ
И тиха, и темна и свиданьямъ она
Благосклонна во мракѣ своемъ.

«Я собакъ привяжу, часовыхъ уложу,
Я крыльцо пересыплю травой,
И въ пріютѣ моемъ предъ Ивановымъ днемъ,
Безопасенъ ты будешь со мной».

— Пусть собака молчитъ, часовой не трубитъ,
И трава не слышна подъ ногой:
Но священникъ есть тамъ; онъ не спитъ по ночамъ,
Онъ приходъ мой узнаетъ ночной.—

«Онъ уйдетъ къ той порѣ: въ монастырь на горѣ
Панихиду онъ позванъ служить.
Кто-то былъ умерщвленъ; по душѣ его онъ
Будетъ три дни поминки творить».

Онъ нахмурясь глядѣлъ, онъ какъ мертвый блѣднѣлъ,
Онъ ужасенъ стоялъ при огнѣ.
— Пусть о томъ, кто убитъ, онъ поминки творитъ:
То, быть можетъ, поминки по мнѣ.

— Но полуночный часъ благосклоненъ для насъ:
Я приду подъ защитою мглы.—
Онъ сказалъ... и она... я смотрю... ужъ одна
У маяка пустынной скалы.

И Смальгольмскій баронъ, пораженъ, раздраженъ,
И кипѣлъ, и горѣлъ и сверкалъ.
— Но скажи, наконецъ, кто ночной сей пришлецъ?
Онъ, клянусь небесами, пропалъ!—

«Показалося мнѣ, при блестящемъ огнѣ:
Былъ шеломъ съ соколинымъ перомъ,
И палашъ боевой на цѣпи золотой,
Три звѣзды на щитѣ голубомъ».

— Нѣтъ, мой пажъ молодой, ты обманутъ мечтой:
Сей полуночный, мрачный пришлецъ
Былъ не властенъ придти: онъ убитъ на пути;
Онъ въ могилу зарытъ, онъ мертвецъ.

«Нѣтъ, не чудилось мнѣ; я стоялъ при огнѣ,
И увидѣлъ, услышалъ я самъ,
Какъ его обняла, какъ его назвала:
То былъ рыцарь Ричардъ Кольдингамъ».

И Смальгольмскій баронъ, изумленъ, пораженъ,
И хладѣлъ, и кипѣлъ и дрожалъ.
— Нѣтъ! въ могилѣ покой; онъ лежитъ подъ землей,
Ты неправду мнѣ пажъ мой сказалъ.

— Гдѣ бѣжитъ и шумитъ межъ утесами Твидъ,
Гдѣ подъемлется мрачный Эльдонъ,
Ужъ три ночи, какъ тамъ твой Ричардъ Кольдингомъ
Потаеннымъ врагомъ умерщвленъ.

— Нѣтъ! сверканье огня ослѣпило твой взглядъ;
Оглушенъ былъ ты бурей ночной;
Ужъ три ночи, три дня, какъ поминки творятъ
Чернецы за его упокой.

Жуковскій. (Замокъ Смальгольмъ).

(Драматическій, 3 голоса).

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ его, держитъ и грѣетъ старикъ.

— Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?
Родимый, Лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой»...
— О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой.

«Дитя, оглянися; младенецъ, ко мнѣ;
Веселаго много въ моей сторонѣ:
Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи;
Изъ золота слиты чертоги мои».

«Родимый, Лѣсной царь со мной говоритъ:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ».
— О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы.

«Ко мнѣ, мой младенецъ, въ дубравѣ моей
Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».

«Родимый, Лѣсной царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей».
— О нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ;
То ветлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ.

«Дитя! я плѣнился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
«Родимый, Лѣсной царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать»...

Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ—
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

Жуковскій. (Лѣсной царь).

ТОНЪ ЭПИЧЕСКІЙ.

(Разсказъ).

Архіепископъ. Откройся-жъ намъ, всезнающая, кто ты?
Въ какомъ краю родилась? Кто и гдѣ
Счастливые родители твои?

Іоанна. Святый отецъ, меня зовутъ Іоанна;
Я дочь простаго пастуха; родилась
Въ мѣстечкѣ Домъ-Реми, въ приходѣ Тула;
Тамъ стадо моего отца пасла
Я съ дѣтскихъ лѣтъ; и я слыхала часто,
Какъ набѣжалъ на насъ островитянинъ
Неистовый, чтобъ сдѣлать насъ рабами,
Чтобъ посадить на тронъ нашъ иноземца,
Немилаго народу, какъ столицей
И Франціей властительствовалъ онъ...
И я въ слезахъ молила Богоматерь:
Насъ отъ цѣпей пришельца защитить,
Намъ короля законнаго сберечь.
И близь села, въ которомъ я родилась,
Есть чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы—
Къ нему толпой приходятъ богомольцы—
И близь него стоитъ священный дубъ,
Прославленный издревле чудесами;
И я въ тѣни его сидѣть любила,
Пася овецъ—меня стремило сердце—
И всякій разъ, когда въ горахъ пустынныхъ
Случалося ягненку затеряться,
Пропадшаго являлъ мнѣ дивный сонъ,
Когда подъ тѣмъ я дубомъ засыпала.
И разъ—всю ночь съ усердною молитвой,
Забывъ о снѣ, сидѣла я подъ древомъ—
Пречистая предстала мнѣ; въ рукахъ
Ея былъ былъ мечъ и знамя, но одѣта
Она была, какъ я пастушкой, и сказала:
«Узнай меня, возстань; иди отъ стада;
Господь тебя къ иному призываетъ.
Возьми мое святое знамя, мечъ
Мой опояшь и имъ неустрашимо
Рази враговъ народа моего,
И проведи Помазаннаго въ Реймсъ,
И увѣнчай его вѣнцомъ наслѣднымъ».
Но я сказала: мнѣ-ль, смиренной дѣвѣ,
Неопытной въ ужасномъ дѣлѣ брани,
На подвигъ гибельный такой дерзать?
«Дерзай—она рекла мнѣ—чистой дѣвѣ
Доступно все великое земли,
Когда земной любви она не знаетъ».
Тогда моихъ очей Она коснулась...
Подъемлю взоръ: исполнено все небо
Сіяющихъ, крылатыхъ Серафимовъ;

И въ ихъ рукахъ прекрасныя лилеи;
И въ воздухѣ провѣялъ сладкій голосъ...
И такъ Пречистая три ночи съ ряду
Являлась мнѣ и говорила: «встань,
Господь тебя къ иному призываетъ».
Но въ третью ночь, Она, явясь во гнѣвѣ,
Мнѣ строгое сіе вѣщала слово:
«Удѣлъ жены—тяжелое терпѣнье,
Возьми твой крестъ, покорствуй небесамъ;
Въ страданіи земное очищенье;
Смиренный здѣсь—возвышенъ будетъ тамъ».
И съ словомъ симъ Она съ себя одежду
Пастушки сбросила, и въ дивномъ блескѣ
Явилась мнѣ Царицею небесъ,
И на меня съ утѣхой поглядѣла
И медленно на свѣтлыхъ облакахъ
Къ обители блаженства полетѣла. (*Всѣ тронуты*).

Шиллеръ. (Орлеанская дѣва, д. I, явл. 10).

Архіепископъ (*Раулю*). Говори.
Рауль (*королю*). Шестнадцать было насъ знаменъ; мы шли
Примкнуть къ тебѣ; нашъ храбрый предводитель
Былъ рыцарь Бодрикуръ изъ Вокулера.
Но только мы достигли Фермантанскихъ
Высотъ и въ долъ, Іонной орошенный,
Спустились... вдругъ явился намъ вдали
Равнину всю занявшій непріятель.
Хотимъ назадъ... возвратный путь захваченъ;
Спасенья нѣтъ; побѣда невозможна;
Храбрѣйшіе упали духомъ, ратникъ
Оружіе готовъ былъ кинуть; тщетно,
Совѣтуясь, вожди искали средства
Къ отпору—средства нѣтъ... Но въ этотъ мигъ
Свершается неслыханное чудо:
Изъ глубины густой, дубовой рощи
Выходитъ къ намъ дѣвица, яркій шлемъ
На головѣ; идетъ какъ божество,
Прекрасная и страшная на взглядъ,
И темными кудрями по плечамъ
Летаютъ волосы... и вдругъ чело
Сіяніемъ небеснымъ облилося,
Когда она, приблизившись, сказала:
«Что медлите, французы? На врага!
Будь онъ морскихъ песковъ неисчислимѣй...
За васъ Господь и Дѣва Пресвятая»!

И вмигъ она изъ рукъ знаменоносца
Исторгла знамя; съ нимъ впередъ, и въ страшномъ
Величіи пошла передъ рядами.
Мы, изумясь, безмолвные, невольно
За дивною воительницею вслѣдъ...
И на врага ударили, какъ буря.
Оторопѣвъ, ударомъ оглушенный,
Недвижимый, испуганными смотритъ
Очами онъ на гибельное чудо...
И вдругъ—какъ будто сталъ Господній ужасъ
Ему въ лицо—онъ дрогнулъ и бѣжитъ,
Бросая щитъ и мечъ; и по равнинѣ
Въ единый мигъ все войско разметалось;
Забыто все; невнятенъ кликъ вождей;
Преслѣдуемъ, разимый безъ отпора,
Бѣжитъ онъ глазъ не смѣя обратить;
Въ рѣку стремглавъ и конь и всадникъ мчится...
И то была не битва, но убійство;
На мѣстѣ ихъ двѣ тысячи легло,
Но болѣе въ волнахъ рѣки погибло...
А наши всѣ остались невредимы.

Король. Неслыханно! чудесно!

Агнеса. Кто она?

Рауль. Одинъ король сію узнаетъ тайну.
Пророчицей, посланницею Бога
Она себя зоветъ и обѣщаетъ
До совершенія луны прогнать
Врага и снять осаду Орлеана.
Ей вѣруя, народъ сраженья жаждетъ;
И скоро здѣсь она сама явится.
(Звонъ колоколовъ и шумъ за сценою).
Вы слышите... шумитъ народъ... Она!

Король *(къ Дю-Шателю)*. Введи ее сюда.

Шиллеръ. (Орлеанская дѣва; д. I, явл. 9).

(Чтеніе письма).

Дарья. Барыня, а барыня! Отъ Платона Маркыча мальчикъ пришелъ.

Анна Петровна. Позови его сюда. *(Дарья уходитъ. Входитъ мальчикъ).*

Мальчикъ. Платонъ Маркычъ кланяться приказали; при-

слали газеты вчерашнія и записочку-съ, да приказали о здоровьи спросить.

Анна Петр. Господи! куды это я очки дѣла? Поищи, Маша, сдѣлай милость *(Марья Андреевна ищетъ очки)*.

Марья Андреевна. Да позвольте, маменька, я прочитаю. Я думаю, у васъ съ Платономъ Маркычемъ секретовъ нѣтъ.

Анна Петр. Прочитай, Маша! Какіе секреты! Я его объ дѣлѣ просила. Вотъ женское-то дѣло: вѣдь и жаль безпокоить Платона-то Маркыча—старый человѣкъ, а дѣлать нечего.

Марья Андр. *(читаетъ)*. «Ваше Высокоблагородіе, милостивая государыня, Анна Петровна! Честь имѣю васъ увѣдомить, что всѣ порученія ваши я исполнилъ въ точности и съ удовольствіемъ, я впредь прошу васъ таковыя возлагать на меня. При семъ посылаю вамъ вѣдомости вчерашняго числа. На счетъ того пункта, о которомъ вы меня просили, я въ названномъ вами присутственномъ мѣстѣ былъ: холостыхъ чиновниковъ для Марьи Андреевны достойныхъ нѣтъ; есть одинъ; но я сомнѣваюсь, чтобъ оный вамъ понравился, ибо очень великъ ростомъ,—весьма много больше обыкновеннаго, и рябой... *(Смотритъ съ умоляющимъ видомъ)*. Маменька!

Анна Петр. Читай, читай.

Марья Андр. «Но, по справкамъ моимъ отъ секретаря и прочихъ его сослуживцевъ, оказался нравственности хорошей и непьющій, что, какъ мнѣ извѣстно, вамъ весьма желательно. Не прикажете ли посмотрѣть въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ, что и будетъ мною исполнено съ величайшимъ удовольствіемъ. Дѣло ваше по случаю упущеній съ вашей стороны, приняло дурной оборотъ; но вы, сударыня, не извольте безпокоиться: ибо я нашелъ весьма знающаго человѣка, который можетъ онымъ дѣломъ руководствовать. О прочемъ буду имѣть честь объяснить вамъ при личномъ свиданіи. Остаюсь, всегда готовый къ услугамъ, Платонъ Добротворскій». Что это вы, маменька, дѣлаете? Посылаете Платона Маркыча по присутственнымъ мѣстамъ жениховъ искать! И ни слова объ этомъ не скажете; это ужъ обидно даже. *(Садится къ пяльцамъ)*.

Анна Петр. Никакой тутъ обиды нѣтъ! Я вѣдь тебя не принуждаю; за кого хочешь, за того и пойдешь. А это мой долгъ тебѣ жениха найти. *(Мальчику)*. Кланяйся, милый, Платону Маркычу; скажи, что приказали благодарить; слава Богу, молъ здоровы.

Мальч. Слушаю-съ.

Анна Петр. Поди сюда, я тебѣ дамъ записочку Платону Маркычу. *(Уходятъ)*.

Островскій. (Бѣдная невѣста; д. I, явл. 3).

Городничій. Я какъ будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы. Право, этакихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины! пришли, понюхали—и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго вы, Артемій Филиповичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: «Любезный другъ, кумъ и благодѣтель» *(бормочетъ въ полголоса, пробѣгая скоро глазами)*... и увѣдомить тебя.» А, вотъ: «спѣшу, между прочимъ, увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ *(значительно поднимаетъ палецъ вверхъ)*. Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляетъ себя частнымъ лицомъ. Такъ-какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки...» *(Остановясь)*, ну, здѣсь свои...» то совѣтую тебѣ взять предосторожность: ибо онъ можетъ пріѣхать во всякій часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ нибудь инкогнито... Вчерашняго дня... «Ну тутъ ужъ пошли дѣла семейныя:» сестра Анна Кириловна пріѣхала къ намъ со своимъ мужемъ; Иванъ Кириловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрыпкѣ... «и прочее и прочее. Такъ вотъ какое обстоятельство!»

Гоголь. Ревизоръ; д. I, явл. 1).

ТОНЪ ЛИРИЧЕСКІЙ.

(Удовольствіе, умиленіе).

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой;
Куда ни оглянусь—повсюду рожь густая!
Иду—съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной,
И колютъ мнѣ лицо... Иду я, наклоняясь,
Какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.
О Божья благодать!... о, какъ прилечь отрадно
Мнѣ въ тѣнь высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я—на всемъ полей просторѣ
И жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
Вонъ—на зарѣ стучатъ проворные цѣпы;
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана и меда;
Вездѣ скрыпятъ возы; средь шумнаго народа
На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки
Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая,
И длинной бичевой по влагѣ ударяя—
О Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай—дары святые неба;
Но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣяла весна,
И, непогодами несгубленныя, зерна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно:
О, дай намъ солнышка! пошли Ты ведра намъ,
Чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ!
Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, стариками
Придти на пышныя ихъ нивы подышать,
И, позабывъ, что ихъ мы полили слезами,
Промолвить: «Господи! какая благодать»!

А. Майковъ. (Нива).

(Умиленіе, восторгъ любви).

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.
Въ томленьи грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжный,
И снились милыя мечты.
Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черты.
Въ глуши, во мракѣ заточенья,
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.
Душѣ настало пробужденье:
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.
И сердце бьется въ упоеньѣ,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь!

Пушкинъ.

(Скорбь любви).

Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.
Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала,
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.

Ты говорила: въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.
Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой,
Исчезъ и поцѣлуй свиданья...
Но жду его: онъ за тобой!...

Пушкинъ.

(Молитва).

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
Не о спасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью, иль покаяніемъ.
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника въ свѣтѣ безроднаго,—
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой заступницѣ міра холоднаго.
Окружи счастіемъ душу достойную,
Дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу не-злобному миръ упованія.
Срокъ-ли приблизится часу прощальному
Въ утро-ли шумное, въ ночь ли безгласную,
Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела душу прекрасную.

Лермонтовъ.

(Печаль, горе, тоска, уныніе, отчаяніе).

Бонниваръ. О Боже! Боже! Страшно зрѣть,
Какъ силится преодолѣть
Смерть человѣка. Я видалъ,
Какъ ратникъ въ полѣ погибалъ;
Я видѣлъ, какъ пловецъ тонулъ
Съ доской, къ которой онъ прильнулъ,
Съ надеждой гибнущей своей.

Я зрѣлъ, какъ издыхалъ злодѣй
Съ свирѣпой дикостью въ чертахъ,
Съ богохуленьемъ на устахъ
Пока ихъ смерть не заперла;
Но тамъ былъ страхъ, здѣсь скорбь была
Болѣзнь глубокая души.
Смиреннымъ ангеломъ въ тиши
Онъ гасъ столь кротко молчаливъ,
Столь безнадежно терпѣливъ,
Столь грустно-томенъ, нѣжно-тихъ;
Безъ слезъ, лишь помня о своихъ
И обо мнѣ... увы, онъ гасъ,
Какъ радуга, плѣняя насъ,
Прекрасно гаснетъ въ небесахъ.
Ни вздоха скорби на устахъ,
Ни ропота на жребій свой;
Лишь слово изрѣдка со мной
О нашихъ прошлыхъ временахъ,
О лучшихъ будущаго дняхъ,
Объ упованьи... Но объятъ
Сей тратой, горшею изъ тратъ,
Я былъ въ свирѣпомъ забытьи.
Вотще, кончаясь, онъ свои
Страданья смертныя скрывалъ...
Вдругъ тише, трепетнѣе сталъ дышать
И вдругъ умолкнулъ онъ...
Молчаньемъ страшнымъ пробужденъ,
Я вслушиваюсь... тишина!
Кричу, какъ бѣшеный... стѣна
Откликнулась... и умеръ гулъ!
Я цѣпь отчаянно рванулъ
И вырвалъ... къ брату... брата нѣтъ!
Онъ, на столбѣ, какъ вешній цвѣтъ,
Убитый хладомъ, предо мной
Висѣлъ съ поникшей головой.
Я руку тихую поднялъ;
Я чувствовалъ, какъ исчезалъ
Въ ней слѣдъ послѣдней теплоты;
И мнилося, были отняты
Всѣ силы у души моей,
Все страшно вдругъ сперлося въ ней.
Я дико по тюрьмѣ бродилъ,
Но въ ней покой ужасный былъ;
Лишь вѣяло отъ стѣны сырой
Какой-то холодъ гробовой.

И взоръ на мертваго вперивъ,
Я зналъ лишь смутно, что я живъ.
О, сколько муки въ знаньи томъ,
Когда мы тутъ же узнаемъ,
Что милому уже не жить.
И могъ сей мигъ я пережить!
Не знаю: вѣра-ль то была,
Иль хладность къ жизни жизнь спасла?
Но что потомъ сбылось со мной,
Не помню... свѣтъ казался тьмой,
Тьма свѣтомъ; воздухъ исчезалъ
Въ оцепенѣніи стоялъ
Безъ памяти, безъ бытія,
Межъ камней хладнымъ камнемъ я;
И видѣлось, какъ въ тяжкомъ снѣ,
Все блѣднымъ, темнымъ, тусклымъ мнѣ;
Все въ мутную слилося тѣнь;
То не было: ни ночь, ни день,
Ни тяжкій свѣтъ тюрьмы моей
Столь ненавистный для очей;
То была тьма безъ темноты;
То была бездна пустоты
Безъ протяженья и границъ;
То были образы безъ лицъ;
То страшный міръ какой-то былъ
Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
Безъ промысла, безъ благъ и бѣдъ,
Ни жизнь, ни смерть—какъ сонъ гробовъ,
Какъ океанъ безъ береговъ,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и нѣмой...

Байронъ. (Шильонскій узникъ).

(Горе, отчаяніе).

Вырыта заступомъ яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая,
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла.

Что-же! Усни моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,
Только однимъ человѣкомъ убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна!...
Вотъ она слышится, пѣснь беззаботная:
Гостья погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается;
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише... о жизни покончен вопросъ;
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!

Никитинъ.

(Неудовольствіе, сожалѣніе).

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто, иль темно;
Межъ тѣмъ подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы;
Передъ опасностью позорно малодушны,
И передъ властію презрѣнные рабы...
Такъ тощій плодъ до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!
Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный,
Невѣріемъ подавленныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, боясь пресыщенья,
Мы лучшій сокъ на вѣки извлекли.
Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства—
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.

И ненавидимъ мы и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ легкомысленный, ребяческій развратъ,
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.
Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

Лермонтовъ. (Дума).

(Негодованіе).

Межъ тѣмъ, какъ Франція, среди рукоплесканій
И кликовъ радостныхъ, встрѣчаетъ хладный прахъ
Погибшаго давно среди нѣмыхъ страданій
Въ изгнаньи мрачномъ и въ цѣпяхъ.

Межъ тѣмъ, какъ міръ услужливой хвалою
Встрѣчаетъ поздняго раскаянья порывъ
И вздорная толпа, довольная собою,
Гордится, прошлое забывъ.

Негодованію и чувству давъ свободу,
Понявъ тщеславіе сихъ суетныхъ заботъ,
Мнѣ хочется сказать великому народу:
Ты жалкій и пустой народъ!

Ты жалокъ, потому что вѣра, слава, геній,
Все, все великое, священное земли
Съ насмѣшкою глупою ребяческихъ сомнѣній:
Тобой растоптано, въ пыли.

Изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемѣрья,
Изъ вольности—орудье палача,
И всѣ завѣтныя отцовскія повѣрья
Ты имъ рубилъ, рубилъ съ плеча.—

Ты погибалъ... и онъ явился съ строгимъ взоромъ,
Отмѣченный Божественнымъ перстомъ,
И признанъ за вождя всеобщимъ приговоромъ,
И ваша жизнь слилася въ немъ,—

И вы окрѣпли вновь въ тѣни его державы,
И міръ трепещущій въ безмолвіи взиралъ
На ризу чудную могущества и славы,
Которой васъ онъ одѣвалъ.

Одинъ,—онъ былъ вездѣ, холодный, неизмѣнный,
Отецъ сѣдыхъ дружинъ, любимый сынъ молвы,
Въ степяхъ Египетскихъ, у стѣнъ покорной Вѣны,
Въ снѣгахъ пылающей Москвы.

А вы что дѣлали, скажите, въ это время,
Когда въ поляхъ чужихъ онъ гордо погибалъ?
Вы потрясали власть, избранную, какъ бремя,
Точили въ темнотѣ кинжалъ!

Среди послѣднихъ битвъ, отчаянныхъ усилій,
Въ испугѣ не понявъ позора своего,
Какъ женщина, ему вы измѣнили
И, какъ рабы, вы предали его!

Лишенный правъ и мѣста гражданина,
Разбитый свой вѣнецъ онъ снялъ и бросилъ самъ,
И вамъ оставилъ онъ въ залогъ роднаго сына—
Вы сына выдали врагамъ.

Тогда, отяготивъ позорными цѣпями,
Героя увезли отъ плачущихъ дружинъ—
И на чужой скалѣ, за синими морями,
Забытый, онъ угасъ одинъ.

Одинъ, замученъ мщеніемъ безплоднымъ,
Безмолвною и гордою тоской,
И, какъ простой солдатъ, въ плащѣ своемъ походномъ
Зарытъ наемною рукой...

Но годы протекли, и вѣтренное племя
Кричитъ: «Подайте намъ священный этотъ прахъ!
Онъ нашъ; его теперь, великой жатвы сѣмя,
Зароемъ мы въ спасенныхъ имъ стѣнахъ»!

И возвратился онъ на родину. Безумно,
Какъ прежде, вкругъ него тѣснятся и бѣгутъ,
И въ пышный гробъ, среди столицы шумной,
Остатки тлѣнные кладутъ.

Желанье позднее увѣнчано успѣхомъ!
И краткій свой восторгъ смѣнивъ уже другимъ,
Гуляя, топчетъ ихъ съ самодовольнымъ смѣхомъ
Толпа, дрожавшая предъ нимъ!

И грустно мнѣ, когда подумаю, что нынѣ
Нарушена святая тишина
Вокругъ того, кто ждалъ въ своей пустынѣ
Такъ жадно, столько лѣтъ—спокойствія и сна!

И если духъ вождя примчится на свиданье
Съ гробницей новою, гдѣ прахъ его лежитъ,
Какое въ немъ негодованье
При этомъ видѣ закипитъ!
Какъ будетъ онъ жалѣть, печалію томимый,
О знойномъ островѣ подъ небомъ дальнихъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ непобѣдимый,
Какъ онъ великій, океанъ!

Лермонтовъ. (Послѣднее новоселье).

(Скорбь и озлобленіе).

Ѣду-ли ночью по улицѣ темной,
Бури заслушаюсь въ сумрачный день—
Другъ беззащитный, больной и бездомный,
Вдругъ предо мной промелькнетъ твоя тѣнь!
Сердце сожмется мучительной думой.
Съ дѣтства судьба не взлюбила тебя:
Бѣденъ и золъ былъ отецъ твой угрюмый,
За мужъ пошла ты—другаго любя.
Мужъ тебѣ выпалъ не добрый на долю:
Съ бѣшенымъ нравомъ, съ тяжелой рукой;
Не покорилась—ушла ты на волю,
Да не на радость сошлась и со мной...
Помнишь-ли день, какъ больной и голодный
Я унывалъ, выбивался изъ силъ?
Въ комнатѣ нашей пустой и холодной
Паръ отъ дыханья волнами ходилъ.
Помнишь-ли трубъ заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвѣтъ, полутьму?
Плакалъ твой сынъ, и холодныя руки
Ты согрѣвала дыханьемъ ему.
Онъ не смолкалъ—и пронзительно звонокъ
Былъ его крикъ... Становилось темнѣй;
Вдоволь поплакалъ и умеръ ребенокъ...
Бѣдная! слезъ безразсудныхъ не лей.
Съ горя да съ голоду завтра мы оба
Также глубоко и сладко заснемъ;
Купитъ хозяинъ съ проклятьемъ три гроба—
Вмѣстѣ свезутъ и положатъ рядкомъ...
Въ разныхъ углахъ мы сидѣли угрюмо.
Помню, была ты блѣдна и слаба,
Зрѣла въ тебѣ сокровенная дума,
Въ сердцѣ твоемъ совершалась борьба.

Я задремалъ. Ты ушла молчаливо,
Принарядившись, какъ будто къ вѣнцу,
И черезъ часъ принесла торопливо
Гробикъ ребенку и ужинъ отцу.
Голодъ мучительный мы утолили,
Въ комнатѣ темной зажгли огонекъ,
Сына одѣли и въ гробъ положили...
Случай насъ выручилъ? Богъ-ли помогъ?
Ты не спѣшила печальнымъ признаньемъ,
Я ничего не спросилъ,
Только мы оба глядѣли съ рыданьемъ,
Только угрюмъ и озлобленъ я былъ...
Гдѣ ты теперь? Съ нищетой горемычной
Злая тебя сокрушила борьба?
Или пошла ты дорогой обычной,
И роковая свершится судьба?
Кто-жъ защититъ тебя! Всѣ безъ изъятья
Именемъ страшнымъ тебя назовутъ,
Только во мнѣ шевельнутся проклятья—
И безполезно замрутъ!...

Некрасовъ.

ФИЗИЧЕСКІЯ ОЩУЩЕНІЯ.

(Вниманіе, всѣ виды).

Дѣйств. лица: Петръ Павловичъ, пожилой человѣкъ.
Марья Ивановна, жена его, пожилая дама.
Николай Петровичъ, сынъ его, лѣтъ 18-ти.
Людмила Петровна } дочери его, лѣтъ 16-ти.
Анна " } дочери его, " 19-ти.
Александръ Ивановичъ, женихъ Анны, лѣтъ 27-ми.

(*Всѣ входятъ*).

Ник. Петр. Подите сюда, господа! Maman, вы такъ любите красивое мѣстоположеніе, взгляните.

Марья Ив. Прелестно.

Людм. и Анна (*разсматривая*). Ахъ, очень хорошо, прелесть.

Алекс. Ив. Жаль, что со мной нѣтъ бумаги: срисовать бы этотъ пейзажъ вамъ въ альбомъ, Анна Петровна.

Анна Петр. Да, это было бы хорошо. Посмотрите, какъ хороша эта лощинка, просто декорація!

Марья Ив. Особенно при этомъ освѣщеніи. Я помню, разъ въ Ниццѣ...

Петръ Пав. (*перебивая ее*). Мнѣ памятно это мѣсто, я здѣсь бывалъ прежде. Въ этомъ лѣсу еще грибы собиралъ...

Людм. Петр. (*вглядываясь*). А это что такое? Домъ какой-то?

Ник. Петр. Да, только тамъ вѣрно никто не живетъ; посмотри-ка: окна заколочены досками.

Людм. Петр. Да, да, это странно.

Марья Ив. А что это такое? (*Подходятъ къ строенію*).

Ник. Петр. Это сѣнной сарай.

Людм. Петр. Тамъ никого нѣтъ?

Ник. Петр. (*смѣясь*). Нѣтъ есть... сѣно...

Людм. Петр. Какъ это глупо, братъ, я спросила такъ... а ты...

Алекс. Ив. А вотъ мы посмотримъ. (*Подходитъ къ сараю, осматриваетъ, отворяетъ дверь, заглядываетъ*). Никого нѣтъ.

Петр. Пав. (*смѣясь*). Что, нѣтъ разбойниковъ? (*Людмилѣ*). Ахъ ты трусиха: (*всѣмъ*). А знаете ли: въ этомъ домѣ, который теперь стоитъ пустой, произошло нѣсколько лѣтъ назадъ большое несчастіе...

Людм. и Анна. Несчастіе! какое? разскажите, папа.

Петръ Пав. (*высматривая*). Хорошо, только бы намъ сѣсть надо. Жарко.

Ник. Петр. Да вотъ здѣсь отлично; тѣнь, все видно.

Марья Петр. Pierre, только не сыро ли здѣсь?

Анна Петр. Нѣтъ, maman, здѣсь такъ хорошо. (*Садятся*).

Петръ Пав. Ну слушайте же. Лѣтъ пять тому назадъ этотъ домъ былъ далеко не въ такомъ видѣ. Теперь все запущено, онъ продается, да охотниковъ-то мало. Принадлежалъ этотъ домъ одному чиновнику, молодому, который и жилъ въ немъ лѣтомъ постоянно. У него была молодая жена (дѣвушкой я знавалъ ее), славная, живая такая была. Двое дѣтей у нихъ было: въ ту пору

мальчику было лѣтъ семь, а дѣвочкѣ еще года не было. Вышли у этого чиновника кое-какія непріятности по службѣ, начальникъ-то былъ крутенекъ, а чиновникъ молодъ. Подумалъ, подумалъ этотъ чиновникъ, да и рѣшилъ выйти въ отставку. Вышелъ. Живетъ себѣ; другаго мѣста нѣтъ, поиздержался, скучать сталъ. Къ этому подоспѣло другое. Изъ Саратова пришло письмо о смерти матери. Осталось ему небольшое наслѣдство — имѣніе; только чтобъ получить его надобно было самому ѣхать; были кое-какія претензіи долговыя. Подумалъ онъ: что здѣсь проживать? Мѣста нѣтъ, все дорого, продамъ домъ, да и уѣду къ себѣ на родину. Началъ искать покупщика. Счастье, повидимому, повезло...

Людм. Петр. Постойте-ка, папа.

Марья Ив. Что такое?

Людм. Петр. Вы ничего не слышите? Какъ будто кто стонетъ?

Всѣ (*прислушиваются*).

Ник. Петр. Ничего не слышно.

Алекс. Ив. Рѣшительно ничего.

Петръ Пав. Это тебѣ такъ послышалось. Вѣтеръ качаетъ деревья, а тебѣ кажется, что стонутъ.

Анна Петр. Разсказывайте дальше, папа, что случилось.

Петръ Пав. Вотъ задумалъ онъ продать домъ. И покупщика нашелъ, стараго пріятеля, богатаго человѣка. Сторговались, устроили дѣло. За хорошую цѣну продалъ, получилъ чекъ на всю сумму (это все равно, что деньги), и пригласилъ пріятеля закусить къ себѣ на дачу. Тотъ пріѣхалъ. Жена не ожидала мужа въ это время и мыла въ дѣтской въ корытѣ маленькую дочку. Мужъ засуетился; вынимая изъ кармана бумаги, выронилъ какъ-то чекъ и не замѣтилъ. А пріятель остался на дворѣ строеніе посмотрѣть. Пошелъ этотъ чиновникъ въ кухню распорядиться (прислуги была одна кухарка), да зашелъ въ дѣтскую поторопить жену. Возвращается онъ въ кабинетъ...

Людм. Петр. (*нѣсколько разъ оглядывавшаяся на сарай*). Опять, слышите?

Всѣ (*вздрагивая*). Что, что?

Людм. Петр. Да стукнулъ кто-то?

Марья Ив. (*Прислушиваясь*). Ничего не слышно. Не перебивай, Людмила.

Петръ Пав. Въ самомъ дѣлѣ, Людмила, какъ тебѣ не стыдно—ты всего на свѣтѣ боишься, тебѣ на каждомъ шагу мерещится что нибудь.

Людм. Петр. Извините, папа, мнѣ показалось...

Ник. Петр. Ну такъ что же? Чиновникъ возвращается въ кабинетъ...

Петръ Пав. Да, я забылъ вамъ сказать, что въ кабинетѣ кухарка только что затопила печку. Время было подъ осень. Вотъ входитъ онъ, да вдругъ и вспомнилъ про чекъ. Дай спрячу его отдѣльно въ бумажникъ. Отперъ бюро: бумаги тутъ, чека нѣтъ. Онъ искать туда, сюда; нѣтъ... А въ комнатѣ вертѣлся все это время его сынишка, бойкій, славный мальчикъ. — Не видалъ ли ты бумажки, Коля? спрашиваетъ отецъ.—Бумажка... это ты уронилъ, папа?—Ну да, гдѣ же она, ты взялъ ее?..—Я ее въ печку бросилъ, а она и сгорѣла, отвѣчаетъ мальчишка. Можете себѣ представить положеніе отца!..

Марья Ив. и Анна Петр. Ужасно!..

Петръ Пав. Несчастный, не помня себя, толкнулъ сына; тотъ ударился вискомъ объ уголъ стола и духъ вонъ...

Марья Ив. и Людм. Петр. Ахъ, Боже мой!

Петръ Пав. Это еще не все... Мальчикъ, падая, пронзительно закричалъ. Мать въ дѣтской услышала; инстинктивно чувствуя, что сынъ ея въ опасности, бросилась она въ кабинетъ; видитъ, что сынъ ея на полу,—страшно испугалась, упала въ обморокъ. Отецъ былъ, какъ одурѣлый, съ мѣста не могъ встать. Тутъ пришелъ пріятель. Ничего не понимая, началъ онъ приводить мать въ чувство, звать на помощь... Покамѣстъ возились, прошло минутъ десять. Спохватилась наконецъ кухарка, что ребенокъ одинъ оставленъ въ дѣтской въ корытѣ. Бросились съ матерью туда: ребенокъ захлебнулся...

Общій крикъ ужаса. Ахъ!..

Людм. Петр. (*вскрикивая*). Нѣтъ, теперь ужъ вѣрно; тамъ кто-то есть!.. (*Показываетъ на сарай*).

Всѣ (*невольно устремляютъ глаза по указанному направленію*).

Ник. Петр. Дѣйствительно, кто-то тамъ возится, я пойду, посмотрю, (*встаетъ*).

(*Въ это время дверь сарая отворяется, на порогѣ показывается человѣкъ въ оборванномъ костюмѣ съ дикимъ выраженіемъ лица и медленно приближается къ разговаривающимъ. Дѣвицы вскрикиваютъ; всѣ неподвижно смотрятъ на него*).

Петръ Пав. Боже мой! Это, онъ самый и есть! Онъ убѣжалъ...

Человѣкъ (*останавливаясь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ сидящихъ и дико смотря на нихъ, бормочетъ*). Бумажка!.. Бумажка!.. Вы не видали бумажки?.. (*наклоняется ищетъ на землѣ и удаляется. Всѣ смотрятъ внимательно ему вслѣдъ*).

Людм. Петр. Вотъ видите, папа, я не даромъ боялась.

Марья Ив. Несчастный! Какъ же его пускаютъ одного?..

Петръ Пав. Онъ содержался въ больницѣ, да убѣжалъ вѣрно.

Алекс. Ив. А что случилось съ женой; тоже помѣшалась?..

Петръ Пав. Нѣтъ, она черезъ недѣлю умерла. Да... Вотъ какія несчастія бываютъ на свѣтѣ!..

***

(Вниманіе, слушаніе, любопытство).

Никита. Народу много идетъ къ празднику-то?

Романъ. Много! А ты, старецъ, тоже къ угоднику?

Странникъ. Къ угоднику.

Романъ. Издалеча?

Странникъ. Дальній. Въ первóй отъ роду въ вашихъ мѣстахъ. Въ Кіевѣ былъ, у Соловецкихъ чудотворцевъ два раза сподобился, по окіянъ-рѣкѣ плавалъ.

Пашка. А людоѣдовъ ты видалъ ли? говорятъ, въ той сторонѣ людоѣды живутъ.

Странница. Какъ ихъ не видать!—я видѣла.

Пашка. Что же, они, тетушка, одноглазые!

Странникъ. Одноглазые.

Пашка. За что же они людей-то жрутъ? Али ты, можетъ, врешь?

Странница. Что жъ намъ врать, мірской человѣкъ, врать намъ нечего. И въ книжкахъ есть этому описаніе; коли ты грамотный—въ книжкахъ прочитай. Потому какъ они одноглазые, и по ихнему закону все можно.

Никита. Привелъ бы Богъ пораньше уѣхать: балуютъ у насъ по дорогѣ-то.

Романъ. Шалятъ. Дорога у насъ бойкая, баловства много. А ежели въ сумерки, мимо Жукова оврага и не ѣзди—обчистятъ, потому мѣсто оченно глухое. Намедни туда все село ворошили смотрѣть; одного за убивство наказывали; въ семи душахъ повинился... Начальству сталъ въ ноги кланяться—не помиловали, наказанье великое было.

Никита. За что миловать!

Романъ. Потому кровь христіанскую проливалъ, а вѣдь она, извѣстно, кровь-то христіанская, вопіетъ.

Никита. Вопіетъ! Ежели душу загубилъ, — конечно!

Кухарка (*ставитъ на столъ ужинъ*). Ну, господа честные, пожалуйте. Садись, матушка... Садись, старичекъ почтенный... Пріятнаго вамъ апетиту. (*Всѣ садятся за столъ*).

Никита. Я вотъ буду сказывать, а ты слушай, каковы эти люди есть.

Кухарка (*садясь рядомъ съ Никитой*). Сказывай, батюшка, сказывай. Люблю я старинныхъ-то людей слушать.

Никита. Въ Озеркахъ у насъ, у покойника дѣдушки, станція была. Мнѣ тогда годовъ двадцать было. Ночью, какъ теперь помню, подъ самое подъ воскресенье, пришолъ къ намъ на дворъ тарантасъ съ купцомъ на сдаточныхъ. Моя череда была. Смерть ѣхать не хотца. Я купцу-то и говорю: переночуйте, говорю, ваша милость: оченно темно, овраги у насъ тутъ, въ тарантасѣ ѣхать неспособно. Нѣтъ, говоритъ, я и такъ на ярманкѣ за-

мѣшкался... Трогай! Господи благослови! Съѣхали мы со двора-то—зги Божьей не видать! — Ваше степенство, говорю: воля милости вашей, а ѣхать намъ страшно, обождемъ до свѣту. Ступай, ступай, говоритъ. Верстъ пять проѣхали—ничего. Какъ въѣхали въ Легковской лѣсъ, и купецъ мой испужался. Не заплутайся, говоритъ: темно. — Богъ милостивъ, говорю: коли поѣхали, надо ѣхать. Ѣдемъ мы лѣсомъ-то, смотрю, ровно бы огонекъ показался, такъ махонькой...

Бубенъ. Волкъ, должно.

Никита. Погоди! Ваше степенство, говорю: вы ничего не видите? Нѣтъ, говоритъ, а что?—Огонекъ, говорю, въ лѣсу показался... сумнительно мнѣ оченно. Чтожъ ты, говоритъ, сумлѣваешься?—Да такъ, говорю: не лихой ли человѣкъ насъ съ тобою дожидается? Сотвори, говоритъ, молитву. Творю это я молитву, а огонекъ этотъ опять. Видѣлъ, говоритъ, братецъ, и я.

Кухарка. Это купецъ-то?

Никита. Купецъ-то. Душу свою, говорю, намъ-бы здѣсь не оставить. Что ты, говоритъ, дуракъ, меня пужаешь? Кому наша душа нужна!.. Садись, говорю, сударь, со мной на козлы—не такъ жутко будетъ. Сѣлъ онъ со мной рядомъ, а самъ ровно-бы вотъ листъ трясется. Чего же вы такъ, ваша милость, говорю: робѣть намъ нéчего! Коли ежели чтó—насъ двое. А у самаго, братецъ мой, духъ захватило, руки отымаются.

Пашка. Тетушка Алена, плесни еще щецъ-то. Щи-то нонѣ у тебя жирныя, облопаешься. (*Кухарка поспѣшно наливаетъ щей и садится*).

Никита. Ѣхали мы, ѣхали, — слышу: съ правой стороны ровно-бы окрикнулъ кто. Такъ у меня подъ сердце и подкатило! Я къ купцу: ваше степенство, говорю, мы попали! Что ты, говоритъ, милый человѣкъ!—Вѣрно, говорю... Подобралъ возжи, да и думаю: всю тройку зарѣжу, а въ руки не дамся. Только хотѣлъ кнутомъ-то... Стой!... Двое повисли на пристяжныхъ, да такъ всю тройку и осадили, а одинъ подошелъ къ тарантасу: аль больно скоро нужно? говоритъ.—Скоро, говорю. Съ ярманки, что-ли? — Какіе вы такіе люди есть, говорю, коли вамъ знать

требуется? А далеча-ли вамъ ѣхать-то?—Далеча. Мы, говоритъ, къ вамъ на устрѣтъ вышли... мѣсто здѣсь больно глухое... А купецъ мой и языкомъ владѣть пересталъ.

Бубенъ. Оробѣлъ!

Романъ. Какъ, батюшка, не оробѣть: оробѣешь. Ну!..

Никита. Только, братецъ мой, смотрю: лѣвую пристяжную ужъ отпрягли. Выскочилъ я изъ тарантаса-то, да хотѣлъ за лошадь-то уцѣпиться, какъ онъ меня хлясь?...

Кухарка (*взвизгиваетъ, какъ будто ее самое ударили*).

Никита. Такъ я и покатился!.. Въ глазахъ огни пошли... Слышу: и купецъ мой застоналъ, и такъ этотъ купецъ застоналъ—нутреная моя вся поворотилась... а опосля ужъ ничего и не помню...

Пашка. Чѣмъ же онъ тебя съѣздилъ-то — струментомъ какимъ, аль такъ?

Никита. Надо полагать, закладкой.

Бубенъ. Закладкой—бѣда! Меня разъ въ Москвѣ на стѣнкѣ закладкой тоже приложилъ, такъ я годъ въ больницѣ вылежалъ, кажинный день помирать изготовлялся, насилу отдыхалъ.

Кухарка. Какъ же ты, батюшка, очнулся то?

Никита. Очнулся-то ужъ я въ лѣсу: съ дороги-то они насъ въ лѣсъ сволокли. Утренничкомъ меня прохватило, ровно бы маленько я и очувствовался. Хочу головушку поднять—моченьки моей нѣту. Сталъ купца обзывать: господинъ купецъ, господинъ купецъ! А купецъ мой ничуть. Доползъ я къ нему, а ужъ онъ Богу душу отдалъ и лица на немъ распознать нельзя. (*Кухарка утираетъ слезы*). Ну, думаю, и мнѣ, должно, въ дремучемъ лѣсу помирать надо; въ остальной разъ хошь Богу помолюсь за родителевъ. Уцѣпился за дерево, всталъ, да опять, ровно снопъ, ударился. Въ полдни кое-какъ выползъ на дорогу-то; гляжу: тарантасъ мой въ канаву спихнули и кожу съ его всю ободрали...

Романъ. А домой какъ ты попалъ, батюшка?

Никита. Проѣзжій одинъ баринъ доставилъ.

Горбуновъ. (Постоялый дворъ).

(Вниманіе, изумленіе, недоумѣніе, догадка, колебаніе, рѣшимость).

Максъ (*садится*). Займусь ея контрактомъ... Что это за бумаги? (*Открываетъ портфель и пробѣгаетъ разныя бумаги*). Ничего нѣтъ новаго... крѣпостные акты... описанія помѣстій, дачъ и пустошей... планы... (*Останавливается*). «Моимъ дѣтямъ»... (*вдругъ пораженный*). Моя фамилія! Что это значитъ? Фамилія моего отца!... (*Бистро схватываетъ одну бумагу и скоро читаетъ*). «Адмиралъ Жакъ де Шансе»... мой дѣдъ... да... на Антильскихъ островахъ... въ Сенъ Луи... у насъ въ то время были тамъ огромныя помѣстья, и я помню... да... управляющій у насъ былъ тамъ нѣкто Ларокъ!—но онъ погибъ со своимъ сыномъ въ ту самую ночь, когда адмиралъ, дѣдъ мой, взорвалъ себя на воздухъ вмѣстѣ съ кораблемъ... Посмотримъ... (*Читаетъ*). «При началѣ военныхъ дѣйствій, всѣ господскія плантаціи были проданы отцомъ моимъ»... Его отцомъ!... Этотъ старикъ, стало быть... (*Читаетъ*). «Ночью мы получили приказъ догнать купеческую флотилію, которую долженъ былъ сопровождать до Франціи фрегатъ подъ начальствомъ адмирала де Шансе!!! На пути мы попались Англійскому крейсеру... отецъ мой былъ—убитъ, защищаясь... а мнѣ дали на выборъ или быть разстрѣляннымъ, или открыть то мѣсто, куда укрылся фрегатъ и флотилія. Въ награду за измѣну мнѣ предоставляли деньги, вырученныя отъ проданныхъ имѣній... деньги, которыя я везъ маркизу!... «Боже мой»! «Я былъ такъ молодъ, почти ребенокъ... проклятое золото искусило меня... и черезъ часъ маркизъ де Шансе былъ окруженъ непріятелемъ... и чтобы не отдасться въ плѣнъ, взлетѣлъ на воздухъ! «Презрѣнный»!!! А потомъ угрызенія совѣсти... да... Господу извѣстно, что потомъ я омылъ вражьей кровью мое преступленіе и безчестіе, мною же нанесенное французскому флагу... Онъ утаилъ деньги, цѣну крови... и чтобъ не краснѣть предъ своими дѣтьми, онъ скрылъ отъ нихъ... Провидѣніе! Такъ, стало быть, я здѣсь хозяинъ! (*встаетъ. Горячо*). Такъ все это—мое достояніе!... Довольно я страдалъ... довольно

принесъ оскорбленій!,.. Вѣдь наконецъ я тоже человѣкъ! Вѣдь въ этомъ сердцѣ, которое они хотятъ раздавить, течетъ не вода, а кровь... Онѣ это узнаютъ!... И этотъ самолюбивый ребенокъ... онъ въ свою очередь испытаетъ униженіе! Ея гордая головка погнется подъ тяжестью стыда!... Она женщина, такъ; но теперь у нея есть защитникъ... Ну что жъ! тѣмъ лучше! Пусть онъ ее и защищаетъ! (*Дверь налѣво отворяется; слышенъ голосъ Маргариты, которая говоритъ: «я иду, maman»*)! Ахъ, Боже! (*Маргарита является и мертвенно проходитъ по сценѣ, смотря съ упрекомъ на Макса. Рѣшимость Макса падаетъ при этомъ взглядѣ; Маргарита уходитъ въ глубину направо. Нѣсколько секундъ молчанія*). Нѣтъ, никогда! Я не хочу, чтобъ она краснѣла передо мною! Эта тайна, эта ужасная тайна принадлежитъ мнѣ одному... старикъ почти ужъ въ могилѣ... и не можетъ открыть ее... такъ пусть же она и умретъ съ нимъ! (*Бросаетъ бумагу въ пламя бразеро*). Матушка! если моя вина противъ тебя не вполнѣ искуплена, прими и эту послѣднюю жертву! Я приношу ее тебѣ... (*Тяжело вздыхаетъ, отираетъ платкомъ лобъ*). Ну! теперь все кончено... уйдемъ отсюда!...

О. Фелье. (Управитель, д. IV, явл. 10).

(Любопытство, вниманіе).

Бобчинскій и Добчинскій, (*оба входятъ, запыхавшись*).

Бобч. Чрезвычайное происшествіе!

Добч. Неожиданное извѣстіе!

Всѣ. Что, что такое?

Бобч. Непредвидѣнное дѣло: приходимъ въ гостинницу...

Бобч. (*перебивая*). Приходимъ съ Петромъ Ивановичемъ въ гостинницу...

Добч. (*перебивая*). Э, позвольте, Петръ Ивановичъ, я разскажу.

Бобч. Э, нѣтъ, позвольте ужъ я... позвольте, позвольте... вы ужъ и слога такого не имѣете...

Добч. А вы собьетесь и не припомните всего.

Бобч. Припомню, ей Богу, припомню. Ужъ не мѣшайте; пусть я разскажу, не мѣшайте! Скажите, господа, сдѣлайте милость, чтобъ Петръ Ивановичъ не мѣшалъ.

Городничій. Да говорите, ради Бога, что такое? У меня сердце не на мѣстѣ. Садитесь, господа! возьмите стулья! Петръ Ивановичъ, вотъ вамъ стулъ. (*Всѣ усаживаются вокругъ обоихъ Петровъ Ивановичей*), Ну что, что такое?

Бобч. Позвольте, позвольте: я все по порядку. Какъ только имѣлъ я удовольствіе выйти отъ васъ послѣ того, какъ вы изволили смутиться полученнымъ письмомъ, да-съ, такъ я тогда же забѣжалъ... ужъ пожалуйста не перебивайте, Петръ Ивановичъ! Я ужъ все, все, все знаю-съ. Такъ я, вотъ извольте видѣть, забѣжалъ къ Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотилъ къ Растаковскому, а не заставши Растаковскаго, зашелъ вотъ къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да идучи оттуда, встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ...

Добч. (*перебивая*). Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги.

Бобч. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги. Да, встрѣтившись съ Петромъ Ивановичемъ и говорю ему: слышали ли вы о новости, которую получилъ Антонъ Антоновичъ изъ достовѣрнаго письма? А Петръ Ивановичъ ужъ слышалъ объ этомъ отъ ключницы вашей Авдотьи, которая, не знаю зачѣмъ то, была послана къ Филиппу Антоновичу Почечуеву.

Добч. (*перебивая*). За боченкомъ для французской водки.

Бобч. (*отводя его руки*). За боченкомъ для французской водки. Вотъ мы пришли съ Петромъ Ивановичемъ къ Почечуеву... Ужъ вы, Петръ Ивановичъ... энтого... не перебивайте, пожалуйста не перебивайте! Пошли къ Почечуеву, да на дорогѣ Петръ Ивановичъ говоритъ: «Зайдемъ», говоритъ, «въ трактиръ». Въ желудкѣ то у меня... съ утра я ничего не ѣлъ, такъ желудочное трясеніе... «Да-съ, въ желудкѣ то у Петра Ивановича... «А въ трактиръ», говоритъ, «привезли теперь свѣжей семги, такъ мы закусимъ». Только что мы въ гостинницу, какъ вдругъ молодой человѣкъ...

Добч. (*перебивая*). Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ....

Бобч. Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ, ходитъ этакъ по комнатѣ, и въ лицѣ этакое разсужденіе... физіономія... поступки и здѣсь (*вертитъ рукою около лба*) много, много всего. Я будто предчувствовалъ и говорю Петру Ивановичу: «Здѣсь что нибудь не спроста-съ». Да. А Петръ-то Ивановичъ ужъ мигнулъ пальцемъ и подозвали трактирщика-съ, трактирщика Власа—у него жена три недѣли назадъ тому родила и такой пребойкій мальчикъ, будетъ также, какъ и отецъ, содержать трактиръ. Подозвавши Власа, Петръ Ивановичъ и спроси его потихоньку: «Кто», говоритъ, «этотъ молодой человѣкъ»? а Власъ и отвѣчаетъ на это: «Это», говоритъ... Э, не перебивайте Петръ Ивановичъ, пожалуйста, не перебивайте, вы не разскажете, ей Богу, не разскажете: вы пришепетываете, у васъ, я знаю, одинъ зубъ во рту со свистомъ... «Это», говоритъ, «молодой человѣкъ, чиновникъ», да-съ, «ѣдущій изъ Петербурга, а по фамиліи», говоритъ, «Иванъ Александровичъ Хлестаковъ-съ, а ѣдетъ», говоритъ «въ Саратовскую, губернію», говоритъ, «престранно себя аттестуетъ: другую ужъ недѣлю живетъ, изъ трактира не ѣдетъ, забираетъ всё на счетъ и ни копѣйки не хочетъ платить». Какъ сказалъ онъ мнѣ это, а меня такъ вотъ свыше и вразумило. «Э»! говорю я Петру Ивановичу...

Добч. Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это я сказалъ «э»!

Бобч. Сначала вы сказали, а потомъ и я сказалъ. «Э»! сказали мы съ Петромъ Ивановичемъ. «А съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ въ Саратовскую губернію»? — Да-съ. А вотъ онъ-то и есть этотъ чиновникъ.

Гор. Кто, какой чиновникъ?

Бобч. Чиновникъ-то, о которомъ изволили получить нотацію—ревизоръ.

Гор. (*въ страхѣ*). Что вы, Господь съ вами! это не онъ.

Добч. Онъ! и денегъ не платитъ, и не ѣдетъ. Кому же быть, какъ не ему? И подорожная прописана въ Саратовъ.

Бобч. Онъ, онъ, ей Богу онъ... Такой наблюдательный: все

осмотрѣлъ. Увидѣлъ, что мы съ Петромъ Ивановичемъ ѣли семгу — больше потому, что Петръ Ивановичъ на счетъ своего желудка... да, — такъ онъ и въ тарелки къ намъ заглянулъ. Меня такъ и проняло страхомъ.

Гор. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ. Гдѣ же онъ тамъ живетъ?

Добч. Въ пятомъ нумерѣ, подъ лѣстницей.

Бобч. Въ томъ самомъ нумерѣ, гдѣ прошлаго года подрались проѣзжіе офицеры.

Гор. И давно онъ здѣсь?

Добч. А недѣли двѣ ужъ. Пріѣхалъ на Василья Египтянина.

Гор. Двѣ недѣли! (*въ сторону*). Батюшки, сватушки, выносите, святые угодники. Въ эти двѣ недѣли высѣчена унтеръ-офицерская жена! арестантамъ не выдавали провизіи. На улицахъ кабакъ, нечистота! Позоръ! поношенье (*хватается за голову*).

Гоголь. (Ревизоръ, д. I, явл. 3).

(Разсѣянность).

Рожковъ, Рожкова и Лиза (*выходятъ съ разныхъ сторонъ*).

Рожковъ (*безъ фрака*). А гдѣ это? (*Показываетъ Лизѣ, что онъ въ одномъ жилетѣ*).

Лиза. Что-съ?

Рожковъ (*подходя къ женѣ*). Что? (*Цѣлуя руку у жены*). Здравствуй, мамочка.

Рожкова (*садится разливать чай*). Bon jour. Ты вчера поздно воротился?

Рожковъ. Да; и вотъ по милости этой дуры, не знаю, когда выѣду изъ дому! Гдѣ мое платье?

Лиза. Какое платье?

Рожковъ. Она не знаетъ, какое платье! А это... что сверху то надѣвается... не знаешь? Изволь, я тебѣ растолкую: съ двумя рукавами, здѣсь пуговицы, и воротникъ, съ фалдами — понятно?

Лиза. Вы видно, баринъ, все еще принимаете меня за деревенскую дуру? Я знаю, что вамъ нужно фракъ...

Рожковъ. Да гдѣ-жъ онъ?

Лиза. А куда вы его вчера дѣвали?

Рожковъ. Дура. Я вчера изъ гостей пріѣхалъ въ сюртукѣ... Гдѣ же фракъ?

Лиза. Вспомнила! Онъ долженъ быть въ саду.

Рожковъ. Въ саду, фракъ?

Лиза. Да-съ; я вчера вынесла его туда, чтобъ выколотить пыль, да и забыла.

Рожковъ. Да всю ночь шелъ дождикъ...

Лиза (*спокойно*). Что-жъ сударь, дождикъ. Это полезно въ нынѣшнее время... у насъ, въ деревнѣ, чай, какая радость!

Рожковъ. Эта дѣвчонка полуумная какая-то!

Рожкова (*хохочетъ при послѣднихъ словахъ*). Да полно, оставь ее; я тебѣ налила чаю.

Рожковъ (*подходя къ столу, говоритъ Лизѣ*). Пошла, принеси скорѣй! (*хочетъ сѣсть и видитъ опрокинутый стулъ*). Постой! Какъ я сяду? Научи меня, какъ сѣсть?...

Лиза (*не видя упавшаго стула*). Что это, сударь, будто вы не знаете, какъ люди садятся? это и маленькіе сами умѣютъ!

Рожкова. Пошла вонъ! Ты забываешься...

Рожковъ. Нѣтъ, мамочка, я хочу ей втолковать, вбить ей въ башку... Ну, смотри, какъ же я сяду, когда стулъ вверхъ ногами лежитъ?..

Лиза (*поднимая стулъ*). Такъ бы и сказали! Кто это его уронилъ? Я приготовила чай, поставила стулья на мѣсто...

Рожковъ (*садясь*). Пошла-же за фракомъ!

Лиза (*идя къ средней двери*). Ахъ, да... я было и забыла...

Рожкова. Постой; а гдѣ мой шарло?

Лиза (*подходя*). Какой шарло-съ?

Рожковъ. Она и этого не понимаетъ! Барынина собака! Мимишка?

Лиза. Собака?

Рожковъ. Поди сюда! Знаешь-ли ты наконецъ, что значитъ

собака? (*Крича*). Собака—маленькое животное, сверху и снизу и со всѣхъ сторонъ покрытое шерстью.... съ длинными ушами и съ маленькимъ хвостикомъ...

Лиза (*смѣясь*). Ха, ха, ха! Еще бы этого не знать! У насъ и пѣсня есть: «она ростомъ невеличка, хвостикъ закорючкой»...

Рожкова (*мужу*). Перестаньте вы съ ней болтать глупости. (*Лизѣ*). Я тебя спрашиваю, гдѣ она? я все утро ее не видѣла...

Рожковъ. И я тоже...

Лиза. Да и я тоже... ахъ, нѣтъ, позвольте, я видѣла, какъ она утромъ валялась по травѣ, а потомъ бросилась къ садовой кадкѣ; но какъ у нея голова больше остальной части тѣла, то она съ головой и остальной частью бултыхъ...

Рожкова (*вскочивъ въ испугѣ*). Упала въ воду! утонула...

Рожковъ (*тоже вскочивъ*). То есть потонула?

Лиза (*спокойно*). Ничего-съ, вѣдь очень жарко... нынче всѣ купаются...

Рожковъ (*бѣжитъ къ Лизѣ*). Я утоплю эту дѣвку.

Лиза (*бѣжитъ отъ него и, остановясь въ среднихъ дверяхъ, говоритъ*). Да не безпокойтесь, не сердитесь и не бойтесь, глядите, вонъ она въ саду сушится на солнышкѣ... (*щелкая губами и маня рукой*). Мимишка! Мимишечка! Посмотрите, какъ она развалилась на вашемъ платьѣ... (*Снова приманиваетъ*).

Рожковъ. На моемъ фракѣ? (*дразня ее*), а ты губами чмокаешь.

Рожковъ. Принеси Мими.

Рожковъ. Да кстати и фракъ захвати. (*Крича ей вслѣдъ*). Турну, турну! (*Лиза уходитъ*).

Н. Крестовскій. (Средство выгонять волокитъ, явл. 2).

(Скука, съ оттѣнкомъ печали).

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?...
Цѣли нѣтъ передо мною
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучной жизни шумъ.

Пушкинъ. (26 мая 1828).

(Скука, съ оттѣнкомъ озлобленія).

И скучно и грустно и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды;
Желанья!... Что пользы напрасно и вѣчно желать?..
А годы проходятъ—все лучшіе годы!
Любить... но кого же? на время—не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно;
Въ себя ли заглянешь?—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...
Что страсти?—вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь—какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка.

Лермонтовъ.

(Изумленіе).

Юсовъ (*одинъ*). Что это за время такое! Что теперь на свѣтѣ дѣлается, глазамъ своимъ не повѣришь! Какъ жить на свѣтѣ! Мальчишки стали разговаривать! Кто разговариваетъ-то? Кто споритъ-то? Такъ, ничтожество! Дунулъ на него, фу! (*дуетъ*) вотъ и нѣтъ человѣка. Да еще съ кѣмъ споритъ-то!—Съ геніемъ! Аристархъ Владиміpычъ—геній...геній, Наполеонъ. Ума необъятнаго, быстрота, смѣлость въ дѣлахъ. Одного недостаетъ: въ законѣ не совсѣмъ твердъ, изъ другаго вѣдомства. Кабы Аристархъ Владиміровичъ, при его умѣ, да зналъ законы и всѣ порядки такъ, какъ его предшественникъ, ну и конецъ... конецъ... и разговаривать нечего. Поѣзжай за нимъ, какъ по желѣзной дорогѣ.

Такъ ухватись за него, да и ступай. И чины, и ордена, и всякія угодья, и дома, и деревни съ пустошами. Духъ захватываетъ!...

Островскій. (Доходное мѣсто, д. 1 явл. 13).

Расплюевъ. Вотъ видишь... (*Поправляетъ фракъ и дѣлаетъ жестъ пальцами*). Какъ взялъ онъ это дѣло себѣ въ голову, какъ взялъ онъ это дѣльцо, кинулъ такъ и этакъ... Ну, говоритъ, Расплюевъ, выручай. Я говорю, готовъ, Михайло Васильичъ, на все готовъ. Вотъ, говоритъ, что: прозакладывай ты, говоритъ, свою душу и достань мнѣ отъ Муромскихъ ихъ солитеръ, что я нынѣ, по осени, отдавалъ оправлять въ булавку; помнишь, говоритъ, вотъ по той модели, что у меня въ бюро валяется. Я такъ и задумался.

Ѳедоръ. Вы-то?

Расплюевъ. Да. Трудновато, говорю, трудновато. Однако, отправился и, какъ ястребъ какой, черезъ четверть часа тащу его на дворъ; вотъ, молъ, онъ, голубчикъ! Онъ, напримѣръ, беретъ его, и модель-то беретъ... слышишь, модель-то, по которой удѣлывали... да въ бумажникъ обѣ и запустилъ.

Ѳедоръ. Въ бумажникъ!...

Расплюевъ. Въ бумажникъ! Вѣдь воръ—человѣкъ; побрякушки не бросилъ... а?... а вотъ она и дѣло сдѣлала. Взялъ онъ ихъ, да прямо въ Киселевъ переулокъ, къ Никанору Савичу бацъ!... Денегъ, говоритъ, давай, жидъ, денегъ. Денегъ? какія у меня деньги? Денегъ нема. А подъ залогъ—ма? Подъ залогъ, говоритъ, ма. А сколько ты мнѣ, напримѣръ, говоритъ, дашь денегъ подъ это дѣтище?... Того такъ и шелохнуло, и ротъ розинулъ: загорѣлись глаза, лихорадка такъ и треплетъ. Туда, сюда, на стекло, на вѣски, вертитъ, пробуетъ... Ну, видитъ, вещь первая... Четыре... «Четыре!... Собачій ты, говоритъ, вѣдь она десять стоитъ... а?... Что ты дурака, что-ли, нашелъ? Подай назадъ, не хочу!... Тотъ разгорѣлся, изъ рукъ-то выпустить не можетъ; вырвалъ, да опять въ бумажникъ. Семь дашь? (*Пискливымъ голосомъ*). Нѣтъ, не могу—не могу; пять... Хочу семь!—Ни!—Ну! шесть!—Ни!—Ну, прощай да смотри, не поминай лихомъ. Мнѣ

Шпренгель восемь дастъ. Дрожитъ Хамъ, трепещетъ, взалкалъ волчьимъ-то горломъ; вѣдь хищникъ! Ухъ!... бери, говоритъ. По рукамъ, что-ли? По рукамъ!... Давай, говоритъ, сургучъ да коробку. «Какъ коробку? Да видимое дѣло, что коробку; мы туда его, голубчика, уложимъ собственноручно; а я, вотъ, печати наложу, такъ и сохранно будетъ, а тебѣ, говоритъ, Іуда, этакое сокровище, не дамъ... слышишь?... Ого!...

Θедоръ. Такъ, такъ, такъ! (*Киваетъ головой*).

Расплюевъ (*продолжаетъ*). Побѣжалъ перепелкою за коробкою; тащи, говоритъ, и деньги... Тащитъ и деньги. Вотъ, говоритъ, смотри! Вытянулъ изъ бумажника, да ужь не ту, а модель-то, модель... Вѣдь это что?... вертитъ ему въ глазахъ то... Вѣдь это Бразилія цѣлая... а...? Голконда... а?...

Θедоръ. О, Господи!

Расплюевъ (*съ жаромъ*). А у него глаза-то кровью, кровью-таки и налились! Разъ, два... бултыхнули въ коробку, наложили печати... Тотъ ему деньги; этотъ ему коробку... Пріѣхалъ, да какъ хлыснетъ мнѣ на столъ вотъ какую пачку!... На, говоритъ, получи, да Михайла Васильича помни!...

Θедоръ (*складывая руки*). Ахъ, ты, Господи!

(*Оба стоятъ въ благоговѣніи. Молчаніе*).

Расплюевъ (*въ необыкновенномъ духѣ*). Наполеонъ, говорю, Наполеонъ! великій богатырь, магъ и волшебникъ! Вотъ объѣхалъ, оболванилъ человѣка, на вѣки вѣчныя... человѣка? нѣтъ, ростовщика оболванилъ—и великую по себѣ память оставилъ.

Θедоръ (*разставивъ руки*). Ну, точно, обдѣлано дѣло. Господи! вотъ дѣло обдѣлано!

Сухово-Кобылинъ. (Свадьба Кречинскаго, д. III, явл. 1).

Гонерилья. Не только, сэръ, распущенный вашъ шутъ,
Но чуть не всѣ изъ вашей наглой свиты
Знай ссорятся, ругаются, шумятъ,
И буйству ихъ нѣтъ мѣры, ни предѣла.
Казалось мнѣ, довольно тутъ намека,
Чтобы дѣла по старому пошли,
Но, глядя какъ за дѣло вы взялися,

Серьезно я боюсь,—не сами-ль вы
Благословили ихъ на всѣ четыре...
Но если такъ,—нельзя же не помочь
Бѣдѣ и не встряхнуть сонливость вашу.
Будь все у насъ въ порядкѣ—рѣчь моя
Васъ оскорбить могла-бъ, но тутъ кругомъ
Позоръ—и кто-жъ въ ней не признаетъ смысла?

Шутъ. Вѣдь и тебѣ извѣстно, дядя,
Что зябликъ до тѣхъ поръ кукушку балуетъ
Пока ему дочка головку проклюетъ...
Да, свѣчка потухла, и мы осталися въ потьмахъ.

Лиръ. Дочь ли ты моя?

Гонерилья. Полноте, сэръ! Какъ бы я хотѣла, чтобы вы взялись за умъ, котораго было у васъ таки довольно!... Бросьте эти причуды: съ нѣкоторыхъ поръ онѣ изъ васъ сдѣлали совсѣмъ не то, что вы на самомъ дѣлѣ.

Шутъ. Смекаетъ ли оселъ, когда телѣга везетъ коня?
Браво, дядя, люблю тебя за удаль!

Лиръ. Есть кто нибудь здѣсь, который зналъ меня?
Нѣтъ, я не Лиръ!—Такъ развѣ ходитъ Лиръ?
Такъ говоритъ онъ? Гдѣ глаза его?
Потухъ въ немъ смыслъ? Окоченѣло чувство?
Что это сонъ?... не сонъ? О, вѣрно нѣтъ!...
Кто-жъ можетъ мнѣ сказать, кто я таковъ?

Шутъ. Тѣнь Лира.

Лиръ. Желалъ бы я дознать это,—иначе и знаки власти, и память, и смыслъ заставятъ меня по неволѣ вѣрить, что у меня есть дочери...

Шекспиръ. (Король Лиръ, д. I, сц. 4).

(Недоумѣніе).

Маниловъ. Но позвольте спросить васъ, какъ желаете вы купить крестьянъ: съ землею, или просто на выводъ, то есть, безъ земли?

Чичиковъ. Нѣтъ, я не то, чтобы совершенно крестьянъ, я желаю имѣть мертвыхъ...

Маниловъ. Какъ-съ? извините, я нѣсколько тугъ на ухо, мнѣ послышалось престранное слово...

Чичиковъ. Я полагаю пріобрѣсть мертвыхъ, которые впрочемъ значились бы по ревизіи, какъ живые.

(*Маниловъ съ разинутымъ ртомъ, роняетъ чубукъ и молча смотритъ во всѣ глаза на Чичикова*).

Чичиковъ. Мнѣ кажется, вы затрудняетесь?...

Маниловъ. Я?... нѣтъ, я не то... но я не могу постичь... извините... я, конечно, не могъ получить такаго блестящаго образованія, какое, такъ сказать, видно во всякомъ вашемъ движеніи; не имѣю высокаго искусства выражаться... Можетъ быть, здѣсь... въ этомъ, вами сейчасъ выраженномъ изъясненіи... скрыто другое... Можетъ вы изволили выразиться такъ для красоты слога?

Чичиковъ. Нѣтъ, нѣтъ, я разумѣю предметъ таковъ, какъ есть, то есть, тѣ души, которыя точно уже умерли.

(*Маниловъ растерялся и молчитъ*).

Чичиковъ. И такъ, если нѣтъ препятствій, то съ Богомъ можно бы приступить къ совершенію купчей крѣпости.

Маниловъ. Какъ, на мертвыя души купчую?

Чичиковъ. А, нѣтъ! Мы напишемъ, что они живы, такъ какъ стоитъ дѣйствительно въ ревизской сказкѣ. Я привыкъ ни въ чемъ не отступать отъ гражданскихъ законовъ; хотя за это я потерпѣлъ на службѣ, но ужъ извините: обязанность для меня дѣло священное, законъ—я нѣмѣю передъ закономъ.

(*Маниловъ молчитъ и насасываетъ чубукъ*).

Чичиковъ. Можетъ быть, вы имѣете какія нибудь сомнѣнія?

Маниловъ. О, помилуйте, ничуть! Я не на счетъ того говорю, чтобы имѣлъ какое нибудь, то есть критическое предосужденіе о васъ. Но позвольте доложить, не будетъ ли это предпріятіе, или, чтобъ еще болѣе, такъ сказать, выразиться, негоція,— такъ не будетъ ли эта негоція несоотвѣтствующею гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи... Такъ вы полагаете?...

Чичиковъ. Я полагаю, что это будетъ хорошо.

Маниловъ. А, если хорошо, это другое дѣло: я противъ этого ничего.

Гоголь. (Мертвыя души, ч. I, гл. 1).

(Ощущеніе жара).

(*Ничкина въ широкой блузѣ, Капочка, тоже, и Маланья входятъ*).

Ничкина. Какъ жарко! А пообѣдаешь, такъ еще пуще разморитъ... такъ разморитъ... разморинъ такой нападетъ, не глядѣла бъ ни на что! (*Садится на диванъ*).

Капочка. Давай, Милаша, споемъ.

Ничк. Ну васъ, и такъ жарко.

Кап. Мы, мамемька, потихоньку. (*Садится за рояль и запѣваетъ съ Маланьей: „Вотъ на пути село большое“. Немного погодя, Ничкина пристаетъ къ нимъ*).

Ничк. (*переставъ пѣть*). Бросьте, а то и меня взманили. Устала.

Кап. Что это, маменька, какъ вы капризны! Вдругъ на меня нашла фантазія пѣть, а вы не даете.

Ничк. Да, жарко, Капочка.

Кап. Въ другой разъ сами будете просить, а у меня фантазія не будетъ... Кто жъ виноватъ, что вамъ жарко. Это даже довольно странно съ вашей стороны.

Ничк. Ну ужъ ты!

Кап. Чѣмъ же мнѣ развлекаться прикажете? Кавалеровъ у насъ не бываетъ. Только и дѣлаемъ, что по цѣлымъ днямъ съ Малашей въ окно глядимъ. Вы, пожалуй, и этого не позволите.

Ничк. Дѣлай, что хочешь, только не тревожь ты меня. (*Устинька входитъ въ шляпкѣ*).

Уст. (*немного картавитъ*). Здравствуйте, Клеопатра Ивановна.

Ничк. Здравствуй, Устинька! Что жарко на дворѣ.

Уст. Жарко.

Ничк. Что это за наказанье!

Уст. Здравствуй, Капочка. (*Снимаетъ шляпку*). Сейчасъ видѣла твой предметъ, ходитъ по набережной въ забвеніи чувствъ.

Кап. Ахъ! одно сердце страдаетъ, а другое не знаетъ.

Уст. Что же, Клеопатра Ивановна, вы посылали къ нему Гавриловну?

Ничк. Да... вотъ... баловница я. И не надо-бъ мнѣ васъ слушать-то, а я послала нынче. Кто меня похвалитъ за это? Всякій умный человѣкъ заругаетъ. Да вотъ пристала, ну я, по слабости, и послушалась. Кто его знаетъ, какой онъ тамъ! Придетъ въ домъ... какъ женихъ... страмъ.

Уст. Надъ сердцемъ нельзя шутить.

Маланья. Въ сердцѣ-то замираніе бываетъ, сударыня.

Ничк. Какое сердце! Такъ, съ жиру... знаемъ мы это сердце-то... сама была въ дѣвкахъ... Другая бы строгая мать-то пришила-бъ хвостъ то тебѣ, да сама бъ нашла жениха-то хорошаго, а не сволочь какую нибудь.

Уст. Нынче ужъ тиранство-то не въ модѣ.

Ничк. Какое тиранство! Не то что тиранство, у меня и разсудку-то не хватаетъ... да и жарко-то... Батюшки!... говорить-то, и то тяжело... такъ ужъ и махнула рукой, — что хочетъ, то и дѣлаетъ.

Кап. Ужъ я не знаю, что вы говорите, маменька. Неужели я, при всей моей кротости въ жизни, не могла угодить вамъ?

Ничк. Ахъ, отстаньте отъ меня, и безъ васъ тошно! Куда дѣться-то отъ жару? Батюшки!

Мал. Шли бы, сударыня, на погребицу.

Ничк. И то на погребицу. (*входитъ Красавина*).

Красавина. Здравствуйте! Все справила и отвѣтъ принесла. Что, Калюпатра Ивановна, аль неможется?

Ничк. Ничего... Садись... только подальше, а то жарко...

Кап. Какой же отвѣтъ?

Крас. Загорѣлось! И подождешь, не велика важность. (*Ничкиной*). Коли жарко, ты бы пивца велѣла подать съ леднику: говорятъ, прохлаждаетъ.

Ничк. Все, говорятъ, прохлаждаетъ... ничего не прохлаждаетъ.

Крас. А то чайку...

Ничк. Ничего не прохлаждаетъ... Поди, Маланья, поставь самоваръ. (*Маланья уходитъ*).

Островскій. (Праздничный сонъ до обѣда, к. II, явл. 1, 2, 3).

(Голодъ).

Хлестаковъ. А что?

Осипъ. Несутъ обѣдъ.

Хлест. (*прихлопывая въ ладоши и слегка подпрыгивая на стулѣ*). Несутъ! несутъ! несутъ!

Слуга (*съ тарелками и салфеткой*). Хозяинъ въ послѣдній разъ ужъ даетъ.

Хлест. Ну, хозяинъ.... Я плевать на твоего хозяина! Что тамъ такое?

Сл. Супъ и жаркое.

Хлест. Какъ, только два блюда?

Сл. Только-съ.

Хлест. Вотъ вздоръ какой! Я этого не принимаю. Ты скажи ему, что̀ это въ самомъ дѣлѣ такое!... этого мало!

Сл. Нѣтъ, хозяинъ говоритъ, что еще много.

Хлест. А соусу почему нѣтъ?

Сл. Соусу нѣтъ.

Хлест. Отчего же нѣтъ? Я видѣлъ самъ, проходя мимо кухни, тамъ много готовилось. И въ столовой сегодня поутру двое какихъ то коротенькихъ человѣка ѣли семгу и еще много кое-чего.

Сл. Да оно-то есть, пожалуй, да нѣтъ.

Хлест. Какъ нѣтъ?

Сл. Да ужъ нѣтъ.

Хлест. А семга, а рыба, а котлеты?

Сл. Да это для тѣхъ, которые почище-съ.

Хлест. Ахъ, ты, дуракъ!

Сл. Да-съ.

Хлгст. Поросенокъ ты скверный... Какъ же, они ѣдятъ, а я не ѣмъ? отчего же я, чортъ возьми, не могу также? развѣ они не такіе же проѣзжающіе, какъ и я?

Сл. Да ужъ извѣстно, что не такіе.

Хлест. Какіе же?

Сл. Обнаковенно какіе! они ужъ, извѣстно: они деньги платятъ.

Хлест. Я съ тобою, дуракъ, не хочу разсуждать. (*Наливаетъ супъ и ѣстъ*). Что это за супъ? Ты просто воды налилъ въ чашку: никакаго вкуса нѣтъ, только воняетъ. Я не хочу этого супу, дай мнѣ другаго.

Сл. Мы примемъ-съ. Хозяинъ сказалъ, коли не хотите, то и не надо.

Хлест. (*защищая руками кушанье*). Ну, ну, ну... оставь, дуракъ! ты привыкъ тамъ обращаться съ другими: я, братъ, не такого рода! со мной не совѣтую... (*Ѣстъ*). Боже мой, какой супъ! (*Продолжаетъ ѣстъ*). Я думаю, еще ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не ѣдалъ какого супу; такія то перья плаваютъ вмѣсто масла. (*Рѣжетъ курицу*). Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое. Тамъ супу немного осталось, Осипъ, возьми себѣ. (*Рѣжетъ жаркое*). Что это за жаркое? Это не жаркое.

Сл. Да что-же такое?

Хлест. Чортъ его знаетъ, что такое, только не жаркое. Это топоръ, зажаренный вмѣсто говядины. (*Ѣстъ*). Мошенники, канальи, чѣмъ они кормятъ? И челюсти заболятъ, если съѣсть одинъ такой кусокъ. (*Ковыряетъ пальцемъ въ зубахъ*). Подлецы! совершенно, какъ деревянная кора—ничѣмъ вытащить нельзя, и зубы почернѣютъ послѣ этихъ блюдъ, мошенники! (*Вытираетъ ротъ салфеткой*). Больше ничего нѣтъ?

Сл. Нѣтъ.

Хлест. Канальи! подлецы! и даже хотя бы какой нибудь соусъ, или пирожное. Бездѣльники! дерутъ только съ проѣзжающихъ. (*Слуга убираетъ и уноситъ тарелки вмѣстѣ съ Осипомъ*).

Гоголь. (Ревизоръ, д. II, явл. 6).

Орѣхинъ (*въ сертукѣ съ разорванными локтями и въ измятой шляпѣ*). Здравствуй, любезный, здравствуй. Ну, что, какъ поживаешь?

Половой. Живемъ помаленьку, покуда Господьноситъ.

Орѣх. Ну, кажется, не помаленьку: ишь у тебя просторъ то какой. (*Оглядываетъ комнату*). Славно, братецъ, славно. Какъ все это хорошо убрано. Чудо, братецъ! Да вашъ трактиръ, право, лучшій въ городѣ.

Полов. Нѣтъ-съ, вотъ на Спасской Зябликова отель-съ, тотъ гораздо получше будетъ.

Орѣх. (*стараясь спрятать разорванные локти*). Что ты, братецъ. Да въ тебѣ самолюбія нѣтъ нисколько, Зябликова? Да это не трактиръ, а сарай просто. Кормятъ-то чѣмъ, ты бы посмотрѣлъ? Я было дался въ обманъ. Пріѣзжаю къ вамъ въ городъ вчера изъ Петербурга. Первое дѣло, говорю ямщику: вези меня въ лучшую, смотри, въ самую лучшую гостинницу. Люблю, знаешь, чтобы все этакъ хорошо было... особенно поѣсть. И привозитъ. Гадко, сыро! Ну, думаю, за неимѣніемъ лучшей и эта годится. Заказалъ обѣдъ. Ха, ха, ха!—И смѣшно и досадно; то есть все, что ни есть наискврернѣйшаго, это онъ ввалилъ мнѣ въ щи и подалъ. Въ Петербургъ пріѣду, нарочно выпишу Зябликова, чтобъ онъ мнѣ эти щи сварилъ, для смѣху, именно для смѣху. Ну, думаю, чортъ съ тобой, съ обѣдомъ, даромъ деньги пропадаютъ; дай хоть вина порядочнаго. Клико спросилъ. Ну ужъ и подалъ мнѣ клико... То есть, я тебѣ говорю, если бы не приличіе—не люблю себя ронять предъ вашимъ братомъ,—все бы въ рожу влѣпилъ. Шестнадцать цѣлковыхъ за все... я удивляюсь, какъ сорока не спросилъ.

Полов. (*въ сторону*). Прячь, прячь локти-то; эка шаромыга. Нѣтъ, братъ, стараго воробья на мякинѣ не надуешь. Не съ твоими локтями клико-то пить.

Орѣх. Что, смѣшно? Какъ не смѣшно. Ужъ и я, братъ, вчера просто животики надорвалъ. Какъ вспомню, что я изъ щей-то вытащилъ. Ну-у-у! Сегодня всталъ, да и думаю: нѣтъ, Зябликовъ, спасибо, калачемъ больше къ себѣ не заманишь. Ужъ лучше къ Архипову пойду; тамъ, говорятъ, посовѣстливѣе. Вхожу и удивляюсь. Да не въ Петербургѣ ли я? (*Оглядываетъ*).

Полов. (*въ сторону*). Ишь его разсыпаетъ, ишь его разсы-

паетъ! Вымаклачить, вѣрно, что нибудь хочетъ. Да нѣтъ, братъ, не умаслишь. (*Вслухъ*). Куда намъ до Питера. Къ намъ и господъ-то такихъ не наѣзжаетъ.

Орѣх. Ну, ей Богу, какъ въ Петербургѣ: и экраны, и зеркала; все это... чудо, чудо, братъ. (*Наклоняется къ буфету, какъ будто для того, чтобы лучше разсмотрѣть*). А что это, скажи, у васъ буттербродъ съ телячьимъ бульономъ?

Полов. Точно такъ-съ. Съ жалѣемъ-съ.

Орѣх. Превкусно должно быть?

Полов. Да-съ, деньги стоитъ-съ.

Орѣх. (*протягивая руку*). Постой-ка я попробую.

Полов. (*отстраняя руку*). Пятачекъ-съ пожалуйте.

Орѣх. Да вотъ съѣмъ, такъ и отдамъ.

Полов. Впередъ-съ; оно вѣрнѣе будетъ.

Орѣх. (*показывая на графинъ съ водкой*). А это какая у васъ?

Полов. Рябиновая.

Орѣх. Что-то на цвѣтъ, какъ будто блѣдна немножко. (*Прищуривается и наклоняется къ графину*).

Полов. Нѣтъ-съ, настоящая, какъ быть должно.

Орѣх. Какъ будто травникъ?

Полов. Нѣтъ-съ травникъ, тотъ потемнѣе будетъ-съ.

Орѣх. (*подноситъ графинъ къ носу*). Странно, на рябиновую что-то не похоже. Дай-ка попробовать немножко.

Полов. Денежки пожалуйте.

Орѣх. Опять ты, братецъ... Да ужъ не пропадетъ за мной. Мнѣ вѣдь только узнать. Немножко, на языкъ, чуточку, на донышкѣ...

Полов. Нельзя-съ; вѣдь мы также съ мѣрой принимаемъ. Всякому будемъ давать пробовать, такъ ничего и не останется.

Орѣх. Да я развѣ всякой! Ты знаешь, кто я?

Полов. Тамъ мнѣ дѣла нѣтъ, кто ты такой; — принеси денегъ, такъ хошь весь графинъ выпей, на здоровье.

Орѣх. Гмъ! (*Отходитъ въ сторону*). Рябиновая... (*Облизывается и чмокаетъ*). Превкусная вѣдь вещь, каналья! Скверно,

денегъ-то нѣтъ. Это старый воробей; его не проведешь. Сразу раскусилъ, въ чемъ дѣло. Гмъ, канальство; а выпить надо. Сюртукъ развѣ по боку. Оно бы ничего. Вѣдь нынѣ лѣто; не слишкомъ холодно. Вѣдь мужики же, вонъ, въ однѣхъ рубашкахъ ходятъ. Да приличія проклятыя, да и изношенъ-то онъ немножко. Впрочемъ попробую. (*Половому*). Послушай, любезный, такъ ты мнѣ не хочешь повѣрить въ долгъ?

Полов. Нѣтъ, братъ, не проклажайся по пустому, не умаслишь.

Орѣх. Да я бы тебѣ что нибудь въ залогъ оставилъ.

Полов. Ужъ не сюртукъ-ли?

Орѣх. (*про себя*). Нѣтъ, дока на доку нашелъ. (*Вслухъ*). А что?

Полов. Да то, что ступай, братъ, пока не протурили. У насъ не кабакъ, чтобы вещи-то закладывать.

Орѣх. Ну, братецъ, будешь каяться. На зло-же тебѣ, пойду къ Зябликову и все у него возьму на чистыя деньги.

Полов. Ступай, ступай, не равно тамъ по шеѣ протурятъ.

Орѣх. (*про себя*). Однако положеніе! (*Половой дѣлаетъ движеніе, чтобъ его вывести*). Ты, пожалуйста, оставь; я такъ самъ съ собою разговариваю. (*Про себя*). Да я говорю: положеніе-то какое! Съ утра во рту ничего не было, да и не будетъ, кажется, ничего. Да гдѣ жъ, сами посудите. Вѣдь эти канальи трактирщики... (*Указывая на половаго*). Ишь, смотритъ, какъ будто чуетъ, что про него говорятъ... насквозь видятъ человѣка. Еще вотъ этотъ немножко поделикатнѣе: въ разговоръ вступилъ; нѣтъ, вотъ у Зябликова,—вѣдь вралъ все,—тамъ сразу въ шею. Еще говорятъ, въ провинціи бараны какіе-то. Хороши бараны! Да въ Петербургѣ мнѣ, честный человѣкъ, слова бы не сказали, на десять рублей повѣрили, ей Богу, на десять рублей повѣрили бы. Однако, гдѣ-бы, этакъ денегъ достать? Скверно безъ денегъ...

Королевъ. (Карьера, д. IV, явл. 2).

МЫШЛЕНІЕ.

(Разсужденіе).

Прежнева (*сидя въ креслахъ*). Это жестоко! это ужасно! я бы никогда такъ не поступила! Nous autres femmes... мы... о! мы вѣримъ, мы слѣпо вѣримъ, мы никогда не анализируемъ. Нѣтъ, я не стану дальше читать этотъ романъ. Молодой человѣкъ, хорошаго происхожденія, красивъ, уменъ, служитъ въ военной службѣ, выражаетъ ей свою любовь такимъ прекраснымъ языкомъ... и она... она имѣла силы отказать ему! Нѣтъ, она не женщина!—Женщина—твореніе слабое, увлекающееся! Мы живемъ только сердцемъ. И какъ легко насъ обмануть! Мы для любимаго человѣка готовы всѣмъ пожертвовать. Если мужчины насъ и обманываютъ, что, къ несчастію, случается очень часто, то ужъ въ этомъ виноваты не мы, а они. Они по большей части хитры и коварны... мы, женщины, такъ добры и довѣрчивы, такъ готовы всему вѣрить, что только послѣ горькихъ (*задумывается*), да, горькихъ опытовъ убѣждаемся въ безнравственности обожаемыхъ лицъ. (*Молчаніе*). Но нѣтъ! мы и послѣ обмана, и даже нѣсколькихъ обмановъ, готовы опять увлечься, готовы повѣрить въ возможность чистой и безкорыстной любви. Да! такова наша судьба! Тѣмъ болѣе, если все это случится въ такой прекрасной обстановкѣ, какъ въ этомъ романѣ. Весна, цвѣты, прекрасный паркъ, журчанье водъ. Онъ пришелъ въ охотничьемъ костюмѣ, съ ружьемъ, собака легла у его ногъ. Ахъ! но мужчины... они часто злоупотребляютъ прекрасными качествами нашего нѣжнаго сердца, они не хотятъ знать, сколько страдаемъ отъ нихъ мы, бѣдныя женщины! (*Молчаніе*). Конечно есть между насъ такія, которыхъ весь интересъ въ жизни составляютъ низкіе матерьяльные расчеты, хозяйственныя хлопоты. Но эта проза, проза! чтобы мнѣ ни говорили, а это проза. Есть даже такія, которыя разсуждаютъ о разныхъ ученыхъ предметахъ не хуже мужчинъ, но я не признаю ихъ женщинами. Онѣ могутъ быть умны, учены, но вмѣсто сердца у нихъ ледъ. (*Молчаніе*). Когда мнѣ приходятъ

такія мысли въ голову, я всегда вспоминаю о моемъ Полѣ. Ахъ! сколько онъ долженъ имѣть успѣховъ между женщинами! Я напередъ рада за него. Какъ пріятно это для матери! Ахъ, дѣти! дѣти! (*Нюхаетъ спиртъ и потомъ звонитъ*).

Островскій. (Не сошлись характерами, карт. I, явл. 1).

Чацкій. Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?
Фамусовъ. Сказалъ бы я: во первыхъ, не блажи!
Имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно,
А главное—поди-ка послужи.
Чацкій. Служить бы радъ, прислуживаться тошно.
Фамусовъ. Вотъ то-то, всѣ вы гордецы!
Спросили бы, какъ дѣлали отцы?
Учились бы, на старшихъ глядя;
Мы, напримѣръ... или покойникъ дядя,
Максимъ Петровичъ! Онъ не то на серебрѣ,
На золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ къ услугамъ;
Весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ...
Вѣкъ при дворѣ, да при какомъ дворѣ!
Тогда не то, что нынѣ:
При государынѣ служилъ Екатеринѣ!
А въ тѣ поры всѣ важны... въ сорокъ пудъ...
Раскланяйся—тупеемъ не кивнутъ;
Вельможа въ случаѣ, тѣмъ паче,
Не какъ другой: и пилъ, и ѣлъ иначе!
А дядя—что твой князь! что графъ!
Серьезный взглядъ, надменный нравъ;
Когда же надо подслужиться
И онъ сгибался въ перегибъ.
На куртагѣ ему случилось оступиться:
Упалъ—да такъ, что чуть затылка не прошибъ.
Старикъ заохалъ... голосъ хрипкой...
Былъ благосклонною пожалованъ улыбкой:
Изволили смѣяться... какъ же онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ;
Упалъ вдругорядь—ужъ нарочно;
А хохотъ пуще—онъ и въ третій также точно!
А? Какъ по вашему? По нашему—смышленъ:
Упалъ онъ больно—всталъ здорово.
За то, бывало, въ вистъ кто чаще приглашенъ?
Кто слышитъ при дворѣ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми зналъ почетъ?
Максимъ Петровичъ! Шутка?

Въ чины выводитъ кто и пенсіи даетъ?
Максимъ Петровичъ!..—Да! вы, нынѣшніе,—нутка!
Чацкій. И точно, началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете, вздохнувши;
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій,—
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея,
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ:
Стучали объ полъ, не жалѣя!
Кому нужда, тѣмъ спѣсь, лежи они въ пыли,—
А тѣмъ, кто выше,—лесть, какъ кружево, плели.
Я не о дядюшкѣ о вашемъ говорю,
Его не возмутимъ мы праха;
Но, между тѣмъ, кого охота заберетъ,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ!
А сверстничекъ, а старичекъ
Иной, глядя на тотъ скачекъ
И, разрушаясь въ ветхой кожѣ,
Чай приговаривалъ:—Ахъ, если бы мнѣ тоже!
Нѣтъ! нынче свѣтъ ужъ не таковъ.
Фамусовъ. Опасный человѣкъ!
Чацкій. Вольнѣе всякій дышетъ
И не торопится вписаться въ полкъ шутовъ.
Фамусовъ. Что говоритъ? И говоритъ, какъ пишетъ.
Чацкій. У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться, помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ...
Фамусовъ. Онъ вольность хочетъ проповѣдать!
Чацкій. Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ...
Фамусовъ. Онъ ничего не признаетъ...
Чацкій. Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ...
Фамусовъ. Строжайше-бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ!
Чацкій. Я наконецъ вамъ отдыхъ дамъ...
Фамусовъ. Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно!
Чацкій. Вашъ вѣкъ бранилъ я безпощадно.
Предоставляю вамъ во власть:
Откиньте часть
Хоть нашимъ временамъ въ придачу;
Ужъ такъ и быть, я не заплачу.
Фамусовъ. И знать васъ не хочу, разврата не терплю!
Чацкій. Я досказалъ...

Фамусовъ. Добро, заткнулъ я уши!
Чацкій. На что-жъ? Я ихъ не оскорблю.
Фамусовъ (*скороговоркой*). Вотъ рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши;
Воротятся—отъ нихъ порядка жди!
Чацкій. Я пересталъ...
Фамусовъ. Пожалуй, пощади!
Чацкій. Длить споры не мое желанье...
Фамусовъ. Хоть душу отпусти на покаянье!

Грибоѣдовъ. (Горе отъ ума, д. II, явл. 2).

(Резонерство).

Клеантъ. Ну, можно ли хвалить такъ наглаго ханжу?
Я послѣ этого рѣшительно скажу,
Что похвала твоя похоже на безумство.
Оргонтъ. А вашъ отвѣтъ, сударь, похожъ на вольнодумство,
Которымъ зараженъ ты былъ и будешь вѣкъ.
Вотъ слѣдствія—и вотъ погибшій человѣкъ!
Мнѣ жаль, а ужъ тебѣ не сдобровать конечно.
Клеантъ. Подобные тебѣ такъ разсуждаютъ вѣчно,
Чтобъ имъ понравиться и подслужиться имъ,
Такъ просто надобно такимъ же быть слѣпымъ,
А кто не вѣритъ вамъ и смотритъ въ оба глаза,
Тотъ страшный изувѣръ и общества зараза!
По моему, сударь, будь къ ближнимъ меньше строгъ,
Да самъ-то исполняй свой христіанскій долгъ.
Вотъ это главное.—Я видѣлъ тьму примѣровъ:
И ложныхъ храбрецовъ, и хитрыхъ лицемѣровъ.
Но храбрость узнаютъ у насъ не по усамъ;
И въ томъ ли набожность, чтобъ бѣгать по церквамъ?
Неужли различить такъ трудно лицемѣра
Съ тѣмъ, у кого въ душѣ есть истинная вѣра?
Неужли ты почтишь обоихъ ихъ равно?
И ложь и истину ты примешь за одно?
На счетъ связей своихъ не будешь осторожнымъ,
Усердія души не различишь съ подложнымъ?
И дашь обманщику собою завладѣть?
Стыдись! и это все, пожалуйста, замѣть:
Тутъ много есть вещей довольно справедливыхъ.
Оргонтъ. Блаженъ, кто на совѣтъ не идетъ нечестивыхъ!
Изъ злобы, зависти,—невинность очернилъ
И думаетъ, что онъ чудесно поступилъ.
Ужъ разумѣется, куда же намъ за вами,

За философами съ такими головами!
Мы люди темные и ощупью бредемъ.

Клеантъ. Я хвастаться своимъ не думаю умомъ;
Но разсудительнымъ быть никогда не рано.
Я правду различать умѣю отъ обмана,
И признаюсь тебѣ, для сердца моего,
Прямая набожность почтеннѣе всего;
Но можно ли, скажи, оставить безъ упрека
Личину святости такого человѣка,
Котораго корысть влечетъ лишь къ алтарю?
Ты догадаешься о комъ я говорю:
Онъ сестрами своихъ поклонницъ называетъ,
А между тѣмъ сестеръ безбожно обираетъ,
Вредитъ ихъ совѣсти, и чести, и добру;
Живетъ пустынникомъ и мѣтитъ ко двору.
Онъ, какъ торгашъ, своимъ пронырствуетъ моленьемъ,
Гдѣ по просту, а гдѣ колѣнопреклоненьемъ.
Для выгоды своей все въ мірѣ предаетъ
И съ дерзкой наглостью идетъ себѣ впередъ.
Вотъ таковы, сударь, всѣ ваши лицемѣры.
Но кто дѣйствительно прямой поборникъ вѣры,
Того по дѣйствіямъ замѣтишь ты тотчасъ.
Онъ бѣгать по церквамъ не станетъ на показъ,
Не станетъ счастія искать—путемъ разврата;
Не раззоритъ сестры и не обидитъ брата,
Онъ врагъ клеветниковъ, онъ ненавистникъ зла,
И посвящаетъ жизнь на добрыя дѣла!
Вотъ въ чемъ первѣйшія обязанности вѣры.
Вотъ люди! вотъ съ кого намъ надо брать примѣры!
Твой другъ за образецъ ихъ не взялъ для себя!
Онъ сытъ, пристроился и счастливъ—что тебя
Съ ума свело его поддѣльное смиренье.

Мольеръ. (Тартюфъ, д. I, явл. 5).

(Разговоръ).

Карпъ Карпычъ и Улита Никитишна (*садятся у стола на галлереѣ*).

Ул. Ник. (*заваривая чай*). Нынче все муаръ-антикъ въ моду пошелъ.

Кар. Кар. Какой это муаръ-антикъ?

Ул. Ник. Такая матерія.

Кар. Кар. Ну и пущай ее.

Ул. Ник. Да я такъ... Вотъ кабы Серафимочка за-мужъ вышла, такъ ужъ сшила бы себѣ, кажется... Всѣ дамы носятъ.

Кар. Кар. А ты нешто дама?

Ул. Ник. Обнаковенно дама.

Кар. Кар. Да вотъ можешь ты чувствовать, не могу я слышать этого слова... когда ты себя дамой называешь.

Ул. Ник. Да, что же такое за слово: дама? Что въ немъ... (*ищетъ слова*) постыднаго?

Кар. Кар. Да коли не люблю! Вотъ тебѣ и сказъ!

Ул. Ник. Ну, а Серафимочка дама?

Кар. Кар. Извѣстно дама, та ученая, да за бариномъ была. А ты что? Все была баба, а какъ мужъ разбогатѣлъ, дама стала. А ты своимъ умомъ дойди.

Ул. Ник. Да, нѣтъ! Все-таки... какже!

Кар. Кар. Сказано молчи, ну и баста! (*Молчаніе*).

Ул. Ник. Когда было это сраженіе?

Кар. Кар. Какое сраженіе?

Ул. Ник. Ну, вотъ недавно-то. Развѣ не помнишь, что ли?

Кар. Кар. Такъ что же?

Ул. Ник. Такъ много изъ простаго званія въ офицеры произошли.

Кар. Кар. Вѣдь не бабы же. За свою службу каждый получаетъ, что соотвѣтственно.

Ул. Ник. А какже вотъ, къ намъ мѣщанка ходитъ, такъ говорила, что когда племянникъ курсъ выдержитъ, такъ и она будетъ благородная.

Кар. Кар. Да, дожидайся.

Ул. Ник. А говорятъ, въ какихъ то земляхъ изъ женщинъ полки есть.

Кар. Кар. (*смѣется*). Гвардія! (*Молчаніе*).

Ул. Ник. Говорятъ, грѣшно чай пить.

Кар. Кар. Это еще отчего?

Ул. Ник. Потому, изъ некрещеной земли идетъ.

Кар. Кар. Мало ли что изъ некрещеной земли идетъ.

Ул. Ник. Вотъ тебѣ примѣръ: хлѣбъ изъ крещеной земли, мы его и ѣдимъ во время; а чай—когда пьемъ? Люди къ обѣднѣ, а мы за чай; вотъ теперь вечерни, а мы за чай. Вотъ и значитъ грѣхъ.

Кар. Кар. А ты пей во время.

Ул. Ник. Нѣтъ, все таки...

Кар. Кар. Все таки молчи. Ума у тебя нѣтъ, а разговаривать любишь. Ну, и молчи! (*Молчаніе*).

Ул. Ник. Какая Серафимочка у насъ счастливая! Была за бариномъ—барыня стала; и овдовѣла—все-таки барыня. А какъ теперь, если за князя выдетъ, такъ, пожалуй, княгиня будетъ.

Кар. Кар. Все-таки по мужѣ.

Ул. Ник. Ну, а какъ за князя выдетъ, неужто я такъ-таки ничего? Вѣдь она мое рожденіе.

Кар. Кар. Съ тобой говорить, только мысли въ головѣ разбивать. Я, было, объ дѣлѣ задумалъ, а ты тутъ съ разговоромъ да съ глупостями. Вѣдь вашего бабьяго разговору всю жизнь не переслушаешь. А сказать тебѣ: молчи! такъ вотъ дѣло то короче будетъ. (*Задумывается*).

Островскій. (Не сошлись характерами, к. II, явл. 2).

Матрена (*идетъ съ двумя тарелками. Подходитъ къ двери сѣнника и толкаетъ ее ногой*). Эй вы, гужеѣды! (*Кучера выходятъ*). Подавай лошадей! Барыня ѣхать хотятъ.

2-й Кучеръ. Меня въ тѣ поры, за одну провинность, баринъ хотѣлъ въ солдаты отдать.

1-й Кучеръ. Ишь ты!

2-й Кучеръ. Такъ я въ тѣ поры, братецъ ты мой, все только объ войнѣ и думалъ, и со всякимъ, то есть, человѣкомъ все про войну разговаривалъ. Итакъ у меня раскипѣлось сердце, что хоть сейчасъ подъ черкеса.

1-й Кучеръ. У меня тутъ по сосѣдству одинъ денщикъ есть пріятель, они съ бариномъ въ венгерской кампаніи были, такъ онъ про австріака сказывалъ.

2-й Кучеръ. А что такое?

1-й Кучеръ. А вотъ что, другъ любезный, будто ему еще допрежь сказано, при французѣ, когда французъ былъ: что ты можешь мнѣ препятствовать? Хочешь, я тебя раззорю.

2-й Кучеръ. И раззоритъ!

1-й Кучеръ. Раззоритъ!

2-й Кучеръ. Потому, сила.

1-й Кучеръ. Ничего не подѣлаешь! Все равно, какъ милюція была... одинадцать вершковъ росту, пятнадцать пудовъ подымаетъ. Прутъ себѣ! Тамъ ту-ту-ту-ту-ту-ту, значитъ, въ барабанъ отбой. А они говорятъ: ребята, впередъ! Измѣна! Ну и прутъ себѣ, что ты хочешь!

2-й Кучеръ. Извѣстно, ужъ тутъ кто кого.

1-й Кучеръ. Кто, значитъ, ужъ одолѣетъ, чья сила возьметъ.

Матрена. Скучно слушать-то! Охъ, воины, сидя на печкѣ, воюете. Видно, не страшна война, только утиши Господи!

1-й Кучеръ (*скосивъ глаза въ сторону Матрены, съ совершеннымъ презрѣніемъ*) Сволочь!

Матрена. Говорятъ вамъ, барыня дожидается.

2-й Кучеръ (*надѣвая на правую руку петлю кнута, лѣвую подаетъ Иванычу*). Прощай!

1-й Кучеръ. Прощай, другъ любезный! (*Уходитъ*).

Островскій. (Не сошлись характерами, к. II, явл. 3).

(Серьезная дума).

Король (*одинъ*). Теперь дай человѣка мнѣ, Создатель!
Ты много далъ мнѣ—только человѣка
Ты дай теперь мнѣ! Ты, о, Ты единъ!
Ты сокровенное все видишь окомъ.
Молю тебя о другѣ: я не такъ,
Какъ Ты, всевѣдущъ. Слуги мнѣ тобой
Посланные, самъ вѣдаешь, какіе
Они мнѣ слуги. Изъ-за денегъ только
Они мнѣ служатъ. Жалкія ихъ страсти,
Уздой смирённыя моимъ полезны цѣлямъ,
Какъ міру грозы страшныя Твои.
Мнѣ правды надо: мирный токъ ея
Средь щебня заблужденій отрывать

Не намъ, царямъ, досталось. О пошли
Мнѣ мужа рѣдкаго съ открытымъ сердцемъ,
Съ прямымъ умомъ и неподкупнымъ глазомъ,
Чтобъ мнѣ помогъ сыскать ее. Я жребьи
Мѣшаю всѣ: изъ многихъ, многихъ тысячъ,
Что къ сферѣ солнечной престола жмутся,
Лишь одного найти мнѣ помоги!

(*Отворяетъ шкатулку и беретъ изъ нея записную книжку. Послѣ долгаго перелистыванія*).

Имена,
Лишь имена стоятъ здѣсь; ни одной
Замѣтки о заслугахъ, по которымъ
Они сюда попали; а что такъ
Забывчиво, какъ благодарность? Тогда какъ
На оборотѣ каждый изъ проступковъ
Отмѣченъ акуратно. Это дурно.
Иль память мести въ помощи подобной
Нуждается? (*читаетъ дальше*).
Графъ Эгмонтъ? Онъ зачѣмъ
Сюда попалъ? Побѣда подъ Кентеномъ
Давно забыта. Въ мертвые его.

(*Вычеркиваетъ имя и пишетъ на оборотѣ. Читаетъ про себя далѣе*).

Маркизъ де-Поза? Поза? Поза?
Едва могу о немъ я вспомнить. Поза?
И два раза подчеркнутъ: стало быть
Его для высшихъ цѣлей прочилъ я.
Возможно ли? онъ отъ меня до сихъ поръ
Все уклонялся, взоромъ убѣгалъ
Отъ своего монарха—должника.
Ей Богу, въ цѣломъ кругѣ царствъ моихъ
Вотъ человѣкъ единственный, который
Не ищетъ милостей у трона. Еслибъ
Онъ одержимъ былъ жаднымъ честолюбьемъ,
То ужъ давно-бъ явился предо мною.
Не попытаться-ль съ этимъ чудакомъ?
Кто безъ меня умѣетъ обходиться,
Тотъ съ правдой на устахъ прійдетъ ко мнѣ. (*Уходитъ*).

Шиллеръ. (Донъ Карлосъ, д. III, явл. 5).

(Раздумье).

Елена. О, Боже, зачѣмъ смерть, зачѣмъ разлука, болѣзнь и слезы? Зачѣмъ эта красота, это сладостное чувство надежды,

зачѣмъ успокоительное сознаніе прочнаго убѣжища, неизмѣнной защиты безсмертнаго покровительства? Что же значитъ это улыбающееся, благословляющее небо, эта счастливая, отдыхающая земля? Ужели это все только въ насъ, а внѣ насъ вѣчный холодъ и безмолвіе? Ужели мы одни... одни... а тамъ, повсюду, во всѣхъ этихъ не досягаемыхъ безднахъ и глубинахъ—все, все намъ чуждо? Къ чему же тогда эта жажда и радость молитвы? «Morir si giovane»... Неужели же нельзя умолить, отвратить, спасти... О Боже! неужели же нельзя вѣрить чуду? Довольно? Неужели уже довольно! Я была счастлива, не однѣ только минуты, не часы, не цѣлые дни—нѣтъ, цѣлыя недѣли сряду. А съ какого права? А если этого нельзя? Если это не дается даромъ? Вѣдь это было небо... а мы люди, бѣдные, грѣшные люди... «Morir si giovane»... О темный призракъ, удались! Не для меня одной нужна его жизнь... Но если это наказаніе, если мы должны теперь внести полную уплату за нашу вину? Моя совѣсть молчала, она теперь молчитъ, но развѣ это доказательство невинности? О Боже, неужели мы такъ преступны! Неужели Ты, создавшій эту ночь, это небо, захочешь наказать насъ за то, что мы любили? А если такъ; если онъ виноватъ, если я виновата, такъ дай ему, о Боже, дай намъ обоимъ умереть по крайней мѣрѣ честной, славной смертью—тамъ на родныхъ его поляхъ, а не здѣсь, не въ этой глухой комнатѣ...

Тургеневъ. (Накапунѣ, гл. 33).

Гамлетъ. Быть или не быть? Таковъ вопросъ; что лучше,
Что благороднѣй для души: сносить ли
Удары стрѣлъ враждующаго счастья,
Или возстать противу сонма бѣдствій
И тѣмъ ихъ кончить? Умереть—уснуть,
И только сномъ всегдашнимъ прекратить
Всѣ скорби, всѣ наслѣдственныя праху
Невзгоды жизни;—кто конца такого
Не пожелалъ бы! Умереть—уснуть!
Уснуть, а, можетъ быть, и видѣть сны?
Вотъ это и пугаетъ насъ! Не зная,
Что намъ во снѣ посмертномъ можетъ сниться,

Мы размышляемъ, медлимъ. Вотъ причина,
Что бѣдствія такъ долговѣчны. Кто бы
Переносилъ здѣсь столько истязаній—
Обиды гордыхъ, знатныхъ своевольство,
Законовъ слабость, притѣсненья сильныхъ,
Отринутой любви страданья, злое
Презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ—
Когда одинъ ударъ кинжала можетъ
Насъ отъ всего избавить! Кто стеналъ бы
Въ поту лица подъ жизненнымъ ярмомъ,
Когда бы страхъ чего то послѣ смерти—
Страны безвѣстной, изъ которой нѣтъ
Сюда возврата—не безсилилъ воли,
Не заставлялъ скорѣй сносить зло жизни,
Чѣмъ золъ искать невѣдомо какихъ!
Такъ въ насъ разсудокъ поселяетъ робость,
Такъ подъ его дыханіемъ холоднымъ
Румяный блескъ рѣшимости тускнѣетъ,
И замыслы отважные, смиряясь
Въ своихъ порывахъ, не дерзаютъ стать
Изъ мыслей дѣломъ.

Шекспиръ. (Гамлетъ, д. III, сц. 1).

Макбетъ. Да, еслибъ все этимъ и кончилось, — что тогда долго думать; еслибъ убійство могло уловить всѣ послѣдствія и воспользоваться только удачей уничтоженія; еслибъ этотъ ударъ рѣшалъ и заключалъ все хоть только здѣсь, на этой школьной лавкѣ времени, мысль о будущей жизни не остановила бы. Но дѣламъ такого рода есть судъ еще и здѣсь; дай только кровавый урокъ, и онъ тотчасъ же обратится бѣдой на главу учителя; такъ къ нашимъ же устамъ подноситъ безпристрастное правосудіе чашу, нами отравленную... Здѣсь онъ долженъ бы быть вдвойнѣ безопасенъ; во первыхъ я его родственникъ и подданный, — и то и другое должно остановить меня; потомъ, какъ хозяину, мнѣ слѣдуетъ замкнуть убійцамъ двери, а не идти самому съ ножемъ въ рукѣ. Къ тому жъ, онъ царствовалъ такъ кротко, исполнялъ свои великія обязанности такъ праведно, что его добродѣтели возопіютъ противъ этого дьявольскаго убійства, какъ ангелы, гласомъ трубнымъ и состраданіе, какъ нагое, новорожденное

дитя, или, какъ херувимъ небесный, осѣдлаетъ незримыхъ коней воздуха, дунетъ страшнымъ этимъ дѣломъ въ глаза каждому и слезы зальютъ дуновеніе его. Мнѣ нечѣмъ пришпоривать реберъ моего замысла, кромѣ честолюбія, которое, вскакивая на сѣдло, переваливается на другую сторону...

Шекспиръ. (Макбетъ, д. I, сц. 7).

Макбетъ. Кто тамъ?

Сейтонъ. Королева скончалась.

Макбетъ. Какъ будто не могла она умереть немного по позже; было бы еще время и для этой вѣсти.—Завтра и завтра, и опять завтра тащится едва замѣтнымъ шагомъ ото дня ко дню до послѣдняго слога въ книгѣ судебъ и всѣ наши вчера освѣщали глупцамъ дорогу къ пыльной смерти. Догорай же, догорай крошечный огарокъ! Жизнь—это тѣнь мимолетная, это жалкій комедіантъ, который пробѣснуется, провеличается свой часъ на помостѣ, и затѣмъ не слышенъ; это сказка разсказываемая глупцомъ, полная шума и неистовства, ничего не значущихъ...

Шекспиръ. (Макбетъ, д. V, сц. 6).

(Мечтательность).

— Ну, вотъ, всталъ бы утромъ: погода прекрасная, небо синее-пресинее, ни одного облачка, одна сторона дома, въ планѣ, обращена у меня балкономъ на востокъ, къ саду, къ полямъ, другая къ деревнѣ. Въ ожиданіи, пока проснется жена, я надѣлъ бы шлафрокъ и походилъ по саду подышать утренними испареніями; тамъ ужъ нашелъ бы я садовника; поливали бы вмѣстѣ цвѣты, подстригали кусты, деревья. Я составляю букетъ для жены. Потомъ иду въ ванну или въ рѣку купаться, возвращаюсь,—балконъ уже отворенъ; жена въ блузѣ, въ легкомъ чепчикѣ, который чуть-чуть держится, того-и-гляди, слетитъ съ головы... Она ждетъ меня. «Чай готовъ», говоритъ она. Какой поцалуй! какой чай! какое покойное кресло! Сажусь около стола; на немъ сухари, сливки, свѣжее масло... Потомъ? Потомъ, на-

дѣвъ просторный сюртукъ, или куртку какую-нибудь, обнявъ жену за талью, углубиться съ нею въ безконечную, темную аллею; идти тихо, задумчиво, молча, или думать вслухъ, мечтать, считать минуты счастья, какъ біеніе пульса; слушать, какъ сердце бьется и замираетъ; искать въ природѣ сочувствія... и незамѣтно выйдти къ рѣчкѣ, къ полю... Рѣка чуть плещетъ, колосья волнуются отъ вѣтерка, жара... сѣсть въ лодку, жена правитъ, едва поднимая весла...

— Да ты поэтъ, Илья!

— Да, поэтъ въ жизни, потому-что жизнь есть поэзія. Вольно людямъ искажать ее! Потомъ можно зайти въ оранжерею,—посмотрѣть персики, виноградъ, сказать, что подать къ столу, потомъ воротиться, слегка позавтракать и ждать гостей... А тутъ, то записка къ женѣ отъ какой-нибудь Марьи Петровны, съ книгой, съ нотами, то прислали ананасъ въ подарокъ, или у самаго въ парникѣ созрѣлъ чудный арбузъ—пошлешь къ доброму пріятелю, къ завтрашнему обѣду, и самъ туда отправишься... А на кухнѣ въ это время такъ и кипитъ; поваръ въ бѣломъ, какъ снѣгъ, фартукѣ и колпакѣ суетится; поставитъ одну кастрюлю, сниметъ другую, тамъ помѣшаетъ, тутъ начнетъ валять тѣсто, тамъ выплеснетъ воду... ножи такъ и стучатъ... крошатъ зелень... тамъ вертятъ мороженое... До обѣда пріятно заглянуть въ кухню, открыть кострюлю, понюхать, посмотрѣть, какъ свертываютъ пирожки, сбиваютъ сливки. Потомъ лечь на кушетку; жена вслухъ читаетъ что-нибудь новое, мы останавливаемся, споримъ... Но гости ѣдутъ, напримѣръ, ты съ женой.

— Ба, ты и меня женишь!

— Непремѣнно! еще два, три пріятеля, все одни и тѣ же лица. Начнемъ вчерашній, неоконченный разговоръ; пойдутъ шутки, или наступитъ краснорѣчивое молчаніе, задумчивость— не отъ потери мѣста, не отъ сенатскаго дѣла, а отъ полноты удовлетворенныхъ желаній, раздумье наслажденія... Не услышишь филиппики, съ пѣной на губахъ, отсутствующему, не подмѣтишь брошеннаго на тебя взгляда съ обѣщаніемъ и тебѣ того же, чуть выйдешь за дверь. Кого не любишь, кто не хорошъ,

съ тѣмъ не обмакнешь хлѣба въ солонку. Въ глазахъ собесѣдниковъ увидишь симпатію, въ шуткѣ искренній, не злобный смѣхъ... Все по-душѣ! Что въ глазахъ, въ словахъ, то и на сердцѣ! Послѣ обѣда мокка, гаванна на террасѣ...

Гончаровъ. (Обломовъ, ч. II, гл. 4).

Альнаскаровъ. И такъ все случай довершилъ;
Каковъ же я? пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!
Вотъ, господа, кружить какъ головы имъ должно.
Но этимъ вздоромъ мнѣ прельщаться невозможно:
Судя по всѣмъ вещамъ, я твердо убѣжденъ,
Что я къ чему нибудь чудесному рожденъ!
Не помню гдѣ... читалъ я анекдотъ прекрасный:
Что кто-то изъ морскихъ, въ часъ бури преужасной,
Присталъ къ землѣ, дошелъ незнаемый никѣмъ...
Онъ поселился тамъ—и кончилося тѣмъ,
Что вскорѣ жители рѣшили межъ собою
Республики своей избрать его главою.
(*Викторъ входитъ и подслушиваетъ, Альнаскаровъ продолжаетъ*).
Онъ мудро управлялъ и, въ честь ему, потомъ
Народа общій гласъ избралъ его царемъ!
Что если-бъ?.. почему-жъ! на счастье нѣтъ закона:
Да чѣмъ же, Боже мой, я хуже Робинзона?
И я могу открыть прелестный островокъ.
Тамъ, сдѣлавшись царемъ... построю городокъ,
Займусь прожектами, народными дѣлами,
Устрою гавани, наполню ихъ судами—
И тутъ-то я до васъ, Алжирцы, доберусь!
Смиритеся!—не то... пойду, вооружусь—
И вы познаете воителя десницу!
Рѣшивши бой, лечу съ трофеями въ столицу:
Я встрѣченъ въ гавани народною толпой,
Иду... прохода нѣтъ! все ницъ передо мной!
Какой восторгъ! вездѣ одни лишь слышны клики:
Да здравствуетъ нашъ царь! да здравствуетъ великій!..
Викторъ. Монархъ!
Альнаск. (*въ жару мечтанья*). Что хочешь ты!.. надѣйся и вѣщай!
Викторъ. Великій государь! васъ просятъ—кушать чай.
Альнаск. Ахъ, Викторъ, это ты! я въ прелестяхъ мечтанья
Блаженствовалъ! мои свершалися желанья—
И ты, злодѣй, и ты всего меня лишилъ!
Викторъ. И царство и вашъ флотъ я на мель посадилъ.
Альнаск. Вѣдь надобно-жъ, когда мы якорь лишь спускаемъ...

Викторъ. Мечтанія никакъ не напоятъ васъ чаемъ
И, право, лучше вамъ, чтобъ время не терять,
Пойти къ хозяюшкѣ, заняться, погулять
И, распростившися, пуститься въ путь счастливо.

Альнаск. Ты судишь иногда довольно справедливо.
Пойду. (*Уходитъ*).

Викторъ (*одинъ*). Ну,—баринъ мой проказитъ не путемъ:
Онъ хочетъ сдѣлаться, бездѣлица—царемъ!
Вотъ мѣсто славное для мичмана въ отставкѣ!
Тогда-бъ не грѣхъ—царя просить мнѣ о прибавкѣ
Сотняги лишней въ годъ?—Но, что ни говори,
А вѣрно не прыгнешь изъ мичмановъ въ цари.
Какъ въ голову войдетъ дурачество такое?
Вотъ я такъ, напримѣръ, оно совсѣмъ другое:
Я лотерейный взялъ дорогою билетъ;
И какъ не взять, когда увидѣлъ изъ газетъ,
Что скоро розыграть хотятъ съ лихими
Курантами, ну такъ, что не разстался-бъ съ ними!
Рискнулъ—и за билетъ внесъ кровныхъ пять рублей.
Въ сто тысячъ выигрышъ! да кто-жъ себѣ злодѣй?
Сто тысячъ! Боже мой! въ Твоей все это волѣ!
Пусть баринъ мой себѣ храбрится на престолѣ,
Да сто-то тысячъ Ты пошли его слугѣ!
А подлинно-бъ, онѣ пришлись мнѣ по рукѣ.
Что если-бъ мнѣ... хоть часть досталася на долю...
Что сдѣлаю... тотчасъ я выкуплюсь на волю,
Тутъ въ службу, выслужусь, и черезъ годъ какъ разъ
Вдругъ Викторъ нашъ махнетъ въ четырнадцатый классъ!
О, честолюбіе! оставь меня въ покоѣ.
Нѣтъ, Викторъ, нѣтъ, мой другъ, затѣялъ ты пустое:
Изъ службы не всегда вѣдь выйдешъ съ барышомъ.
Такъ лучше... рѣшено: я дѣлаюсь купцомъ,
Хоть третьей гильдіи, чтобы по-меньше сумму
Съ имѣнія платить мнѣ въ городскую думу.
Тутъ я, благословясь, пущусь тотчасъ въ торги;
По лавочкамъ мои всѣ заплачу долги;
Потомъ куплю себѣ я домикъ презатѣйный
Сперва въ полку, а тамъ, пожалуй, на Литейной;
Обзаведусь и—самъ женюся наконецъ...
И Саша мнѣ жена! и Викторъ ужъ отецъ!
И вотъ, вокругъ меня цыпляточки, малютки,
Я стану говорить имъ сказки, прибаутки,
И въ счастьѣ проживу конечно до ста лѣтъ!..
Однако-жъ посмотрѣть, здоровъ ли мой билетъ?
(*Шаритъ въ карманахъ*).

Гдѣ-жъ онъ? кой чортъ! не то все въ руки попадаетъ!
Билетъ! билетъ!—меня по кожѣ подираетъ!
Ахъ, Боже мой!

Хмѣльницкій. (Воздушные замки, явл. 9, 10).

(Воспоминаніе).

Князь. Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила,..
Знакомыя, печальныя мѣста!
Я узнаю окрестные предметы:
Вотъ мельница... Она ужъ развалилась:
Веселый шумъ ея колесъ умолкнулъ;
Сталъ жорновъ: видно умеръ и старикъ!
Дочь бѣдную оплакивалъ онъ долго!
Тропинка тутъ вилась—она заглохла...
Давно, давно сюда никто не ходитъ.
Тутъ садикъ былъ съ заборомъ—неужели
Разросся онъ кудрявой этой рощей?
Ахъ, вотъ и дубъ завѣтный! Здѣсь она,
Обнявъ меня, поникла и умолкла...

Пушкинъ. (Русалка).

...Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо—
И кажется вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.
Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ
И холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ, и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны...
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ

Оно, синѣя, стелется широко:
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собою
Убогій неводъ. По брегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни, тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ...
На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ, одна по-одаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣже,
Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась,
Зеленою семьей кусты тѣснятся
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вкругъ него
По прежнему все пусто.
Здраствуй племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ...

Пушкинъ. (Опять на родинѣ).

АФФЕКТЫ.

(Радость, всѣ виды).

Дѣйств. лица: Варвара Павловна, помѣщица 50-ти лѣтъ.
Лиза 22-хъ и Оля 17-ти лѣтъ—ея дочери.

Оля (*одна, стоитъ у окна*). Какой чудесный день сегодня. Солнце такъ ярко свѣтитъ, въ воздухѣ тепло. (*Вдыхаетъ воздухъ*). Запахъ какой!... И розы мои распустились... прелесть!... Однако жарко... сяду я у окна, здѣсь отлично... (*Садится къ окну и глядитъ нѣкоторое время молча*). Хорошо жить на свѣтѣ!... Когда я взгляну на нашъ садъ, въ которомъ такъ много цвѣтовъ, на эту смолистую сосновую рощу, на рѣчку, на небо, такое свѣтлое, глубокое, безъ облачка, — мнѣ становится такъ тепло, такъ хорошо, что я просто сказать не могу, что я чувствую... (*Задумчиво, съ выраженіемъ*). Да это правда, это счастіе!... А наша липовая аллея, бесѣдка надъ обрывомъ, дерновая скамейка и подлѣ меня... Господи! какъ хорошо!... (*Задумывается*).

Лиза (*входя*). Что ты задумалась, Оля?

Оля (*встрепенувшись*). Такъ, ничего, я замечталась. Славный день сегодня.

Лиза. Да тепло... А знаешь, что я тебѣ скажу, хочешь?

Оля (*живо*). Скажи, скажи... хорошее что нибудь?...

Лиза (*съ доброй улыбкой*). А чтобы ты хотѣла?

Оля. Что?... Я не знаю... Ну, скажи, скажи скорѣе пожалуйста!

Лиза (*вынимаетъ изъ кармана письмо и вертитъ предъ глазами Оли*). Это что?...

Оля (*вскакиваетъ*). Ахъ, дай, Лиза, дай поскорѣе!...

Лиза (*не даетъ письма и, держа его въ рукѣ, начинаетъ вальсировать передъ Олей, напѣвая веселый мотивъ*).

Оля (*ловитъ ее*). Лиза, сестрица, душка, дай пожалуйста, милая, я прошу тебя.

Лиза. (*останавливается и прячетъ письмо за спину*). А что дашь?

Оля. А что ты хочешь? Ну я тебя поцѣлую, не мучь меня!— Вѣдь я знаю отъ кого письмо; я узнала по почерку…

Лиза. Знаешь?… Ну такъ и быть! Будь счастлива. (*Подаетъ письмо*).

(Оля *схватываетъ письмо, цѣлуетъ Лизу и бѣжитъ къ окну, разрывая конвертъ. Лиза смотритъ на нее съ удовольствіемъ*).

Оля (*прочитавъ письмо*). Онъ пріѣдетъ… скоро пріѣдетъ!.. Какъ я рада! Лиза, знаешь, что онъ пишетъ? Онъ пишетъ, что всѣ дѣла покончены; онъ сейчасъ выѣзжаетъ, не сегодня, такъ завтра здѣсь… И онъ все такой же милый; онъ пишетъ, что онъ привезетъ мнѣ что-то… Боже мой! Какъ весело, какъ хорошо! Лиза, Лизочка! Какая ты добрая! Хочешь я тебѣ дамъ прочитать письмо. (*Цѣлуетъ ее*). Ахъ, да, скажи, кто тебѣ далъ письмо?

Лиза. (*ласково улыбаясь*). Кто? Очень просто. Василій пріѣхалъ съ почты, я была на кухнѣ, онъ мнѣ и отдалъ.

Оля. А, отлично! Василья я люблю, онъ такой хорошій… Прекрасно!.. Прекрасно!.. (*Прыгаетъ по комнатѣ, потомъ снова развертываетъ письмо и начинаетъ читать вполголоса*). «Милая… дорогая Оля… я счастливъ… спѣшу… лошадей… навѣрно… Александръ… (*Слышенъ звонокъ*).

Лиза (*идя къ двери*). Это вѣрно мамаша.

Оля. (*какъ бы не слыша, стоитъ, на лицѣ наслажденіе, шепчетъ*). Александръ… какъ я люблю тебя. (*Цѣлуетъ письмо*). (*Дверь отворяется, входитъ матъ*).

Лиза (*снимая съ матери платокъ*). Вы устали, маменька, жарко сегодня.

Варв Павл. Ничего, Лиза, немножко, теперь отдохну. (*Садится. Оля подбѣгаетъ къ ней и цѣлуетъ ее*).

Оля. Maman, maman, знаете ли… онъ пріѣдетъ, я письмо получила, можетъ быть даже сегодня пріѣдетъ.

Варв. Павл. Вотъ какъ! Ну, слава Богу. Очень рада и за

себя и за тебя, вертушка. Поди-ка сюда, что? рада, я думаю… что? дашь прочитать, что онъ тамъ пишетъ?…

Оля. Извольте, maman, только знаете, вы не все читайте… (*Подавая письмо*). Вотъ до сихъ поръ. Тамъ подъ конецъ… онъ пишетъ…

Варв. Павл. Что пишетъ? Что нельзя читать матери! Ахъ вы молодежь… Ну хорошо, не буду все читать. (*Читаетъ*)… Ну хорошо!… Завтра же отслужимъ молебенъ… А я другую радость скажу вамъ, дѣти. Сейчасъ я видѣла Петра Ивановича; онъ говоритъ, что наше дѣло выиграно. Судъ рѣшилъ въ нашу пользу…

Лиза. Ахъ, маменька, такъ Ѳедотино останется за нами… Вотъ радость-то! Какъ я люблю это имѣніе. Вѣдь я тамъ родилась… Жива ли моя старая няня? Maman, какъ рѣшится дѣло, поѣдемте туда…

Варв. Павл. Непремѣнно, Лиза, мнѣ самой хочется туда. Я хотѣла бы чтобъ и свадьба Олина была тамъ. Тамъ вѣдь и я вѣнчалась. (*Задумывается*). Да много лѣтъ прошло… Вотъ ужъ и она невѣста… Ахъ да, забыла… Оля, поди-ка примѣрь новое платье; оно готово, я думаю. Надѣнь, да приди сюда показать…

Оля. Въ самомъ дѣлѣ, сейчасъ, сейчасъ… (*Въ припрыжку убѣгаетъ*).

С—ъ.

(Удовольствіе, веселость).

Софи (*сидя*). Какъ ты думаешь, есть ли въ свѣтѣ женщина счастливѣе меня?

Маріонъ. Не думаю, сударыня.

Софи. О, какъ хорошо, какъ чудесно быть артисткой, если есть умъ и красота, молодость и талантъ! Ты подумай только… Она наслаждается всѣми торжествами, всѣмъ упоеніемъ славы и успѣха; у ногъ ея герцоги и князья—все что есть знаменитаго и сильнаго во Франціи, и весь этотъ цвѣтъ высшаго общества она заставляетъ ждать себя въ своимъ прихожихъ, неуступающихъ

салонамъ ихъ дворцовъ. Одинъ взглядъ, одна моя улыбка приноситъ имъ радость и горе, мои остроты разносятся по всему свѣту... А когда надоѣстъ этотъ ѳиміамъ, всегда старый, часто лживый, и я захочу одобреній искреннихъ, одобреній, въ которыхъ нѣтъ лести (*вставая съ мѣста*), я бросаюсь на сцену, я остановлюсь лицомъ къ лицу съ публикой, которая заплатила при входѣ за право говорить мнѣ правду. Тогда сердце мое бьется сильно отъ страха и надежды потому что публика — это не придворные и, если она мнѣ аплодируетъ, если она меня хвалитъ... о какъ велика тогда эта побѣда! какъ велико тогда это торжество!.. Это, значитъ, я увлекла ее, очаровала, это значитъ, я заставила ее смѣяться моимъ смѣхомъ, плакать моими слезами. А она мнѣ аплодируетъ часто.

Маріонъ. Она аплодируетъ вамъ всегда, сударыня.

Софи. И такъ, чего жъ мнѣ не достаетъ—не знаю!.. Я ищу, чего бы желать еще, но не могу найти. (*Переходя на другую сторону*). Брильянтовъ—у меня ихъ какъ у царицы, золота—я богата имъ, какъ фаворитка, въ салонахъ моихъ тѣсно отъ знати, въ конюшняхъ нѣтъ мѣста лошадямъ... Чѣмъ же богаче, чѣмъ счастливѣе меня всѣ эти знатныя дамы, которымъ, кромѣ того, не достаетъ моего таланта?

Маріонъ. Онѣ бываютъ во дворцѣ у короля?

Софи. Если бъ я захотѣла, король бы самъ былъ у меня... Да, Маріонъ, ты видишь, что нѣтъ въ мірѣ женщины счастливѣе Софи Арну... (*Она идетъ къ окну*). Какая славная погода!... холодно, сухо. Воздухъ такъ свѣжъ; въ немъ есть что-то живительное... И сколько идетъ по улицѣ народу!

Маріонъ (*переходя на сторону Софи*). Еще бы! вѣдь сегодня новый годъ...

Софи. Какая это славная выдумка — новый годъ! Весело право глядѣть на улицу!... Добрые буржуа спѣшатъ во всѣ стороны, толкаются, цѣлуются!... У нихъ такіе красные носы, что, смотря только, начинаешь зябнуть!... Вонъ тащатъ дѣтей, тѣ тащатъ своихъ куколъ, барабаны и трубы... Это цѣлая вакханалія съ трубами и барабанами, цѣлая оргія съ сахаромъ и пряни-

ками... Какой веселый день!... Маріонъ, ты можешь сказать всѣмъ моимъ людямъ, что я удвоиваю имъ жалованье...

Маріонъ. И мое тоже?

Софи. И твое, конечно.

Маріонъ. Побѣгу скорѣе разсказать это въ кухнѣ...

Декурселль и Тибу. (Я обѣдаю у маменьки, явл. 3).

(Веселость).

Чичиковъ. Изволили, ваше превосходительство, слышать когда нибудь о томъ, что такое: «полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ».

Бетрищевъ. Нѣтъ, не слыхалъ.

Чич. А это преказусный анекдотъ. Въ имѣніи, ваше превосходительство, у князя Гукзовскаго, котораго, безъ сомнѣнія, ваше превосходительство, изволите знать...

Бетр. Не знаю.

Чич. Былъ управитель, ваше превосходительство, изъ нѣмцевъ, молодой человѣкъ. По случаю поставки рекрутъ и прочаго имѣлъ онъ надобность пріѣзжать въ городъ и, разумѣется, подмазывать судейскихъ. Впрочемъ и они тоже полюбили, угощали его, такъ что одинъ разъ у нихъ на обѣдѣ говоритъ онъ: «Чтожъ, господа? когда нибудь и ко мнѣ, въ имѣніе къ князю». Говорятъ: «пріѣдемъ»! Скоро послѣ этого случилось выѣхать суду на слѣдствіе по дѣлу, случившемуся во владѣніяхъ графа Трехметьева, котораго, ваше превосходительство, безъ сомнѣнія тоже изволите знать.

Бетр. Не знаю.

Чич. Самаго-то слѣдствія они не дѣлали, а всѣмъ судомъ заворотили на экономическій дворъ, къ старому графскому эконому, да три дня и три ночи безъ просыпу въ карты. Самоваръ, пуншъ разумѣется, со стола не сходятъ. Старику-то они ужъ и надоѣли. Чтобъ какъ нибудь отъ нихъ отдѣлаться, онъ и говоритъ: «Вы бы, господа, заѣхали къ княжескому управителю, нѣмцу; онъ недалеко отсюда». — «А и въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, и

съ полупьяна, небритые и заспанные, какъ были, на тѣлеги да и къ нѣмцу... А нѣмецъ, ваше превосходительство, надобно знать, въ это время только что женился. Женился на институткѣ, молоденькой, субтильной. Сидятъ они за чаемъ, ни о чемъ не думая, вдругъ отворяются двери—и ввалилось сонмище...

Бетр. (*смѣясь*). Воображаю—хороши.

Чич. Управитель такъ и оторопѣлъ. Не нашелся, потерялся и говоритъ: «Что угодно»? — «А»! говорятъ, «такъ вотъ какъ»! и вдругъ за этимъ словомъ перемѣна лицъ и физіономій... «за дѣломъ. Сколько вина выкуривается по имѣнію? Покажите книги»! Тотъ сюды-туды. «Эй, понятыхъ»! Взяли, связали, да въ городъ, да полтора года и просидѣлъ нѣмецъ въ тюрьмѣ.

Бетр. Вотъ—на!

Чич. Жена хлопотать! Ну что можетъ какая нибудь неопытная молодая женщина? Спасибо, что случились добрые люди, которые посовѣтовали пойти на мировую. Отдѣлался онъ двумя тысячами, да угостительнымъ обѣдомъ. И на обѣдѣ, когда всѣ ужъ развеселились и онъ также, вотъ и говорятъ они ему: «Не стыдно ли тебѣ такъ поступать съ нами? ты все бы хотѣлъ насъ видѣть прибранными, да выбритыми, да во фракахъ. Нѣтъ, ты полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ».

Бетр. Ха, ха, ха!

Улинька. Я не понимаю, папа, какъ ты можешь смѣяться! Безчестнѣйшій поступокъ, за который, я не знаю, куда бы ихъ слѣдовало всѣхъ услать..,

Бетр. Другъ мой, я ихъ ничуть не оправдываю, но что же дѣлать, если смѣшно? Какъ бишь? Полюби насъ бѣленькими?...

Чич. Черненькими, ваше превосходительство.

Бетр. «Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ». Ха, ха, ха!

Чич. Хе, хе, хе!

Бетр. Воображаю—хорошъ былъ небритый судъ! ха, ха, ха!

Чич. Да, ваше превосходительство, какъ бы то ни было, трехдневное бдѣніе безъ просыпу, тотъ же постъ: поизнурились, поизнурились! Хе, хе, хе!

Улинька. Я не знаю, меня только досада беретъ.

Бетр. Только, пожалуйста, не гнѣвайся на насъ. Мы тутъ ни въ чемъ не виноваты. Поцѣлуй меня и уходи къ себѣ, потому что я сейчасъ буду одѣваться къ обѣду. (*Улинька уходитъ*). Какъ бишь, полюби насъ бѣленькими?...

Чич. Черненькими, ваше превосходительство.

Бетр. Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ. Очень, очень хорошо! Ха, ха, ха!

Чич. Хе, хе, хе!...

Гоголь. (Мертвыя души, ч. 2).

Софья. ...Кого люблю я, нѣ таковъ:
Молчалинъ за другихъ забыть себя готовъ.
Врагъ дерзости, всегда застѣнчиво, не смѣло...
Ночь цѣлую съ кѣмъ можно такъ провесть?
Сидишь, а на дворѣ ужъ побѣлѣло.
Какъ думаешь, чѣмъ заняты?
Лиза. Богъ вѣсть,
Сударыня, мое ли это дѣло?
Софья. Возьметъ онъ руку, къ сердцу жметъ,
Изъ глубины души вздохнетъ,
Ни слова вольнаго,—и такъ вся ночь проходитъ,—
Рука съ рукой, и глазъ съ меня не сводитъ.
(*Лиза смѣется*).
Смѣешься? Можно ли? Чѣмъ поводъ подала
Тебѣ я къ хохоту такому?
Лиза. Мнѣ-съ?.. Ваша тетушка теперь на умъ пришла,
Какъ молодой французъ сбѣжалъ у ней изъ дома;
Голубушка, хотѣла схоронить
Свою досаду—не съумѣла:
Забыла волосы чернить,
И черезъ три дня посѣдѣла. (*Продолжаетъ хохотать*).
Софья (*огорченная*). Вотъ такъ же обо мнѣ потомъ заговорятъ!
Лиза. Простите: право, какъ Богъ святъ,
Хотѣла я, чтобъ этотъ смѣхъ дурацкій
Васъ нѣсколько развеселить помогъ.

Грибоѣдовъ. (Горе отъ ума, д. I, явл. 5).

(Удовольствіе, наслажденіе).

Липочка (*сидитъ у окна съ книгой*). Какое пріятное занятіе эти танцы! Вѣдь ужъ какъ хорошо! Что можетъ быть восхитительнѣе? Пріѣдешь въ собраніе, али къ кому на свадьбу, сидишь, натурально, вся въ цвѣтахъ, разодѣта какъ игрушка, али картинка журнальная;—вдругъ подлетаетъ кавалеръ: «удостойте счастія, сударыня»! Ну, видишь: если человѣкъ съ понятіемъ, али армейскій какой—возьмешь, да и прищуришься, отвѣчаешь: «извольте, съ удовольствіемъ»! Ахъ! (*съ жаромъ*) оча-ро-вательно! это просто, уму непостижимо! (*Вздыхаетъ*). Больше всего я не люблю танцовать со студентами, да съ приказными. То ли дѣло отличаться съ военными! Ахъ, прелесть, восхищеніе! И усы, и эполеты, и мундиръ, а у иныхъ даже шпоры съ колокольчиками. Одно убійственно, что сабли нѣтъ! И для чего они ее отвязываютъ? Странно, ей Богу! Сами не понимаютъ, какъ блеснуть очаровательнѣе! Вѣдь посмотрѣли бы на шпоры, какъ онѣ звенятъ, особливо, если уланъ али полковникъ какой разрисовываетъ — чудо! Любоваться мило-дорого! Ну, а прицѣпи-ко онъ еще саблю; просто ничего не увидишь любопытнѣе; одного грома лучше музыки наслушаешься. Ужъ какое же есть сравненіе, военный или штатскій? Военный — ужъ это сейчасъ видно: и ловкость и все, а штатскій что? Такъ, какой то неодушевленный! (*Молчаніе*). Удивляюсь, отчего это многія дамы, поджавши ножки, сидятъ? Формально нѣтъ никакой трудности выучиться! Вотъ, ужъ я на что совѣстилась учителя, а въ двадцать уроковъ все рѣшительно поняла. Отчего это не учиться танцовать! это одно только суевѣріе! Вотъ, маменька, бывало, сердится, что учитель все за колѣнки хватаетъ. Все это отъ необразованія. Что за важность! Онъ танцмейстеръ, а не кто нибудь другой. (*Задумывается*). Воображаю я себѣ, вдругъ за меня посватается военный, вдругъ у насъ парадный сговоръ: горятъ вездѣ свѣчки, ходятъ официанты въ бѣлыхъ перчаткахъ; я, натурально, въ тюлевомъ, либо въ газовомъ платьѣ, тутъ вдругъ заиграютъ вальсъ.

А ну какъ я передъ нимъ сконфужусь! Ахъ страмъ какой! Куда тогда дѣваться-то? Что онъ подумаетъ? Вотъ, скажетъ, дура необразованная! Да нѣтъ, какъ это можно! Однако, я вотъ полтора года не танцовала! Попробую-ко теперь на досугѣ. (*Дурно вальсируя*). Разъ... два... три... разъ... два... три... (*Аграфена Кондратьевна входитъ*).

Островскій. (Свои люди—сочтемся, д. I, явл. 1).

(Увлеченіе, воодушевленіе).

Дорси (*читаетъ газету*). «Франція должна дать движеніе дѣлу Европы». C'est ça! La France absolument!

Перепетуя Егоровна (*раскладывая карты*). Да ты не кричи, — мѣшаешь.

Дор. Madame.

Переп. Ег. Дѣвица.

Дор. C'est possible.

Переп. Е. Да ты у меня по французскому то не очень разговаривай, — пожалуй обругаешь.

Дор. Laissez moi tranquille! (*Читаетъ*). «Франція никогда не отступала»...

Переп. Ег. Вотъ и врешь! А изъ Москвы то какъ улепетывали? Видѣла я картинку: кто безъ сапогъ, кто въ салопѣ, кто въ женской юбкѣ!

Дор. Jamais! jamais! Неправда! Это les Russes на картинка такъ рисуетъ. La grande armée пошелъ домой avec музикъ и барамбанъ!

Переп. Ег. Русскія бабы кочергами, да метлами прогнали.

Дор. Jamais! Jamais! avec музикъ и барамбанъ! Французъ билъ...

Переп. Ег. Своими боками?

Дор. Зашѣмъ боками? У насъ билъ лошадь... у! какой лошадь!.. я тогда еще не родилъ... mais мой папенька самъ билъ на Смоленски, на Красни...

Переп. Ег. А въ Москвѣ былъ?

Дор. Я знай, какъ сражаитъ французи, madame?

Переп. Ег. Дѣвица, тебѣ говорятъ.

Дор. Cela m'est égal; ты Перепетуй Егоръ, баба, не понимай баталь; mais мой билъ на Кримъ и самъ сражалъ въ большой баталь... c'était un beau jour!—Nous arrivons... je vous montrerai ceci... (*съ жестами*), à droite, направо море, à gauche, налѣво лѣсъ, la forêt, прямо, les ennemis, непріятель... (*Показывая на Перепетую Егоровну*). Это батарей!

Переп. Ег. Чего пальцемъ въ живаго человѣка тычешь?

Дор. Les ennemis сто тысячи et триста canons, notre кавалери немного, pas beaucoup, notre infanterie семь тысячи—mais quelle infanterie!

Переп. Е. (*садясь на другой стулъ*). Врешь, мусье! все врешь!

Дор. Утро рано солнце взошелъ et tout-à-coup труби les fanfares те-те! те-те! те-те! (*Трубитъ ртомъ*). Les canons пушка началъ: бау! бау! бау! бау! (*Представляетъ пушечные выстрѣлы*) et les Français: па, па, па! па, па, па!.. (*Представляетъ бѣглый ружейный огонь*). C'est la fusillade! перестрѣлка, штуцеръ... les français танцовалъ... сюда... туда... en haut... en bas... направо... налѣво... et les ядра мимо, мимо! (*Дѣлаетъ движенія, сообразно словамъ, какъ бы увертываясь отъ ядра*). Oh! Que c'était un beau jour! Барамбанъ тр... тр... тр... трахъ, трахъ, трахъ! les fanfares те-те! те-те! те-те! les canons пушка бау, бау, бау, бау! les fusils па, па, па, па! лошадь скачитъ, сабля стучитъ, les généraux кричитъ, ранени плачитъ... барамбанъ билъ, кровь лилъ, дымъ дымилъ et tout-à-coup les Français на батарей аттакъ. (*Хватаетъ стулъ въ видѣ ружейнаго пріема на штыки и наступаетъ на Перепетую Егоровну*). Mourons pour la patrie! Vive l'empereur!

Переп. Ег. (*отступая*). Ну тебя въ болото! отвяжись окаянный!

Дор. (*наступая*) En avant! Tutto per l'amore!

Переп. Ег. Караулъ! Караулъ!

Дьяченко. (Гувернеръ, д. III, явл. 7).

(Ироническій смѣхъ).

Юсовъ (*смотря Жадову въ глаза*). Ха, ха, ха, ха...

Жадовъ. Чему вы смѣетесь?

Юс. Ха, ха, ха... Да какъ же не смѣяться-то? Съ кѣмъ вы спорите? Ха, ха, ха! Да на что же это похоже?

Жад. Что же тутъ смѣшнаго?

Юс. Чтожъ, дядюшка-то глупѣе васъ? А, глупѣе? Меньше васъ понимаетъ въ жизни? Да вѣдь это курамъ на смѣхъ. Вѣдь этакъ вы когда нибудь уморите со смѣху. Помилуйте, пощадите, у меня семейство.

Жад. Вы этого, Акимъ Акимычъ, не понимаете.

Юс. Понимать-то тутъ нечего. Хоть тысячу человѣкъ приведите, всѣ бы померли со смѣху, глядя на васъ. Этого человѣка вамъ бы слушать надобно было разиня ротъ, чтобы словечка не проронить, да слова-то его на носу зарубить, а вы спорите! Вѣдь это комедія, ей Богу, комедія, ха, ха, ха... Вотъ васъ дядюшка-то и отдѣлали, хе, хе, хе, да еще мало. То ли-бы слѣдовало. Будь я на его мѣстѣ... (*Дѣлаетъ строгую гримасу и уходитъ*).

Островскій. (Доходное мѣсто, д. I, явл. 10).

(Восторгъ).

Коринкинъ (*вбѣгаетъ, запыхавшись, съ сіяющимъ лицомъ*). Ухъ, стулъ! скорѣе стулъ! я упаду! (*Садится на стулъ*).

Олинька. Боже мой! Ваничка! что съ вами?

Кор. Олинька, скорѣе, ради Бога, ущипните меня за носъ... вырвите мнѣ клочекъ волосъ... ударьте меня сильнѣе въ шею!.. удостовѣрьте меня, что я не сплю!..

Ол. Боже мой! онъ съума сошелъ.

Кор. Дѣйствительно, можно помѣшаться!.. Уфъ!

Ол. Господи! какое еще новое несчастіе?

Кор. Кто вамъ говоритъ о несчастіи? Я счастливъ, такъ счастливъ, какъ никогда не бывалъ... Я богачъ!... я дантистъ!.. я

живу па Невскомъ!.. Я милліонеръ!.. Я Ротшильдъ!.. Тра, ла, ла, ла!.. (*Вскакиваетъ со стула и начинаетъ кружиться*).

Ол. Вы выиграли?

Кор. Ура! да здравствуетъ № 470!.. У меня теперь есть домъ! у меня три тысячи серебромъ! о счастіе! о восторгъ!.. о наслажденье!.. Тра, ла, ла, ла! (*Схватываетъ Олиньку и кружится съ ней*).

Ол. (*кружась*). Домъ!.. домъ.. неужели домъ? Ахъ, наше счастье!.. домъ!.. три тысячи!.. да перестаньте, Ваничка!.. вы меня замучите!..

Кор. (*кружась*). Не перестану! хочу радоваться! уфъ! уфъ! (*Падаетъ на стулъ*).

Ол. (*также падая на стулъ*). Уфъ!.. но какъ же это случилось?.. Ахъ... разскажите... разскажите!..

Кор. Постойте... все скажу по порядку... Только что я вышелъ изъ дома и хотѣлъ идти въ погребъ, вдругъ мимо меня летитъ Лучкинъ... Стой, закричалъ я, что таблица?.. Вотъ она! Дай же посмотрѣть! — Некогда, бѣгу, къ женѣ провѣрить свои нумера. — Постой!.. да скажи, по крайней мѣрѣ, кто выигралъ домъ?—№ 470! — Какъ онъ сказалъ, меня просто обдало кипяткомъ!... Покажи... закричалъ я, ради Бога, покажи!.. Онъ развернулъ таблицу... указалъ мнѣ № 470... я взглянулъ... точно, выигрышъ № 1!.. Тутъ ужъ я не помню, что со мной сдѣлалось! едва удержался на ногахъ... точно, какъ будто кто нибудь меня обухомъ по головѣ!.. да не то что больно... а пріятно, очень пріятно!..

Ол. Я воображаю...

Кор. Ну можете представить... не было, какъ говорится, алтына... и вдругъ... я владѣлецъ дома!.. у меня три тысячи капитала.

Ол. Ваничка... послушайте, не обманулись ли вы?

Кор. Какъ же обмануться, когда я видѣлъ своими глазами!..

Ол. Ахъ Ваничка, ахъ какое счастье!.. видите, какъ я вамъ напророчила!

Кор. Странныя, право, чувства рождаетъ это счастіе! По-

вѣрите ли, Олинька, я сталъ совершенно другой; я ужъ не тотъ вашъ Коринкинъ, подлекарь, какимъ былъ четверть часа назадъ...

Ол. Немудрено... я сама точно отуманена вашимъ выигрышемъ!

Кор. Нѣтъ! что у меня въ головѣ, такъ я не могу и объяснить.. просто ходуномъ ходитъ!.. Ералашъ, совершенный ералашъ!

Ол. Это оттого, я думаю, что вы голодны! Сядьте за столъ, да покушайте... подкрѣпите себя... выпейте вина. Гдѣ жъ ветчина и вино? развѣ вы не купили?

Кор. Стану я ѣсть теперь какую нибудь ветчину или пить пятидесятикопѣечную мадеру! Я хочу устрицъ!.. шампанскаго!.. Олинька, дайте мнѣ въ займы десять цѣлковыхъ, я сейчасъ поѣду къ Елисѣеву или Смурову!

Ол. (*смѣясь*). Полноте, что за роскошь такая!.. три тысячи вѣдь не милліонъ!

Кор. Для меня милліонъ, потому, что я ихъ въ годъ удесятерю!.. Олинька, дайте мнѣ въ займы десять цѣлковыхъ, да пошлите дворника взять коляску.

Ол. У меня нѣтъ столько... (*вынимаетъ изъ кармана два полтинника*) вотъ мои всѣ деньги... возьмите если хотите...

Кор. Этого мало! Но я вамъ не вѣрю... Не вы ли сами мнѣ говорили, что у васъ накоплено двѣсти рублей серебромъ?

Ол. Да это правда... у меня есть двѣсти рублей серебромъ, оставленные моимъ крестнымъ отцомъ... но они въ ломбардѣ... я берегла ихъ на приданое...

Кор. На приданое!.. очень нужно!..

Ол. Да какъ же не нужно? надо будетъ сдѣлать платье, салопъ, шляпку?.. А по моему, знаете ли что... не лучше ли бы намъ отобѣдать вмѣстѣ дома?.. Я сбѣгаю, куплю винца, кандитерскихъ пирожковъ...

П. Федоровъ. (Вод. № 470, явл. 6).

(Храбрость).

Кальфурнія. Ты, кажется, куда то собираешься, Цезарь? Ныньче ты не выйдешь изъ дому.

Цезарь. Выйду. Опасности, грозящія мнѣ, видѣли только тылъ мой; увидятъ лицо Цезаря—исчезнутъ.

Кальф. Цезарь, я никогда не обращала большаго вниманія на чудеса, но теперь они ужасаютъ меня. Кромѣ того, что мы сами видѣли и слышали, сейчасъ разсказывали мнѣ о явленіяхъ еще ужаснѣйшихъ, видѣнныхъ стражами. Львица окотилась на улицѣ; могилы разверзались и выпускали мертвыхъ своихъ; огненные воины, построясь въ ряды и легіоны по правиламъ военнаго искусства, яростно сшибались въ облакахъ, и кровь ихъ дождила на Капитолій; шумъ битвы гремѣлъ въ воздухѣ, кони ржали, умирающіе стонали; съ крикомъ и воемъ сновали по улицамъ привидѣнія. Все это рѣшительно не слыхано, и я не могу не страшиться.

Цез. Предопредѣленнаго всемогущими богами не избѣгнешь. Цезарь пойдетъ, потому что всѣ эти предзнаменованія грозятъ и всему міру столько же, сколько и Цезарю.

Кальф. Но, когда умираютъ нищіе, не бываетъ даже и кометъ; само пламенѣющее небо возвѣщаетъ смерть государей.

Цез. Трусы умираютъ много разъ и до смерти; мужественный извѣдываетъ смерть только разъ. Изо всѣхъ доселѣ слышанныхъ чудесъ самое странное, по моему мнѣнію, то, что люди могутъ бояться смерти, зная, что неизбѣжный конецъ этотъ всегда придетъ, когда придти долженъ. (*Входитъ служитель*). Что говорятъ авгуры?

Служитель. Что нынче ты не долженъ выходить изъ дому. Вынувъ внутренности изъ жертвы, они не нашли сердца.

Цез. Боги хотятъ пристыдить этимъ трусовъ, и Цезарь былъ бы именно животнымъ безъ сердца, еслибъ, изъ боязни, остался сегодня дома. Нѣтъ, Цезарь не останется; опасность знаетъ очень хорошо, что Цезарь опаснѣе ея самой. Мы два льва, рожденные

въ одинъ день: я старшій и страшнѣйшій. Цезарь выйдетъ изъ дому.

Шекспиръ. (Юлій Цезарь, д. II, сц. 2).

(Смѣлость).

Михайло Иванычъ. Ты, что жъ это, бунтовать крестьянъ что ли пріѣхалъ?

Николай (*спокойно*). Изъ за чего вы горячитесь, батюшка?

Мих. Ив. Я тебя спрашиваю: ты возмущать крестьянъ моихъ что ли пріѣхалъ ко мнѣ?.. Я тебя не звалъ сюда, кажется...

Ник. Во первыхъ, батюшка, эти крестьяне уже не наши и ничьи; во вторыхъ, я пріѣхалъ не къ вамъ, если вамъ этого угодно, а къ матушкѣ и сестрѣ...

Каролина Ивановна. O mein Hott...

Мих. Ив. Я тебя велю выгнать, лакеямъ велю тебя вытолкать!..

Ник. Не забудьте, что теперь уже не прежнее время и ни одинъ изъ вашихъ слугъ не осмѣлится, или не захочетъ исполнить вашего приказанія... Но, батюшка, успокойтесь, если можете; я хотѣлъ бы говорить съ вами спокойно...

Мих. Ив. Какъ ты смѣешь со мной такъ говорить!.. Ты забываешь, что я твой отецъ!.. Я требую, чтобы ты говорилъ со мной почтительно... я приказываю тебѣ!..

Кар. Ив. О, да... сынъ—и такъ—отцу... Это ужасно... Это не можно... Фуй!

Ник. А вотъ этой госпожѣ позволяется вмѣшиваться въ нашъ разговоръ, въ разговоръ отца съ сыномъ?..

Мих. Ив. Этой госпожѣ? Эту госпожу я люблю и уважаю, и требую, чтобы и другіе ее также уважали... Слышишь ты это?..

Ник. Ну, требовать этого отъ другихъ довольно мудрено... А по моему мнѣнію, было бы гораздо справедливѣе, если бы вы ее, а не сына выгнали изъ дому...

Мих. Ив. (*дрожа отъ гнѣва*). Николай...

Кар. Ив. Охъ, онъ меня хочетъ гонитъ... это я знаю, это Марья Васильевна, это онъ противъ меня...

Ник. (*вспыхнувъ*). Не смѣйте при мнѣ произносить этого имени, а то я не ручаюсь за себя!..

Кар. Ив. Охъ, охъ, онъ меня хочетъ убиватъ... Охъ, охъ. (*Истерически рыдаетъ*).

Мих. Ив. (*бросается на сына со сжатыми кулаками*). Николай, чего ты ждешь отъ меня?.. Чего ты хочешь?..

Ник. Успокойтесь, батюшка... Поймите: я не ребенокъ... Вы старикъ, вамъ стыдно; подумайте, кому на жертву отдали вы страдалицу, вашу жену... Выгоните эту тварь...

Кар. Ив. (*истерически вскрикиваетъ*).

Мих. Ив. (*въ бѣшенствѣ кидаясь на кресло*). Никогда, ни за что... На зло тебѣ!.. Я не позволю себя учить... мальчишкѣ, щенку...

А. Потѣхинъ. (Отрѣзанный ломоть, д. III, явл. 3).

(Придирчивость).

(*Гордѣй Карпычъ входитъ; Митя, Разлюляевъ, Гуслинъ встаютъ и перестаютъ пѣть*).

Гордѣй Карпычъ. Что распѣлись! Горланятъ, точно мужичье! (*Митѣ*). И ты туда жъ! Кажется, не въ такомъ домѣ живешь, не у мужиковъ. Что за полпивная. Чтъ бъ у меня этого не было впередъ. (*Подходитъ къ столу и разсматриваетъ бумаги*). Что бумаги-то разбросалъ!..

Митя. Это я счета провѣрялъ-съ.

Гор. Кар. (*беретъ книгу Кольцова и тетрадь со стихами*). А это еще что за глупости?

Митя. Это я отъ скуки, по праздникамъ-съ, стихотворенія господина Кольцова переписываю.

Гор. Кар. Какія нѣжности при нашей бѣдности.

Митя. Собственно для образованія своего занимаюсь, чтобъ имѣть понятіе.

Гор. Кар. Образованіе! Знаешь ли ты, что такое образованіе!.. А еще туда же разговариваетъ! Ты бы вотъ сертучишко новенькій сшилъ! Вѣдь къ намъ на верхъ ходишь, гости бываютъ... срамъ!.. Куда деньги то дѣваешь?

Митя. Маменькѣ посылаю, потому она въ старости, ей негдѣ взять.

Гор. Кар. Матери посылаешь! Ты себя-то бы образилъ прежде; матери-то не Богъ знаетъ что нужно, не въ роскоши воспитана, чай сама хлѣвы затворяла.

Митя. Ужъ пущай же лучше я буду терпѣть, да маменька по крайности ни въ чемъ не нуждается.

Гор. Кар. Да вѣдь безобразно! Ужъ коли не умѣешь надъ собою приличія наблюдать, такъ и сиди въ своей конурѣ; коли голъ кругомъ, такъ нечего о себѣ мечтать! Стихи пишетъ, образовать себя хочетъ, а самъ, какъ фабричный, ходитъ! Развѣ въ этомъ образованіе-то состоитъ, что дурацкія пѣсни пѣть. То-то глупо-то! (*Сквозь зубы и косясь на Митю*). Дуракъ! (*Помолчавъ*). Ты и не смѣй показываться въ этомъ сертучишкѣ на верхъ. Слышишь, я тебѣ говорю. (*Къ Разлюляеву*). А ты тоже! Отецъ-то чай деньги лопатой загребаетъ, а тебя въ этакомъ зипунишкѣ водитъ.

Разлюляевъ. Что же такое! онъ новый... сукно-то французское, изъ Москвы выписывали по знакомству... двадцать рублевъ аршинъ. Что жъ, нешто мнѣ этакую штуку надѣть, какъ у Франца Федорыча, у аптекаря... кургузую; такъ его вонъ и дразнятъ всѣ: срамъ пальто. Такъ что жъ хорошаго людей смѣшить!

Гор. Кар. Много ты знаешь! Да что, съ тебя взыскать-то нечего! Самъ то ты глупъ, да и отецъ-то твой не больно уменъ. Цѣлый вѣкъ съ засаленнымъ брюхомъ ходитъ, дураками непросвѣщенными живете, дураками и умрете.

Разг. Ужъ ладно.

Гор. Кар. (*строго*). Что?

Разл. Ладно, молъ.

Гор. Кар. Неучъ, и сказать-то путно не умѣешь, Говорить-

то съ вами—только слова тратить; все равно, что стѣнѣ горохъ, такъ и вамъ дуракамъ. (*Уходитъ*).

Островскій. (Бѣдность не порокъ, д. I, явл. 7).

Кукушкина (*входитъ*). Какъ себя не похвалить? У меня порядокъ, у меня все въ струнѣ! (*Садится*). А это что? (*Указываетъ горничной на диванъ*).

Стеша. Да помилуйте, силъ моихъ не хватаетъ, всю поясницу разломило.

Кукуш. Какъ ты смѣешь, мерзкая, такъ разговаривать! Ты за то жалованье получаешь. У меня чистота, у меня порядокъ, у меня по ниточкѣ ходи. (*Горничная подметаетъ и уходитъ*). Юлинька! (*Юлинька встаетъ*). Я съ вами хочу говорить.

Юлинька. Что вамъ угодно, маменька?

Кукуш. Вы знаете, что у меня ни за мной, ни передъ мной ничего нѣтъ.

Юлин. Знаю, маменька.

Кукуш. Пора знать, сударыня! доходовъ у меня нѣтъ ни откуда, одна пенсія. Своди концы съ концами, какъ знаешь. Я себѣ во всемъ отказываю. Поворачиваюсь, какъ воръ на ярмаркѣ, а я еще не старая женщина, могу партію найти. Понимаете вы это?

Юлин. Понимаю-съ.

Кукуш. Я вамъ дѣлаю модныя платья и разныя бездѣлушки, а для себя перекрашиваю, да перекраиваю изъ стараго. Не думаете ли вы, что я наряжаю васъ для вашего удовольствія, для франтовства? Такъ ошибаетесь. Все это дѣлается для того, чтобы выдать васъ замужъ, съ рукъ сбыть. По моему состоянію я васъ могла бы только въ ситцевыхъ да затрапезныхъ платьяхъ водить. Если не хотите, или не умѣете себѣ найти жениха, такъ и будетъ. Я для васъ обрывать, да обрѣзывать себя понапрасну не намѣрена.

Полина. Мы, маменька, давно это слышали. Вы скажите, въ чемъ дѣло?

Кукуш. Ты молчи! не съ тобой говорятъ. Тебѣ за глупость Богъ счастье далъ, такъ ты и молчи. Какъ бы не дуракъ этотъ

Жадовъ, такъ бы тебѣ вѣкъ горе мыкать, въ дѣвкахъ сидѣть за твое легкомысліе. Кто изъ умныхъ-то тебя возьметъ? Кому надо? Хвастаться тебѣ нечѣмъ, тутъ твоего ума ни на волосъ не было: ужъ нельзя сказать, что ты его приворожила, — самъ набѣжалъ; самъ въ петлю лѣзетъ, никто его не тянулъ. А Юлинька дѣвушка умная, должна своимъ умомъ себѣ счастье составить. Позвольте узнать, будетъ отъ вашего Бѣлогубаго толкъ или нѣтъ?

Юлин. Я, маменька, не знаю.

Кукуш. Кто же знаетъ? Вамъ извѣстно, сударыня, что я посторонних молодыхъ людей въ домъ не принимаю. Я принимаю только жениховъ или тѣхъ, которые могутъ быть женихами. У меня, коли мало-мальски похожъ на жениха, милости просимъ, домъ открытъ, а какъ завилялъ хвостомъ, такъ и поворотъ отъ воротъ. Намъ такихъ не надобно. Я свою репутацію берегу, да и вашу также.

Юлин. Что же, маменька, мнѣ дѣлать?

Кукуш. Дѣлать то, что приказано. Вы помните одно, что вамъ въ дѣвкахъ оставаться нельзя. Вы должны будете въ кухнѣ жить.

Юлин. Я, маменька, дѣлала все, что вы приказали.

Кукуш. Что же вы дѣлали? Извольте говорить, я буду слушать васъ.

Полин. Когда онъ пришелъ къ намъ во второй разъ, помните, еще вы его насильно привели, я ему сдѣлала глазки.

Кукуш. Ну, а онъ что?

Юлин. А онъ какъ-то странно сжималъ губы, облизывался. Мнѣ кажется, онъ такъ глупъ, что ничего не понялъ. Нынче всякій гимназистъ ловчѣе его.

Кукуш. Ужъ я тамъ вашихъ наукъ не знаю, а вижу, что онъ почтителенъ, и есть въ немъ какое-то пріятное искательство къ начальству. Значитъ, онъ пойдетъ далеко. Я это съ разу поняла.

Юлин. Когда онъ былъ у насъ въ третій разъ, помните, въ пятницу, я ему стихи читала любовные; онъ тоже, кажется, ничего не понялъ. А ужъ въ четвертый разъ я ему записку написала.

Кукуш. Что же онъ?

Юлин. Онъ пришелъ и говоритъ: «мое сердце никогда отъ васъ не отвращалось, а всегда было, есть и будетъ». (*Полина хохочетъ*).

Кукуш. (*грозя ей пальцемъ*). Что же дальше?

Юлин. Говоритъ: «какъ только получу мѣсто столначальника, такъ буду у вашей маменьки слезно просить руки вашей».

Кукуш. А скоро онъ получитъ?

Юлин. Говоритъ, что скоро.

Кукуш. Поди, Юлинька, поцѣлуй меня. (*Цѣлуетъ ее*). Выйти замужъ, мой другъ, для дѣвушки великое дѣло. Вы это послѣ поймете. Я вѣдь мать, и мать строгая; съ женихомъ, что хочешь дѣлай, я сквозь пальцы буду смотрѣть, я молчу, мой другъ, молчу; а ужъ съ постороннимъ, нѣтъ, шалишь, не позволю. Поди, Юлинька, сядь на свое мѣсто. (*Юлинька садится*). А выдете, дѣти, замужъ, вотъ вамъ мой совѣтъ: мужьямъ потачки не давайте, такъ ихъ поминутно и точите, чтобы деньги добывали, а то облѣнятся, потомъ сами плакать будете. Много бы надо было наставленій сдѣлать, но вамъ теперь, дѣвушкамъ, еще всего сказать нельзя; коли случится что, пріѣзжайте прямо ко мнѣ, у меня всегда для васъ пріемъ, никогда запрету нѣтъ. Всѣ средства я знаю и всякій совѣтъ могу дать, даже и по докторской части.

Полин. Маменька, кто-то пріѣхалъ.

Юлин. (*взглянувъ въ окно*). Бѣлогубовъ съ какимъ то старикомъ.

Кукуш. Садитесь по мѣстамъ. Юлинька, спусти немного мантилью съ праваго плеча.

Островскій. (Доходное мѣсто, д. II, явл. 2).

(Наглость, нахальство).

Ноздревъ (*Чичикову, на балу у губернатора*).—А, херсонскій помѣщикъ, херсонскій помѣщикъ! Что? много наторговалъ мертвыхъ! Вѣдь вы не знаете, ваше превосходительство, онъ торгуетъ мертвыми душами! Ей Богу! Послушай, Чичиковъ! вѣдь

ты, я тебѣ говорю по дружбѣ, вотъ мы всѣ здѣсь твои друзья, вотъ и его превосходительсто здѣсь, — я бы тебя повѣсилъ, ей Богу, повѣсилъ! Повѣрите ли, ваше превосходительство, какъ сказалъ онъ мнѣ: «продай мертвыхъ душъ», я такъ и лопнулъ со смѣха. Пріѣзжаю сюда, мнѣ говорятъ, что онъ накупилъ на три милліона крестьянъ на выводъ! Да онъ торговалъ у меня мертвыхъ. Послушай, Чичиковъ: да ты скотина, ей Богу, скотина! вотъ и его превосходительство здѣсь... не правда ли прокуроръ?.. Ужъ ты, братъ, ты, ты... я не отойду отъ тебя, пока не узнаю, зачѣмъ ты покупалъ мертвыя души. Послушай, Чичиковъ, вѣдь тебѣ, право, стыдно; у тебя, ты знаешь, нѣтъ лучшаго друга, какъ я. Вотъ и его превосходительство здѣсь; не правда ли прокуроръ? Вы не повѣрите, ваше превосходительство, какъ мы другъ къ другу привязаны, то есть, просто, если бы вы сказали, вотъ, я тутъ стою, а вы бы сказали: «Ноздревъ, скажи по совѣсти кто тебѣ дороже, отецъ родной, или Чичиковъ»? скажу — Чичиковъ, ей Богу... Позволь, душа, я тебѣ влѣплю одинъ безе. Ужъ вы позвольте, ваше превосходительство, поцѣловать мнѣ его. Да, Чичиковъ, ужъ ты не противься, одну безешку позволь напечатлѣть тебѣ въ бѣлоснѣжную щеку твою.

Гоголь. (Мертвыя души, часть I, гл. 8).

(Дерзость).

Хлестаковъ. Послушай, эй, Осипъ!

Осипъ. Чего изволите?

Хлест. (*громко, но не столь рѣшительно*). Ты ступай туда.

Осипъ. Куда?

Хлест. (*голосомъ вовсе нерѣшительнымъ и негромкимъ, очень близкимъ къ просьбѣ*). Внизъ, въ буфетъ... Такъ скажи... чтобъ мнѣ дали пообѣдать.

Осипъ. Да нѣтъ, я и ходить не хочу.

Хлест. Какъ ты смѣешь, дуракъ?

Осипъ. Да такъ, все равно, хоть и пойду, ничего изъ этого не будетъ. Хозяинъ сказалъ, что больше не дастъ обѣдать.

Хлест. Какъ онъ смѣетъ не дать? Вотъ еще вздоръ!

Осипъ. Еще говоритъ, и къ городничему пойду; третью недѣлю баринъ денегъ не платитъ. Вы-де съ бариномъ, говоритъ, мошенники, и баринъ твой плутъ. Мы-де, говоритъ, этакихъ широмыжниковъ и подлецовъ видали.

Хлест. А ты ужъ и радъ, скотина, сейчасъ пересказывать мнѣ все это.

Осипъ. Говоритъ: «Этакъ всякій пріѣдетъ, обживется, задолжаетъ, послѣ и выгнать нельзя. Я», говоритъ, «шутить не буду, я прямо съ жалобой, чтобъ на съѣзжую, да въ тюрьму».

Хлест. Ну, ну, дуракъ, полно! Ступай, ступай, скажи ему! Такое грубое животное!

Осипъ. Да лучше я самого хозяина позову къ вамъ.

Хлест. На что жъ хозяина? Ты поди самъ, скажи.

Осипъ. Да право, сударь.

Хлест. Ну, ступай, чортъ съ тобой! позови хозяина.

Гоголь. (Ревизоръ, д. II, явл. 2).

(Печаль, всѣ виды).

Дѣйств. лица: Варвара Павловна—около 50-ти лѣтъ.
Оля и Лиза—ея дочери, 17-ти и 22-хъ лѣтъ
Ѳедосья—портниха, дѣвушка лѣтъ 25-ти.
Власъ—крестьянинъ, старикъ.
Иванъ—лакей.

Варвара Павловна. Такъ-то вотъ, Лизокъ... Вотъ и тебѣ радость будетъ, какъ поѣдемъ въ Ѳедотино. Тебѣ скучно здѣсь, милая.

Лиза. Нѣтъ, мамаша, мнѣ съ вами не скучно...

Вар. Павл. Ну, полно, вижу я, Лиза, все вижу. Ольга молода еще, ей все весело... А ты ужъ понимаешь... Что дѣлать, Лизочка, ты знаешь, какъ я желаю твоего счастья. Кто знаетъ?.. Тамъ поживемъ, посмотримъ, а на зиму опять сюда пріѣдемъ. Свѣтъ не клиномъ сошелся.

Лиза (*покраснѣвъ*). Полноте, мамаша, я объ этомъ совсѣмъ не думаю. Мнѣ и съ вами весело, я съ вами никогда не разстанусь... (*Цѣлуетъ со слезами на глазахъ*).

Вар. Пав. (*обнимая ее*). Полно, полно, добрая моя... Знаю я, что не весело у тебя на душѣ, ты не говоришь только. Божья воля, Лизочка, все къ лучшему... И человѣкъ съ виду былъ хорошій, да, слава Богу, во время узнали... Вѣдь онъ не тебя любилъ, милая. Приданое ему нравилось... Негодяй... замучилъ бы онъ тебя...

Лиза. Полноте, мамаша, зачѣмъ вспоминать объ этомъ? Онъ мнѣ нравился... а теперь... теперь я забыла...

Вар. Пав. Не могу я, Лиза. Сердце болитъ у меня, какъ только вспомню... Такъ смѣть мою дочь оскорбить!..

Оля (*за дверью*). Maman, maman! (*Вбѣгаетъ въ новомъ платьѣ*). Что это такое? Платье никуда не годится. Посмотрите, какъ Ѳедосья сдѣлала? на кого я похожа? И развѣ теперь носятъ такіе рукава. (*Дергаетъ платье и мнетъ рукава*).

Вар. Павл. Постой, постой, не горячись такъ, повернись-ка сюда.

Оля. Ну посмотрите, maman. Видите, какъ скверно сидитъ. Это что, это что? (*Приподымаетъ складки*). Виситъ точно мѣшокъ... И Ѳедосья такая грубая: я ей сказала, что она шить не умѣетъ, вѣдь это правда, а она мнѣ на это такъ серьезно, серьезно: «вы еще молоды, сударыня, чтобы меня учить, вы ничего еще не понимаете»; слышите, maman, ничего не понимаю, каково это?... Противная!.. Я бы ее... такъ...

Вар. Павл. Что ты, Оля, съ ума сошла! Развѣ можно дѣвушкѣ такъ сердиться! Прилично ли это? Ты подумай-ка. Если платье дурно сдѣлано, его передѣлать можно. А кричать, сердиться, какъ это можно?.. Не хорошо!..

Оля. Да досадно, мамаша. Какъ же это? Сегодня пріѣдетъ Александръ Петровичъ, я думала встрѣтить его въ новомъ платьѣ, а теперь, что я надѣну? И потомъ, какъ она смѣетъ говорить, что я маленькая. Я невѣста, а она говоритъ, что я ничего не понимаю.

Вар. Павл. (*улыбаясь*). А развѣ это не правда! Много ты понимаешь... совсѣмъ старуха выросла... А лифъ, Лиза, дѣйствительно, скверно сидитъ. Посмотри-ка сюда...

Лиза (*подходитъ*). Да, нехорошо.

Вар. Павл. Вѣдь я говорила Ѳедосьѣ припустить съ этаго бока, а она что сдѣлала? Эхъ какой народъ, право!.. Да и рукава совсѣмъ не такъ...

Оля. Вотъ видите, что я говорила? Не правда развѣ? А она...

Вар. Павл. Не таранти такъ пожалуйста. Дай-ка лучше еще посмотрѣть, что нужно сдѣлать. Лиза, позови сюда Ѳедосью. (*Лиза уходитъ*)... Тутъ запасъ есть, можно исправить... да не вертись такъ, Ольга? (*Входятъ Лиза и Ѳедосья*). Что это, Ѳедосья, ты совсѣмъ не такъ сдѣлала. Я говорила тебѣ, что съ этого бока надобно припустить по выкройкѣ, а ты, какъ нарочно, укоротила. И опять рукава, видишь, какъ нехорошо.

Ѳедосья. Какъ вы приказали, сударыня, я такъ и сдѣлала. А что матеріи больше не хватило, такъ въ этомъ я не виновата.

Вар. Павл. Какъ матеріи не достало. Вѣдь я видѣла: послѣ кройки остался кусокъ. Гдѣ же онъ? Ты не забыла ли?

Ѳедос. Нечего было забывать, сударыня, вся матерья вышла. А что вы подозрѣвать меня изволите, такъ это напрасно-съ... Я въ магазинѣ на Невскомъ жила и потомъ цѣлый годъ въ Царскомъ селѣ у генеральши Солоницыной работала и всегда ея превосходительство довольны оставались, а теперь?.. Что ни сдѣлаешь, все не такъ. Не знаю-съ, какъ вамъ угодить можно? И при всемъ томъ вы меня обижать изволите...

Вар. Павл. Что ты тамъ за пустяки говоришь! Какая тутъ обида, никакой обиды нѣтъ. Вѣдь я знаю, что кусокъ большой оставался... И платье скверно сдѣлано. Тутъ ни обижаться, ни разговаривать нечего. Оля, поди, сними платье; я сейчасъ приду, покажу что дѣлать...

Оля (*надувшись уходитъ. Въ дверяхъ вполголоса*). Противная... Гадкая...

Ѳедосья (*обиженнымъ тономъ*). Какъ вамъ угодно, сударыня,

обидѣть человѣка всегда можно. А я, бѣдная дѣвушка, тружусь, а тутъ... (*Плачетъ и медленно уходитъ*).

Вар. Павл. Господи! Что это за наказаніе съ нынѣшними людьми! Сказать ничего нельзя... Сейчасъ обидится... А сама кругомъ виновата... Уйдетъ еще пожалуй... (*Вставая*). Пойду... а то еще моя Ольга разбранится съ ней.. Ахъ, какой народъ...

Лиза (*у окна*). Maman, посмотрите, какой несчастный идетъ. Надобно дать ему что нибудь.

Вар. Павл. (*подходитъ къ окну*). Ахъ, Боже мой? Да это Власъ изъ Өедотина; что это съ нимъ? Власъ, что это съ тобой?

Голосъ за окномъ. Божье наказанье, матушка, по грѣхамъ нашимъ!...

Вар. Павл. (*въ испугѣ*). Что случилось?.. Иди скорѣе сюда... (*Къ Лизѣ*). Что это еще... Я просто начинаю бояться, не случилось ли у насъ чего? (*Власъ входитъ и становится у двери*). Ну, что случилось?...

Власъ. Несчастіе, матушка. Погорѣли всѣ, какъ есть. Шубенки не спасли...

Вар. Павл. и Лиза. Какъ!.. Когда?...

Власъ. Третій день пошолъ матушка. Прогнѣвался Господь, значитъ. Все Өедотино, какъ есть, словно помеломъ вымело. Утромъ Господь градомъ ржицу побилъ, а ночью огнемъ посѣтилъ. Всего живота лишились. Я еще двѣ коровенки со двора уволокъ, а другіе такъ, почитай, ничего не спасли. У Терентія, изволите знать, матушка, двое робятъ сгорѣло... Вотъ бѣда-то! О Господи, Господи!..

Вар. Павл. И нашъ домъ сгорѣлъ?

Власъ. Все, какъ есть, матушка, сгорѣло. Сарай, что за рѣчкой-то, остался, а то все пустырь пустыремъ теперь! Не поможешь ли чѣмъ, матушка, съ голоду помираемъ...

Вар. Павл. (*не слушая его, Лизѣ*)... Өедотино сгорѣло... Сколько я лѣтъ ждала, терпѣла, деньги тратила, чтобы сберечь его себѣ подъ старость!.. Вотъ добрымъ людямъ отнять не удалось, такъ Богъ взялъ... Несчастливы мы съ тобой, Лизочка. (*Задумывается*).

Лиза (*плачетъ*) Ѳедотино... домъ нашъ...

Власъ. Помоги, Христа ради, родная.

Оля (*входя*) Мамаша... (*Увидя сцену*). Что это значитъ?.. Мамаша, Лиза, что это? вы плачете? (*Въ испугѣ*). Да говорите же, что такое, Лиза?

Лиза. Ѳедотино наше сгорѣло, Оля!..

Оля. Ахъ, Боже мой! (*Нѣсколько секундъ молчаніе, сцена, слышны шаги. Иванъ входитъ печальный*).

Оля (*съ волненіемъ*). Здравствуй Иванъ! Откуда ты?..

Иванъ (*кланяется*). Здравствуйте, барышня. Здравствуйте сударыня, Варвара Павловна.

Вар. Павл. Здравствуй, Иванъ, что ты? Здоровъ ли Александръ Петровичъ?

Иванъ. Такъ, сударыня, я пріѣхалъ къ вашей милости... объ Александрѣ Петровичѣ доложить... да не знаю-съ...

Вар. Павл. и Оля. (*съ испугомъ*). Что такое?..

Иванъ (*мнется*). Да ужъ не знаю... какъ доложить-то... Огорченіе намъ всѣмъ большое... Вы, сударыня, не пугайтесь очень-то... Такъ, знать, Господу Богу угодно...

Оля. Что такое, говори скорѣй, Иванъ, говори. Александръ Петровичъ болѣнъ? Случилось что нибудь?

Иванъ. Да-съ... больны-съ... барышня... Очненно больны-съ.

Оля. Господи! Да какъ же это? Я сегодня получила отъ него письмо, онъ пишетъ, что, можетъ, сегодня пріѣдетъ.

Иванъ. Точно такъ-съ, барышня. Мы вчера-сь и выѣхали въ 9 часовъ-съ... Да на дорогѣ... на пути-съ... Изволите знать-сь поворотъ въ Ѳедюкино.

Вар. Павл. Ну... знаю, что жъ такое?

Иванъ. Такъ вотъ-съ, тутъ-то... на косогорѣ... (*Рѣшительно*). Несчастье приключилось, Варвара Павловна. Лошади разбили-съ.

Оля (*вскрикиваетъ, падаетъ на стулъ и закрываетъ лицо руками. Лиза подбѣгаетъ къ ней*).

Вар. Павл. Ахъ, Боже мой! Опасно! Гдѣ же онъ теперь? Есть ли докторъ? Надо послать сейчасъ-же.

Иванъ (*тихимъ голосомъ*). Не извольте напрасно безпокоиться, Варвара Петровна... Александръ Петровичъ-съ... скончались...

(*Страшный крикъ Оли, она падаетъ въ обморокъ*).

Варв. Павл. Какъ умеръ! (*Въ онѣменіи взглянувъ на Ольгу, подбѣгаетъ къ ней*). Оля, Оля! Иванъ, воды скорѣй... Оля, другъ мой! (*Всѣ суетятся. Ольгу уносятъ*).

Власъ (*крестится*). Царство небесное... (*Со вздохомъ*). Вотъ такъ прогнѣвался Господь на насъ грѣшныхъ. (*Уходитъ*). (*Сцена остается нѣкоторое время пуста, входитъ Вар. Павл*).

Варв. Павл. Очнулась, слава Богу. Что же дѣлать теперь? (*Садится*). Господи! за что ты такъ наказываешь... Давно ли? за часъ мы всѣ были веселы, довольны, счастливы!.. Что мы теперь? Нищіе... И надежды больше нѣтъ! Оля, моя бѣдная Оля!.. И Лиза! Какъ она радовалась... Все было—теперь ничего. Что жъ и жизнь то вся наша... Охъ тяжело, тяжело... хоть бы кто нибудь былъ здѣсь, успокоилъ бы... Никого... дѣлай какъ знаешь... (*Съ усиліемъ*). Да будетъ твоя святая воля, Господи! (*Глаза со слезами обращаются къ образу*).

С—въ.

(Горе).

— Здравствуй, родная.—«Какъ можется, кумушка?
Все еще плачешь никакъ?
Ходитъ, знать, по сердцу горькая думушка,
Словно хозяинъ—большакъ»?
— Какъ же не плакать? Пропала я грѣшная?
Душенька ноетъ, болитъ...
Умеръ, Касьяновна, умеръ, сердешная,
Умеръ и въ землю зарытъ!
— Вѣдь наскочилъ же на экую гадину!
Сынъ ли мой не былъ удалъ?
Сорокъ медвѣдей поддѣлъ на рогатину—
На сорокъ-первомъ сплошалъ!
Росту большаго, рука, что желѣзная,
Плечи—косая сажень;
Умеръ, Касьяновна, умеръ, болѣзная—
Вотъ ужъ тринадцатый день!

— Шкуру съ медвѣдя-то содрали, продали;
Деньги—семнадцать рублей—
За душу бѣднаго Савушки подали,
Царство небесное ей!
Добрая барыня Марья Романовна
На панихиду дала...
Умеръ, голубушка, умеръ, Касьяновна—
Чуть я домой добрела.
— Вѣтеръ шатаетъ избенку убогую,
Весь развалился овинъ...
Словно шальная, пошла я дорогою:
Не попадется-ли сынъ?
Взялъ бы топорикъ—бѣда поправимая—
Мать бы утѣшилъ свою...
Умеръ, Касьяновна, умеръ, родимая—
Надо-ль? топоръ продаю.
— Кто приголубитъ старуху безродную?
Вся обнищала въ конецъ!
Въ осень ненастную, въ зиму холодную
Кто запасетъ мнѣ дровецъ?
Кто, какъ доносится теплая шубушка,
Зайчиковъ новыхъ набьетъ?
Умеръ, Касьяновна, умеръ, голубушка—
Даромъ ружье пропадетъ!
— Вѣришь, родная: съ тоской, да съ заботами
Такъ опостылѣлъ мнѣ свѣтъ!...
Лягу въ коморку, покроюсь тенетами,
Словно какъ саваномъ... Нѣтъ!
Смерть не приходитъ... Брожу нелюдимая,
По-пусту жалоблю всѣхъ...
Умеръ, Касьяновна, умеръ, родимая—
Эхъ! кабы только не грѣхъ...
— Ну да и такъ... дай Богъ зиму промаяться,
Свѣжей травы мнѣ не мять!
Скоро избенка совсѣмъ разшатается,
Некому поле вспахать...
Въ городъ сбирается Марья Романовна,
По-міру силъ нѣтъ ходить...
Умеръ, голубушка, умеръ, Касьяновна,
И не велѣлъ долго жить!

Некрасовъ. (Въ деревнѣ).

(Печаль).

И безъ рѣчей—по нашимъ блѣднымъ лицамъ,
По платьямъ нашимъ—можешь угадать,
Какъ жили мы съ тѣхъ поръ, какъ ты въ изгнанье
Пошелъ отъ насъ. Подумай самъ, найдешь ли
На свѣтѣ женщинъ ты несчастнѣй насъ,
Насъ, для которыхъ этотъ часъ свиданья
На мѣсто радостей и слезъ восторга
И ужасъ, и печаль съ собой несетъ!
Супруга, мать, твой сынъ—должны мы видѣть
Какъ ты, отецъ-супругъ и сынъ, терзаешь
Родной свой край. И бѣднымъ намъ то горе
Еще больнѣй; черезъ тебя лишились
Послѣдней мы и общей всѣмъ отрады:
Ты насъ лишилъ молитвы! Долгъ велитъ
Молить боговъ за родину—но какъ же
Мы за тебя богамъ молиться можемъ,
Какъ долгъ велитъ? Отторгнуться должны мы
Отъ родины, кормилицы безцѣнной,
Иль отъ тебя, одной утѣхи нашей!
Ты побѣдишь иль нѣтъ—намъ все равно,
Намъ всюду гибель. Иль увидимъ мы,
Какъ повлекутъ тебя въ цѣпяхъ по Риму
На казнь измѣнникомъ, иль въ торжествѣ
Ты вступишь на развалины родныя
И примешь побѣдителя вѣнокъ,
Проливши кровь родной жены и сына!
Что до меня, мой сынъ, я не дождусь,
Чѣмъ кончится война; коль я не въ силахъ
Склонить тебя на миръ великодушный,
То, вѣрь мнѣ, прежде чѣмъ идти на Римъ,
Черезъ мой трупъ перешагнуть ты долженъ.
Ступи-жь на грудь, которая вскормила
Коріолана. (*Падаетъ ницъ передъ Коріоланомъ*).

Шекспиръ. (Коріоланъ, д. V, сц. 3).

(Грусть).

Десдемона (*поетъ*). Склонивши головку и сердце сдавивши рукой,
Сидѣла, бѣдняжка, вздыхая подъ ивой густой.
Зеленая ива! Зеленая ива!
И грустно ей вторилъ гремучею струйкой ручей
И камни смягчались слезами голубки моей.

Ахъ, поспѣши, Эмилія!
Зеленая ива! Зеленая ива!
Скорѣе же—вѣдь онъ сейчасъ придетъ.
Изъ ивы совью я послѣдній свой бѣдный вѣнокъ…
Зачѣмъ же, о люди, укоръ вашъ, зачѣмъ вашъ упрекъ
Любезному другу—вѣдь я не корила его…
Нѣтъ здѣсь не такъ!—Послушай! кажется
Какъ будто кто стучится…

Эмилія. Это вѣтеръ.

Десдемона. Ахъ, нѣжно такъ друга я звала—и что-жъ онъ сказалъ?..
Зеленая ива! Зеленая ива!
Ну, если и въ правду такъ часто ужъ я измѣнялъ—
Зачѣмъ же, дѣвица, ты любишь меня одного?..
Иди-жъ себѣ, Эмилья, добрый сонъ!
Такъ странно, что-то у меня въ очахъ
Горитъ… не слезы ль это предвѣщаетъ?

Шекспиръ. (Отелло, д. IV, сц. 3).

(Сожалѣніе).

Офелія. Какой высокій погубленъ въ немъ духъ!
Мечъ воина, языкъ витіи, взоръ
Придворнаго, надежды цвѣтъ для царства,
Зерцало нравовъ, образецъ всему,
Цѣль наблюденій общихъ—все погибло!
И мнѣ, изъ дѣвъ несчастнѣйшей, испившей
Чарующихъ его обѣтовъ сладость,
Мнѣ должно видѣть умъ его высокій
Въ разстройствѣ звуковъ, какъ органъ разбитый,
Въ безуміи увядшимъ видѣть юный,
Прелестный цвѣтъ! И мнѣ злой рокъ судилъ
Знать, что теперь онъ, знавши, что онъ былъ?

Шекспиръ. (Гамлетъ, д. III, сц. 1).

(Прискорбіе, сердечная боль).

Горацio. Вы проиграете, принцъ.

Гамлетъ. Не думаю; вѣдь я тоже упражнялся за это время, и выиграю закладъ. Но ты не можешь себѣ представить, какъ вдругъ мнѣ стало грустно и тяжело. Впрочемъ, это вздоръ.

Гор. Нѣтъ, принцъ.

Гамл. Ребячество, глупое предчувствіе и больше ничего, предчувствіе, которое въ состояніи смутить развѣ только женщину.

Гор. Но если вы чувствуете малѣйшее отвращеніе отъ этого поединка, послушайтесь его, принцъ. Я скажу сейчасъ, что вы нездоровы.

Гамл. Полно, не нужно! Я смѣюсь надъ предчувствіями. Безъ воли Бога и птица не умретъ! Если мой часъ наступилъ, его не минуешь. Теперь или позже, не все ли равно? Главное нужно быть готовымъ. Вѣдь послѣ смерти мы не будемъ жалѣть оставленнаго, такъ что же хлопотать о томъ, когда настанетъ нашъ часъ!

Шекспиръ. (Гамлетъ, д. V, явл. 2).

(Любовная тоска—уныніе).

Катерина (*одна*). Нѣтъ, нигдѣ нѣтъ. Что то онъ теперь, бѣдный, дѣлаетъ? Мнѣ только проститься съ нимъ, а тамъ... а тамъ хоть умирать. За что я его въ бѣду ввела? Вѣдь мнѣ не легче отъ того! Погибать бы мнѣ одной! А то себя погубила, его погубила, себѣ безчестье,—ему вѣчный покоръ! Да, себѣ безчестье – ему вѣчный покоръ. (*Молчаніе*). Вспомнить бы мнѣ, что онъ говорилъ-то? Какъ онъ жалѣлъ-то меня? Какія слова-то говорилъ? (*Беретъ себя за голову*). Не помню, все забыла. Ночи, ночи мнѣ тяжелы! Всѣ пойдутъ спать, и я пойду, всѣмъ ничего, а мнѣ, какъ въ могилу. Такъ страшно въ потемкахъ! Шумъ какой то сдѣлается и поютъ, точно кого хоронятъ; только такъ тихо, чуть слышно, далеко, далеко отъ меня... Свѣту-то такъ рада сдѣлаешься! А вставать не хочется, опять тѣже люди, тѣже разговоры, таже мука. Зачѣмъ они такъ смотрятъ на меня? Отъ чего это ныньче не убиваютъ? Зачѣмъ такъ сдѣлали? Прежде, говорятъ, убивали. Взяли бы, да и бросили меня въ Волгу; я бы рада была. «Казнить то тебя, говорятъ, такъ съ тебя грѣхъ снимется, а ты живи, да мучайся своимъ грѣхомъ». Да ужъ измучилась я! Долго ль еще мнѣ мучиться!.. Для чего мнѣ жить, для

чего? Ничего мнѣ не надо, ничего мнѣ не мило и свѣтъ Божій не милъ,—а смерть не приходитъ. Что ни увижу, что ни услышу, только тутъ (*показывая на сердце*) больно. Еще кабы съ нимъ жить, можетъ быть, радость бы какую нибудь я и видѣла... — Чтожъ: ужъ все равно, ужъ душу свою я погубила. Какъ мнѣ по немъ скучно! Ахъ какъ мнѣ по немъ скучно! Ужъ коли не увижу я тебя, такъ хоть услышь ты меня издали. Вѣтры буйные, перенесите вы ему мою печаль, тоску! Батюшки, скучно мнѣ, скучно! (*Подходитъ къ берегу и громко во весь голосъ*). Радость моя, жизнь моя, душа моя, люблю тебя! Откликнись. (*Плачетъ*).

Островскій. (Гроза, д. V, явл. 2).

(Оскорбленіе, огорченіе).

Марья Андреевна (*одна*). И я повѣрила этому человѣку! Какъ мнѣ стыдно за себя... Онъ ушелъ, и ему ничего! Онъ даже радъ, я думаю, что развязался... А я, я? За что же я страдаю, чѣмъ я виновата? О Господи! Зачѣмъ въ людяхъ такъ мало правды! Могла ли я знать, что онъ меня обманываетъ! Какъ мнѣ было знать! Почемъ мнѣ было знать!.. За что онъ меня обманулъ! (*Плачетъ. Входитъ Милашинъ*).

Милашинъ. Вотъ доказательства, Марья Андреевна.

Мар. Андр. Теперь ужъ не нужно.

Мил. Значитъ, правду я говорилъ. Помилуйте, я его знаю очень хорошо. (*Читаетъ*). «Простите моей дерзости, но я не могу болѣе скрывать страсти, которая меня сожигаетъ». — Скажите, какія нѣжности!

Мар. Андр. Что вы тамъ еще читаете?

Мил. Вотъ, извольте посмотрѣть. (*Подаетъ ей записки. Марья Андреевна читаетъ про себя*). Вы давеча говорили, что я лгу; я это помню, Марья Андреевна.

Мар. Андр. (*рветъ записки и бросаетъ ихъ за окно*). Только этого не доставало! Это ужасно!

Мил. Вотъ у меня еще есть. Не хотите ли?

Мар. Андр. Ахъ Боже мой! Да на что мнѣ онѣ? Оставьте меня, ради Бога. Вы видите, въ какомъ я положеніи. (*Послѣ непродолжительнаго молчанія*). Я сейчасъ видѣла Владиміра Васильича.

Мил. Что-же онъ?

Мар. Андр. (*плачетъ*). Ему нѣтъ никакаго дѣла до меня. Онъ говоритъ, что нужно покориться своей участи.

Мил. Мерзавецъ! Марья Андреевна, перестаньте, не плачьте. Я готовъ жизнію пожертвовать для васъ. Скажите, Марья Андреевна, чѣмъ я могу быть для васъ полезенъ—я на все готовъ.

Мар. Андр. Вы ничего не можете для меня сдѣлать. Дайте мнѣ немного успокоиться. Мое самолюбіе оскорблено, мнѣ стыдно за себя. Я не о томъ плачу, что мнѣ нужно пожертвовать собой,—я ужъ примирилась съ этою мыслью; а объ томъ, что я была игрушкою пустаго человѣка. Чѣмъ вы мнѣ можете помочь?

Мил. Хотите, я его вызову на дуэль? Вы думаете, не вызову? Непремѣнно вызову.

Мар. Андр. Что вы выдумываете! Зачѣмъ вы это сдѣлаете, какъ, по какому праву?

Мил. Да, въ самомъ дѣлѣ, неловко! Я такъ только спросилъ у васъ, а то, какъ вамъ угодно. Мнѣ жизнь не дорога... Я не могу видѣть, какъ вы страдаете! Неужели я рѣшительно ничѣмъ не могу вамъ помочь?

Мар. Андр. Однимъ только: оставьте меня въ покоѣ.

Островскій. (Бѣдная невѣста, д. IV, явл. 9 и 10).

(Горе).

Красовъ. Только этого еще не доставало, чтобы выбросили, какъ собаку на улицу. Что жъ? Картина выйдетъ поучительная! Впрочемъ никто не виноватъ! Зачѣмъ было торопиться жить и чувствовать! Зачѣмъ было дѣлать изъ любви цѣль жизни, когда она вѣнецъ ея!

Красова (*входя*). Владиміръ, Коля очень не хорошъ! Ты бы съѣздилъ за докторомъ.

Красовъ. Ничего не будетъ. Локтевъ сказалъ, что если мы будемъ держать ребенка въ сырой, холодной квартирѣ, то онъ жить не можетъ. Я, говоритъ, къ вамъ и ѣздить не стану — что время-то тратить по напрасну!

Красова. И ты можешь говорить это такъ равнодушно?

Красовъ (*равнодушно*). Жаль, что я не имѣю способности бабьимъ рыданьемъ облегчить наболѣвшую грудь. Да и есть о чемъ рыдать, плакать. Пропадайте всѣ! Пропадай ты! Я и самъ пропаду! И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! (*Рыдая, опускаетъ голову на столъ*).

Красова. Плачь, плачь, Владиміръ! легче будетъ. (*Припадая къ нему, плачетъ сама. Молчаніе*).

Красовъ. Вѣрочка! милая моя! прости меня, я опять обидѣлъ тебя сегодня. Я — слабый человѣкъ. Я не умѣю стоически переносить горя и лишеній. Я сталъ нервенъ, раздражителенъ и на тебѣ, ни въ чемъ не повинной, срываю накипѣвшую желчь. Это безчестно, подло! я знаю...

Красова. Что ты, что ты, родной мой! Будто я сама не вижу, какъ тяжело тебѣ. Вѣдь я знаю, что забота о насъ же надрываетъ твои силы. О! нужда ломаетъ и не такіе характеры, какъ у насъ съ тобой! Вспомни, такіе ли мы были прежде. Прости и ты меня, Владиміръ, если, убитая и ошеломленная безъисходнымъ горемъ, я не умѣю уважать твоихъ страданій и съ губъ моихъ срывается невольно оскорбительное слово.

Красовъ (*обнимая ее*). О! я знаю, ты святая женщина! (*молчаніе*).

Красова. Владиміръ, намъ сегодня послѣдній срокъ платить за квартиру—дай я пойду просить княгиню. Я объясню ей наше положеніе. Я скажу ей, что нашъ ребенокъ боленъ. Она женщина. Она уважитъ просьбу матери и не рѣшится выгнать насъ на улицу (*Робко*). Я даже думаю попросить, не прикажетъ ли княгиня дать намъ дровъ взаймы. Вытопимъ комнаты и нашъ Коля поправится. Да, милый мой?

Красовъ (*въ сторону*). Бѣдное дитя! Нѣтъ, Вѣрочка, нѣтъ! ступай къ Колѣ, я самъ пойду.

Красова. Владиміръ, я знаю тебя, ты просить не умѣешь. Пусти меня, другъ мой!

Красовъ. Нѣтъ, нѣтъ, пусть ужъ я одинъ подличаю, унижаюсь (*уходитъ*).

Красова (*одна*). Не пустилъ онъ меня, а право лучше бы было! Женщина скорѣе понимаетъ женщину! (*Слышенъ крикъ ребенка*). Ай! что это? Коля кричитъ! (*Убѣгаетъ въ другую комнату и тамъ издаетъ отчаянный крикъ. Сцена нѣсколько времени пуста. Красова выходитъ съ ребенкомъ*). Нѣтъ, я не дамъ тебѣ умереть, я согрѣю тебя у груди моей! Ты не долженъ умирать. Ты еще сегодня улыбался мнѣ. (*Опускаетъ ребенка на диванъ и становится передъ нимъ на колѣни*). Нѣтъ, холоденъ, холоденъ, совсѣмъ холоденъ! Коля! ангелъ мой! убили мы тебя! О!.. вѣчное проклятіе на наши головы!.. (*Рыдаетъ. Входитъ Красовъ*).

Красовъ (*не замѣчая жены*). Права была Вѣра, просить я не умѣю. (*Увидя жену*). Вѣрочка, Вѣрочка, что съ тобой?

Красова (*вставая и бросаясь къ нему*). Неужели мы на то сошлись съ тобой, Владиміръ, чтобъ самимъ рыть могилу нашимъ дѣтямъ, чтобъ оставлять ихъ умирать безъ помощи, какъ собакъ на морозѣ!

Красовъ. Какъ! Умеръ! (*бросается къ ребенку и говоритъ съ глухимъ отчаяніемъ*). Еще одна жертва! (*Падая передъ женой на колѣни*). Вѣрочка! проклинай меня! я разбилъ твою жизнь! Я мужчина, я долженъ былъ знать, что на мнѣ лежатъ священныя обязанности мужа и отца. Я долженъ былъ отказаться отъ обладанія такой женщины, какъ ты, если не могъ полагаться на свои собственныя силы. (*Вставая*). Оглянись кругомъ себя! Посмотри на другихъ мужей. Они не уважаютъ своихъ женъ, они видятъ въ нихъ роскошь, игрушку. Но они умѣютъ беречь эти игрушки. Они любятъ ихъ по своему, только физической любовью, но за то окружаютъ попеченіями и дѣти ихъ не мрутъ отъ сырости и холода. А посмотри, что сдѣлалъ съ тобою твой развитой мужъ. (*Указываетъ на трупъ ребенка и бросается къ нему*). Дитя мое! бѣдное мое дитя! (*Рыдаетъ истерически*).

Красова (*подбѣгая къ мужу*). Владиміръ! Владиміръ! Боже мой! что мнѣ съ нимъ дѣлать? Успокойся, другъ мой!

Красовъ. Я его убійца, Вѣрочка! я! одинъ я!

Красова. Полно, полно, другъ мой! Не ты одинъ виноватъ. Да и къ чему это все теперь? Лучше, если мы честные съ тобой люди, то дадимъ слово, надъ этимъ дорогимъ трупомъ, не любить съ этихъ поръ другъ друга иначе, какъ братъ и сестра. Ну, какіе мы съ тобою отецъ и мать? Ты понимаешь меня, не правда ли? Довольно вѣдь жертвъ на нашей совѣсти!

Красовъ. О! слишкомъ довольно, Вѣра!

Красова. Еще сегодня, глядя, какъ угасала на рукахъ моихъ жизнь нашего Коли, я дала себѣ слово, что онъ будетъ послѣднимъ. И я сдержу это слово! Повѣрь, довольно будетъ одного воспоминанія объ этомъ мертвенно-блѣдномъ личикѣ, чтобы спасти меня отъ новаго преступленія! Пойдемъ, дитя мое! (*Уходитъ, унося трупъ*).

Красовъ (*одинъ*). Бѣдная Вѣрочка! И я осмѣлился прикасаться къ ней, осмѣлился сорвать этотъ лучшій цвѣтокъ, согрѣтый вѣяніемъ новой жизни. Да, ты права, Вѣра! Твоя любовь, твои ласки должны быть наградой бойцу-герою, а не такому жалкому, ничтожному пигмею, какъ я! (*Садится и опускаетъ голову на столъ*).

Штеллеръ. (Ошибки молодости, д. II, явл. 4, 5, 6, 7).

(Угрызеніе совѣсти).

Лейчестеръ. Я живъ еще и жить еще могу!
И на меня не рухнетъ эта кровля?
И бездны нѣтъ, чтобъ поглотить меня—
Презрѣннѣйшее существо въ природѣ?
Какаго я сокровища лишился,
Какое счастье райское отвергъ!
Она паритъ, духъ чистый, къ небесамъ,
Я-жь остаюсь, какъ грѣшникъ осужденный
На вѣчный адъ, съ отчаяньемъ въ душѣ!
Куда же дѣлась твердая рѣшимость,
Съ которой шелъ я, заглушить въ себѣ

Раскаянье и голосъ сердца; видѣть,
Какъ съ плечъ ея покатится глава
И не вздохнуть? Уже-ль ея слова,
Ужель одно воззрѣнье возвращаютъ
Стыду его забытые права?
Или ногой коснувшися могилы,
Меня любовью окуетъ опять?
Нѣтъ, извергъ, нѣтъ! Теперь не время знать
Женоподобной жалости порывы!
Тебѣ во вѣкъ не знать любви счастливой!
На грудь ты панцырь наложи стальной,
Чело да будетъ твердою скалой!
И, если ты не хочешь вдругъ лишиться
Постыдныхъ дѣлъ желаннаго плода,
Начатое тобой должно свершиться.
Умолкни въ сердцѣ жалость навсегда!
Вы, очи, въ камень твердый превратитесь!
И въ казнь ея, безслезныя, всмотритесь!

(*Съ рѣшимостью идетъ къ двери, въ которую вышла Марія, но не дошедши, останавливается*).

Вотще! Меня объемлетъ адскій трепетъ!
Не въ силахъ я снести ужасный видъ,
Не въ силахъ видѣть смерть ея! Чу! вотъ
Сошли они... Готово подо мною
Орудье казни... Слышу голоса...
Прочь! удались! бѣги жилища смерти!

(*Хочетъ выйти другою дверью, но, нашедъ ее запертою, отступаетъ*).

Иль нѣкій Богъ здѣсь приковалъ меня?
Или я слышать осужденъ, на что
Взглянуть страшуся? Чу! декана голосъ!
Онъ говоритъ... Она его прервала—
И молится... Все тихо, тихо стало...
Рыданія и женскій вопль... Одежду
Съ нея снимаютъ... Чу! стучитъ топоръ...
И вотъ она склоняется къ подушкамъ,
На плаху голову кладетъ...

(*Произнося послѣднія слова съ усугубляющимся отчаяньемъ, и помолчавъ нѣсколько, вдругъ начинаетъ трепетать и падаетъ безъ чувствъ*).

Шиллеръ. (Марія Стюартъ, д. V, сц. 10).

Царь. Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть.
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветой;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровою
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!...
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!

Пушкинъ. (Борисъ Годуновъ).

Клавдій. Смрадъ моего грѣха доходитъ къ небу;
На мнѣ лежитъ древнѣйшее проклятье...
Убійство брата.—Не могу молиться,
Хотя влечетъ меня къ молитвѣ воля;
Сильнѣйшій грѣхъ сражаетъ силу слова,
И я, какъ человѣкъ съ двоякимъ долгомъ,
Стою въ сомнѣніи—съ чего начать?
А дѣло позабылъ. Будь кровью брата
Насквозь проникнута моя рука;
Что-жъ развѣ нѣтъ дождя на небесахъ,
Чтобъ убѣлить ее, какъ снѣгъ весенній?
Зачѣмъ же есть святое милосердье,
Какъ не затѣмъ, чтобы прощать грѣхи?
И развѣ нѣтъ двойной въ молитвѣ силы—
Паденье грѣшника остановить
И падшимъ милость испросить? Взгляну горѣ:
Мой грѣхъ свершенъ. Но какъ молиться мнѣ?
Прости мнѣ гнусное убійство? Нѣтъ,
Тому не быть! Я все еще владѣю
Всѣмъ, что меня къ убійству повлекло:
Короной, честолюбіемъ, женой.
Простятъ ли тамъ, гдѣ грѣхъ еще живетъ?
Въ испорченномъ житьѣ на этомъ свѣтѣ
Горсть золота въ преступника рукѣ
Искупитъ казнь; постыдною цѣною
Закона власть нерѣдко подкупали.
Но тамъ не такъ! Обманъ тамъ не поможетъ
Дѣянья тамъ въ ихъ настоящемъ видѣ,

И сами мы должны разоблачать
Своихъ грѣховъ преступную природу.
И такъ, что остается мнѣ? Подумать,
Раскаянье что можетъ совершить,
Что невозможно для него?—Но если
Нѣтъ силъ къ раскаянью,—оно безсильно.
О горе мнѣ! О грудь, чернѣе смерти!
Душа, въ борьбѣ за свѣтлую свободу,
Еще тѣснѣй закована въ цѣпяхъ!
Спасите, ангелы! Колѣни, гнитесь!
Стальная грудь, смягчись, какъ грудь ребенка!
Быть можетъ, вновь все будетъ хорошо...
(*Становится на колѣни*).
Слова летятъ, но мысль моя лежитъ;
Безъ мысли слово къ небу не взлетитъ.

Шекспиръ. (Гамлетъ; д. III, явл. 3).

(Отчаяніе).

Фаустъ. ...Да, ежели тогда
Мнѣ сладкій гласъ младенчество напомнилъ,
Давно знакомый звукъ отрадно прозвучалъ,
Меня забытыми восторгами исполнилъ
И памятью о дняхъ былыхъ очаровалъ;
Такъ днесь кляну я обольщенья свѣта
И все, чѣмъ жизнь намъ съ молоду мила,
Чѣмъ нищета ея обманчиво одѣта
И день, когда она мнѣ послана была!
Будь проклято и чувства упоенье
И чары благодатныхъ думъ,
Будь проклято къ высокому стремленье
И все, чѣмъ льститъ себя самолюбивый умъ!
Проклятіе тебѣ, минута увлеченья,
Когда твой призракъ намъ безсмертіе сулитъ,
Когда онъ намъ въ мечтахъ, иль въ сновидѣньи
О нашемъ имени и славѣ говоритъ!
Все, чѣмъ Мамона насъ на подвигъ вызываетъ,
Чѣмъ дружба и любовь прельщаетъ
Чтобы вѣрнѣй сосудъ былъ отравленъ,
Кляну и то, какъ лживый сонъ!
Денницы лучъ и грозды винограда,
Восторгъ любви и доблести отрада,
Пора надеждъ, я вамъ проклятье шлю!
И, проклиная все, что дышетъ наслажденьемъ,

Я прежде всѣхъ тебя, о, глупое терпѣнье,
Проклятію тебя трикраты предаю!

Гете. (Фаустъ, ч. 1).

Катерина *(одна)*. Куда теперь? Домой идти? Нѣтъ, мнѣ что домой, что въ могилу—все равно. Да, что домой, что въ могилу!... что въ могилу! Въ могилѣ лучше... Подъ деревцемъ могилушка... какъ хорошо!... Солнышко ее грѣетъ, дождичкомъ ее мочитъ... весной на ней травка выростетъ, мягкая такая... птицы прилетятъ на дерево, будутъ пѣть, дѣтей выведутъ, цвѣточки разцвѣтутъ: желтенькіе, красненькіе, голубенькіе... всякіе, (*задумывается*) всякіе... Такъ тихо, такъ хорошо! Мнѣ какъ будто легче! А объ жизни и думать не хочется. Опять жить? Нѣтъ, нѣтъ, не надо... не хорошо! И люди мнѣ противны, и домъ мнѣ противенъ, и стѣны противны! Не пойду туда! Нѣтъ, нѣтъ, не пойду! Придешь къ нимъ, они ходятъ, говорятъ, а на что мнѣ это! Ахъ, темно стало! И опять поютъ гдѣ-то! Что поютъ? Не разберешь... Умереть бы теперь... Что поютъ? Все равно, что смерть придетъ, что сама... а жить нельзя! Грѣхъ. Молиться не будутъ! Кто любитъ, тотъ будетъ молиться... Руки крестъ на крестъ складываютъ... въ гробу! Да такъ... я вспомнила. А поймаютъ меня, да воротятъ домой насильно... Ахъ, скорѣй, скорѣй! (*Подходитъ къ берегу. Громко*). Другъ мой! Радость моя! Прощай! (*уходитъ*).

Островскій. (Гроза, д. V, явл. 4).

(Неудовольствіе).

Татьяна. «Довольно, встаньте. Я должна
Вамъ объясниться откровенно.
Онѣгинъ, помните-ль тотъ часъ,
Когда въ саду, въ аллеѣ насъ
Судьба свела, и такъ смиренно
Урокъ вашъ выслушала я!
Сегодня очередь моя.
«Онѣгинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была
И я любила васъ; и что же?

Что въ сердцѣ вашемъ я нашла,
Какой отвѣтъ? Одну суровость.
Не правда-ль? Вамъ была не новость
Смиренной дѣвочки любовь?
И нынче—Боже! стынетъ кровь,
Какъ только вспомню взглядъ холодный
И эту проповѣдь... Но васъ
Я не виню: въ тотъ страшный часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной;
Я благодарна всей душой...

«Тогда—не правда ли?—въ пустынѣ,
Вдали отъ суетной молвы
Я вамъ не нравилась... Что-жъ нынѣ
Меня преслѣдуете вы?
Зачѣмъ у васъ я на примѣтѣ?
Не потому-ль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна;
Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ;
Что насъ за то ласкаетъ дворъ?
Не потому-ль, что мой позоръ
Теперь бы всѣми былъ замѣченъ,
И могъ бы въ обществѣ принесть
Вамъ соблазнительную честь?

«Я плачу... если вашей Тани
Вы не забыли до сихъ поръ,
То знайте: колкость вашей брани,
Холодный, строгій разговоръ,
Когда-бъ въ моей лишь было власти,
Я предпочла-бъ обидной страсти
И этимъ письмамъ и слезамъ.
Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
Тогда имѣли вы хоть жалость,
Хоть уваженіе къ лѣтамъ...
А нынче!... Что къ моимъ ногамъ
Васъ привело? Какая малость!
Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
Быть чувства мелкаго рабомъ?

«А мнѣ, Онѣгинъ, пышность эта—
Постылой жизни мишура,
Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечера;
— Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,

Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моей....
«А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!.... Но судьба моя
Ужъ рѣшена. Неосторожно,
Быть можетъ, поступила я:
Меня съ слезами заклинаній
Молила мать; для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны....
Я вышла замужъ. Вы должны,
Я васъ прошу, меня оставить;
Я знаю, въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость и прямая честь.
Я васъ люблю (къ чему лукавить?)
Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна».

Пушкинъ. (Евгеній Онѣгинъ, гл. 8).

(Раздраженіе, сварливость).

Г-жа Пернель. Мнѣ послѣ этого осталось замолчать!
Но что же этимъ вы хотите доказать?
Не то ли, что теперь остепенились нравы.
Перекричали всѣхъ и думаютъ, что правы!
Но я, сударыня, еще вамъ повторю,
Что именно за то судьбу благодарю,
Что мужъ вашъ, а мой сынъ не моднаго фасона,
Что господинъ Тартюфъ чудесная персона!
Что по дѣламъ его нельзя не уважать,
Что этакихъ людей со свѣчкой не сыскать,
Что онъ исправить насъ старается духовно,
Что слушаться его должны всѣ безусловно.
А ваши праздники и ваши вечера,
Въ которыхъ куча зла, ни на волосъ добра,
Суть силы дьявольской прямое навожденье!
Тутъ нѣтъ раскаянья, одно грѣхопаденье!
Нѣтъ пищи никакой для сердца и ума
И это истинно холера и чума!

Тутъ все потеряно, на всѣхъ пошлюся въ этомъ,
И стыдъ, и набожность, и уваженье къ лѣтамъ;
Въ глаза и за глаза нѣтъ спуска никому,
Всѣ философствуютъ, не вѣрятъ ни чему
И словомъ... Господи! прости мое сравненье—
Здѣсь Вавилонское идетъ столпотворенье!
И кстати-ли, чтобъ кто рѣшился замолчать!
Нѣтъ, всѣ шумятъ, кричатъ, чтобъ всѣхъ перекричать!
Все выскажу—и вамъ ни чѣмъ не отыграться.
(*Примѣтя, что Клеантъ смѣется*).
Ахъ, батюшка! ужъ вы изволите смѣяться?
Ищите дуръ, а я быть дурой не хочу!
(*Эльмирѣ*). А вы, сударыня... но лучше замолчу;
Что не досказано—останется за мною.
И я рѣшительно впередъ къ вамъ ни ногою!
(*Флипотѣ*). Чтожъ ты стоишь! Что ты задумалася, тварь!...
(*Даетъ ей пощечину*).
И вотъ—суди меня и Богъ и государь!
Будь это не при нихъ, ужъ я тебѣ дала бы.
Мольеръ. (Тартюфъ, д. I, явл. 1).

(Досада и раздраженіе).

Софи (*садится къ столу*). Ахъ, это ты Маріонъ?

Маріонъ. Да-съ, я.

Софи. Какъ ты нарядилась сегодня!

Мар. Да, сударыня, я надѣла новое платье, потому-что я...

Софи. Маріонъ, ты добрая дѣвушка, я не могу не хвалить твоего усердія и хочу доказать мою къ тебѣ привязанность. Садись, Маріонъ. Сегодня ты будешь обѣдать со мною.

Мар. Ахъ, сударыня...

Софи. Что такое?

Мар. Вы вѣрно позабыли...

Софи. О чемъ?

Мар. Сегодня утромъ вы позволили мнѣ уйти послѣ четырехъ часовъ со двора.

Софи. А куда ты хочешь идти?

Мар. Вы знаете, сударыня.

Софи. Нѣтъ, не знаю.

Мар. Я просилась пойти обѣдать къ нашимъ.

Софи. А, у васъ тоже обѣдъ?.. Ну все равно, ты пойдешь въ другой разъ.

Мар. Но какъ же, сударыня...

Софи. Что это значитъ? Когда я тебѣ дѣлаю честь и сажаю съ собой за столъ...

Мар. Мнѣ это очень лестно. Но если бъ, сударыня, вы изволили отложить это до завтрашняго...

Софи (*вспыльчиво*). Что такое?

Мар. Я не знаю, сударыня, чѣмъ вы недовольны, но я не хотѣла васъ разсердить...

Софи. Хорошо, я не сержусь на тебя. Садись за столъ.

Мар. Ахъ, Господи, я очень неблагодарна; но меня вѣдь ждутъ. Въ нашемъ семействѣ ужъ такой старинный обычай; если я не пойду, мнѣ кажется, это принесетъ несчастье на весь годъ.

Софи. А если я хочу, что бъ вы не ходили?

Мар. Тогда... какъ мнѣ ни жаль! но...

Софи. Кончайте!

Мар. Но я буду принуждена просить...

Софи. Просить?

Мар. Чтобъ вы меня отпустили совсѣмъ.

Софи (*вставая*). Хорошо, ступайте!

Мар. Вы отсылаете меня, сударыня?

Софи. Я васъ выгоняю—слышите ли? Я васъ выгоняю. Дѣвушка, которую я приняла къ себѣ изъ милости, изъ сожалѣнія, и которая... Что жъ вы еще нейдете?

Мар. (*умоляя*). Сударыня, повѣрьте...

Софи. Или нужно, чтобъ я позвала людей. (*Идетъ къ туалету и звонитъ*). Боже, какъ у меня болитъ голова! это все отъ цвѣтовъ. Это ужасные цвѣты! Развѣ ихъ нельзя было поставить куда нибудь въ другое мѣсто, въ большую залу, въ погребъ, на чердакъ?

Мар. Да, да, сударыня...

Софи (*дергая всѣ звонки*). Каковы люди! у меня двадцать человѣкъ прислуги и никто нейдетъ, когда зовутъ... Они просто

согласились меня погубить. (*Она идетъ направо, появляется нѣсколько слугъ съ испуганными лицами*).

Жермень. Изволили звонить, сударыня?

Софи. Молчать! Выбросить всѣ эти цвѣты въ окно. (*Отворяютъ окно и кидаютъ цвѣты*). Какъ это хорошо! они отворяютъ окно нарочно, чтобъ я простудилась!..

Мар. Но, сударыня, вѣдь нужно...

Софи (*переходя налѣво*). Ваше дѣло молчать! О, у меня прекрасная прислуга! Лакеи спятъ въ передней! Я имъ всѣмъ отказываю. (*Кучеру*). Ты, любезный, ты совсѣмъ не умѣешь править, ѣздишь въ коляскѣ, точно въ тѣлегѣ, за все безпрестанно задѣваешь, того-и-гляди, что разобьешь меня...

Кучеръ. Я, сударыня.

Софи. Да, ты! И ты можешь искать себѣ другаго мѣста. Ахъ, и вы здѣсь, господинъ метр-д'отель? Что это за трактирный обѣдъ вы приготовляете мнѣ сегодня?

Метр.-д'отель. Я приготовилъ то, что вы изволили приказывать: бекасы...

Софи. Бекасы! Но вы меня только и кормите, что бекасами; вотъ цѣлые шесть мѣсяцевъ за обѣдомъ мнѣ ничего не подаютъ кромѣ бекасовъ!

Метр.-отель (*смущенный*). Молодые фрукты...

Софи. Прекрасно, молодые фрукты въ январѣ. Отчего бы ужъ вамъ не подавать рубиновъ и мелкаго жемчуга? тогда было бы еще лучше, я бы разорилась еще скорѣй! Нѣтъ, я вамъ отказываю всѣмъ — убирайтесь! убирайтесь всѣ! чтобъ я васъ болѣе не видѣла... чтобъ я васъ не видѣла болѣе никогда! (*Слуги въ безпорядкѣ уходятъ направо. Она въ волненіи, нѣсколько мгновеній прохаживается по комнатѣ, потомъ въ слезахъ бросается на диванъ*). Боже мой! Боже мой! какъ я несчастна!..

Декурсель и Тибу. (Я обѣдаю у маменьки, явл. 6).

(Раздраженіе, вспыльчивость).

Сераф. Мих. (*запыхавшись*). Я тебѣ дамъ, мерзавецъ... я тебѣ дамъ, негодяй...

Кат. Ив. Ахъ, мамаша...

Кутузкинъ. Сударыня...

Сераф. Мих. Такъ это вы не велѣли меня принимать?.. вы?..

Кутузк. Да, я... и опять...

Сераф. Мих. Какъ, это меня не принимать? меня?.. мать?.. Мать къ дочери не пускать?.. Да вы это съ чего взяли, да какъ вы это смѣли подумать?.. Да, гдѣ этакой законъ есть, чтобы мать не пускать къ дочери?..

Кутузк. Какая вы мать?..развѣ вы стоите этого названія?..Я не велѣлъ пускать къ себѣ въ домъ буйной, развращенной женщины, которая можетъ служить дурнымъ примѣромъ для моей жены...

Сераф. Мих. Что? что? Скажите... благодари, дочка, благодари... ахъ ты дрянь этакая, ахъ ты купчишка, мѣщанишка... Да кому ты говоришь?.. (*Наступая на Кутузкина*). Ты забылъ что-ли, что у меня мужъ генералъ... А ты кто?..

Кат. Ив. Мамаша... мамаша...

Кутузк. Уйдите вонъ, или я велю васъ вытолкать...

Сераф. Мих. Меня вытолкать, меня? Мать твоей жены... Меня? генеральшу?.. Нѣтъ, скорѣй парикъ твой полетитъ, чѣмъ ты до меня дотронешься... Ты забылъ что-ли, что у меня сынъ есть; мужъ старъ, такъ сынъ вступится... Да я и сама тебѣ глаза выцарапаю... Скажите: откупщишка, наворовалъ денегъ... и важничаетъ... Не думаешь ли ты, что я чего-нибудь пожалѣю; да я тебя такъ оскандалю, что тебѣ носу нельзя будетъ показать... Скажите, скажите... Ахъ Боже мой, меня вытолкать...

Кутуз. (*къ Кат. Ив.*). Вы видите вашу матушку... Я только жалѣю васъ. Объясните ей, что я больше не желаю ее видѣть въ своемъ домѣ... а то хоть сами съ ней уѣзжайте. Я не могу больше сносить такихъ сценъ... (*Уходитъ*).

А. Потѣхинъ. (Виноватая, д. II, явл. 6).

(Досада, раздраженіе, злость).

Городничій (*бьетъ себя по плечу*). Какъ я—нѣтъ, какъ я, старый дуракъ, выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!.. Тридцать лѣтъ живу на службѣ; ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, проидохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обокрасть, поддѣвалъ на уду; трехъ губернаторовъ обманулъ!.. что губернаторовъ!.. (*махнувъ рукой*) нечего и говорить про губернаторовъ...

Анна Андр. Но это не можетъ быть, Антоша; онъ обручился съ Машенькой!..

Гор. (*въ сердцахъ*). Обручился! кукишъ съ масломъ — вотъ тебѣ обручился! Лѣзетъ мнѣ въ глаза съ обрученьемъ! (*Въ изумленіи*). Вотъ смотрите, смотрите, весь міръ, все христіанство, всѣ смотрите, какъ одураченъ городничій! Дурака ему, дурака, старому подлецу! (*Грозитъ самому себѣ кулакомъ*). Эхъ ты толстоносый! Сосульку, тряпку принялъ за важнаго человѣка! Вонъ онъ теперь по всей дорогѣ заливаетъ колокольчикомъ! Разнесетъ по всему міру исторію! мало того, что пойдешь въ посмѣшище— найдется щелкоперъ, бумагомарака, въ комедію тебя вставитъ. Вотъ что обидно! чина, званія не пощадитъ, и будутъ всѣ скалить зубы и бить въ ладоши. Чему смѣетесь? Надъ собою смѣетесь!.. Эхъ вы! (*Стучитъ со злости объ полъ*). Я бы всѣхъ этихъ бумагомаракъ! У! щелкоперы, либералы проклятые! чортово сѣмя! Узломъ бы васъ всѣхъ завязалъ, въ муку бы стеръ васъ всѣхъ, да къ чорту въ подкладку! въ шапку, туда ему!.. (*Суетъ кулакомъ и бьетъ каблукомъ въ полъ*. (*Послѣ нѣкотораго молчанія*). До сихъ поръ не могу придти въ себя. Вотъ подлинно, если Богъ хочетъ наказать, такъ отниметъ прежде всего разумъ. Ну что было въ этомъ вертопрахѣ похожаго на ревизора? Ничего не было! Вотъ просто ни на полмизинца не было похожаго — и вдругъ всѣ: ревизоръ, ревизоръ! Ну кто первый выпустилъ, что онъ ревизоръ? отвѣчайте!

Артемій Фил. (*разставивъ руки*). Ужъ какъ это случилось,

хоть убей, не могу объяснить. Точно туманъ какой то ошеломилъ, чортъ попуталъ.

Аммосъ Фед. Да кто выпустилъ — вонъ кто выпустилъ: эти молодцы (*Показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго*).

Бобч. Ей, ей, не я! и не думалъ.

Добч. Я ничего, совсѣмъ ничего...

Арт. Фил. Конечно вы!

Лука Лук. Разумѣется. Прибѣжали, какъ сумашедшіе изъ трактира: «пріѣхалъ, пріѣхалъ, и денегъ не платитъ».. Нашли важную птицу!

Гор. Натурально, вы! сплетники городскіе, лгуны проклятые!

Арт. Фил. Чтобы васъ чортъ побралъ съ вашимъ ревизоромъ и разсказами!

Гор. Только рыскаете по городу, да смущаете всѣхъ, трещотки проклятыя, сплетни сѣете, сороки короткохвостыя!

Ам. Фед. Пачкуны проклятые!

Лука Лук. Колпаки.

Арт. Фил. Сморчки короткобрюхіе. (*Всѣ обступаютъ ихъ*).

Бобч. Ей Богу, это не я, это Петръ Ивановичъ.

Добч. Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, вы вѣдь первые того...

Бобч. А вотъ и нѣтъ, первые то были вы.

Гоголь. (Ревизоръ, д. V, явл. 8).

(Досада).

Кочкаревъ. Ну, былъ ли когда видѣнъ на свѣтѣ подобный человѣкъ! Этакой дуракъ! Да если ужъ пошло на правду, то и я хорошъ. Ну, скажите пожалуйста, вотъ я на васъ всѣхъ сошлюсь: ну не олухъ ли я, не глупъ ли я? Изъ чего бьюсь, кричу, инда горло пересохло? Скажите, что онъ мнѣ? родня что ли? И что я ему такое—нянька, тетка, свекруха, кума что ли? Изъ какаго же дьявола, изъ чего, изъ чего я хлопочу о немъ, не знаю себѣ покоя; нелегкая прибрала бы его совсѣмъ? А просто, чортъ знаетъ, изъ за чего! Поди ты, спроси иной разъ человѣка, изъ чего онъ что нибудь дѣлаетъ? Этакой мерзавецъ! Какая противная, под-

лая рожа! Взялъ бы тебя, глупую животину, да щелчками бы тебя въ носъ, въ уши, въ ротъ, въ зубы—во всякое мѣсто! (*Въ сердцахъ даетъ нѣсколько щелчковъ на воздухъ*). Вѣдь вотъ что досадно: вышелъ себѣ — ему и горя мало, съ него все это такъ, какъ съ гуся вода — вотъ что нестерпимо! Пойдетъ къ себѣ на квартиру и будетъ лежать, да покуривать трубку. Экое противное созданье! Бываютъ противныя рожи, но вѣдь этакой, просто, не выдумаешь; не сочинишь хуже этой рожи, ей Богу, не сочинишь! Такъ вотъ нѣтъ-же, пойду нарочно ворочу его, бездѣльника! Не дамъ улизнуть, пойду приведу, подлеца! (*Убѣгаетъ*).

Гоголь. (Женитьба, д. II, явл. 7).

Гнѣвъ (досада, неудовольствіе) см. Женитьбу Гоголя (д. I, явл. 11, д. II, явл. 6, явл. 16 см. Игроки, явл. 25).

(Раздраженіе, гнѣвъ).

Маріанна... Нѣтъ, скажи мнѣ,—что она,—лучше, умнѣе, образованнѣе меня? Я хочу знать, чѣмъ она выше меня стоитъ въ глазахъ твоихъ? Я требую этого, ты долженъ сказать мнѣ...

Скавронскій.—Она нравственнѣе...

(*Маріанна медленно подходитъ къ Скавронскому, глаза ея горятъ*).

Маріанна.—А!.. такъ она нравственнѣе меня, эта дѣвушка?.. Я не знала этого. Нравственнѣе, потому что, живя въ глуши, не имѣя понятія о жизни и людяхъ, она не имѣла пока случая споткнуться и упасть!.. Нравственнѣе потому, можетъ быть, что у ней въ жилахъ вмѣсто крови вода течетъ, и она не такъ ревнива, какъ я; ее легко обмануть можно. Нравственнѣе потому, что я сразу открыла тебѣ мою душу, а она дожидается дня свадьбы, чтобы показать тебѣ, что она такое на самомъ дѣлѣ!.. И потому, что я успѣла надоѣсть тебѣ, а она нѣтъ, ты мою слѣпую, безрасчетную любовь называешь безнравственною!.. А самъ ты, только что вырвавшись изъ объятій униженной тобой женщины, поведешь къ алтарю дѣвушку, обманутую тобою и будешь

говорить ей: я люблю васъ!.. Это по твоему нравственно... И ты осмѣлился... у тебя достало духу сказать мнѣ это!..

...Слушай... мы, женщины, прощаемъ многое тѣмъ, кого любимъ, очень многое. Мы уживаемся съ тѣми, кто каждый день бранитъ и бьетъ насъ; мы не отталкиваемъ отъ себя того, кто въ глазахъ всѣхъ людей преступникъ, или ничтожество; мы прощаемъ и тѣхъ, кто обманываетъ, измѣняетъ намъ... Тирановъ, подлецовъ, негодяевъ мы можемъ любить и прощать. Одного мы не можемъ простить; это того оскорбленія, которое ты мнѣ сдѣлалъ. И ни одна женщина въ мірѣ не проститъ этого, не можетъ, не должна простить. Это выше силъ нашихъ... Поигравши мною, какъ игрушкой, ты на прощанье затопталъ въ грязь то, что было моей святыней, моей добродѣтелью. То чувство, которымъ я дышала, которымъ я дорожила, какъ послѣднимъ обломкомъ моей несчастной жизни, ты нашелъ безнравственнымъ!.. Но довольно... я не люблю тебя больше... Поѣзжай къ своей нравственной невѣстѣ, люби ее, если можешь любить кого нибудь... Но помни, что есть вещи на свѣтѣ, которыя никогда не забываются.

*С**** (Потерянный рай, ром.).

(Раздраженіе, вспыльчивость).

Городничій. А! здорово, соколики!

Купцы (*кланяясь*). Здравія желаемъ, батюшка!

Гор. Что, голубчики, какъ поживаете? Какъ товаръ идетъ вашъ? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестіи, надувалы морскіе, жаловаться? Что, много взяли? «Вотъ» думаютъ, «такъ въ тюрьму его и засадятъ»!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна вѣдьма вамъ въ зубы, что...

Анна Андр. Ахъ, Боже мой! какія ты, Антоша, слова произносишь!

Гор. (*съ неудовольствіемъ*). А, не до словъ теперь! знаете ли, что тотъ самый чиновникъ, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? а? что теперь скажете? Теперь я васъ... Обманываете народъ!.. Сдѣлаешь подрядъ съ казною, на

сто тысячъ надуешь ее, поставивши гнилаго сукна, да потомъ пожертвуешь двадцать аршинъ, да и давай тебѣ еще награду за это! Да если бъ знали, такъ бы тебѣ... И брюхо суетъ впередъ: онъ купецъ, его не тронь, «мы», говоритъ, «и дворянамъ не уступимъ». Да дворянинъ... ахъ ты рожа! дворянинъ учится наукамъ; его хоть и сѣкутъ въ школѣ, да за дѣло, чтобъ онъ зналъ полезное. А ты что? начинаешь плутнями; тебя хозяинъ бьетъ за то, что не умѣешь обманывать. Еще мальчишка, «Отче Нашъ» не знаешь, а ужъ обмѣриваешь; а какъ разопретъ тебѣ брюхо, да набьешь себѣ карманъ, такъ и заважничалъ! Фу, ты какая невидаль! Оттого что ты шестнадцать самоваровъ выдуешь въ день, такъ оттого и важничаешь. Да я плевать на твою голову и на твою важность!

Купцы (*кланяясь*). Виноваты, Антонъ Антоновичъ!

Гор. Жаловаться? а кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда какъ его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода! Ты позабылъ это? Я, показавши это на тебя, могъ бы тебя также спровадить въ Сибирь. Что скажешь? а?

Одинъ изъ купцовъ. Богу виноваты, Антонъ Антоновичъ, лукавый попуталъ! И закаемся впередъ жаловаться. Ужъ какое хочешь, удовлетвореніе, не гнѣвись только!

Гор. Не гнѣвись! Вотъ ты теперь валяешься у ногъ моихъ. Отчего? оттого, что мое взяло; а будь хоть немножко на твоей сторонѣ, такъ ты бы меня, каналья, втопталъ въ самую грязь, еще бы и бревномъ сверху навалилъ.

Купцы (*кланяются въ ноги*). Не погуби, Антонъ Антоновичъ!

Гор. «Не погуби»! теперь: «не погуби»! а прежде что? Я бы васъ... (*Махнувъ рукою*). Ну, да Богъ проститъ, полно! Я не памятозлобенъ; только теперь смотри, держи ухо востро! Я выдаю дочку не за какаго нибудь простаго дворянина, чтобъ поздравленіе было... понимаешь; не то, чтобъ отбояриться какимъ нибудь балычкомъ, или головою сахару... ну, ступай съ Богомъ!

Гоголь. (Ревизоръ, д. V, явл. 2).

(Негодованіе).

Чацкій. А судьи кто?... За древностію лѣтъ,
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима:
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ очаковскихъ и покоренья Крыма.
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и туже,
Не замѣчая о себѣ,
Что старѣе, то хуже.
Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительствомъ богаты,
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ;
Великолѣпныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ,
И гдѣ не истребятъ кліенты—иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты?
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?
Не тотъ ли, вы къ кому меня, еще съ пеленъ,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитей возили на поклонъ;
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ?
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И жизнь, и честь его не разъ спасали; вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзыя три собаки!
Или—вонъ тотъ еще, который, для затѣй,
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?
Самъ, погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ;
Но должниковъ не согласилъ къ отстрочкѣ:
Амуры и зефиры всѣ
Распроданы по-одиночкѣ!
Вотъ тѣ, которые достигли до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
Теперь, пускай, изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется врагъ исканій;
Не требуя не мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній,
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ...

Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ,
Они тотчасъ: «разбой! пожаръ!»
И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ!
Мундиръ! одинъ мундиръ! Онъ, въ прежнемъ ихъ быту,
Когда-то укрывалъ—расшитый и красивый—
Ихъ слабодушіе, разсудка нищету;
И намъ за ними въ путь счастливый?
И въ женахъ, въ дочеряхъ къ мундиру та же страсть,
Я самъ къ нему давно-ль отъ нѣжности отрекся?
Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть,
Но ктобъ тогда за всѣми не увлекся,
Когда изъ гвардіи, иные отъ двора,
Сюда на время пріѣзжали:
Кричали женщины—ура!
И въ воздухъ чепчики бросали!

Грибоѣдовъ. (Горе отъ ума, д. II, явл. 5).

Коріоланъ. Будетъ! будетъ!
О добрые и слабые отцы,
Сенатъ почтенный, но недальновидный!
Затѣмъ ли вы народной гидрѣ дали
Трубу и голосъ въ этихъ болтунахъ,
Чтобы они съ своимъ строптивымъ «будетъ»
Открыто собиралися направить
Въ болото вашъ властительный потокъ!
Когда у нихъ на то хватаетъ силы,
Склоняйтесь же, безумцы, передъ ними!
А если нѣтъ—опомнитесь и сбросьте
Вы гибельную слабость. Мудры вы,
Такъ не сходитесь съ глупыми; но если
Вы сами глупы, то сажайте ихъ
Съ собою рядомъ! Если вы плебеи,
Они сенаторы—слышнѣй ихъ голосъ,
Чѣмъ ваши голоса. Избрала чернь
Себѣ сановника, и онъ теперь
Кидаетъ слово дерзостное «будетъ»
Въ глаза собранью доблестныхъ мужей,
Какого и у грековъ не бывало!
Клянусь Зевесомъ! консульская власть
Унижена и сердцу больно видѣть,
Какъ между двухъ разрозненныхъ властей
Тѣснятся смуты, и одну изъ нихъ
Другою ломятъ!
Коминій. Полно, всѣ на площадь!

Коріол. Тотъ, кто совѣтъ вамъ далъ—запасы хлѣба
Безъ платы раздавать, какъ иногда
Оно у грековъ дѣлалось...
Мененій. Довольно!
Коріол. Хоть тамъ народъ имѣлъ и больше власти,
Совѣтомъ тѣмъ—я говорю открыто—
Вскормилъ онъ своевольство и бѣду
Для родины.
Брутъ. Какъ? и народъ отдастъ
Отдастъ тому, кто это говоритъ?
Коріол. Дослушай дѣло—поважнѣй оно,
Чѣмъ голосъ черни! Знаютъ всѣ плебеи,
Что не въ награду данъ имъ этотъ хлѣбъ.
Чѣмъ былъ заслуженъ даръ? Когда стояли
Враги на сердцѣ родины—народъ
За ворота отказывался выйти!
За подвиги такіе не даютъ
Безплатно хлѣба. А подъ знаменами
Чѣмъ удальство свое онъ показалъ?
Одними бунтами! Противъ сената
Кто обвиненья вздорныя придумалъ?
Вѣдь не за нихъ же щедро раздаютъ
Награды хлѣбомъ. Я спрошу теперь,
Какъ понята угодливость сената
Желудкомъ черни? Всѣ дѣла плебеевъ
Намъ говорятъ яснѣе словъ: «насъ больше!
Мы захотѣли хлѣба и отъ страху
Они намъ дали хлѣбъ». И святость власти
Унижена, и снисхожденье наше
Зовется трусостью—и близко время,
Когда спадутъ замки съ воротъ сената,
И галки налетятъ клевать орловъ!

Шекспиръ. (Коріоланъ, д. III, сц. 1).

(Гнѣвъ).

Фаустъ. Страждущая! въ отчаяніи! Послѣ долгаго, бѣдственнаго странствія по землѣ—въ заключеніи! Какъ преступница, лютымъ мукамъ предана,—милое, несчастное созданіе! Вотъ до чего дошло? И ты это скрывалъ отъ меня, негодный демонъ—предатель! Стой себѣ, стой! Вращай свои сатанинскіе глаза! Ругайся надо мною своимъ сатанинскимъ присутствіемъ!—Въ тем-

ницѣ! Въ невыразимыхъ страданіяхъ! Демонамъ обольстителямъ предана и безчеловѣчному суду человѣческому!—А меня ты межъ тѣмъ, убаюкиваешь ничтожными, пошлыми развлеченіями? Умалчиваешь о ея возрастающемъ бѣдствіи, оставляешь безпомощную на краю гибели?...

Мефистофель. Она не первая.

Фаустъ. Песъ! Чудовище! О, духъ безконечный, обрати его въ прежній образъ пса, какимъ нѣкогда онъ являлся мнѣ, ползая у ногъ моихъ и ластяся ко мнѣ! возврати ему любимый его образъ! Да ползаетъ онъ по песку, глотая пыль, да попру ногами его, отверженнаго! Она не первая! О горе! О бѣдствіе, непостижимое ни единой душѣ человѣческой! Страшная мысль,—мысль о многихъ злополучныхъ, подобныхъ ей! Такъ мало было одной, для искупленія остальныхъ, для примиренія ихъ передъ очами Всепрощающаго? Такъ недостало мученій одной для покрытія виновности другихъ? Или изъ глубины страшнаго бѣдствія не долетали до Него вопли ея отчаянія,—вопли жертвы, терзавшейся въ невыразимыхъ мученіяхъ! До мозга костей моихъ, до глубочайшихъ нѣдръ души тронутъ я при мысли объ одной! а ты, чудовище, ты спокойный свидѣтель тысячей подобныхъ жребіевъ.

Мефистофель. Вотъ мы опять на границѣ нашего остроумія; тамъ, гдѣ у тебѣ подобныхъ умъ за разумъ заходитъ. Зачѣмъ же братаешься съ нами, когда это братство тебѣ не по плечу? Хочешь летѣть, а боишься головокруженія? Ты къ намъ навязался, или мы къ тебѣ?

Фаустъ. Не скаль, свои кровожадные зубы! Меня тошнитъ! Великій, дивный духъ, удостоившій меня явленіемъ своимъ—о, Ты, знающій мое сердце, мою душу, зачѣмъ было приковывать меня къ постыдному товарищу, къ нечестивцу, которому въ радость погибель, бѣдствіе другихъ.

Мефистофель. Кончишь ли ты?

Фаустъ. Спаси ее, или горе тебѣ! Или злѣйшее проклятіе тебѣ на времена неисчислимыя!

Гете. (Фаустъ, ч. I).

(Возмущеніе).

Гамлетъ (*одинъ*). О, еслибъ плоть моя, столь крѣпкая, могла
Растаять и росою распуститься!...
О, если бы Предвѣчный запрещенья
Не положилъ противъ самоубійства!
О, Боже, Боже! Какъ безцвѣтны и ничтожны,
Какъ пусты кажутся мнѣ жизни наслажденья!
Какъ жалокъ этотъ свѣтъ! Заглохшій, старый садъ,
Въ которомъ сорныя однѣ растутъ лишь травы!
Возможно ли чтобъ до того дошло?...
Два мѣсяца всего, какъ умеръ онъ,—да что я!
И двухъ то нѣтъ еще! Такой монархъ великій,
Который былъ въ сравненьи съ настоящимъ,
Гиперіонъ передъ сатиромъ козлоногимъ...
Такъ полонъ нѣжности къ своей супругѣ!...
Онъ вѣтру запрещалъ въ лице ей дуть нескромно...
Земля и небо! Ахъ зачѣмъ я помню?
Она ему была такъ предана,
Ея любовь, казалось намъ, росла
Со счастіемъ любви.
И чтожъ? Едва прошелъ лишь мѣсяцъ... Полно!
Не будемъ вспоминать! Непрочность—
Твое названье: женщина! Лишь мѣсяцъ,
Еще не износились башмаки,
Въ которыхъ шла она вслѣдъ за отцовскимъ гробомъ
Въ слезахъ, какъ будто бы какая Ніобея...
И эта женщина... О небо! звѣрь, безъ смысла,
Не такъ бы скоро горе позабылъ!
Она же—за мужемъ! за дядей, братомъ
Умершаго, но на него похожимъ
На столько же, какъ я на Геркулеса!
Чрезъ мѣсяцъ! вѣдь еще засохнуть не успѣли
Въ ея глазахъ наплаканныхъ слѣды
Слезъ заказныхъ, а ужъ она—вѣнчалась!
Преступная поспѣшность!...
Не хорошо! не будетъ тутъ пути...
Разбейся, сердце! Должно мнѣ умолкнуть!

Шекспиръ. (Гамлетъ, д. I, сц. 2).

(Озлобленіе).

Царь (*входитъ*). Достигъ я высшей власти;
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно;

Но счастья нѣтъ моей душѣ...
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной:
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ:
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать,
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна;
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше!
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они-жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища:
Они-жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи-жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ!
Какъ буря, смерть уноситъ жениха...
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня, несчастнаго отца!...
Кто ни умретъ, я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Ѳеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру царицу,
Монахиню смиренную... все я!

Пушкинъ. (Борисъ Годуновъ).

МАРЦІЙ. Будетъ тотъ подлецъ
Изъ всѣхъ льстецовъ презрѣннѣйшій, кто скажетъ
Вамъ ласковое слово! Что вамъ нужно,
Псы, недовольные войной и миромъ?
Войны вы трусите;—въ спокойной долѣ
Вы носъ дерете вверхъ. Кто вѣритъ вамъ,
Въ бою найдетъ васъ зайцами, не львами,
Гусей увидитъ, гдѣ нужны лисицы!
Надежнѣй васъ на льду горячій уголь
И градъ подъ солнцемъ. Вы на то годитесь,
Чтобъ поклоняться извергамъ преступнымъ

И правду проклинать. Кто смѣлъ и славенъ,
Тотъ гадокъ вамъ; а сердце ваше рвется,
Какъ у больнаго прихоть, лишь туда,
Гдѣ гибель скрыта. Тотъ, кто вѣритъ вамъ
И дружбѣ вашей—плаваетъ въ водѣ
Съ свинцомъ на шеѣ. Твари! Вѣрить вамъ?
Когда вашъ нравъ мѣняется съ минутой,
Когда во прахѣ предъ врагомъ вчерашнимъ
Вы роетесь, а прежняго кумира
Врагомъ зовете! По какому праву
Вы бродите по городу и съ крикомъ
Позорите вы славный нашъ сенатъ,
Сенатъ, который, вмѣстѣ съ Божьей властью,
Васъ держитъ въ страхѣ и мѣшаетъ вамъ
Другъ друга жрать?
(*Менению*). Чего хотятъ они?

Мененій. Другой цѣны на хлѣбъ. По ихъ словамъ,
Запасовъ много въ городѣ.

Марцій. Мерзавцы!
По *ихъ словамъ*! Они, за печью сидя,
Хотятъ знать все, что дѣлается въ Римѣ,
По прихоти судьбы рѣшая края!
Они все знаютъ: кто силенъ, кто слабъ,
Кто женится, кто въ ходъ пошелъ, въ разсказахъ
Превознося друзей своихъ, и съ прахомъ
Противниковъ мѣшая. Хлѣба много
По ихъ словамъ? Когда-бъ сенатъ построже
Себя держалъ и мнѣ съ мечемъ позволилъ
На нихъ напасть; изъ этихъ мертвыхъ гадовъ
Я навалилъ бы гору—вышиною
Съ мое копье!

Шекспиръ. (Коріоланъ, д. I, сц. 1).

(Гнѣвъ—иронія).

Антоніо. Ну, что-жъ, Шейлокъ, скажите,
Хотите вы насъ одолжить?

Шейлокъ. Синьоръ
Антоніо, припомните, какъ часто
Въ Ріальто вы ругались надо мной
Изъ-за моихъ же денегъ и процентовъ;
Я все это всегда переносилъ,
Съ терпѣніемъ плечами пожимая.
Терпѣніе—наслѣдственный удѣлъ

Всей націи еврейской! Вы меня
Ругали псомъ, отступникомъ, злодѣемъ,
Плевали вы на мой кафтанъ жидовскій
И это все за то лишь, что своимъ
Я пользуюсь. Теперь, какъ видно, помощь
Моя нужна—ну что-жъ! впередъ! и вы
Приходите ко мнѣ и говорите:
«Шейлокъ, намъ нужны деньги». Это вы
Такъ просите—вы, часто такъ плевавшій
Мнѣ въ бороду, дававшій мнѣ пинки,
Какъ будто псу чужому, что забрался
На вашъ порогъ. Вамъ нужны деньги. Что-жъ
Мнѣ слѣдуетъ отвѣтить? Не сказать-ли:
«Да развѣ же имѣетъ деньги песъ?
Да развѣ же возможно, чтобъ собака
Три тысячи червонцевъ вамъ дала»?
Иль, можетъ быть, я долженъ низко шляпу
Передъ вами снять и тономъ должника,
Едва дыша, вамъ прошептать смиренно:
«Почтеннѣйшій синьоръ мой, на меня
Вы въ середу прошедшую плевали,
Въ такой-то день вы дали мнѣ пинка,
Въ другой—меня собакой обругали,
И вотъ теперь, за ласки эти всѣ,
Я приношу вамъ столько-то и столько».

Шекспиръ. (Венеціанскій купецъ, д. I, сц. 3).

(Гнѣвъ, ярость, изступленіе).

Горацій. Не заставляй меня краснѣть отъ твоихъ вздоховъ, погаси навсегда, изгони изъ сердца твою любовь и пусть моя слава будетъ твоей единственной пищей.

Камилла. Такъ дай же мнѣ, варваръ, сердце подобное твоему и, если хочешь знать, возврати мнѣ моего Куріація, или пусть живетъ моя любовь къ нему. Съ его судьбой были связаны мои скорби и радости; я обожала его живаго, теперь плачу надъ мертвымъ. Не ищи твоей сестры на прежнемъ мѣстѣ твоего сердца; во мнѣ ты увидишь только оскорбленную любовницу, которая, подобно фуріи, преслѣдующей по пятамъ, будетъ вѣчно упрекать тебя смертью ея любимца. Тигръ, жаждущій крови, ты за-

прещаешь мнѣ плакать, ты хочешь, чтобы я наслаждалась этимъ убійствомъ, чтобы, восхваляя до небесъ твои подвиги, я убивала бы себя вторично! Пусть же обрушится на тебя столько бѣдствій, чтобъ ты могъ мнѣ позавидовать, пусть какъ можно скорѣе затмится какою нибудь низостью столь драгоцѣнная для твоего звѣрства слава!

Гор. О небо! кто видѣлъ когда нибудь подобную ярость! Или ты думаешь, что я равнодушенъ къ обидамъ, что моя кровь стерпитъ этотъ смертельный позоръ? Люби, люби этого мертвеца— виновника нашего благополучія; но предпочти по крайней мѣрѣ воспоминанію о человѣкѣ то, что ты должна Риму, какъ твоей родинѣ!

Кам. Римъ, единственный предметъ моей злобы, Римъ, которому на жертву ты принесъ моего любимца, Римъ, твоя обожаемая родина, которую я ненавижу, потому что она тебя прославляетъ!... Пусть сосѣди въ общемъ возстаніи подроютъ твои неокрѣпшія основы и, если для этого мало Италіи, да соединятся вмѣстѣ Востокъ и Западъ, пусть сотни народовъ, со всѣхъ концовъ свѣта, перейдутъ чрезъ моря и горы и разрушатъ этотъ Римъ. Пусть падутъ твои стѣны, пусть Римъ разорветъ собственными руками свои нѣдра, пусть зальетъ его огненнымъ дождемъ небесный гнѣвъ, зажженный моими мольбами! О, если бы я могла сама моими собственными глазами увидѣть эту молнію, увидѣть пепелъ твоихъ домовъ и прахъ твоихъ лавровъ, увидѣть послѣдняго Римлянина при его послѣднемъ издыханіи; сознавать себя единственною виновницею всего этого и, наслаждаясь всѣмъ этимъ, умереть!...

Корнель. (Горацій, д. IV, сц. 5).

(Злость).

Г-жа Простакова (*Тришкѣ*). А ты, скотъ, подойди поближе. Не говорила-ль я тебѣ, воровская харя, чтобы ты кафтанъ пустилъ шире? Дитя, первое, растетъ; другое, дитя и безъ узкаго кафтана деликатнаго сложенія. Скажи, болванъ, чѣмъ ты оправдаешься?

Тришка. Да вѣдь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вамъ докладывалъ: ну да извольте отдавать портному.

Г-жа Прост. Такъ развѣ необходимо надобно быть портнымъ, чтобъ умѣть сшить кафтанъ хорошенько? Экое скотское разсужденіе!

Тришка. Да вѣдь портной то учился, сударыня, а я нѣтъ.

Г-жа Прост. Еще онъ же и споритъ. Портной учился у другаго, другой у третьяго, да первый то портной у кого учился, говори, скотъ.

Тришка. Да первый то портной, можетъ быть, шилъ хуже и моего.

Митрофанъ (*вбѣгаетъ*). Звалъ батюшку. Изволилъ сказать: тотчасъ.

Г-жа Прост. Такъ поди-жъ вытащи его, коли добромъ не дозовешься.

Митр. Да вотъ и батюшка. (*Простаковъ входитъ*).

Г-жа Прост. Что, что ты отъ меня прятаться изволишь? Вотъ, сударь, до чего я дожила съ твоимъ потворствомъ. Какова сыну обновка къ дядину сговору! Каковъ кафтанецъ Тришка сшить изволилъ?

Прост. (*отъ робости запинаясь*). Мѣ... мѣшковатъ немного.

Г-жа Прост. Самъ ты мѣшковатъ, умная голова.

Прост. Да я думалъ, матушка, что тебѣ такъ кажется.

Г-жа Прост. А ты самъ развѣ ослѣпъ?

Прост. При твоихъ глазахъ мои ничего не видятъ.

Г-жа Прост. Вотъ какимъ муженькомъ наградилъ меня Господь: не смыслитъ самъ разобрать, что широко, что узко.

Прост. Въ этомъ я тебѣ, матушка, и вѣрилъ и вѣрю.

Г-жа Прост. Такъ вѣрь же и тому, что я холопямъ потакать не намѣрена. Поди, сударь, и теперь же накажи.

Фонъ-Визинъ. (Недоросль, д. I, явл. 2 и 3).

(Озлобленіе).

Еремѣевна. Все дядюшка напугалъ. Чуть было въ волоски ему не вцѣпился. А ни за што... ни про што...

Г-жа Прост. (*въ злобѣ*). Ну...

Ерем. Присталъ къ нему, хочешь ли жениться?

Г-жа Прост. Ну...

Ерем. Дитя не потаилъ: ужъ давно де, дядюшка, охота беретъ. Какъ онъ остервенится, моя матушка, какъ вскинется!....

Г-жа Прост. (*дрожа*). Ну... а ты, бестія, остолбенѣла, а ты не впилась братцу въ харю, а ты не раздернула ему рыла по уши...

Ерем. Приняла было! Охъ, приняла, да...

Г-жа Прост. Да... да что—не твое дитя, бестія! По тебѣ ребенка хоть убей до смерти.

Ерем. Ахъ, Создатель, спаси и помилуй! Да кабы братецъ въ ту минуту отойти не изволилъ, то я-бъ съ нимъ поломалась. Притупились бы эти (*показывая на ногти*), я-бъ и клыковъ беречь не стала.

Г-жа Прост. Всѣ вы, бестіи, усердны на однихъ словахъ, а на дѣлѣ...

Фонъ-Визинъ. (Недоросль, д. II, явл. 6).

(С т ы д ъ).

Леди (*одна, стоитъ въ оцѣпенѣніи и внѣ себя, обративъ неподвижный взглядъ на дверь, въ которую вышла Луиза; наконецъ приходитъ въ себя*). Что это? Что было со мной? Что говорила эта несчастная? Боже! они еще раздираютъ мнѣ слухъ, эти страшныя, осуждающія меня слова: «возмите его себѣ»!—Кого, несчастная? Подарокъ твоего предсмертнаго хрипа—ужасное наслѣдство твоего отчаянія? Боже! Боже! какъ низко я упала! какъ внезапно свержена я со всѣхъ троновъ своей гордости! Мнѣ приходится въ томительномъ голодѣ ждать подаянія отъ велико-

душной нищей въ ея послѣдней смертной агоніи!—«Возмите его себѣ»! Какимъ тономъ сказала она это! съ какимъ взглядомъ! О! Эмилія! затѣмъ ли преступила ты границы твоего пола? затѣмъ ли старалась пріобрѣсть пышное имя высокой британской женщины, чтобы все хвастливое зданіе твоей чести рухнуло передъ высшею добродѣтелью безпомощной мѣщанской дѣвушки? Нѣтъ, несчастная! нѣтъ! погоди гордиться!... Эмилію Мильфордъ можно устыдить; но она никогда не опозоритъ себя! И я найду въ себѣ силу отказаться! (*Ходитъ величественно взадъ и впередъ*). Прочь отъ меня теперь, женская слабость, женскія сѣтованія! Прощайте, отрадныя, золотыя картины любви!—Пусть одно великодушіе руководитъ мной!.. Или эта любящая чета погибнетъ, или Мильфордъ оставитъ свои притязанія и исчезнетъ изъ сердца герцога! (*Помолчавъ, съ живостью*). Дѣло сдѣлано!... Страшное препятствіе уничтожено—разорваны всякіе узы между мною и герцогомъ. Я исторгла изъ своего сердца эту безумную любовь! Въ твои руки предаю я себя, добродѣтель! Прими кающуюся дочь твою, Эмилію! О! какъ мнѣ хорошо!... какъ легко стало мнѣ вдругъ, какъ отрадно! Величаво, какъ западающее солнце, сойду я сегодня съ высоты своего величія; пусть все пышное могущество мое умретъ вмѣстѣ съ моей любовью; въ гордое изгнаніе свое не возьму я ничего, кромѣ сердца! (*Идетъ съ рѣшимостью къ письменному столу*). Сейчасъ же должна я все покончить—сейчасъ же! Прелести любимаго юноши, пожалуй, возобновятъ кровавую борьбу въ моемъ сердцѣ! (*Садится и начинаетъ писать*.

Шиллеръ. (Коварство и любовь, д. IV, сц. 8).

(Замѣшательство).

Лубянскій (*не видя мужа*). А, вы здѣсь! А я напрасно проискалъ васъ въ саду? Какъ кончилась ваша ссора? а? Вы прекрасно сдѣлали, что вошли наконецъ въ свои права... что-съ? (*Видя, что Рожкова работаетъ съ усердіемъ, оглядывается*). А, и онъ тутъ! Я его и не замѣтилъ... впрочемъ, я съ нимъ не це-

ремонюсь... (*Рожковъ при этихъ словахъ грозитъ кулакомъ*). Такъ вы рѣшились его оставить — чудесно! Я слышалъ конецъ вашей ссоры... (*Она занимается еще усерднѣй работою*). Что вы говорите? Вы, кажется, что-то сказали?.. (*Молчаніе*). А? (*Съ безпокойствомъ начинаетъ откашливаться*). Гм! гм! (*Подходя къ Рожковой*). Послушайте... если вы поѣдете къ роднымъ, я охотно буду вашимъ провожатымъ, хоть на край свѣта... вы позволите? да? (*Она еще усильнѣе занимается шитьемъ*). А если-бы вздумали прокатиться по Европѣ, смѣло могу сказать, вы не нашли бы лучше кавалера. Я обѣдаю сегодня у васъ? (*Таже игра Рожковой. Въ сторону*). Да что они, онѣмѣли?.. (*Переходитъ къ Рожкову*). Александра Михайловна приглашаетъ меня отобѣдать съ вами... да брось этотъ вздоръ! (*вынимая часы*). Смотри, ужъ время! (*Мертвое молчаніе*). Да что же ты надулся? Сердишься, что ли на меня? (*Таже игра Рожкова*). Тутъ что нибудь да не такъ... (*Переходя къ Рожковой*). Вамъ вѣрно угодно, чтобъ я уѣхалъ? (*Молчаніе*). Я забылъ мой хлыстикъ... и воротился... я не зналъ... (*Въ сторону*). Да это просто мистификація... я долженъ быть очень смѣшонъ! Но... надо же какъ нибудь поддержать себя. (*Садится, развалясь*). Антонъ Антонычъ, вели подать закуску! (*Напѣвая не смѣло что нибудь: тра, ла, ла... вдругъ останавливается*). Я, признаться, ужасно проголодался... не мудрено: проскакать верхомъ такую даль! (*Оборачиваясь къ Рожкову*). А? (*Къ ней*). Что-съ? (*Общее молчаніе. Лубянскій встаетъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, беретъ свой хлыстъ, роняетъ его, поднимаетъ, снова кладетъ на прежнее мѣсто и беретъ свою шляпу, все поглядывая то на мужа, то на жену, которые не обращаютъ никакого вниманія на его дѣйствія и совершенно погружены въ свои занятія. Топая ногами*). Чортъ возьми! Я не знаю, какъ теперь уйдти отсюда... а надо бы дать тягу... преглупое положеніе! (*Снова разваливается на диванъ*). Гм! Вмѣсто этого дивана, я бы желалъ провалиться сквозь землю...

Лиза (*входитъ*). Пожалуйте кушать! (*Всѣ поднимаются съ своихъ мѣстъ*).

Луб. (*съ радостью*). Обѣдать! Наконецъ! (*Быстро подхо-*

дитъ къ Рожковой, ловко расшаркивается и предлагаетъ руку; она, увернувшись, подходитъ къ мужу и, взявъ его подъ руку; идетъ черезъ всю сцену, мимо Лубянскаго, въ ту дверь, откуда вышла Лиза).

Луб. (*стоя, какъ окаменѣлый, послѣ ихъ ухода, Лизѣ*). Скажи отъ меня этому болвану и своей барынѣ... (*Лиза, оглядѣвъ его съ заносчивостью и не давъ ему кончить фразы, поворачивается къ нему спиной и убѣгаетъ*).

Луб. (*надѣвъ шляпу*). И эта туда же! (*Подходя къ аванъ-сценѣ*). Каково положеніе? Бывалъ ли кто нибудь, господа, въ такомъ положеніи? А? Что-съ? Вы что-то сказали? (*Молчаніе*). И здѣсь молчатъ! О, теперь мнѣ становится страшно!..

Крестовскій. (Средство выгонять волокитъ, явл. 12 и 13).

(Замѣшательство, стыдъ).

Агафья Тихоновна (*одна, потомъ Кочкаревъ*). Право, такое затрудненіе — выборъ. Если бы еще одинъ, два человѣка, а то четверо—какъ хочешь, такъ и выбирай. Никаноръ Ивановичъ недуренъ, хотя конечно худощавъ. Иванъ Кузмичъ тоже недуренъ. Да если сказать правду, Иванъ Павловичъ тоже хоть и толстъ, а вѣдь очень видный мущина. Прошу покорно, какъ тутъ быть? Балтазаръ Балтазаровичъ опять мужчина съ достоинствами. Ужъ какъ трудно рѣшиться, такъ просто разсказать нельзя, какъ трудно! Если бы губы Никанора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича, да взять сколько нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича, да пожалуй, прибавить къ этому еще дородности Ивана Павловича — я бы тогда тотчасъ же рѣшилась. А теперь, поди, подумай! просто, голова даже стала болѣть. Я думаю, лучше всего кинуть жребій. Положиться во всемъ на волю Божію, кто выкинется, тотъ и мужъ.. Напишу ихъ всѣмъ на бумажкахъ, сверну въ трубочки, да и пусть будетъ, кто будетъ. (*Подходитъ къ столику, вынимаетъ оттуда ножницы и бумагу, нарѣзываетъ билетики и скатываетъ, продолжая говорить*). Такое несчастное положеніе дѣ-

вицы, особливо еще влюбленной. Изъ мущинъ никто не войдетъ въ это, и даже просто, не хотятъ понять этого. Вотъ они всѣ ужъ готовы! Остается только положить ихъ въ ридикюль, зажмурить глаза, да и пусть будетъ, что будетъ (*Кладетъ билетики въ ридикюль и мѣшаетъ ихъ рукою*). Страшно... Ахъ, если бы Богъ далъ, чтобы вынулся Никаноръ Ивановичъ! нѣтъ! отчего же онъ? лучше Иванъ Кузьмичъ. Отчего же Иванъ Кузьмичъ? чѣмъ же худы тѣ, другіе... Нѣтъ, нѣтъ, не хочу... какой выберется, такой пусть и будетъ. (*Шаритъ рукою въ ридикюлѣ и вынимаетъ вмѣсто одного всѣ*). Ухъ всѣ! всѣ вынулись! А сердце такъ и колотится! Нѣтъ, одного, одного, непремѣнно одного! (*Кладетъ билетики въ ридикюль и мѣшаетъ; въ это время входитъ потихоньку Кочкаревъ и становится позади*). Ахъ, если бы вынуть Балтазара... что я! хотѣла сказать Никанора Ивановича... Нѣтъ, не хочу, не хочу, какъ прикажетъ судьба!

Кочкаревъ. Да возьмите Ивана Кузьмича, всѣхъ лучше.

Аг. Тих. Ахъ! (*Вскрикиваетъ и закрываетъ лицо обѣими руками, страшась взглянуть назадъ*).

Кочк. Да чего жъ вы испугались? Не пугайтесь, это я. Право, возьмите Ивана Кузьмича.

Аг. Тих. Ахъ, мнѣ стыдно: вы подслушали.

Кочк. Ничего, ничего! вѣдь я свой, родня, передо мною нечего стыдиться, откройте же ваше личико.

Аг. Тих. (*въ половину открывая лицо*). Мнѣ право стыдно.

Кочк. Ну, возьмите же Ивана Кузьмича.

Аг. Тих. (*вскрикиваетъ и вновь закрывается руками*).

Кочк. Право, чудо человѣкъ, усовершенствовалъ часть свою... просто удивительный человѣкъ!

Аг. Тих. (*понемногу открываетъ лицо*). Какъ же, а другой? а Никаноръ Ивановичъ,—вѣдь онъ тоже хорошій человѣкъ.

Гоголь. (Женитьба, д. II, явл. 1).

(Замѣшательство).

Старикъ (*сидя на диванѣ и ощупывая себя*). Чего бы я такаго вреднаго съѣлъ?.. (*Вскрикиваетъ*). А! грибы... точно: въ соусѣ были грибы... Ахъ, проклятый поваришка! прошу покорно: наклалъ въ соусъ грибовъ... Мальчикъ! (*мальчикъ входитъ*). Позови Максима! (*Максимъ входитъ*). Ты что такое?

Максимъ (*молчитъ*).

Стар. У тебя есть языкъ?

Макс. (*молчитъ*).

Стар. Да говори же: есть у тебя языкъ?

Макс. (*поспѣшно*). Какже, судырь, какже!

Стар. Покажи!

Макс. (*плотно сжимая губы*).

Стар. Ну!

Макс. (*переминается*).

Стар. Мальчикъ! (*Мальчикъ входитъ*). Скажи ему, чтобъ онъ показалъ языкъ.

Мальч. Ну, покажи языкъ!

(*Максимъ нерѣшительно и застѣнчиво высовываетъ языкъ*).

Стар. Отчего же ты молчишь?

Макс. (*молчитъ*).

Стар. Что, ты глухъ?

Макс. Нѣтъ-съ.

Стар. Чтожъ, у тебя пенька въ ушахъ что-ли? Мальчикъ! вынь ему пеньку изъ ушей.

Мальч. Ну, говори!

Макс. (*молчитъ*).

Стар. Ты что такое?

Макс. (*недоумѣвая, молчитъ*).

Стар. Ты будешь мнѣ сегодня отвѣчать?

Макс. Ммъ... ммъ...

Стар. Я тебя спрашиваю, ты что такое: кузнецъ, плотникъ, слесарь...

Макс. (*съ радостною поспѣшностью*). Поваръ, судырь, поваръ.

Стар. Ты изготовилъ сегодня все, какъ я тебѣ приказывалъ?

Макс. (*безпокоясь, шопотомъ*). Все.

Стар. Ты что сегодня готовилъ?

Макс. Супъ, холодное... (*Запинается*).

Стар. Ну?..

Макс. (*глухо*) соусъ, (*поспѣшно*) жаркое, пирожное...

Стар. Стой, стой... зачастилъ!.. соусъ?

Макс. (*робко*). Соусъ.

Стар. Съ чѣмъ?

Макс. (*молчитъ*).

Стар. Говори!

Макс. Съ красной подливкой... жаркое-съ...

Стар. Да нѣтъ! ты постой! съ чѣмъ соусъ?

Макс. Съ красной подливкой.

Стар. А еще съ чѣмъ... ни съ чѣмъ больше... а?

Макс. Ни съ чѣмъ, судырь, ни съ чѣмъ!

Стар. А грибовъ въ соусѣ не было?

Макс. (*блѣднѣя, молчитъ*).

Стар. Не было грибовъ?

Макс. Ммъ... мм...

Стар. Ну?.!

Макс. Немножко, судырь... такъ... только для духу.

Стар. Немножко?.. Ты что такое?

Макс. Поваръ, судырь.

Стар. Чей?

Макс. Вашей милости.

Стар. Ты долженъ меня слушаться?

Макс. Какже, судырь, какже.

Стар. Я тебѣ что приказывалъ?

Макс. (*молчитъ*).

Стар. Говори: приказывалъ я тебѣ класть въ кушанье грибы?

Макс. Нѣтъ, судырь.

Стар. Зачѣмъ же ты положилъ ихъ?

Макс. (*молчитъ*).

Стар. Ну, говори: зачѣмъ? А?..

Макс. Да я такъ... немножко... я думалъ... только...

Стар. Стой, что ты думалъ?

Макс. Да я думалъ, судырь, что оно вкуснѣе будетъ.

Стар. Вкуснѣе! прошу покорно, вкуснѣе будетъ!.. Ему и дѣла нѣтъ, что баринъ нездоровъ... Онъ радъ мухоморами накормить... валитъ грибы, очертя голову, а тутъ хоть умирай... знаешь ли, что ты со мной надѣлалъ?

Макс. Не могу знать-съ.

Стар. Мальчикъ, подведи его сюда. (*Мальчикъ подводитъ повара къ столу. Старикъ показываетъ повару языкъ*). Видишь?

Макс. Вижу-сь.

Стар. Бѣлый?

Макс. Бѣлый-съ.

Стар. Какъ снѣгъ?

Макс. Какъ снѣгъ.

Стар. Что мнѣ съ тобой сдѣлать?

Макс. (*молчитъ*).

Стар. А?

Макс. Не знаю, судырь.

Стар. Какъ думаешь?

Макс. (*долго молчитъ*).

Стар. Ступай! да положи у меня еще разъ грибовъ!!.. (*Максимъ поспѣшно уходитъ*).

Некрасовъ и Станицкій (ром. Три страны свѣта, ч. III, гл. 2).

Подколесинъ и Агафья Тихоновна.

Аг. Тих. Прошу покорнѣйше садиться! (*Садятся и молчатъ*).

Подк. Вы, сударыня, любите кататься?

Аг. Тих. Какъ-съ кататься?

Подк. На дачѣ очень пріятно лѣтомъ кататься на лодкѣ.

Аг. Тих. Да-съ, иногда съ знакомыми прогуливаемся.

Подк. Какое-то лѣто будетъ—неизвѣстно.

Аг. Тих. А желательно, чтобы было хорошо. (*Оба молчатъ*).

Подк. Вы, сударыня, какой цвѣтокъ больше любите?

Аг. Тих. Который покрѣпче пахнетъ-съ—гвоздику-съ.

Подк. Дамамъ очень идутъ цвѣты.

Аг. Тих. Да, пріятное занятіе. (*Молчаніе*). Въ которой церкви вы были въ прошлое воскресенье.

Подк. Въ Вознесенской, а недѣлю назадъ тому, былъ въ Казанскомъ соборѣ. Впрочемъ, молиться все равно, въ какой бы ни было церкви. (*Молчатъ. Подколесинъ барабанитъ пальцами по стулу*). Вотъ скоро будетъ екатерингофское гулянье.

Аг. Тих. Да, чрезъ мѣсяцъ, кажется.

Подк. Даже и мѣсяца не будетъ.

Аг. Тих. Должно быть, веселое будетъ гулянье.

Подк. Сегодня восьмое число (*считаетъ по пальцамъ*) девятое, десятое, одиннадцатое... черезъ двадцать два дня.

Аг. Тих. Представьте, какъ скоро!

Подк. Я сегодняшняго дня не считаю. (*Молчаніе*). Какой это смѣлый русскій народъ!

Аг. Тих. Какъ?

Подк. А работники. Стоятъ на самой верхушкѣ... Я проходилъ мимо дома, такъ штукатурщикъ штукатуритъ и не боится ничего.

Аг. Тих. Да-съ. Такъ это въ какомъ мѣстѣ?

Подк. А вотъ по дорогѣ, по которой я хожу всякій день въ департаментъ. Я вѣдь каждое утро хожу въ должность. (*Молчаніе. Подколесинъ опятъ начинаетъ барабанить пальцами, наконецъ берется за шляпу и раскланивается*).

Аг. Тих. А вы уже хотите...

Подк. Да-съ. Извините, что, можетъ быть, наскучилъ вамъ.

Аг. Тих. Какъ-съ можно! Напротивъ, я должна благодарить за подобное препровожденіе времени.

Подк. (*улыбаясь*). А мнѣ право такъ кажется, что я наскучилъ.

Аг. Тих. Ахъ, право нѣтъ.

Подк. Ну, такъ если нѣтъ, такъ позвольте мнѣ и въ другое время, вечеркомъ когда нибудь.

Аг. Тих. Очень пріятно-съ. (*Раскланиваются. Подколесинъ уходитъ*).

Гоголь. (Женитьба, д. II, явл. 14).

(Страхъ, опасеніе).

Жидъ. Да, на бароновыхъ похоронахъ
Прольется больше денегъ, нежель слезъ.
Пошли вамъ Богъ скорѣй наслѣдство.
Альберъ. Amen!
Жидъ. А можно бъ…
Альберъ. Что?
Жидъ. Такъ, думалъ я, что средство
Такое есть…
Альберъ. Какое средство?
Жидъ. Такъ—
Есть у меня знакомый старичекъ,
Еврей, аптекарь бѣдный…
Альберъ. Ростовщикъ
Такой же, какъ и ты, иль почестнѣе?
Жидъ. Нѣтъ, рыцарь, Товій торгъ ведетъ иной:
Онъ составляетъ капли… право, чудно,
Какъ дѣйствуютъ онѣ.
Альберъ. А что мнѣ въ нихъ?
Жидъ. Въ стаканъ воды подлить… трехъ капель будетъ,
Ни вкуса въ нихъ, ни цвѣта незамѣтно;
А человѣкъ безъ рѣзи въ животѣ,
Безъ тошноты, безъ боли умираетъ.
Альберъ. Твой старичекъ торгуетъ ядомъ?
Жидъ. Да—
И ядомъ.
Альберъ. Что жъ, въ займы, на мѣсто денегъ
Ты мнѣ предложишь стклянокъ двѣсти яду—
За стклянку по червонцу. Такъ, что ли?
Жидъ. Смѣяться вамъ угодно надо мною.
Нѣтъ, я хотѣлъ… быть можетъ, вы… я думалъ,
Что ужъ барону время умереть.
Альберъ. Какъ! отравить отца! И смѣлъ ты сыну!…
Иванъ! держи его. И смѣлъ ты мнѣ!..
Да знаешь ли, жидовская душа,
Собака, змѣй, что я тебя сейчасъ же,
На воротахъ повѣшу!
Жидъ. Виноватъ!
Простите, я шутилъ.

Альберъ. Иванъ, веревку!
Жидъ. Я... я шутилъ. Я деньги вамъ принесъ.
Альберъ. Вонъ, песъ! (*Жидъ уходитъ*).

Пушкинъ. (Скупой рыцарь, сц. 1).

(Опасеніе, испугъ).

Городничій (*вошедъ, останавливается, оба, Хлестаковъ и Гор. въ испугѣ смотрятъ нѣсколько минутъ одинъ на другаго, выпучивъ глаза. Городничій, нѣсколько оправившись и протянувъ руки по швамъ*). Желаю здравствовать!

Хлестаковъ (*кланяется*). Мое почтеніе!

Гор. Извините!

Хлест. Ничего...

Гор. Обязанность моя, какъ градоначальника здѣшняго города, заботиться о томъ, чтобы проѣзжающимъ и всѣмъ благороднымъ людямъ никакихъ притѣсненій...

Хлест. (*сначала немного заикается, но къ концу рѣчи говоритъ громко*). Да что-жъ дѣлать?... Я не виноватъ... я, право, заплачу... Мнѣ пришлютъ изъ деревни. (*Бобчинскій выглядываетъ изъ за дверей*). Онъ больше виноватъ: говядину мнѣ подаетъ такую твердую, какъ бревно; а супъ—онъ, чортъ знаетъ, что плеснулъ туда, я долженъ былъ выбросить его за окно. Онъ меня моритъ голодомъ по цѣлымъ днямъ... чай такой странный: воняетъ рыбой, а не чаемъ. За что-жъ я... Вотъ новость!

Гор. (*робѣя*). Извините, я, право, не виноватъ. На рынкѣ у меня говядина всегда хорошая. Привозятъ холмогорскіе купцы, люди трезвые и поведенія хорошаго. Я ужъ не знаю, откуда онъ беретъ такую. А если что не такъ, то... Позвольте мнѣ предложить вамъ переѣхать со мною на другую квартиру.

Хл. Нѣтъ, не хочу? Я знаю, что значитъ на другую квартиру; то есть—въ тюрьму. Да какое вы имѣете право, да какъ вы смѣете?... Да вотъ я... я служу въ Петербургѣ... (*гордо*) я... я... я...

Гор. (*въ сторону*). О Господи ты Боже, какой сердитый! Все узналъ, все разсказали проклятые купцы!

Хл. (*храбрясь*). Да вотъ вы хоть тутъ со всейсвоей командой — не пойду! Я прямо къ министру! (*Стучитъ кулакомъ по столу*). Что вы? что вы?

Гор. (*вытянувшись и дрожа всѣмъ тѣломъ*). Помилуйте, не погубите! Жена, дѣти маленькія… не сдѣлайте несчастнымъ человѣка…

Хл. Нѣтъ, я не хочу! Вотъ еще! Мнѣ какое дѣло? Оттого, что у васъ жена и дѣти, я долженъ идти въ тюрьму, вотъ прекрасно. (*Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и въ испугѣ прячется*). Нѣтъ благодарю покорно, не хочу.

Гор. (*дрожа*). По неопытности, ей Богу, по неопытности. Недостаточность состоянія. Сами изволите посудить, казеннаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ. Если же и были какія взятки, то самая малость: къ столу что нибудь, да на пару платья…

Гоголь. (Ревизоръ, д. II, явл. 8).

(Испугъ, см. Ревизоръ, конецъ явл. 6, д. IV).

(Безпокойство, опасеніе).

Юсовъ (*кланяется*). Еще не пріѣзжали-съ?

Вышневская. Нѣтъ еще. Садитесь. (*Юсовъ садится*). Вы чѣмъ-то встревожены?

Юсовъ. Нѣтъ словъ-съ… уста нѣмѣютъ.

Вышнев. Да что такое?

Юсовъ (*качаетъ головой*). Человѣкъ все равно… корабль по морю… вдругъ кораблекрушеніе, и нѣсть спасающаго!…

Вышнев. Я васъ не понимаю.

Юсовъ. Я на счетъ бренности… что прочно въ жизни сей? Съ чѣмъ придемъ? съ чѣмъ предстанемъ?… Однѣ дѣла… можно сказать, какъ ноша за спиной… въ обличеніе… и помышленія даже… (*махнувъ рукой*) всѣ записаны.

Вышнев. Что, умеръ что-ли кто нибудь?

Юсовъ. Нѣтъ-съ, переворотъ въ жизни. (*Нюхаетъ табакъ*).

Въ богатствѣ и въ знатности затмѣніе бываетъ... чувствъ нашихъ... забываемъ нищую братію... гордость, плотоугодіе... За то и наказаніе бываетъ по дѣламъ нашимъ.

Вышнев. Я это давно знаю; не понимаю только, къ чему вы передо мной теряете даромъ свое краснорѣчіе.

Юсовъ. Близко сердцу моему... Положимъ, хоть я тутъ не подлежу большой отвѣтственности... но все-таки надъ такой особой! Что прочно... когда и санъ не защищаетъ.

Вышнев. Надъ какой особой?

Юсовъ. Опала на насъ-съ.

Вышнев. Да говорите!

Юсовъ. Открылись, якобы, опущенія, недочеты суммъ и разныя злоупотребленія.

Вышнев. Что-же?

Юсовъ. Такъ насъ подъ судъ-съ... То есть я-то собственно не подлежу большой отвѣтственности, а Аристархъ Владимірычъ должны будутъ...

Вышнев. Что должны?

Юсовъ. Отвѣтствовать всѣмъ своимъ имуществомъ и подвергнуться суду за противозаконные, якобы, поступки.

Вышнев. (*поднявъ глаза*). Начинается расплата!

Юсовъ. Конечно, смертный... станутъ придираться, такъ, пожалуй, найдутъ, что нибудь; я такъ полагаю, что, по нынѣшнимъ строгостямъ, отставятъ... Долженъ буду бѣдствовать безъ куска хлѣба.

Вышнев. Вамъ, кажется, далеко до этого.

Юсовъ. Да вѣдь дѣти-съ. (*Молчаніе*). Я все думалъ дорогой, съ прискорбіемъ думалъ: за что такое попущеніе на насъ? За гордость... Гордость ослѣпляетъ человѣка, застилаетъ глаза.

Вышнев. Полноте, какая тутъ гордость! просто за взятки.

Юсовъ. Взятки? Взятки что-съ, маловажная вещь... многіе подвержены. Смиренія нѣтъ, вотъ главное... Судьба все равно, что фортуна... какъ изображается на картинѣ... колесо, и на немъ люди... поднимается къ верху и опять опускается внизъ, возвышается и потомъ смиряется, превозносится собой и опять

ничто... такъ все кругообразно. Устраивай свое благосостояніе, трудись, пріобрѣтай имущество... возносись въ мечтахъ... и вдругъ нагъ!... Надпись подписана подъ этой фортуной... (*Съ чувствомъ*).

Чуденъ въ свѣтѣ человѣкъ!
Суетится цѣлый вѣкъ,
Счастія сыскать желаетъ,
А того не вображаетъ,
Что судьба имъ управляетъ.

Вотъ раскусить надо! Вотъ что долженъ человѣкъ помнить! Мы родимся, ничего не имѣемъ, такъ и въ могилу. Для чего же трудимся? Вотъ философія! Что нашъ умъ? Что онъ можетъ постигнуть?

Островскій. (Доходное мѣсто, д. V, явл. 2).

(Испугъ мнимаго отравленія).

Дынинъ (*смотритъ вслѣдъ Нилову въ совершенномъ недоумѣніи*). Что жъ все это значитъ?.. Сплю я, что ли?.. Подумаешь, что въ самомъ дѣлѣ ужалила его змѣя ревности!.. Между тѣмъ... (*принужденно смѣясь*) вѣдь это все вздоръ?..

Вѣра (*въ слезахъ*). Нѣтъ, дядя! Къ несчастію, это правда!

Дынинъ (*озабоченно*). Нечего сказать, славная была бы исторія, если бъ онъ точно съ ума сошелъ!.. Эхъ, что я говорю?.. Чепуху какую!.. Это притворство!..

Вѣра. Нѣтъ, нѣтъ! Не притворство!

Дынинъ. Такъ поздравляю тебя съ успѣхомъ пробы!.. А еще увѣряла, что онъ не ревнивъ!.. Да онъ сумашедшій! Ревнивѣе самаго Отелло!..

Вѣра. Могла-ли я это предвидѣть!

Дынинъ. По крайней мѣрѣ, вы убѣдились въ чемъ слѣдуетъ. (*Садится къ столу направо*). Вотъ тебѣ и (*подражая Вѣрѣ*) «кто любитъ страстно, тотъ ревнуетъ»!.. Вотъ она, ваша поэзія— на повѣрку выходитъ—не слишкомъ вкусна...

Вѣра. Что мнѣ теперь дѣлать?.. (*Закрываетъ лицо руками*).

Дынинъ. Перестанешь ли ты рюмить?.. Къ чему эти вопли?.. (*Беретъ стаканъ, въ который Ниловъ всыпалъ порошокъ и пьетъ*). Вотъ ужо, какъ онъ поуходится, мы ему зададимъ трезвонъ!.. (*Смотритъ на дно стакана и нюхаетъ*). Да кой чортъ? Что это въ водѣ то было?..

Вѣра (*взглянувъ на Дынина, въ ужасъ*). Оставь! Дядя! Оставь!..

Дынинъ. Что оставь?

Вѣра. Не пей.

Дынинъ (*улыбаясь*). Я ужъ выпилъ. Что такое тамъ было?

Вѣра (*въ отчаяніи*). Ядъ!..

Дынинъ. Никакъ и ты рехнулась?

Вѣра. Ядъ, Ядъ, настоящій ядъ!

Дынинъ (*хочетъ встать, но опять падаетъ, схватывая себя за животъ*). Ядъ?.. ядъ?.. Это ужасъ!.. Люди!.. Молока!.. Молока! Дайте молока!..

Вѣра (*бросается въ дверь прихожей*). Люди!.. Капитонъ!.. Молока!..

Дынинъ (*смотритъ безсмысленно*). Возможно ли это?.. Неужели я... Отъ чего жъ невозможно?.. Очень можетъ быть!.. (*Хватается за животъ*). Въ самомъ дѣлѣ!.. Прислушивается. Да, да!.. Нужно же мнѣ было пріѣзжать сюда, въ этотъ сумашедшій домъ!.. И зачѣмъ?.. Чтобъ умереть позорной смертью!.. Только нѣтъ!.. Не можетъ быть!.. это не ядъ!.. (*Опять хватается за животъ*). Ухъ! Ухъ!.. Колетъ!.. Рветъ!.. Люди!.. Батюшки!.. Помогите!.. Умираю!..

Ниловъ (*входитъ осторожно, осматриваясь*). Что съ вами, дядюшка? Въ чемъ вамъ помочь?

Дынинъ (*вскочивъ, яростно*). Съумашедшій! Извергъ! Чудовище! Убійца!.. (*Падаетъ на стулъ*). Нѣтъ... докторъ!.. Вѣдь ты докторъ?.. Ты долженъ все знать... Что жъ ты стоишь, какъ вкопаный?.. Помоги мнѣ!.. Ой, ой!..

Ниловъ. Что съ вами?

Дынинъ. Ядъ! ядъ! Русскимъ языкомъ говорятъ тебѣ: ядъ!.. Я отравленъ!

Ниловъ. Откуда онъ къ вамъ попалъ?

Дынинъ (*указывая на стаканъ*) Вотъ въ этомъ проклятомъ стаканѣ... Я... Что жъ ты разинулъ пасть-то?.. Слышишь ли?.. Умираю!.. Помогай же!..

Ниловъ (*смѣясь*). Успокойтесь, тутъ не было яду.

Дынинъ. Что?

Ниловъ. Вы приняли ложку кремортартару—вотъ и все.

Дынинъ (*вскакиваетъ и смотритъ на него недовѣрчиво*). Въ самомъ дѣлѣ?.. Ты не врешь?

Ниловъ. Честное слово! Я всыпалъ его для большаго эффекта.

Дынинъ (*бѣгаетъ, гнѣвно*). Экая глупая шутка!.. Экая дурацкая игра!..

Ниловъ. Вы сами желали, чтобъ хорошенько...

Дынинъ. Да, да!.. Только... (*Хватается за животъ*). Ой, ой!.. Что это бурлитъ?.. Неужъ-то яду не было?

Ниловъ. Ахъ, дядюшка!.. Неужели я былъ бы такъ равнодушенъ, если бъ дѣйствительно вы приняли ядъ. Признаюсь, я зашелъ нѣсколько далеко, и прошу простить меня за жесткія слова.

Дынинъ. Провались ты съ своимъ прощеньемъ!..

Пеньковъ. (Несчастье особаго рода, явл. 16 и 17).

(Испугъ).

Вѣра (*встаетъ*). Да что тутъ! вырвалъ сердце мнѣ изъ груди.
Какъ изъ гнѣзда безкрылую касатку,
Ударилъ оземь, ди и прочь пошелъ.
(*Ходитъ по свѣтлицѣ*). Жену завелъ—Настасьею зовутъ,
Романовной по батькѣ прозываютъ;
Ужъ я-бъ ее, лебедку, угостила,
Да не достанешь: руки коротки!
(*Труба раздается у самыхъ воротъ*).

Надежда (*отскакиваетъ отъ окна*).
Ахъ, Господи помилуй! Вѣра, Вѣра!
Они, они!.. Иванъ Семенычъ съ княземъ!

Вѣра (*вскрикиваетъ*). Мужъ!...

Надежда. Убѣги, голубушка-сестрица!..
Я не пущу ихъ! (*Бросается къ сѣнной двери*).
Вѣра (*ломаетъ себѣ руки*). Матушка, не выдай!
Дай унести мнѣ Олиньку;—убьетъ!
(*Бѣжитъ въ дверь на лѣво*).
Надежда (*прислушивается къ сѣнной двери*).
Скорѣй, скорѣй!... ворота отворили...
Скорѣй... идутъ по лѣстницѣ...
Вѣра (*вбѣгаетъ съ Олинькой на рукахъ*). Пусти!
(*Дверь растворяется, входятъ бояринъ Шелога и князь Токмаковъ; оба въ кольчугахъ и шлемахъ*).
Шелога. Здорово! Дорогихъ гостей не ждали?
(*Снимаетъ шлемъ и молится*).
Вѣра (*бросается въ безпамятствѣ между нимъ и Токмаковымъ*).
Пусти, пусти!
Шелога (*заступаетъ ей дорогу, смѣясь*). Аль мужа не признала?
Знать съ нѣмцами и самъ я нѣмцемъ сталъ.
Здорово, Вѣра! дай поцѣловаться:
Кажися, годъ промаялись... (*Хочетъ ее обнять*).
Вѣра (*отскакиваетъ отъ него*). Не тронь,
Не тронь, ребенка!
Шелога (*крестится*). Наше мѣсто свято!
Ребенка?... Какъ ребенка?...
Вѣра (*отбѣгаетъ къ окну*). Отойди!
Въ окошко кинусь...
Шелога. Господи, помилуй!...
Не ужъ-то я на смертный грѣхъ вернулся!..
(*Возвышаетъ голосъ*).
Жена!... а чей пащенокъ этотъ?...
Надежда (*падаетъ на колѣни*). Мой!

Мей. (Псковитянка, д. I, явл. 2 и 3).

Донъ-Жуанъ. Лепорелло!
Лепорелло. Что вамъ угодно?
Д.-Жуанъ. Милый Лепорелло!
Я счастливъ!—«Завтра—вечеромъ позднѣе»...
Мой Лепорелло, завтра!... приготовь...
Я счастливъ какъ ребенокъ!
Лепор. Съ Донной-Анной
Вы говорили? можетъ быть, она
Сказала вамъ два ласковыя слова,
Или ее благословили вы.
Д.-Жуанъ. Нѣтъ, Лепорелло, нѣтъ! Она свиданье,
Свиданье мнѣ назначила!

Лепор. Неужто?
О, вдовы! всѣ вы таковы.
Д.-Жуанъ. Я счастливъ!
Я пѣть готовъ, я радъ весь міръ обнять!
Лепор. А командоръ? Что скажетъ онъ объ этомъ?
Д.-Жуанъ. Ты думаешь, онъ станетъ ревновать!
Ужъ вѣрно нѣтъ; онъ человѣкъ разумный,
И вѣрно присмирѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ умеръ.
Лепор. Нѣтъ, посмотрите на его статую.
Д.-Жуанъ. Что-жъ?
Лепор. Кажется на васъ она глядитъ
И сердится.
Д.-Жуанъ. Ступай-же, Лепорелло,
Проси ее пожаловать ко мнѣ—
Нѣтъ, не ко мнѣ—а къ Доннѣ-Аннѣ, завтра.
Лепор. Статую въ гости звать! Зачѣмъ?
Д.-Жуанъ. Ужъ вѣрно
Не для того, чтобъ съ нею говорить.
Проси статую завтра къ Донѣ-Аннѣ
Прійдти по позже вечеромъ и стать
У двери на часахъ.
Лепор. Охота вамъ
Шутить, и съ кѣмъ!
Д.-Жуанъ. Ступай-же!
Лепор. Но...
Д.-Жуанъ. Ступай!
Лепор. Преславная, прекрасная статуя!
Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, покорно проситъ
Пожаловать... Ей Богу не могу:
Мнѣ страшно!
Д.-Жуанъ. Трусъ! вотъ я тебя!
Лепор. Позвольте.
Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, васъ проситъ завтра
Прійти по позже въ домъ супруги вашей
И стать у двери... (*Статуя киваетъ головой*). Ай!
Д.-Жуанъ. Что тамъ?
Лепор. Ай, ай!...
Ай, ай!... умру!
Д.-Жуанъ. Что сдѣлалось съ тобою?
Лепор. (*кивая головой*). Статуя... ай!
Д.-Жуанъ. Ты кланяешся!
Лепор. Нѣтъ,
Не я—она!
Д.-Жуанъ. Какой ты вздоръ несешь?
Лепор. Подите сами.

Д.-Жуанъ. Ну, смотри-жъ, бездѣльникъ!
(*Статуѣ*). Я, Командоръ, прошу тебя прійти
Къ твоей вдовѣ, гдѣ завтра буду я,
И стать у двери на часахъ. Что, будешь?
(*Статуя киваетъ опять*). О Боже!
Лепор. Что? я говорилъ...
Д.-Жуанъ. Уйдемъ.

Пушкинъ. (Каменный гость, сц. 3).

(Страхъ, испугъ, ужасъ).

Марія. Мазепа, ты?...
Мать. Молчи, молчи;
Не погуби насъ: я въ ночи
Сюда прокралась осторожно
Съ единой, слезною мольбой.
Сегодня казнь. Тебѣ одной
Свирѣпство ихъ смягчить возможно.
Спаси отца.
Дочь (*въ ужасѣ*). Какой отецъ?
Какая казнь?
Мать. Иль ты до нынѣ
Не знаешь?.. нѣтъ! ты не въ пустынѣ,
Ты во дворцѣ; ты знать должна,
Какъ сила Гетмана грозна,
Какъ онъ враговъ своихъ караетъ,
Какъ Государь ему внимаетъ—
Но вижу: скорбную семью
Ты отвергаешь для Мазепы;
Тебя я сонну застаю,
Когда свершаютъ судъ свирѣпый,
Когда читаютъ приговоръ,
Когда готовъ отцу топоръ—
Другъ другу, вижу, мы чужіе...
Опомнись: дочь моя! Марія!
Бѣги, пади къ его ногамъ,
Спаси отца, будь ангелъ нашъ:
Твой взглядъ злодѣямъ руки свяжетъ,
Ты можешь ихъ топоръ отвесть.
Рвись, требуй—Гетманъ не откажетъ:
Ты для него забыла честь,
Родныхъ и Бога.
Дочь. Что со мною?
Отецъ... Мазепа... казнь—съ мольбою

Здѣсь въ этомъ замкѣ мать моя—
Нѣтъ, иль ума лишилась я,
Иль это грезы!

Мать. Богъ съ тобою,
Нѣтъ, нѣтъ—не грезы, не мечты.
Уже-ль еще не знаешь ты,
Что твой отецъ ожесточенный
Безчестья дочери не снесъ
И, жаждой мести увлеченный,
Царю на Гетмана донесъ—
Что въ истязаніяхъ кровавыхъ
Сознался въ умыслахъ лукавыхъ,
Въ стыдѣ безумной клеветы;
Что жертва смѣлой правоты,
Врагу онъ выданъ головою,
Что предъ громадой войсковою,
Когда его не осѣнитъ
Десница вышняя Господня,
Онъ долженъ быть казненъ сегодня;
Что здѣсь покамѣстъ онъ сидитъ
Въ тюремной башнѣ.

Дочь. Боже, Боже!
Сегодня!—бѣдный мой отецъ! (*Падаетъ безъ чувствъ*).

Пушкинъ. (Полтава).

(Ужасъ видѣнія).

(*Макбетъ съ ужасомъ смотритъ на духъ Банко*).

Леди Макбетъ. ...И ты мужчина?

Макбетъ. Да, и смѣлый; я могу смотрѣть на то,
Предъ чѣмъ самъ дьяволъ поблѣднѣлъ бы.

Л. Макб. Такъ! Вотъ признаки ребяческаго страха,
Тотъ тѣнь-кинжалъ, что велъ тебя къ Дункану!
Признаться надо, эта дрожь и взгляды,
Пародія на истинный испугъ,
Прекрасны были бы у камелька,
Подъ говоръ сказки, на лицѣ старухъ.
Стыдись! какъ искажаешь ты лицо!
И изъ чего! Что испугало?—стулъ!

Макб. Но посмотри! туда! туда! Что скажешь?—
Что мнѣ до этого? Когда ты можешь
Кивать мнѣ головой, такъ говори!
Земля отвергла мертвецовъ; могилы
Ихъ шлютъ назадъ,—такъ пусть орловъ утробы
Гробами будутъ для людей!

Л. Макб. Возможно-ль
Такъ оробѣть?
(*Духъ исчезаетъ*).
Макб. Онъ былъ передо мной!
Клянусь тебѣ.
Л. Макб. Стыдись!
Макб. Кровь проливали
Уже давно, когда еще законъ
Не охранялъ общественнаго мира.
Да и потомъ убійства совершались,—
О нихъ и слышать тяжело. Но встарь,
Когда изъ черепа былъ выбитъ мозгъ,
Со смертью смертнаго кончалось все.
Теперь встаютъ они, хоть двадцать ранъ
Разсѣкли голову, и занимаютъ
Мѣста живыхъ. Вотъ непостижимо!
Непостижимѣе цареубійства!
Л. Макб. Васъ гости ждутъ
Макб. Ахъ, виноватъ, забылся.
Не удивляйтесь мнѣ, друзья: я болѣнъ;
Припадки странные, но это вздоръ—
Домашніе давно къ тому привыкли.
Что-жъ, выпьемъ за всеобщее здоровье,
Потомъ я сяду. Эй! вина!
(*Слугѣ, который наливаетъ вино*).
Полнѣе!
Я пью за здравіе всего стола.
(*Духъ является*).
И Банко, друга моего! Какъ жаль,
Что съ нами нѣтъ его! Его здоровье
И всѣхъ любезныхъ намъ гостей!
Лорды. Вамъ тоже!
Макб. Исчезни! Прочь! Пусть гробъ тебя укроетъ!
Твой черепъ пустъ и кровь охолодѣла!
Въ твоихъ сверкающихъ глазахъ нѣтъ зрѣнія!
Л. Макб. Не удивляйтесь; это съ нимъ не рѣдко
Мнѣ только жаль, что вечеръ нашъ разстроенъ.
Макб. На все, что можетъ человѣкъ, готовъ я.
Явись мнѣ грознымъ, разъяреннымъ львомъ,
Гирканскимъ тигромъ, сѣвернымъ медвѣдемъ,
Явись, чѣмъ хочешь ты—и я не дрогну.
Воскресни вновь и вызови въ пустыню
На смертный бой меня—не откажусь
И, если въ страхѣ отступлю на шагъ,
Зови меня игрушкою дѣвчонки!

Прочь, тѣнь ужасная! прочь, ложный призракъ!
(*Духъ исчезаетъ*).
Исчезъ. Я снова мужъ... Не безпокойтесь.
Шекспиръ. (Макбетъ, д. III, сц. 4).

(Ужасъ сновидѣнія).

Францъ. Видишь ли, мнѣ снилось, будто я только что всталъ изъ за царскаго обѣда, и сердце билось у меня отъ наслажденія, и я, упоенный, лежалъ въ саду на травѣ, какъ вдругъ—это было какъ-будто въ полдень—вдругъ... Да смѣйся же надо-мною, говорю тебѣ...

Даніель. Вдругъ?

Францъ. Вдругъ страшный ударъ грома поражаетъ слухъ мой: въ трепетѣ встаю я, и что же? — вижу: яркимъ пламенемъ горитъ весь горизонтъ; и горы, и лѣса, и города расплавляются, какъ воскъ въ печи; воющій вѣтеръ мететъ и море, и землю и небо... Вдругъ раздалось съ вышины, какъ-будто изъ мѣдныхъ трубъ: «Земля, отдай мертвецовъ своихъ, отдай мертвецовъ своихъ, море»! И вотъ — голая степь стала коробиться и выбрасывать черепы и ребра и челюсти и ноги, и они сростались, становились тѣлами и видимо — невидимо понеслись живою бурей. Я взглянулъ вверхъ, и что же? — я очутился у подошвы громоноснаго Синая, и надо мною толпы народа и подо мною толпы, а на самой вершинѣ горы, на трехъ дымящихся престолахъ, три старца, отъ взгляда которыхъ бѣжала всякая тварь...

Даніель. Да это чистое подобіе страшнаго суда.

Францъ. Неправда-ли, какая безсмыслица? Вотъ всталъ первый изъ нихъ, мрачный, какъ звѣздная ночь, и держалъ онъ въ десницѣ желѣзный перстень, и держалъ между восходомъ и закатомъ и такъ говорилъ: «Вѣчно, свято, праведно, не ложно! Есть только одна истина, есть одна добродѣтель. Горе, горе, горе сомнѣвающемуся червю»! Потомъ всталъ второй; у него въ рукѣ было блестящее зеркало, и держалъ онъ его между восходомъ и закатомъ и такъ говорилъ: «Зеркало это—истина; лице-

мѣріе и притворство не выдержать его отраженій»! И я устрашился, и весь народъ со мною, потому-что въ ужасномъ зеркалѣ отражались одни головы змѣй, тигровъ и леопардовъ. Потомъ всталъ третій; у того были въ рукѣ желѣзные вѣсы, и держалъ онъ ихъ между восходомъ и закатомъ и такъ говорилъ: «Подойдите ближе, дѣти Адамовы! — я взвѣшиваю помышленія въ чашѣ моего гнѣва и дѣла—гирями моей мести!

Даніель. Господи помилуй!

Францъ. Блѣдные, какъ снѣгъ, стояли мы всѣ. Ожиданіе боязливо билось въ каждой груди. Вдругъ мнѣ показалось, будто мое имя первое раздалось посреди горней бури и мозгъ застылъ въ костяхъ моихъ, и зубы громко застучали. Вѣсы зазвенѣли, загрохоталъ утесъ и часы потекли одинъ за другимъ мимо ошуюю висящей чаши, и одинъ за другимъ бросалъ въ нее по смертному грѣху.

Даніель. Да проститъ васъ Богъ!

Францъ. Этого онъ не сдѣлалъ. Чаша росла и становилась горою; но другая, полная крови искупленія, еще удерживала ее высоко на воздухѣ. Наконецъ, подошелъ старикъ, согбенный страданіями, глодавшій руку отъ нестерпимаго голода; глаза всѣхъ со страха отворотились отъ старика. Я зналъ старика. Онъ вырвалъ клокъ серебряныхъ волосъ, бросилъ его въ чашу грѣховъ, и она пала, во мгновеніе ока пала она до самой преисподней, и чаша искупленія качалась высоко, высоко. И я услышалъ гремящій голосъ среди шума и дыма. «Милосердіе, милосердіе каждому грѣшнику земли и преисподней! — ты одинъ отринутъ! (*Глубокое молчаніе*). Ну, что жъ ты не смѣешься?

Даніель. До смѣха ли тутъ, когда у меня морозъ по кожѣ подираетъ? Сны нисходятъ отъ Бога.

Шиллеръ. (Разбойники, д. V, сц. 1).

(Страхъ и ужасъ смерти).

Теперь часъ съ четвертью. Вотъ что я чувствую въ эту минуту: страшная головная боль, холодъ въ поясницѣ, лобъ въ огнѣ. Каждый разъ, что встаю, или наклоняюсь, мнѣ кажется

что какая то жидкость переливается у меня въ головѣ и заставляетъ мозгъ биться о стѣнки черепа. По мнѣ пробѣгаетъ судорожная дрожь, а по временамъ перо падаетъ изъ рукъ, какъ отъ гальваническаго сотрясенія. Въ глазахъ рѣзь, какъ будто я былъ въ дыму. Локти ноютъ. Еще два часа и сорокъ пять минутъ и я вылечусь... Они говорятъ, что это ничего, что страданій никакихъ нѣтъ, что это конецъ тихій, что такая смерть упрощена. А что же такое эта шестинедѣльная агонія, это ежедневное хрипѣніе! Что же такое муки этого невознаградимаго дня, который идетъ такъ медленно и такъ скоро? Что же такое эта лѣстница пытокъ, кончающаяся эшафотомъ? Развѣ это не значитъ страдать? Развѣ это не тѣже содроганія, когда кровь точится капля по каплѣ, или когда умъ гаснетъ мысль за мыслью? А потомъ увѣрены ли они, что въ самомъ дѣлѣ не страдаешь? Кто сказалъ имъ это? Видано ли, чтобъ отрубленная голова стала вдругъ, вся въ крови, на краю короба и закричала народу: «это не больно»! Или есть покойники ихъ издѣлія, которые приходили потомъ къ нимъ и благодарили ихъ, что, дескать, это славно придумано. Продолжайте поступать такъ. Механизмъ превосходный! Ничего! Пустяки! Меньше минуты, меньше секунды, и всему конецъ.— Да поставили ли они себя хоть разъ въ жизни въ положеніе того, кто тамъ лежитъ въ то время, какъ падаетъ тяжелое остріе, впивается въ мясо, рветъ нервы, ломаетъ позвонки! Что за важность? Пол-секунды! и боль исчезла!.. Ужасъ!..

Гюго. (Послѣдній день осужденнаго).

(Ужасъ сновидѣнія).

Мнѣ снилось, что была ночь и что я былъ у себя въ кабинетѣ съ двумя или тремя пріятелями, какими, не помню. Жена моя лежала подлѣ въ спальнѣ и спала съ нашимъ ребенкомъ. Мы говорили въ полголоса и то, что мы говорили, пугало насъ. Вдругъ мнѣ послышался гдѣ то, въ другихъ комнатахъ, шумъ: шумъ слабый, странный, неопредѣленный. Друзья мои слышали его также, какъ и я. Мы стали прислушиваться: какъ будто кто

глухо отпиралъ замокъ, или потихоньку пилилъ засовы. Было что-то ужасавшее насъ: мы испугались. Подумали было, что это воры забрались ко мнѣ въ такой поздній часъ ночи. Рѣшено было идти посмотрѣть. Я всталъ, взялъ свѣчку: друзья мои пошли за мною. Мы прошли спальню: жена моя спала съ ребенкомъ. Вошли въ гостиную. Ничего. Портреты неподвижно висѣли въ золотыхъ рамахъ на красныхъ обояхъ. Мнѣ показалось, что дверь изъ гостиной въ столовую была не на своемъ мѣстѣ. Мы вошли въ столовую, обошли ее кругомъ, я шелъ впереди. Дверь въ сѣни была крѣпко заперта, окна тоже. У печки я увидѣлъ, что шкапъ съ бѣльемъ былъ отворенъ, и что дверца была откинута на уголъ стѣны, какъ будто для того, чтобы скрыть что-то. Это меня удивило. Мы подумали, что за дверью кто-то спрятался. Я хотѣлъ притворить ее; она не давалась. Удивленный, я рванулъ сильнѣе: она подалась внезапно и открыла маленькую старушонку, съ висящими руками, съ закрытыми вѣками, неподвижно-стоявшую и будто приклеенную къ углу стѣны. Все это было до того отвратительно, что отъ одного воспоминанія волосы у меня становятся дыбомъ. Я спросилъ у старухи: что вы здѣсь дѣлаете? Она не отвѣчала. Я спросилъ ее: кто вы такая? Она не отвѣчала, не тронулась съ мѣста и не раскрыла глазъ. Друзья сказали:—это вѣроятно сообщница тѣхъ, что вошли сюда со злымъ умысломъ; они убѣжали, услышавъ шаги наши; она, вѣроятно, не могла бѣжать и спряталась здѣсь. Я снова спросилъ ее: она оставалась безъ голоса, безъ движенія, безъ взгляда. Одинъ изъ насъ толкнулъ ее: она упала. Она упала, какъ кусокъ дерева, какъ мертвое тѣло. Мы шевелили ее ногами, потомъ двое изъ насъ подняли ее и снова прислонили къ стѣнѣ. Она не подавала признака жизни. Ей кричали въ ухо: она оставалась нѣма, какъ глухая. Однакожъ мы теряли терпѣніе и раздраженіе стало проглядывать изъ нашего страха. Одинъ изъ насъ сказалъ: свѣчку ей подъ подбородокъ. Я поднесъ ей зажженную свѣчу подъ самый подбородокъ. Тогда она открыла на половину одинъ глазъ, глазъ пустой, мутный, ужасный и который не смотрѣлъ. Я принялъ свѣчку и сказалъ:—А! наконецъ то! Загово-

ришь ли ты старая вѣдьма, кто ты? Глазъ закрылся, какъ будто самъ собою.—Ну, ужъ это черезъ чуръ, сказали другіе. Опять свѣчку, опять. Она заговоритъ у насъ! Я снова подставилъ подсвѣчникъ подъ бороду старухи. Тогда она медленно открыла два глаза, посмотрѣла на насъ всѣхъ поодиночкѣ, потомъ вдругъ нагнувшись, задула свѣчку своимъ ледянымъ дыханіемъ. Въ туже минуту я почувствовалъ, какъ три острые зуба впились во мракѣ въ мою руку. Я проснулся, дрожа всѣмъ тѣломъ и облитый холоднымъ потомъ.

Гюго. (Послѣдній день осужденнаго).

СТРАСТИ.

(Сластолюбіе, гастрономія).

Пѣтухъ (*повару*). Да кулебяку сдѣлай на четыре угла. Въ одинъ уголъ положи ты мнѣ щеки осетра, да вязиги; въ другой запусти гречневой кашицы, да грибочковъ съ лучкомъ, да молокъ сладкихъ, да мозговъ, да еще чего знаешь тамъ этакаго... какого нибудь тамъ того...

Поваръ. Слушаю-сь. Можно будетъ и такъ.

Пѣтухъ. Да чтобы она съ одного боку—понимаешь? подрумянилась бы, а съ другого боку пусти ее полегче. Да исподку-то, исподку—понимаешь? пропеки такъ, чтобы разсыпалась, чтобы всю ее проняло, знаешь, сокомъ, чтобы и не услышалъ ее во рту, какъ снѣгъ бы растаяла. Да сдѣлай ты мнѣ свиной сычекъ. Положи кусочекъ льду, чтобы онъ выхухнулъ хорошенько. Да чтобы къ осетру обкладка, гарниръ-то, гарниръ чтобы былъ по богаче. Обложи его раками, да поджареной маленькой рыбкой, да приложи фаршицомъ изъ снѣточковъ, да подбавь мелкой сѣчки, хрѣнку, да груздиковъ, да рѣпушки, да морковки, да бобковъ, да нѣтъ-ли тамъ еще какаго коренья?

Гоголь. (Мертвыя души, ч. II).

(Пьянство, на-веселѣ).

Анна Андр. Я думаю, съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпіемъ даютъ балы!

Хлестаковъ. Просто, не говорите. На столѣ, напримѣръ, арбузъ—въ семьсотъ рублей арбузъ. Супъ въ кострюлькѣ прямо на пароходѣ пріѣхалъ изъ Парижа; откроютъ крышку—паръ, которому подобнаго нельзя отыскать въ природѣ. Я всякій день на балахъ. Тамъ у насъ и вистъ свой составился: министръ иностранныхъ дѣлъ, французскій посланникъ, нѣмецкій посланникъ и я. И ужъ такъ уморишься играя, что, просто ни на что не похоже. Какъ взбѣжишь по лѣстницѣ къ себѣ въ четвертый этажъ—скажешь только кухаркѣ: «На, Маврушка, шинель... «Что-жъ я вру—я и позабылъ, что живу въ бель-этажѣ. У меня одна лѣстница... А любопытно взглянуть ко мнѣ въ переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкутся и жужжатъ такъ, какъ шмели, только и слышно: ж... ж... ж... Иной разъ и министръ... (*Городничій и прочіе съ робостію встаютъ съ своихъ стульевъ*). Мнѣ даже на пакетахъ пишутъ ваше превосходительство. Одинъ разъ я даже управлялъ департаментомъ. И странно: директоръ уѣхалъ—куда уѣхалъ, неизвѣстно. Ну, натурально, пошли толки: какъ, что, кому занять мѣсто? Многіе изъ генераловъ находились охотники и брались, но пойдутъ, бывало—нѣтъ, мудрено! Кажется и легко на видъ, а разсмотрѣть—просто, чортъ возьми! Видятъ, нечего дѣлать—ко мнѣ. И въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себѣ, тридцать пять тысячъ однихъ курьеровъ! Каково положеніе, я спрашиваю? «Иванъ Александровичъ, ступайте департаментомъ управлять»! Я, признаюсь, не много смутился, вышелъ въ халатѣ, хотѣлъ отказаться, но думаю, дойдетъ до государя, ну, да и послужной списокъ тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю», говорю, «такъ и быть», говорю, «я принимаю, только ужъ у меня: ни, ни, ни! ужъ у меня ухо востро! ужъ я»... И точно бывало: прохожу черезъ департаментъ—

просто землетрясенье, все дрожитъ, трясется, какъ листъ. (*Городничій и прочіе трясутся отъ страха; Хлестаковъ горячится сильнѣе*). О, я шутить не люблю; я имъ всѣмъ задалъ отрастку! Меня самъ государственный совѣтъ боится. Да что въ самомъ дѣлѣ? Я такой! я не посмотрю ни на кого… я говорю всѣмъ: «Я самъ себя знаю, самъ»! Я вездѣ, вездѣ. Во дворецъ всякій день ѣзжу. Меня завтра же произведутъ сейчасъ въ фельдмарш… (*Поскальзывается и чуть чуть не падаетъ на полъ, но съ почтеніемъ поддерживается чиновниками*).

Городничій (*подходя, и трясясь всѣмъ тѣломъ, силится выговорить*). А ва… ва… ва… ва…

Хлест. (*быстрымъ отрывистымъ голосомъ*). Что такое?

Городн. А ва ва ва… ва…

Хлест. (*такимъ же голосомъ*). Не разберу ничего, все вздоръ.

Городн. Ва ва ва… шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть… вотъ и комната и все, что нужно.

Хлест. Вздоръ—отдохнуть! Извольте, я готовъ отдохнуть. Завтракъ у васъ, господа, хорошъ… я доволенъ, я доволенъ. (*Съ декламаціей*). Лабарданъ! лабарданъ! (*Входитъ въ боковую комнату, за нимъ городничій*).

Гоголь. (Ревизоръ, д. III, явл. 6).

(Охмѣленіе слезливое).

Хорьковъ. Марья Андревна! Моя мать васъ обидѣла; я пришелъ просить прощенія за нее.

Анна Петровна. Да, батюшка, нечего сказать, хорошая женщина ваша маменька.

Марья Андреевна (*тихо*). Маменька, онъ, кажется, пьянъ.

Милашинъ (*Марьѣ Андр.*). Онъ ужъ четвертый день пьетъ; какъ ушелъ тогда отъ васъ, и запилъ. Ходитъ по комнатѣ, плачетъ и пьетъ.

Марья Андр. Неужели? Ахъ бѣдный!

Хорьк. Что такое? Слезы! О чемъ вы плачете? Я не хотѣлъ васъ обидѣть… я бы умеръ для васъ, Марья Андревна.

Это мать... она простая женщина. Я не зналъ, что она была у васъ, не зналъ... Я-бъ ее не пустилъ къ вамъ... Она простая женщина, не понимаетъ ничего... Гдѣ же ей васъ понять? Что жъ дѣлать! Мать... любитъ... воспитала... Марья Андревна, простите. (*Становится на колѣни*).

Анна Петр. Ахъ молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!

Хорьк. Что вы, Анна Петровна!.. Ахъ, вы не знаете!.. Ужъ молчите лучше! (*Къ Марьѣ Андреевнѣ*). Васъ, вѣроятно, маменька обидѣла? Не сердитесь на нее... Богъ съ ними... они не знаютъ... не сердитесь на нее... вѣдь любятъ... воспитывали... учили...

Мар. Андр. Ахъ, какъ мнѣ его жаль, какъ мнѣ его жаль!

Хорьк. Марья Андревна, не презирайте меня! Я люблю васъ... Я не могъ перенести вашего отказа. Конечно, это гадко... подло... недостойно... Но что жъ дѣлать, я жалкій человѣкъ! Я вѣдь люблю васъ, очень люблю!..

Марья Андр. Я сама васъ люблю, Михайло Иванычъ. Я очень жалѣю, что поздно васъ узнала. Я выхожу за мужъ... за Беневоленскаго. (*Плачетъ*).

Хорьк. За Беневоленскаго!.. Это жертва... да, жертва. Что жъ, благородно... благородно... слезы...

Мар. Андр. (*садится на стулъ*). Ахъ, Михайло Иванычъ, мнѣ тяжело, очень тяжело.

Анна Петр. Она это для матери дѣлаетъ. Максимъ Дорофеичъ—человѣкъ хорошій и съ состояніемъ.

Хорьк. Да, съ состояніемъ. Слезы, слезы... вѣчные слезы... чахотка... не живши... не видавши радостей жизни. Прощайте. (*Становится на колѣни, беретъ руку Марьи Андреевны и цѣлуетъ*). Я самъ не переживу! (*Марья Андреевна въ обморокѣ, всѣ суетятся около нея, Хорьковъ плачетъ, прислонившись къ стѣнѣ*).

Островскій. (Бѣдная невѣста, д. IV, явл. 12).

(Охмѣленіе-жалоба).

Даша. Вася, ты винца не хочешь ли? Выпей вотъ вишневочки.

Вася. Нѣтъ, боюсь!.. Тятенька—ухъ!.. и... и не живи на свѣтѣ!.. Я и то вотъ хмѣленекъ немножко... такъ зашелъ къ вамъ, авось пройдетъ... а то боюсь... тятеньку до смерти... и... бѣда!..

Даша. Да ты уснешь у насъ, вотъ и пройдетъ... Ничего, выпей.

Вася. Нешто одинъ стаканчикъ.

Даша (*наливаетъ*). Выпей, Вася, ничего. (*Вася пьетъ*). Такъ ты не скажешь, куда вы ѣздите-то?

Вася. Никакъ невозможно этого сдѣлать; не велѣлъ.

Даша (*съ испугомъ*). Какъ не велѣлъ? Да отчего жъ не велѣлъ.

Вася. Такъ, не велѣлъ, да и все тутъ. Убью, говоритъ, на мѣстѣ! Да не спрашивай, Дарья Агафоновна, я ничего говорить не стану.

Даша. Ну, хорошо... ну, хорошо, я не буду спрашивать. Выпей еще, Вася.

Вася. Нѣтъ, покорно благодарствуйте, будетъ... и то мутитъ... а я тятиньки боюсь.

Даша. Вотъ, тятенька! Что такое? Нынче масляница. (*Наливаетъ*).

Вася. Вѣдь этакъ, пожалуй, напьешься! (*Пьетъ*).

Даша. Ничего. Какой ты, Вася, хорошій... тебя чай дѣвушки любятъ... Ишь ты какой кудрявый! (*Гладитъ по головѣ*). А? Любятъ дѣвушки? (*Наливаетъ вина*).

Вася. Меня дѣвушки оченно любятъ. Да только вотъ одна, что самая раскрасавица; надо мной надсмѣялася... Конечно, онъ старшой... и по торговлѣ, да зачѣмъ обижать!..

Даша. За что тебя обижать?

Вася. А онъ обидѣлъ, онъ шутку сшутилъ... Да еще какую шутку! а еще благо... бла... благопріятель называется.

Даша. Скажи, пожалуй!.. Ну, ну...

Вася. Я все ходилъ къ ней украдкой, потихоньку, потому я боюсь, тятенька узнаетъ... Куда, говоритъ, ты ходишь?.. Да нѣтъ, онъ не велѣлъ сказывать... ты, говоритъ, и подумать не смѣй! А то, говоритъ, ты, пожалуй, съ дуру-то, женѣ...

Даша. Васинька, миленькой, а какую я тебѣ невѣсту сосватаю. Выпей, Вася.

Вася. Не пой ты меня, сдѣлай милость, не пой... а то я пьяный все скажу, а я не долженъ по пріятельски... и онъ не велѣлъ... Тогда лучше и не живи на свѣтѣ!

Даша. А какую невѣсту, Вася! Какая красавица-то, писаная!

Вася (*пьетъ*). Ну, хорошо, ну, я все скажу... все, за то, что онъ меня обидѣлъ... кровно обидѣлъ... надсмѣшку надо мной сдѣлалъ!.. Только ты ему не сказывай.

Даша. Не скажу, не скажу.

Вася. Вотъ, говоритъ, куда ты ходишь? Я говорю: есть дѣвушка, красавица, живетъ съ матерью, туда, говорю, и хожу... Грушенькой зовутъ. Возьми, говоритъ, меня съ собой. Взялъ я его. Вотъ мы и ходимъ къ ней много разъ... много разъ... сидимъ это, растобарываемъ, пряничковъ носимъ... все, какъ слѣдуетъ. Вотъ я вижу, начинаетъ онъ къ ней поддѣлываться, холостымъ сказался...

Даша (*отодвигается съ ужасомъ*). Ахъ, батюшки!

Вася. Ты, говоритъ, не смѣй сказывать, что я женатый!.. А старуха-то его руку тянетъ, потому богатый. Потомъ какъ то говоритъ, ты, говоритъ, проваливай, и не смѣй сюда ходить, а то, говоритъ, убью! И, говоритъ, отцу скажу. Чтожъ, извѣстно, я тятеньки боюсь! Ты, говорю, пи... пи... піять меня хочешь... Что же, піяй! Отольются тебѣ мои слезы... Цѣлую недѣлю, Дарья Агафоновна, я плакалъ на взрыдъ, а вотъ нынче съ горя выпилъ... не могъ я этого прео... переломить въ себѣ!

Даша. Охъ, горюшко!

Вася (*плачетъ*). Я человѣкъ, у меня сердце, душа есть... чай она чувствуетъ... Я, вѣдь, не каменный!.. У него жена есть, а я сирота... у меня нѣтъ никого...

Даша (*встаетъ*). Тетушка, матушка!

Вася (*наклоняется надъ столомъ и засыпаетъ*).

Островскій. (Не такъ живи, какъ хочется, д. I, явл. 9).

(Охмѣленіе постоянное).

Мармеладовъ. Милостивый государь, (*почти съ торжественностью*)—бѣдность не порокъ, это истина. Знаю, что пьянство не добродѣтель, и это тѣмъ паче. Но нищета, милостивый государь, нищета — порокъ-съ. Въ бѣдности вы еще сохраняете свое благородство врожденныхъ чувствъ, въ нищетѣ же никогда и никто. За нищету даже и не палкой выгоняютъ, а метлой выметаютъ изъ компаніи человѣческой, чтобы тѣмъ оскорбительнѣе было; и справедливо, ибо въ нищетѣ я первый самъ готовъ оскорблять себя. И отсюда питейное! Милостивый государь, мѣсяцъ назадъ тому, супругу, мою избилъ г. Лебезятниковъ, а супруга моя не то, что я! Понимаете-съ? Позвольте еще васъ спросить, такъ, хотя бы въ видѣ простаго любопытства: изволили вы ночевать на Невѣ, на сѣнныхъ баркахъ?

Раскольниковъ. Для чего вы не служите?

Мармеладовъ. Для чего я не служу, милостивый государь? Для чего я не служу? А развѣ сердце у меня не болитъ о томъ, что я пресмыкаюсь втунѣ? Когда г. Лебезятниковъ, тому мѣсяцъ назадъ, супругу мою собственноручно избилъ, а я лежалъ пьяненькой, развѣ я не страдалъ? Позвольте, молодой человѣкъ, случалось вамъ... гм... ну хоть испрашивать денегъ взаймы безнадежно?..

Раскольниковъ. Какъ безнадежно?

Мармеладовъ. То-есть безнадежно вполнѣ-съ, заранѣе зная, что изъ сего ничего не выйдетъ. Вотъ вы знаете, напримѣръ, заранѣе и досконально, что сей человѣкъ, сей благонамѣреннѣйшій и наиполезнѣйшій гражданинъ, ни за что вамъ денегъ не дастъ, ибо зачѣмъ, спрошу я, онъ дастъ? Вѣдь онъ знаетъ же, что я не отдамъ. Изъ сострадані? Но г. Лебезятниковъ, слѣдящій за новыми мыслями, объяснялъ намедни, что сострада-

ніе въ наше время даже наукой воспрещено, и такъ уже дѣлается въ Англіи, гдѣ политическая экономія. Зачѣмъ же, спрошу я, онъ дастъ? И вотъ, зная впередъ, что не дастъ, вы все-таки отправляетесь въ путь и...

Раскольниковъ. Зачѣмъ же?

Мармеладовъ. А коли не къ кому, коли идти больше не куда! Вѣдь надобно же, чтобы всякому человѣку хоть куда-нибудь можно было пойдти. Ибо бываетъ такое время, когда непремѣнно надо хоть куда нибудь да пойдти! Позвольте, молодой человѣкъ: можете ли вы... Но нѣтъ, изъяснить сильнѣе и изобразительнѣе: не можете ли вы, а осмѣлитесь ли вы, взирая въ сей часъ на меня, сказать утвердительно, что я не свинья?

(Охмѣленіе смиренное).

Мармеладовъ (*вставая съ протянутою впередъ рукою*). Жалѣть! зачѣмъ меня жалѣть!—Зачѣмъ жалѣть, говоришь ты? Да! меня жалѣть не за что! Меня распять надо, распять на крестѣ, а не жалѣть! Но распни, судія, распни и, распявъ, пожалѣй его! И тогда я самъ къ тебѣ пойду на пропятіе, ибо не веселья жажду, а скорби и слезъ!.. Думаешь ли ты, продавецъ, что этотъ полуштофъ твой мнѣ въ сласть пошелъ? Скорби, скорби искалъ я на днѣ его, скорби и слезъ, и вкусилъ, и обрѣлъ; а пожалѣетъ насъ Тотъ, Кто всѣхъ пожалѣлъ, и Кто всѣхъ и вся понималъ. Онъ Единый, Онъ Судія. Пріидетъ въ тотъ день и спроситъ: «А гдѣ дщерь, что мачихѣ злой и чахоточной, что дѣтямъ чужимъ малолѣтнимъ себя предала? Гдѣ дщерь, что отца своего земнаго, пьяницу непотребнаго, не ужасаясь звѣрства его, пожалѣла? И скажетъ: Пріиди! Я уже простилъ тебя разъ... Прощаются же и теперь грѣхи твои мнози, за то, что возлюбила много»... И проститъ мою Соню, проститъ, я ужъ знаю, что проститъ... Я это давеча, какъ у ней былъ, въ моемъ сердцѣ почувствовалъ!.. И всѣхъ разсудитъ и проститъ, и добрыхъ и злыхъ, и премудрыхъ, и смирныхъ... И когда уже кончитъ надъ всѣми, тогда возглаголетъ и намъ: «Выходите, скажетъ, и вы! Выхо-

дите пьяненькіе, выходите слабенькіе, выходите соромники»! И мы выйдемъ всѣ, не стыдясь, и станемъ. И скажетъ: «Свиньи вы! образа звѣринаго и печати его, но пріидите и вы»! И возглаголятъ премудрые, возглаголятъ разумные: Господи! почто сихъ пріемлеши»? И скажетъ: «Потому ихъ пріемлю, премудрые, потому пріемлю, разумные, что ни единый изъ сихъ самъ не считалъ себя достойнымъ сего»... И прострѣтъ къ намъ руцѣ свои, и мы припадемъ... и заплачемъ... и все поймемъ! Тогда все поймемъ!... и всѣ поймутъ... и Катерина Ивановна... и она пойметъ... Господи, да пріидетъ Царствіе Твое!..

Достоевскій. (Преступленіе и наказаніе, часть 1).

(Охмѣленіе горделивое).

Любимъ Карп. Послушайте, люди добрые! Обижаютъ Любима Торцова, гонятъ вонъ. А чѣмъ я не гость? За что меня гонятъ? Я не чисто одѣтъ, такъ у меня на совѣсти чисто. Я не Коршуновъ. Я бѣдныхъ не грабилъ, чужаго вѣку не заѣдалъ, жены ревностію не замучилъ... Меня гонятъ, а онъ первый гость, его въ передній уголъ сажаютъ. Что жъ, ничего, ему другую жену дадутъ; братъ за него дочь отдастъ. Ха, ха, ха. (*Хохочетъ трагически*).

Корш. (*вскакиваетъ*). Не вѣрьте ему, онъ вретъ, онъ это по злобѣ на меня говоритъ, съ пьяну.

Люб. Карп. Что за злоба! Я тебѣ давно простилъ. Я человѣкъ маленькій, червякъ ползущій, ничтожество изъ ничтожествъ. Ты другимъ-то зла не дѣлай.

Гордѣй Карп. (*прислугѣ*). Уведите его!

Люб. Карп. (*поднимая одинъ палецъ къ верху*). Тсс. Не трогать! Хорошо тому на свѣтѣ жить, у кого нѣтъ стыда въ глазахъ... О люди, люди! Любимъ Торцовъ пьяница, а лучше васъ. Вотъ теперь я самъ пойду. (*Обращаясь къ толпѣ*). Шире дорогу — Любимъ Торцовъ идетъ. (*Уходитъ и тотчасъ возвращается*). Извергъ естества. (*Уходитъ*).

Островскій. (Бѣдность не порокъ, д. III, явл. 12).

(Похмѣлье скрываемое).

Уланбекова. Ты гдѣ былъ?

Гриша (*то открываетъ, то закрываетъ глаза, не твердъ въ языкѣ и на ногахъ*). На гулянкѣ-съ.

Уланб. До сихъ поръ? (*Гриша молчитъ*). Что же ты молчишь? (*Молчаніе*). Дождусь ли я отъ тебя слова, или нѣтъ?

Василиса Перигриновна. Отвѣчай барынѣ.

Гр. Вамъ что еще!

Уланб. Отвѣчай мнѣ, гдѣ ты былъ до сихъ поръ?

Гр. Виноватъ-съ!

Уланб. Я не объ этомъ тебя спрашиваю, виноватъ ты, или нѣтъ; я у тебя спрашиваю, гдѣ ты былъ?

Гр. (*смотритъ въ потолокъ и хлопаетъ глазами*). Гдѣ жъ мнѣ быть-то! Что жъ такое; обыкновенно гдѣ.

Уланб. Ну гдѣ же?

Гр. Да я вамъ докладывалъ, что все тамъ же-съ.

Уланб. Ты меня выводишь изъ терпѣнія! Гдѣ, тамъ?

Гр. Да что же такое-съ! На все ваша воля-съ. Я что же-съ... я виноватъ-съ.

Уланб. Боже мой! Да ты и пьянъ еще, кажется.

Гр. Никакъ нѣтъ-съ.

Уланб. Какъ нѣтъ? Я вижу.

Гр. Что же такое-съ! Про человѣка все можно сказать.

Уланб. Ахъ ты, мерзкій мальчишка! Онъ еще запирается! Это ужасно! Ну, говори сейчасъ, гдѣ былъ?

Гр. Что же-съ! Я вамъ докладывалъ-съ.

Уланб. Цѣлую-то ночь ты былъ на гуляньѣ?

Гр. Я вамъ докладывалъ-съ.

Уланб. Какъ ты смѣлъ, когда я тебя отпустила не надолго?

Гр. Чтоже-съ! Я и хотѣлъ идти домой, да не пустили-съ.

Уланб. Кто-же тебя не пустилъ?

Гр. Знакомые не пустили-съ.

Уланб. Кто же у тебя знакомые?

Гр. Чтоже-съ, приказные знакомые.

Уланб. Боже мой! Приказные, понимаешь ли ты, что это за народъ?

Гр. Кто-съ? приказные-то. Что-жъ ихъ понимать-то-съ?

Уланб. Съ ними-то ты всю ночь и шлялся! Лучше бъ ужъ ты мнѣ и не говорилъ, мерзавецъ ты этакой. Знаю я ихъ поведеніе-то! Они всему научатъ. Что же значитъ это такое! Поди вонъ! И не смѣй мнѣ показываться на глаза!

Островскій. (Воспитанница, д. III, явл. 6).

(Охмѣленіе резонерствующее).

Семенъ Иванычъ. Что тебѣ, Евтихій?

Евтихій. Я къ вамъ, Семенъ Иванычъ, къ вашей милости...

Сем. Ив. Ну, что же тебѣ?

Евт. Вы теперь, Семенъ Иванычъ, увольняетесь отъ насъ, значитъ, отъ управительской этой самой должности, отходите...

Сем. Ив. Ну, да. Что же?

Евт. Это самое такъ... то-есть мы слышали это... Всѣ про это ужъ... то-есть извѣстны...

Сем. Ив. Да, братецъ, да, что дѣлать? ухожу... Я и не скрываю этого...

Евт. Потому самому, какъ вамъ господа отказываютъ и на ваше мѣсто другаго, то-есть, предназначаютъ... этого самаго нѣмца, то-есть привознаго... что изъ Питера навезли...

Сем. Ив. Ну, да, да... Что же тебѣ? Ты говори, что тебѣ нужно? Я тебя знаю, ты всегда изъ далека начинаешь... А мнѣ некогда, такъ ты говори поскорѣй...

Евт. Я насчетъ своей Глашки, Семенъ Иванычъ... Такъ-какъ есть я ей теперича отецъ, и проживаетъ она у васъ...

Сем. Ив. Ну...

Евт. Такъ согласенъ я ее теперича взять отъ васъ къ себѣ...

Сем. Ив. Зачѣмъ же?.. Я ей не отказываю: она мнѣ нужна... дѣти ее всѣ любятъ... Живетъ у насъ съ малолѣтства, и мы къ ней привыкли, и она къ намъ. Не бойся, прокормлю и одѣну...

Евт. Никакъ нѣтъ, Семенъ Иванычъ, я согласенъ ее теперича принять отъ васъ... Какъ она есть мнѣ дочь и должна при мнѣ... и старость мою пропитывать...

Сем. Ив. Послушай, Евтихій, она молоденькая дѣвочка: будетъ съ нея, что и сама себя прокормитъ и одѣнетъ... А ты еще самъ не старъ, можешь работать и прокормить себя.

Евт. Никакъ нѣтъ... Я отецъ, я ей баловаться не дамъ... У меня живи смирно и степенно...

Сем. Ив. Да что ты, Евтихій, выпивши что-ли?.. Что ты развѣ слышалъ про нее что дурное?..

Евт. Ничего я этого не знаю и пьянности во мнѣ никакой нѣтъ. А какъ есть я отецъ и желаю я получить себѣ дочь свою... для пропитанія моего...

Сем. Ив. Да глупый ты человѣкъ, вѣдь возьмешь ты ее отъ меня, долженъ же будешь куда-нибудь въ горничныя отдать за какія нибудь полтора, два рубля въ мѣсяцъ. Мало ли ихъ теперь бѣгаетъ, мѣстъ ищетъ, какъ вольными стали... Много ли же она тутъ можетъ тебѣ удѣлить изъ своего жалованья?

Петръ. Батюшка, да Глаша, можетъ быть, сама не захочетъ уйти отъ насъ; вы бы ее спросили, чѣмъ съ нимъ толковать...

Евт. Нѣтъ, это никакъ не можетъ быть, чтобы дочь могла противъ меня, какъ есть я теперича ей отецъ... Такого закона нѣтъ... Я черезъ судъ могу вытребовать...

Сем. Ив. Ну, коли такъ... Коли желаешь погубить дочь, бери ее... Бери, бери!

Евт. Какъ теперича господа наши желаютъ ее къ себѣ взять въ слуги, въ горничныя.

Сем. Ив. А—а, вотъ что! Мало у нихъ другихъ, непремѣнно эту нужно...

Евт. И самъ этотъ самый Иванъ Павлычъ, дворецкій, сказалъ мнѣ: Евтихій, слушай! теперича господа берутъ твою дочку къ себѣ въ услуженіе... чувствуй это... черезъ это и ты самъ счастливъ будешь, и старость свою пропитаешь...

Сем. Ив. Ну, я тебѣ сказалъ: бери ее, губи! Бери же, бери... Говорить больше нечего.

Петръ. Батюшка, да это что же такое? Развѣ вы не понимаете?

Сем. Ив. Что же мнѣ дѣлать? Развѣ ты не видишь, что это рѣшено. Я не имѣю отцовскихъ правъ...

Евт. Если же, говоритъ, что наипаче ты напротивъ будешь дѣлать, сейчасъ со двора долой... А я со двора не желаю, потому мы привычны...

Петръ. Батюшка, да вы вслушайтесь въ его слова!

Сем. Ив. Все, другъ, слышу и понимаю. (*Разгорячаясь постепенно*). Это на нихъ похоже: ужъ коли начали бить человѣка, такъ бьютъ до конца... Все топчутъ въ грязь: и его самаго, и его близкихъ, и все, что его окружаетъ. (*Къ Евтихію*). Дуракъ, еще отцомъ себя показываетъ! Бери, губи свою дочь! Я не могу тебѣ помѣшать... Я видѣть тебя не могу. (*Машетъ рукой и поспѣшно уходитъ*).

Евт. Что жъ, это какъ угодно, а я не дуракъ. И Иванъ Павлычъ говоритъ: будешь, говоритъ, служить хорошо, и тебѣ будетъ хорошо... Жалованье говорятъ, положатъ хорошее и ты, говоритъ, будешь при мѣстѣ. (*Медленно уходя*)... Что жъ, глупости тутъ нѣтъ никакой... А какъ есть я отецъ, завсегда могу... потому самому дочь должна при отцѣ, и пропитывать. Это какъ угодно... Вотъ что... (*Уходитъ*).

А. Потѣхинъ. (Рыцари нашего времени, д. III, явл. 2).

(Охмѣленіе наивное).

Ягодкинъ (*высовывая голову изъ среднихъ дверей шопотомъ*). Анна Сергѣвна!.. Анна Сергѣвна!

Анна Сергѣвна (*оборачиваясь въ испугѣ*). Ахъ, Ягодкинъ! Какъ вы подкрались! Я никакъ не ожидала въ такую пору... и отчего вы не позвонили?

Ягод. Безпокоить не хотѣлъ, матушка, Анна Сергѣвна. Да для чего же собственно и звонить? Я попробовалъ дверь; она не заперта. Я и вошелъ потихоньку.

Ан. Серг. Что-жъ вамъ нужно? Что-нибудь по дѣламъ, къ мужу?

Ягод. Нѣтъ, матушка, Анна Сергѣвна, нѣтъ. Дайте благодѣтельница, ради Бога, хоть кусочекъ чернаго хлѣба съ солью. Смерть ѣсть хочется. Съ утра маковой росинки во рту не было. Совсѣмъ писать не могу.

Ан. Серг. Что вы говорите! Бѣдный Ягодкинъ! Да какъ же это могло случиться?

Ягод. Да такъ, цѣлый день то у Рогачева, то въ канцеляріи, то у Зои Львовны писалъ, а вотъ теперь опять на всю ночь въ канцеляріи за работу засадили. Да писать не могу, совсѣмъ не могу: очень тошнитъ, а слюна такъ и бьетъ. Ужъ я пробовалъ и бумагу жевать, да не помогаетъ. Дѣлать нечего, сбѣжалъ сюда къ вамъ хоть хлѣбца попросить.

Ан. Серг. Такъ закусите чего-нибудь. Вотъ кстати и ужинъ остался... вотъ пирогъ.

Ягод. Благодарю, матушка, Анна Сергѣвна, благодарю. (*Подходитъ къ столу и закусываетъ съ жадностью*). Позвольте ужъ и водочки выпить. (*Наливаетъ рюмку водки и пьетъ*).

Ан. Серг. Сдѣлайте милость. (*Въ сторону*). Убирался бы только поскорѣе. Какая досада! Вотъ пришелъ не кстати. Что если теперь вдругъ Бѣловъ!

Ягод. Позвольте ужъ и еще одну рюмочку?

Ан. Серг. Извольте, извольте. Только пожалуйста не больше. Я знаю вашу слабость. Вы совсѣмъ не бережете себя.

Ягод. Нѣтъ-съ, берегу, очень берегу, потому что хоша—нечего грѣха таить — я и пью, но всегда это дѣло правильно дѣлаю. Вотъ я, съ вашего позволенія, послѣднюю рюмку выпью, да объясню вамъ. (*Пьетъ и закусываетъ*).

Ан. Серг. (*въ сторону*). Ахъ, какой несносный! Чего добраго, онъ тутъ пожалуй напьется, да и совсѣмъ останется. (*Громко*). Довольно, Ягодкинъ, не пейте больше. Я, право, боюсь за васъ.

Ягод. (*продолжая ѣсть*). Не бойтесь, матушка, я себя помню, помню, что тамъ меня работа дожидается. Вотъ я хотѣлъ доложить вамъ, какое у меня на этотъ счетъ правило. (*Пьетъ еще рюмку*).

Ан. Серг. Ягодкинъ, прошу васъ, ступайте поскорѣе. Я, право, боюсь за васъ. Потомъ мужъ скажетъ, зачѣмъ я вамъ водки дала. Вы закусили, ну и ступайте пожалуйста. Я вовсе не желаю слушать вашихъ разсказовъ.

Ягод. (*нѣсколько на-веселѣ*). Уйду, Анна Сергѣевна, сію минуту уйду. Только вы позвольте мнѣ оправдаться передъ вами, потому что вы говорите, будто я человѣкъ неправильный, что я не берегу себя. Нѣтъ-съ, сударыня, въ разсужденіи напитковъ у меня то правило: пей, а дѣло разумѣй; и, благодареніе Господу, чувствую себя хорошо. Вотъ только въ послѣднее время у меня какая-то странная болѣзнь появилась...

Ан. Серг. (*въ сторону*). Что за неотвязчивый. (*Громко*). Ступайте, Ягодкинъ вамъ пора!

Ягод. Сію минуту, сію минуточку. Извольте видѣть, какая болѣзнь. Выпилъ, я напримѣръ, рюмку, двѣ, три, четыре, ничего! какъ есть ничего! а только что выпилъ пятую, и пошло въ глазахъ двоиться: вмѣсто одного предмета вижу два, — двѣ чернильниы, два пера въ рукѣ держу, двѣ бумаги за разъ переписываю,—вмѣсто одного начальника вдругъ два тебя за разъ распекать примутся. Вѣдь вотъ какое непріятное положеніе! А то такъ совсѣмъ небывалые предметы начинаютъ казаться. Вдругъ покажется, что какая-то рожа на тебя уставилась, или какой человѣкъ въ комнату вошелъ, а онъ совсѣмъ и не входилъ; а если вздремнуть вздумаю, такъ по письменному столу чертенята такъ и закишатъ, и все такіе маленькіе. (*Показываетъ на палецъ*). Точь въ точь съ крупнаго таракана величины, только все зеленые, зеленые. Объясните, матушка Анна Сергѣевна, чтобъ это такое было, что за болѣзнь странная?

Ан. Серг. Боже мой, почему же я знаю? Спросите доктора.

Ягод. Спрашивалъ, матушка, спрашивалъ. Да что, развѣ доктора что нибудь смыслятъ? Ничего не смыслятъ. Да гдѣ же имъ понять такую, можно сказать, тонкую болѣзнь. Я спрашивалъ нашего Карла Карлыча. Такъ почти и говорить не хочетъ. «Не пейте водки, говоритъ, не пейте. Много пьете». Какой много, говорю, Карлъ Карлычъ, развѣ это можно сказать, что

много? Навѣрно, это совсѣмъ не отъ питья. Посовѣтуйте, ради Царя Небеснаго, что мнѣ дѣлать, чтобъ у меня въ глазахъ не двоилось? «Ну, говоритъ, выколите себѣ одинъ глазъ, вотъ вамъ и будутъ всѣ предметы казаться въ одиночку. Значитъ, одинъ глазъ у васъ лишній». Вотъ они, матушка, какіе доктора, только насмѣхаются. Нѣтъ, если это отъ водки, да онъ понимаетъ свое дѣло,—такъ онъ докажи мнѣ, почему же эта болѣзнь именно съ пятой рюмки начинается. И какъ странно это бываетъ: напримѣръ, стою я вотъ такъ и смотрю хоть на эту дверь (*указываетъ на боковую дверь*), и вдругъ... (*Въ это время дверь быстро отворяется изъ за нея наполовину показывается Бѣловъ, но, замѣтивъ Ягодкина, поспѣшно снова скрывается*).

Ан. Серг. Ахъ! (*Убѣгаетъ въ боковую дверь*).

Маннъ. (Паутина, д. III, явл. 8).

(Одуреніе).

Курослѣповъ. И съ чего это небо валилось? Такъ вотъ и валится, такъ вотъ и валится... Или это мнѣ во снѣ, что-ль? Вотъ угадай поди, что такое теперь на свѣтѣ, утро или вечеръ? И никого, прахъ ихъ... Матрена! Ни дома, ни на дворѣ, чтобъ имъ!.. Матрена! Вотъ какъ оно страшно, когда не знаешь, что на свѣтѣ... Жутко какъ-то. И сонъ это я видѣлъ, али что? Дровъ будто много наготовлено и лучины. Для чего, говорю, дрова? Говорятъ: грѣшниковъ поджаривать. Неужто жъ это я въ адѣ? Да куда жъ это всѣ провалились? И какой это на меня страхъ сегодня! А вѣдь небо то никакъ опять валится? И то валится... Батюшки! А теперь вотъ искры. И что, ежели вдругъ свѣтопреставленіе! Ничего мудренаго нѣтъ! Оченно это все можетъ случиться, потому... вотъ смолой откуда-то запахло и пѣлъ кто-то дикимъ голосомъ и звукъ струнный или трубный, что ли... Не поймешь. (*Бьютъ часы городскіе*). Разъ, два, три, четыре, пять (*считаетъ, не слушая*), шесть, семь, восемь, девять, десять, одинадцать, двѣнадцать, тринадцать, четырнадцать, пятьнадцать. Только? Пятьнадцать!.. Боже мой, Боже мой! Дожили! пятьнад-

цать! До чего дожили! Пятьнадцать. Да еще мало по грѣхамъ нашимъ! Еще то ли будетъ! Ежели пойти выпить для всякаго случаю? Да, говорятъ въ такомъ разѣ хуже... (*Силанъ входитъ*). Гдѣ ты пропадаешь? Этакое дѣло начинается...

Силанъ. Нигдѣ не пропадаю, тутъ стою, тутъ, тебя берегу.

Курос. Слышалъ часы?

Сил. Ну, такъ что жъ?

Курос. То-то, молъ! Живы еще всѣ покудова?

Сил. Кто?

Курос. Домочадцы и всѣ православные христіане?

Сил. Ты очувствуйся! Умойся поди!

Курос. Источники водные еще не изсяклись?

Сил. Нѣтъ. Съ чего имъ?

Курос. А гдѣ же теперь жена?

Сил. Въ гости ушла.

Курос. Вотъ этакой теперь случай; она должна при мужѣ.

Сил. Ну, ужъ это ея дѣло.

Курос. Какіе гости! Нашла время! Страхъ какой!

Сил. Какой?

Курос. Всѣмъ въ услышаніе пятьнадцать-то часовъ било.

Сил. Ну, пятьнадцать, не пятьнадцать, а девятый часъ это точно... ужинать теперь бы самое время, да опять спать.

Курос. Ты говоришь, ужинать?

Сил. Да ужъ это безпремѣнно. Ужъ ежели что положеное, безъ того нельзя.

Курос. Такъ это, значитъ, мы вечеромъ?

Сил. Вечеромъ.

Курос. И все, какъ бываетъ завсегда? Ничего такаго?

Сил. Да чему же?

Курос. А я было какъ испугался! Мало ли я тутъ, сидя, передумалъ. Представилось мнѣ, что послѣдній конецъ начинается. Да вѣдь, и то сказать, долго-ли?

Сил. Что толковать.

Курос. Въ соборѣ отошли?

Сил. Сейчасъ только.

Курос. (*запѣваетъ*). Но, яко... Ты ворота заперъ?

Сил. Заперъ.

Курос. Пойти посмотрѣть за тобой.

Островскій. (Горячее сердце, д. I, явл. 2).

(Одуреніе буйное).

Петръ (*садясь*). Ужинать!

Афимья. Сейчасъ, батюшка, сейчасъ. (*Ставитъ на столъ ужинъ*).

Петръ. Зажигай огня!

Афимья. Да гдѣ жъ теперь? Ужъ спятъ всѣ.

Петръ. Дѣлай, что я приказываю! Разобью все въ прахъ!.. щепки цѣлой не оставлю.

Афимья. Ну ужъ не сердись, погоди принесу.

Петръ (*пьетъ*). Смѣяться надо мной! Нѣтъ, шалишь!.. Не позволю! Будетъ съ меня, посмѣялись, выгнали, а я здѣсь дома... Нѣтъ, погоди! Я имъ не дуракъ достался!.. Весь домъ на ноги подниму! Ты мнѣ тетка, а ты меня не трожь, а то... ухъ!.. Не дыши передо мной, не огорчай меня! (*Пьетъ*). Говори правду— ходила жена со двора? (*Молчаніе*). Говори! Я тебя спрашиваю— говори!

Афимья. Да вотъ что, Петръ Ильичъ, по правдѣ тебѣ сказать, не то что она съ двора ходила, а вовсе было къ своимъ собралась, да уѣхала.

Петръ. Ну и пропадай она пропадомъ! Провались она!.. И на духъ мнѣ ея ненужно.

Афимья. Да со стариками на дорогѣ встрѣтилась и воротилась.

Петръ. И не кажись она мнѣ на глаза! Убью! Своими руками задушу! Она мнѣ врагъ, а не жена! Мнѣ нынче человѣкъ сказывалъ про нее, все сказывалъ, онъ все знаетъ, онъ колдунъ...

Афимья. Что ты!.. Богъ съ тобой! Съ кѣмъ ты водишься!.. Что съ тобой?

Петръ. Молчать! Онъ говоритъ, не жена она тебѣ, а змѣя

лютая! Вотъ и кореньевъ мнѣ далъ. Горючъ камень алатырь... Привороты всѣ знаетъ, пущаетъ по вѣтру... Тетенька...

Афимья. Что ты? голубчикъ!

Петръ. Страшно мнѣ! Страшно! Поди, сядь со мной. (*Плачетъ*). Обижаютъ меня! Никто меня не любитъ, извести меня хотятъ!.. Всѣ на меня, и жена, и всѣ.

Афимья. Самъ всему причиной, не на кого пенять.

Петръ. Я пьяница, я безпутный, ну, убейте меня!.. Ну убейте, мнѣ легче будетъ. Кто меня пожалѣетъ, а вѣдь я человѣкъ тоже! (*Плачетъ*).

Афимья. Ну, полно, полно.

Петръ. Не то мнѣ обидно, что меня молодца Груша не любитъ, а то мнѣ обидно, не доставайся она никому!

Афимья. Про какую тамъ Грушу ты говоришь, безпутный?.. Какая тамъ еще Груша?

Петръ. Какая Груша? Вотъ какая Груша: нѣтъ такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ. Я душу свою погубилъ за нее! Ну, какъ мнѣ съ ней разстаться? Насъ разлучить хотятъ... вотъ онъ!

Афимья. Кто онъ? Никого тутъ нѣтъ.

Петръ. Васька!

Афимья. Поди, усни. Ишь тебѣ ужъ мерещится.

Петръ. Я его убью!.. А жена... она не смѣй противъ мужа. Гдѣ жена? Подай сюда жену! Она моя жена, она моя раба!

Афимья. Ея нѣтъ; она ушла со своими, съ отцомъ, да съ матерью.

Петръ (*встаетъ и беретъ въ руки ножъ*). Куда она ушла? Я ее найду! Изъ земли вытащу, со дна моря достану.

Афимья. Куда ты пойдешь ночью? Что за страмъ. Ступай спать.

Петръ. Не говори ты мнѣ! Жену подай!.. Жену подай, говорю я тебѣ!

Афимья. Ну, да нѣтъ ея, такъ и негдѣ взять!

Петръ. Я ее найду, я ее найду.

Афимья. Что ты ножомъ то махаешь, ну тебя! Съ тобой страсть одна, да и только.

Петръ. Я ее по слѣду найду!.. Я ее по слѣду найду!.. Теперь зима, снѣгъ, по слѣду все видно, мѣсяцъ свѣтитъ, все равно, что днемъ. (*Садится*). Страшно мнѣ, страшно! Вонъ мятель поднялась... Ухъ! Такъ и гудетъ! Вонъ завыли... вонъ, вонъ собаки завыли. Это они на мою голову воютъ, моей погибели ждутъ... Ну чтожъ, войте! Я проклятый человѣкъ! Я окаянный человѣкъ. (*Встаетъ*).

Афимья. Ишь ты, ишь ты! Ахъ батюшки, какъ страшно!

Петръ. Нѣтъ, не то, тетушка, все не то! Все я не то говорю. Вотъ что, кабы я не былъ женатъ, развѣ бъ меня Груша не любила? Я бы женился на ней. Стало быть, жена мнѣ помѣха, и во всемъ мнѣ она поперекъ... Вотъ за это я ее и убью... за это за самое.

Афимья. Что мнѣ дѣлать то съ нимъ, ума не приложу. (*Въ комнатѣ появляется Еремка, котораго видитъ только Петръ*).

Петръ. А благопріятель! Что жъ ты смотришь-то на меня? Чтожъ ты такъ смотришь? Вѣдь самъ научилъ, какъ жену извести!

Афимья. Съ кѣмъ онъ это говоритъ-то,—никого нѣту. Наше мѣсто свято! Чуръ меня! Чуръ меня! Пойти разбудить всѣхъ. (*Уходитъ*).

Петръ. (*Еремкѣ*). Что ты говоришь, а? Ну, да! И я тоже говорю, чудакъ человѣкъ! Вмѣстѣ пойдемъ! Поскорѣй, поскорѣй! (*Останавливается*). Ха, ха, ха! Смѣшной ты человѣкъ! Вотъ онъ ножикъ-то! (*Уходитъ*).

Островскій. (Не такъ живи, какъ хочется, д. III, явл. 2).

(Страсть къ игрѣ, восторгъ игрока-шулера).

Ихаревъ (*одинъ, отпираетъ шкатулку всю наполненную карточными колодами*). Каковъ видъ, а! Каждая дюжина золотая! Потомъ, трудомъ досталась всякая. Легко сказать, до сихъ поръ рябитъ въ глазахъ проклятый крапъ. Но вѣдь за то, вѣдь это тотъ же капиталъ. Дѣтямъ можно оставить въ наслѣдство! Вотъ она заповѣдная колодушка—просто перлъ.—За то жъ ей

и имя дано, да: Аделаида Ивановна. Послужи-ка ты мнѣ, душенька, такъ какъ послужила сестрица твоя: выиграй мнѣ тоже восемьдесятъ тысячъ, такъ я тебѣ, пріѣхавши въ деревню, мраморный памятникъ поставлю; въ Москвѣ закажу. (*Услыша шумъ, поспѣшно закрываетъ шкатулку*).

Гоголь. (Игроки, явл. 1).

(Процессъ игры).

Утѣшительный, Швохневъ, Кругель, Ихаревъ, Гловъ.

Утѣш. Господа! рекомендую: Александръ Михайловичъ Гловъ, отличный товарищъ, прошу полюбить, какъ меня.

Шв. Очень радъ (*Пожимаетъ ему руку*).

Их. Знакомство ваше намъ...

Кр. Позвольте васъ прямо въ наши объятія.

Гловъ. Господа! я...

Утѣш. Безъ церемоніи, безъ церемоніи, равенство — первая вещь, господа! Гловъ, здѣсь видишь, всѣ товарищи, потому къ чорту всѣ этикеты! Сведемъ прямо на «ты»!

Шв. Именно на «ты»!

Гловъ. На «ты»! (*Подаетъ имъ всѣмъ руку*).

Утѣш. Такъ! браво! Человѣкъ, шампанскаго! Замѣчаете, господа, какъ у него даже теперь уже видно что-то гусарское? Нѣтъ, твой отецъ, не говоря дурнаго слова, большая скотина, извини—вѣдь мы на «ты»,—ну какъ этакаго молодца вздумалъ было въ чернильную службу! Ну, что, братъ, скоро свадьба сестры твоей?

Гловъ. Чортъ побери съ ея свадьбой! Мнѣ досадно, что изъ за нея отецъ меня продержалъ три мѣсяца въ деревнѣ.

Утѣш. Ну, послушай, хороша твоя сестра?

Гловъ. А такъ хороша... Будь она не сестра: ну ужъ я бы ей не спустилъ.

Утѣш. Браво, браво, гусаръ! Сейчасъ видно гусара! Ну послушай, а помогъ бы ты мнѣ, если бы я захотѣлъ ее увезти?

Гловъ. Почему жъ? Помогъ бы!

Утѣш. Браво, гусаръ! Вотъ оно, что называется, настоящій гусаръ, чортъ побери! Человѣкъ, шампанскаго! Вотъ это мой рѣшительно вкусъ: этакихъ открытыхъ людей я люблю... Постой, душа, дай обниму тебя!

Шв. Дай же мнѣ обнять его. (*Обнимаетъ его*).

Их. Пусть же и я обниму его. (*Обнимаетъ*).

Кр. Ну такъ и я обниму его, если такъ. (*Обнимаетъ*).

(*Алексѣй несетъ бутылку, придерживая пальцемъ пробку, которая хлопаетъ и летитъ въ потолокъ, наливаетъ бокалы*).

Утѣш. Господа! за здравіе будущаго гусарскаго юнкера! Пусть онъ будетъ первый рубака, первый волокита, первый пьяница, первый... словомъ, пусть его будетъ, что хочетъ!

Всѣ. Пусть его будетъ, что хочетъ! (*Пьютъ*).

Гловъ. За здравіе всего гусарства! (*Подымая бокалъ*).

Всѣ. За здравіе всего гусарства! (*Пьютъ*).

Утѣш. Господа! надо его теперь же посвятить во всѣ гусарскіе обычаи. Пьетъ онъ, какъ видно, уже сносно, но вѣдь это вздоръ: надо, чтобъ онъ былъ картежникъ во всей силѣ. Играешь въ банкѣ?

Гловъ. Игралъ бы, смерть бы хотѣлось, да денегъ нѣтъ.

Утѣш. Экой вздоръ: нѣтъ денегъ! Было бы только съ чѣмъ сѣсть, а тамъ деньги будутъ, выиграешь.

Гловъ. Да вѣдь и сѣсть то не съ чѣмъ.

Утѣш. Да мы тебѣ повѣримъ въ долгъ. Вѣдь у тебя есть довѣренность на полученіе денегъ изъ приказа. Мы подождемъ, а какъ тебѣ выдадутъ, ты намъ тотчасъ и заплатишь, а до того времени ты можешь намъ дать вексель. Да впрочемъ, что я говорю? Какъ будто ты ужъ непремѣнно проиграешь. Ты можешь тутъ же выиграть нѣсколько тысячъ чистоганомъ.

Гловъ. А какъ проиграю?

Утѣш. Стыдись, чтожъ ты за гусаръ послѣ этого? Натурально, одно изъ двухъ: либо выиграешь, либо проиграешь. Да въ этомъ то и дѣло, въ рискѣ то и есть главная добродѣтель, а не

рискнуть, пожалуй, всякій можетъ; на вѣрняка и приказная строка отважится, и жидъ полѣзетъ на крѣпость.

Гловъ (*махнувъ рукой*). Чортъ побери, если такъ, играю! Что мнѣ спотрѣть на отца!

Утѣш. Браво, юнкеръ! Человѣкъ, карты. (*Наливаетъ ему стаканъ*). Главное, что нужно? нужна отвага, ударъ, сила... Такъ и быть, господа, я вамъ сдѣлаю банчикъ въ двадцать пять тысячъ. (*Мечетъ на право и на лѣво*). Ну, гусаръ... Ты, Швохневъ, что ставишь? (*Мечетъ*). Какое странное теченіе картъ, вотъ любопытно для вычисленій? Валетъ убитъ, десятка взяла. Что тамъ у тебя? и четверка взяла. А гусаръ, гусаръ-то, каковъ гусаръ? Замѣчаешь, Ихаревъ, какъ ужъ онъ мастерски возвышаетъ ставки! А тузъ все еще не выходитъ. Чтожъ ты, Швохневъ, не наливаешь ему! вона, вона, вонъ тузъ! вонъ ужъ Кругель потащилъ себѣ. Нѣмцу всегда везетъ! Четверка взяла. А, браво, браво, гусаръ! слышишь, Швохневъ, гусаръ уже около пяти тысячъ въ выигрышѣ.

Гловъ (*перегибаетъ карту*). Чортъ побери! Пароле пе! да вонъ еще десятка на столѣ, идетъ и она и пятьсотъ рублей мазу!

Утѣш. (*продолжая метать*). У, молодецъ гусаръ! Семерка уби... ахъ нѣтъ, чортъ побери, пліе, опять пліе! а, проигралъ гусаръ. Ну чтожъ, братъ, дѣлать? не у всякаго жена Марья, кому Богъ далъ. Кругель, да полно тебѣ разсчитывать! ну, ставь эту, которую выдернулъ. Браво, выигралъ гусаръ! Чтожъ вы не поздравляете его! (*Всѣ пьютъ и поздравляютъ его, чокаясь стаканами*). Говорятъ, пиковая дама всегда продаетъ, а я не скажу этого. Помнишь, Швохневъ, свою брюнетку, что ты называлъ пиковой дамой? Гдѣ то она теперь, сердечная? Чай пустилась во всѣ тяжкія? Кругель, твоя убита; (*Ихареву*) и твоя убита! Швохневъ, твоя также убита; гусаръ также лопнулъ.

Гловъ. Чортъ побери, ва—банкъ!

Утѣш. У, браво, гусаръ! на всѣ пятьдесятъ тысячъ! Вотъ оно, что называется, великодушіе! Ну поди-ка, поищи, гдѣ отыщешь этакую черту... это именно подвигъ! Лопнулъ гусаръ.

Гловъ. Ва—банкъ, чортъ побери, ва—банкъ!

Утѣш. Ого, го! гусаръ, на сто тысячъ! каковъ, а? а глазки-то, глазки? замѣчаешь, Швохневъ, какъ у него глазки горятъ? Барклай-де-Тольевское что-то видно. Вотъ онъ героизмъ! А короля все нѣтъ. Вотъ тебѣ, Швохневъ, бубновая дама. На, нѣмецъ, возьми, съѣшь семерку! Руте, рѣшительно руте! просто карта фоска! а короля, видно, въ колодѣ нѣтъ, право даже странно. А вотъ онъ, вотъ онъ... лопнулъ гусаръ.

Гловъ (*горячась*). Ва-банкъ, чортъ побери, ва-банкъ!

Утѣш. Нѣтъ, братъ, стой! Ты ужъ просадилъ двѣсти тысячъ. Прежде заплати, безъ этого нельзя начинать новой игры — мы такъ много не можемъ тебѣ вѣрить.

Гловъ. Да гдѣ-жъ? у меня теперь нѣтъ.

Утѣш. Дай намъ вексель, подпишись.

Гловъ. Извольте, я готовъ. (*Беретъ перо*).

Утѣш. Да и довѣренность на полученіе денегъ тоже отдай намъ.

Гловъ. Вотъ вамъ и довѣренность.

Утѣш. Теперь подпиши вотъ это, да вотъ это. (*Даетъ подписаться*).

Гловъ. Извольте, я готовъ все сдѣлать. Ну, вотъ я и подписалъ. Ну, давайте-жъ играть.

Утѣш. Нѣтъ, братъ, постой; покажи-ка прежде деньги!

Гловъ. Да я вамъ заплачу, ужъ будьте увѣрены.

Утѣш. Нѣтъ, братъ, деньги на столъ!

Гловъ. Да что-жъ это?.. Вѣдь это просто подлость.

Кр. Нѣтъ, это не подлость.

Их. Нѣтъ, это совсѣмъ другое дѣло; шансы, братъ, не равны.

Шв. Этакъ ты, пожалуй, сядешь съ тѣмъ, чтобы обыграть насъ. Дѣло извѣстное: кто садится безъ денегъ, тотъ садится съ тѣмъ, чтобы обыграть навѣрное.

Гловъ. Ну, что-жъ? чего вы хотите? назначьте какіе угодно проценты, я на все готовъ. Я вдвое заплачу вамъ.

Утѣш. Что, братъ, намъ въ твоихъ процентахъ? Мы сами

готовы заплатить тебѣ какіе угодно проценты, дай только намъ взаймы.

Гловъ (*отчаянно и рѣшительно*). Ну, такъ скажите послѣднее слово: не хотите играть?

Шв. Принеси деньги, сейчасъ станемъ играть.

Гловъ (*вынимая изъ кармана пистолетъ*). Ну, такъ прощайте, господа! Больше вы меня не встрѣтите на этомъ свѣтѣ. (*Убѣгаетъ*).

Утѣш. Ты! ты! что ты! съ ума сошелъ! Побѣжать за нимъ, въ самомъ дѣлѣ, чтобы еще какъ нибудь не застрѣлился. (*Убѣгаетъ*).

Гоголь. (Игроки, явл. 16).

(Отчаяніе игрока-шулера).

Ихарѣвъ (*въ отчаяніи бьетъ себя рукою по лбу*). Чортъ побери, въ самомъ дѣлѣ! (*Въ изнеможеніи упадаетъ на стулъ*). Но только какой дьявольскій обманъ!

Гловъ. Утѣшься! Вѣдь тебѣ еще съ полугоря. У тебя есть еще Аделаида Ивановна. (*Исчезаетъ*).

Их. (*въ ярости*). Чортъ побери Аделаиду Ивановну! (*Схватываетъ колоду и швыряетъ ею въ дверь*). Вѣдь существуютъ же, къ стыду и поношенію человѣковъ, этакіе мошенники! Но только я, просто, готовъ сойти съ ума, — какъ это все было чертовски разыграно, какъ тонко! И отецъ, и сынъ, и чиновникъ Замухрышкинъ! И концы всѣ спрятаны! и жаловаться даже не могу! (*Вскакиваетъ со стула и въ волненіи ходитъ по комнатѣ*). Хитри послѣ этого! Употребляй тонкость ума, изощряй, отыскивай средства... Чортъ побери, не стоитъ просто ни благороднаго корвенія, ни трудовъ! Тутъ же, подъ бокомъ, отыщется плутъ, который тебя переплутуетъ! мошенникъ, который за одинъ разъ подорветъ строеніе, надъ которымъ работалъ нѣсколько лѣтъ! (*Съ досадой махнувъ рукой*). Чортъ возьми! Такая ужъ надувательная земля! Только и лѣзетъ тому счастье, кто глупъ, какъ бревно, ничего не смыслитъ, ни о чемъ не думаетъ, ни-

чего не дѣлаетъ, а играетъ только въ бостонъ подержанными картами!

Гоголь. (Игроки, явл. 25).

(Гордость).

Прометей (*Океанидамъ*). Не думайте, что я молчу въ упорной
Надменности; но мысль мнѣ гложетъ сердце
О томъ, какъ я жестоко оскорбленъ.
А кто-жъ межъ тѣмъ и почестью и властью
Боговъ тѣхъ новыхъ надѣлилъ—не я ли?
Но я молчу объ этомъ; вамъ извѣстно,
Чтобъ могъ сказать я...
...И Зевсъ—какъ гордо ни упорствуй—будетъ
Въ урочный часъ униженъ глубоко.
Онъ сѣть себѣ сплететъ, вступивши въ бракъ;
Тотъ бракъ и власть отниметъ у него,
И тронъ отниметъ. Въ очью совершится
Проклятіе, которымъ Кронъ-отецъ
Клялъ сына, въ прахъ летя со своего
Предвѣчнаго престола... И никто
Изъ всѣхъ боговъ, опричь меня, не можетъ
Ему сказать, какъ отвратить погибель.
Лишь я единый слова тайны знаю.—
Пусть царствуетъ покуда, тѣшась властью,
Своимъ воздушнымъ громомъ величаясь!
Пусть ярко прыщутъ изъ его руки
Губящихъ молній огненныя стрѣлы!
Ничто ужъ не спасетъ его; ничто
Отъ страшнаго позора не удержитъ
И горькаго паденья. Онъ снарядитъ
И самъ вооружитъ себѣ врага,—
И явится противникъ съ дивной мощью:
Найдетъ онъ пламя жгучей молній Зевса,
И голосомъ заставитъ онѣмѣть
Могучій громъ, и сокрушитъ державный
Трезубецъ Посейдона, всѣ моря
И земли потрясающій. Тогда то—
Постигнутъ грознымъ рокомъ—Зевсъ узнаетъ
Различіе межъ властью и паденьемъ!...

Гермесъ. ...Тебѣ, вреднѣйшій, нетерпимый бунтовщикъ,
Возставшій мятежемъ противъ боговъ
Изъ за людскаго блага, дерзкій хищникъ
Священнаго огня, тебѣ сказать

Я прилетѣлъ по повелѣнью Зевса:
Сейчасъ же объясни свои намеки
На бракъ какой то, хвастовство свое,
Что кто то Зевса свергнетъ съ трона. Все,
Безъ всякихъ изворотовъ и загадокъ,
Опредѣленно сказывай! Смотри,
Чтобъ плохо не было, какъ мнѣ придется
Въ другой разъ прилетѣть къ тебѣ. Ты знаешь,
Пощады не бывать тогда отъ Зевса.

Прометей. Надменно, важно, съ горделивымъ видомъ,
Словами сыплешь ты, какъ подобаетъ
Холопу Зевса. И давно-ль попали
Вы, новички, на царство? А туда же—
Увѣрены, что можно безпечально
Вамъ въ золотомъ чертогѣ пировать!
Я видѣлъ самъ, какъ съ этой вышки двое
Владыкъ свалилось,—и еще увижу,
Какъ третій—господинъ твой, полетитъ
Быстрѣе всѣхъ, позорнѣй всѣхъ.—Иль ты
Вообразилъ, что я затрепещу
И преклонюсь предъ новыми богами?
Нѣтъ, многаго до этого не хватитъ—
Всего! Такъ знай: ты можешь отправляться
Обратно той же самою дорогой,
Какой сюда явился! Ничего
На всѣ свои допросы отъ меня
Ты не узнаешь.

Гермесъ. Не такое-ль точно
Упорство привело тебя сюда
И горькой мукѣ предало?

Прометей. Своей плачевной доли—знай ты это—я
Отнюдь не промѣняю на твое
Служенье Зевсу. Нѣтъ! милѣй мнѣ этой
Скалѣ служить, чѣмъ быть, какъ ты, усерднымъ
И преданнымъ разсыльнымъ Зевса. Такъ то
Должны мы вамъ, противникамъ всего,
Противиться!... И не думай,
Чтобы предъ Зевсомъ въ страхѣ я, какъ баба,
Метаться сталъ и вздохи возсылать
Къ нему, всененавистному съ мольбою
Чтобъ онъ меня отъ этихъ узъ избавилъ!
Нѣтъ, этому во вѣки не бывать!

Эсхилъ. (Прикованный Прометей).

(Фамильная честь).

Донъ-Дьегъ. Сынъ, храбръ ты или трусъ?
Донъ-Родригъ. Ты мой отецъ; другаго
Я въ мигъ увѣрилъ бы.
Д.-Дьегъ. Я оживаю снова!
Съ какою радостью горячность зрю твою!
Кровь Дьегову въ пылу похвальномъ познаю:
Вотъ молодость моя, вотъ жаръ ея и рвенье!
Мой сынъ, ты кровь моя: подай же мнѣ спасенье,
Отмсти!
Д.-Родригъ. За что?
Д.-Дьегъ. За верхъ неслыханныхъ обидъ,
За злѣйшій всѣхъ ударъ, за нестерпимый стыдъ,
За... за пощечину. Отмстилъ бы я злодѣю,
Но не достало силъ, мечемъ ужъ не владѣю;
И мечъ сей, коего не въ силахъ я сдержать,
Возьми его, чтобы отмстить и наказать;
Съ обидѣвшимъ меня свою измѣряй силу,
И нѣтъ средины; онъ, иль ты чтобъ слегъ въ могилу,
Умри или убей. Но, Родригъ, знай и то,
Съ противникомъ твоимъ не равенъ здѣсь никто
Я часто зрѣлъ его въ сраженіи съ врагами,
И вкругъ него враги ложилися рядами.
Д.-Родригъ. Скажи: кто онъ? что намъ слова здѣсь расточать?
Д.-Дьегъ. Чтобъ болѣе еще, мой сынъ, тебѣ сказать,
Безстрашный сей боецъ, прославленный воитель,
Онъ...
Д.-Родригъ. Ради Бога, кто?
Д.-Дьегъ. Химены онъ родитель.
Д.-Додригъ. Онъ!...
Д.-Дьегъ. Сынъ! не отвѣчай: я знаю страсть твою;
Но недостоинъ жить, кто прежилъ честь свою:
Чѣмъ ближе къ сердцу врагъ, тѣмъ больше оскорбленье.
Обиду знаешь ты, въ рукахъ твоихъ отмщенье.
Что мнѣ сказать еще? кто ты—не позабудь;
Достойнаго отца достойнымъ сыномъ будь.
Я—старецъ; кромѣ слезъ защиты не имѣю;
Ты юноша; иди, и отомсти злодѣю.

Корнель. (Сидъ, д. I, сц. 6).

(Сознаніе собственнаго достоинства).

(*Ночь. Луна. Развалины башни. Дверь заперта*).

Маргарита (*осматривается*). И никакаго другаго выхода?.. Что дѣлать? Дома умрутъ отъ безпокойства. Наконецъ это невозможно!.. Ищите!.. ну?! я должна-жъ отсюда выйти!

Максъ. Боже мой! какъ я ни стараюсь... но эта дверь не подается... что дѣлать?.. я въ совершенномъ отчаяніи...

Маргар. (*въ сторону, въ то время, когда Максъ подходитъ къ окну*). Боже!.. какая мысль!.. (*Максу со сдержаннымъ гнѣвомъ*). Маркизъ де-Шансе!..

Максъ (*вдругъ оборотившись*). А! мое имя!

Маргар. (*медленно*). Скажите мнѣ, много ли до васъ было безчестныхъ людей въ вашемъ семействѣ?

Максъ (*отступая*). Маргарита?

Маргар. (*сильно*). Вы... вы заплатили этому мальчику, чтобъ онъ заперъ насъ здѣсь!

Максъ. Я! великій Боже!

Маргар. Вы... да! Теперь я все угадала! . Я понимаю ваши расчеты! завтра... я буду обезславлена... моя репутація погибла... и я по неволѣ должна буду принадлежать вамъ!.. Но вы ошиблись!.. Я разрушу ваши постыдныя намѣренія... да! Вы еще мало меня знаете!.. Я предпочту все... безчестіе... монастырь, самую смерть — одной мысли быть теперь вашей женой..

Максъ (*спокойно*). Образумьтесь, умоляю васъ! Я понимаю ваше безпокойство... да! но вы меня оскорбляете!.. я клянусь вамъ честью, я не могъ подготовить ничего того, что случилось (*съ жаромъ*) и еслибъ я даже могъ, какое право далъ я вамъ считать меня способнымъ на такую низость?

Маргар. (*проходя на лѣво*). Все, что я знаю о васъ, даетъ мнѣ на то право. Зачѣмъ вы пришли въ нашъ домъ подъ чужимъ именемъ, съ чужимъ званіемъ? Мы жили счастливо... вы внесли къ намъ раздоры, печали, которыхъ мы до васъ не знали... Чтобъ

достичь вашей цѣли, чтобы поправить ваши дѣла, вы вкрались въ наше довѣріе, вы играли нашими чувствами, самыми чистыми, самыми священными чувствами… Такъ знайте жъ, что я не въ силахъ и не хочу болѣе переносить этого. И когда вы меня увѣряете… и въ такую минуту… вашей честью… той честью, которая ужъ позволила вамъ столько низостей… то конечно, я имѣю право не вѣрить ей… и я ей не вѣрю!

Максъ (*быстро подходитъ къ окну и сейчасъ же возвращается*). Маргарита… дитя мое! послушайте меня: я васъ люблю, да! это правда! и никогда любовь не была святѣй, безкорыстнѣй и безпредѣльнѣй любви моей; Маргарита!.. Но и вы… вы также меня любите, несчастная!.. Да! И вы же меня убиваете!.. Вы хотите разбить мое сердце!.. но это сердце ваше, оно принадлежитъ вамъ!.. вы можете дѣлать съ нимъ что хотите!.. Но честь, Маргарита, моя честь… (*съ большей энергіей*) она принадлежитъ мнѣ одному, и я никому не отдамъ ее. И этой-то честью клянусь вамъ, въ послѣдній разъ, что если я умру, вы будете меня оплакивать, да!.. Если жъ я останусь живъ, то никогда… какъ бы я васъ ни обожалъ… если бъ даже вы стали передо мной на колѣни… то и тогда я не приму отъ васъ ничего… никогда!.. А теперь, молитесь Богу! пора! (*Бѣжитъ къ окну*).

Маргар. (*Подбѣжавъ прежде него, простираетъ руки и останавливаетъ его*). Боже! я не хочу, нѣтъ! я не хочу!

Максъ. О, успокойтесь… эти сучья… они поддержатъ меня; впрочемъ, что мнѣ за дѣло!

Маргар. (*внѣ себя*). Я не хочу! Именемъ Бога умоляю васъ, забудьте то, что я сказала… сжальтесь!.. я не хочу! (*хочетъ удержать его*).

Максъ (*защищаясь*). Нѣтъ! оставьте меня! (*Отталкиваетъ ее и всходитъ на балконъ*).

Маргар. (*падая на колѣни на ступеняхъ окна*). Несчастный! это смерть!

Максъ (*на балконѣ*). Это честь, Маргарита! (*бросается въ пропасть*).

Маргар. (*испуская ужасный крикъ*). А!.. (*Падаетъ безъ чувствъ*).

О. Фелье. (Управитель, д. III, явл. 5).

(Надменность и сознаніе собственнаго достоинства).

Марія. Владѣйте съ миромъ! Отрекаюсь
От правъ моихъ на государство ваше.
Увы! во мнѣ упалъ высокій духъ:
Великое меня ужъ не прельщаетъ.
Въ темницѣ я изнемогла душой
И вы достигли до желанной цѣли:
Я—тѣнь Маріи. Вы во цвѣтѣ лѣтъ
Меня убили! Кончите-жь теперь!
Желанное произнесите слово...
Вы для него пришли ко мнѣ—не вѣрю,
Чтобы вы шли съ намѣреньемъ жестокимъ
Потѣшиться надъ жертвою своей.
Произнесите слово: «ты свободна,
Марія! Мощь мою узнала ты,
Узнай теперь, какъ я великодушна»!
Произнесите это слово! Жизнь,
Свободу я, какъ даръ, приму отъ васъ.
Оно лишь слово—и забыто все.
Я жду его. О, не терзайте сердца
Мучительнымъ и долгимъ ожиданьемъ!
Но—горе вамъ, когда не имъ свиданье
Окончите! И если вы теперь
Не божествомъ спасительнымъ со мной
Разстанетесь, сестра, за всѣ владѣнья,
Что это море шумно окружаетъ,
За цѣлый вашъ сокровищъ полный островъ
Предъ вами я не соглашусь стоять,
Какъ вы теперь передо мной стоите!
Елисавета. Вы признаетесь побѣжденной, леди?
Конецъ ли вашимъ замысламъ? Убійцъ
Не шлете больше? Для защиты вашей
Нѣтъ витязя, который бы хотѣлъ
Отважиться на дерзкій, жалкій подвигъ?
Да, леди, да, всему конецъ! Отнынѣ
Ни одного изъ подданныхъ моихъ
Вамъ не удастся соблазнить. Иныя
Заботы у людей; и никому

Не лестно быть четвертымъ вамъ супругомъ,
За тѣмъ, что вы и жениховъ и ихъ
Привыкли смерти предавать.

Марія. Сестра!
Сестра! О Боже! дай терпѣнья!

Елисавета (*долго смотритъ на нее съ гордымъ презрѣніемъ*).
Такъ это-то тѣ прелести, лордъ Лестеръ,
Которыя безъ наказанья видѣть
Никто не могъ? которымъ нѣтъ подобныхъ?
По истинѣ, не дорогой цѣной
Пріобрѣсти такую славу можно:
Чтобы прослыть всеобщей красотой,
Лишь стоитъ общей быть—для всѣхъ.

Марія. Нѣтъ этого ужъ слишкомъ много!

Елисавета (*язвительно смѣясь*). Вы
До сей поры личиной прикрывались;
Теперь явились въ настоящемъ видѣ.

Марія (*исполненная гнѣва, но съ благороднымъ достоинствомъ*).
Какъ женщина, въ проступки я впадала
Въ младыхъ лѣтахъ; могуществомъ была
Ослѣплена, но не таила ихъ
И съ гордостью монархини свободной
Я ложную наружность презирала.
Все худшее о мнѣ извѣстно міру.
И смѣло то могу сказать, я лучше
Молвы, повсюду обо мнѣ гремящей.
Но, горе, горе! коль она сорветъ
Съ твоихъ дѣяній честности покровъ,
Подъ коимъ страсти, дикіе порывы
И наслажденья тайныя скрываешь!
Въ наслѣдіе отъ матери твоей
Не честь тебѣ досталась; всемъ извѣстна
Та добродѣтель, для которой Анна
На плахѣ жизнь окончила.

Шрюсбюри (*становится между королевами*). О Боже!
Что слышу? такъ ли вы покорны, леди?

Марія. Покорна? Все переносила я,
Что только смертный можетъ перенесть.
Прочь отъ меня смиренье, кротость агнца!
Терпѣніе, лети на небеса!
Расторгни узы, выступи изъ мрака
Злость, съ давнихъ поръ таимая въ душѣ!
Ты-жъ, раздраженнымъ василискамъ давшій
Мертвящій взоръ, вооружи теперь
Языкъ мой ядовитою стрѣлою!..

Шрюсбюри. О! внѣ себя она! Прости безумной!
Прости ей, оскорбленной!
(*Елисавета, нѣмая отъ гнѣва, бросаетъ яростные взоры на Марію*).
Лейчейстеръ (*сильно встревоженный, старается увести Елисавету*). Не внимай
Ея словамъ! Оставь ты мѣсто это!
Марія. Прикосновенье незаконной дщери
Тронъ Англіи безславитъ и мрачитъ!
Обманщицей обмануты британцы!
Когда-бъ права торжествовали здѣсь,
Вы предо мной лежали бы во прахѣ—
Затѣмъ, что я законный вашъ король!

Шиллеръ (Марія Стюартъ, д. III, сц. 4).

(Самодовольство, высокомѣріе).

Городничій. Что Анна Андреевна? а? думала ли ты что нибудь объ этомъ? Экой богатый призъ, канальство! Ну, признайся откровенно: тебѣ и во снѣ не видѣлось—просто изъ какой нибудь городничихи и вдругъ, фу ты канальство, съ какимъ дьяволомъ породнилась!

Анна Андр. Совсѣмъ нѣтъ; я давно это знала. Это тебѣ въ диковинку, потому что ты простой человѣкъ, никогда не видалъ порядочныхъ людей.

Гор. Я самъ, матушка, порядочный человѣкъ. Однако-жъ, право, какъ подумаешь, Анна Андреевна, какія мы съ тобою теперь птицы сдѣлались! а, Анна Андреевна! высокаго полета, чортъ побери! Постой же, теперь же я задамъ перцу всѣмъ этимъ охотникамъ подавать просьбы и доносы! Эй, кто тамъ? (*входитъ квартальный*). А, это ты, Иванъ Карповичъ! призови-ка сюда, братъ, купцовъ. Вотъ я ихъ, канальевъ!.. Да объяви всѣмъ, чтобы знали, что вотъ, дескать, какую честь Богъ послалъ городничему, что выдаетъ дочь свою не то чтобы за какаго нибудь простаго человѣка, а за такаго, что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ все сдѣлать, все, все, все! Всѣмъ объяви, чтобы всѣ знали. Кричи во весь народъ, валяй въ колокола, чортъ возьми! Ужъ когда торжество, такъ торжество! (*квартальный уходитъ*). Такъ

вотъ какъ, Анна Андреевна, а? Какъ же мы теперь, гдѣ будемъ жить! Здѣсь, или въ Питерѣ?

Ан. Анд. Натурально въ Петербургѣ. Какъ можно здѣсь оставаться.

Гор. Ну въ Питерѣ, такъ въ Питерѣ; а оно хорошо бы и здѣсь. Что, вѣдь я думаю, ужъ городничество тогда къ чорту, а, Анна Андреевна?

Ан. Анд. Натурально, что за городничество!

Гор. Вѣдь оно, какъ ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чинъ зашибить, потому что онъ за панибрата со всѣми министрами, и во дворецъ ѣздитъ; такъ по этому можетъ такое производство сдѣлать, что со временемъ и въ генералы влѣзешь. Какъ ты думаешь, Анна Андреевна, можно влѣзть въ генералы?

Ан. Анд. Еще бы! конечно можно.

Гор. А, чортъ возьми, словно быть генераломъ. Кавалерію повѣсятъ тебѣ черезъ плечо. А какую кавалерію лучше, Анна Андреевна, красную, или голубую?

Ан. Анд. Ужъ конечно голубую лучше.

Гор. Э, вишь чего захотѣла! хорошо и красную. Вѣдь почему хочется быть генераломъ? потому что, случится, поѣдешь куда нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ лошадей! И тамъ, на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь! Обѣдаешь гдѣ нибудь у губернатора, а тамъ — стой городничій! Хе, хе, хе (*заливается и помираетъ со смѣху*). Вотъ что, канальство, заманчиво!

Ан. Анд. Тебѣ все такое грубое нравится. Ты долженъ помнить, что жизнь надобно будетъ совсѣмъ перемѣнить, что твои знакомые будутъ не то, что какой нибудь судья—собачникъ, съ которымъ ты ѣздишь травить зайцевъ, или Земляника; напротивъ, знакомые твои будутъ съ самымъ тонкимъ обращеніемъ: графы и всѣ свѣтскіе... Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какаго въ хорошемъ обществѣ никогда не услышишь.

Гор. Что жъ, вѣдь слово не вредитъ!

Ан. Анд. Да хорошо, когда ты былъ городничимъ; а тамъ, вѣдь, жизнь совершенно другая.

Гор. Да! тамъ, говорятъ, есть двѣ рыбицы: ряпушка и корюшка, такія, что только слюнка потечетъ, какъ начнешь ѣсть.

Ан. Анд. Ему бы все только рыбки. Я не иначе хочу, чтобъ нашъ домъ былъ первый въ столицѣ, и чтобъ у меня въ комнатѣ такое было амбре, чтобъ нельзя было войти, и надо бы только этакъ зажмурить глаза. (*Зажмуриваетъ глаза и нюхаетъ*). Ахъ какъ хорошо!

Гоголь. (Ревизоръ, д. V, явл. 1).

(Самодовольство см. Островскаго «Доходное мѣсто», д. III, явл. 3 и «Бѣдная невѣста», д. V, явл. 9).

(Чванство).

Анна Анд. Мы теперь въ Петербургѣ намѣрены жить. А здѣсь, признаюсь, такой воздухъ... деревенскій ужъ слишкомъ!.. признаюсь, большая непріятность... Вотъ и мужъ мой... онъ тамъ получитъ генеральскій чинъ.

Город. Да, признаюсь, господа, я чортъ возьми, очень хочу быть генераломъ.

. . . .

Коробкинъ. Въ слѣдующемъ году повезу сынка въ столицу на пользу государства, такъ сдѣлайте милость, окажите ему вашу протекцію, мѣсто отца заступите сироткѣ.

Гор. Я готовъ съ своей стороны, готовъ стараться.

Ан. Анд. Ты, Антоша, всегда готовъ обѣщать. Во первыхъ тебѣ не будетъ времени думать объ этомъ. И какъ можно и съ какой стати себя обременять такими обѣщаніями?

Гор. Почему жъ, душа моя, иногда можно!

Ан. Анд. Можно, конечно, да вѣдь не всякой же мелюзгѣ оказывать покровительство...

Гоголь. (Ревизоръ, д. V, явл. 7).

(Честолюбіе).

Тюрлоё... Пусть только Милордъ дозволитъ и сегодня же васъ будутъ униженно просить отъ имени Парламента принять корону.

Кромв. А! наконецъ то я держу его, этотъ недостижимый скипетръ; мои ноги вступаютъ наконецъ на вершину этой песчаной горы.

Тюрл. Но вы царствуете уже давно, Милордъ!

Кромв. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я власть имѣю, но не имя! Ты улыбаешься, Тюрлоё. Ты не знаешь, какую пустую бездну выкапываетъ въ глубинѣ сердецъ нашихъ алчное честолюбіе, какъ оно заставляетъ насъ презирать болѣзни, труды, опасности, все наконецъ, для цѣли кажущейся ничтожною! О, какъ тяжело пользоваться неполнымъ счастіемъ! Затѣмъ я не знаю: какой блескъ отражающій въ себѣ небо, окружаетъ монарховъ съ давнихъ временъ! Волшебныя имена: Король, Величество!.. Притомъ, что значитъ быть представителемъ міра, не будучи монархомъ? Вещь безъ имени, власть безъ титула! Ничтожество! Монархія и санъ— едино суть. О, ты не знаешь, другъ, какъ невыносимо, когда, выбравшись изъ толпы, касаешься уже вершины и вдругъ чувствуешь, что у тебя есть еще нѣчто надъ головой!—будь это нѣчто—слово,—въ этомъ словѣ тогда все...

Гюго. (Кромвель, д. II, сц. 5).

Кромвель (*въ мрачномъ раздумьѣ*). Чего хочешь ты, Кромвель? Скажи. Трона! Зачѣмъ? Зовешься-ли ты Стюартомъ, Плантагенетомъ иль Бурбономъ? Принадлежишь ли ты къ тѣмъ смертнымъ, которые, еще дѣтьми, благодаря ихъ предкамъ, глядятъ властителями надъ землей? А какой скипетръ не сломается въ твоей тяжелой рукѣ, счастливый солдатъ? какая корона будетъ по мѣркѣ твоему широкому челу? Ты, сынъ случая—король? Въ будущихъ поколѣніяхъ твое царствованіе считалось бы однимъ изъ приключеній!—Твой домъ—династія!

Лордъ Рочестеръ (*про себя*). Онъ положительно стоитъ за права Стюартовъ!

Кромв. (*продолжая*). Король Парламента, стоящій на ступеняхъ изъ труповъ своихъ жертвъ! О, такъ ли всходятъ на законный тронъ? И что же? Не уже-ли ты не утомился, прошедши столько, Кромвель? Или у скиптра есть какое нибудь скрытое очарованіе? Взгляни.—Весь міръ спокоенъ подъ твоею властью; ты имъ владѣешь и это кажется тебѣ ничтожной вещью! Колесница счастія, на которомъ основаны твои права, катится, обрызгивая королей королевскою же кровью! Какъ! Могущество въ мирѣ, побѣды на войнѣ, все это ничто безъ трона! — Пошлое честолюбіе!

Лор. Рочес. Какъ онъ казнитъ Кромвеля!

Кромв. Ну, хорошо, пусть этотъ Англійскій престолъ, другихъ десятокъ—твои!—Потомъ?—Что будешь дѣлать! Чему начнешь завидовать? Вѣдь нужно же, чтобъ цѣль была у человѣка!.. Глупецъ—преступникъ!

Лор. Рочес. Кромвель, о если бы его ты слышалъ!

Кромв. И что такое тронъ? Помостъ подъ балдахиномъ и нѣсколько досокъ, куда всегда устремлены глаза толпы; онѣ мѣняютъ имя, сообразно покрывалу; у трона оно изъ бархата; изъ чернаго сукна у эшафота!

Лор. Рочес. Онъ ученый.

Кромв. Того ли нужно тебѣ, Кромвель? Эшафотъ! О, отъ одного этого имени меня объемлетъ ужасъ и голова моя горитъ. Открою окно. (*Подходитъ къ окну Карла I*). Свободный воздухъ, солнце, можетъ быть, прогонятъ мою скуку.

Лор. Рочес. Онъ не церемонится, какъ будто у себя дома.

Кромв. (*старается открыть окно, оно не отпирается*). Его рѣдко отворяютъ. Задвижки заржавѣли... (*Отступая съ ужасомъ*). Это окно обрызгано кровью Стюарта! Да, отсюда духъ его взлетѣлъ на небеса! (*Возвращаясь задумчиво на авансцену*). Если бы я былъ король, окно, быть можетъ, открывалось бы свободно!..

Гюго. (Кромвель, д. II, сц. 15).

Фіеско (*у окна*). Что бы это значило? Луна потухла; утро встаетъ все въ огнѣ изъ моря. Дикія мечты прогнали мой сонъ. Все существо мое судорожно ухватилось за одно ощущеніе. Мнѣ надо воздуха. (*Отворяетъ стеклянную дверь. Городъ и море окрашены утреннею зарею. Фіеско ходитъ большими шагами по комнатѣ*). Я величайшій человѣкъ въ Генуѣ!—и не должны ли нисшія души собраться около высшей? Но я отдаляюсь отъ добродѣтели. (*Останавливается*). Добродѣтель? Человѣкъ избранный имѣетъ иныя искушенія, чѣмъ обыкновенный; неужели-же ему раздѣлять его добродѣтели? Развѣ панцырь, облекающій тощее тѣло пигмея, можетъ быть впору великану? (*Солнце восходитъ надъ Генуею*). Этотъ величавый городъ (*кидается къ дверямъ съ отверстыми объятіями*) — мой!.. И сіять надъ нимъ подобно царственному дню, заботиться о немъ съ мощью монарха, всѣ кипучія страсти, всѣ несытыя желанія потопить въ этомъ бездонномъ океанѣ? Да, если остроуміе обманщика и не можетъ облагородить обмана—по крайней мѣрѣ, цѣна облагороживаетъ обманщика. Подло—вытащить кошелекъ изъ кармана, дерзко—надуть на милліонъ, но невыразимо велико—украсть корону. Стыдъ уменьшается съ возрастаніемъ преступленія. (*Молчаніе. Потомъ значительно*). Повиноваться? — повелѣвать? — ужасная бездонная пропасть! Бросьте въ нее все, что только человѣкъ имѣетъ драгоцѣннаго: ваши побѣды, завоеватели! художники, ваши безсмертныя созданья! ваше сластолюбіе, эпикурейцы! ваши моря и острова, вы, мореходы! Повиноваться и повелѣвать—быть и не быть! Развѣ тотъ, кто перенесется черезъ страшную пропасть между послѣднимъ серафимомъ и Безконечнымъ, измѣритъ этотъ полетъ? (*Торжественно*). Стоять на той ужасной, неизмѣримой высотѣ! смотрѣть на кружащійся внизу водоворотъ человѣчества, гдѣ колесо слѣпой обманщицы коварно вертитъ судьбами! первому припадать устами къ кубку радости! водить на привязи законъ, этого исполина во всеоружіи! видѣть, какъ наносятся ему неизлечимыя раны, когда его короткорукій гнѣвъ напрасно стучится въ прихожую власти! управлять неукро-

тимыми страстями народа, какъ бѣшеными конями, мягкою игрою поводьевъ! — однимъ дуновеніемъ превращать въ прахъ зазнавшуюся гордость вассала! вызывать къ жизни творческимъ скипетромъ грезы монаршей горячки! О, эта картина возноситъ духъ выше его предѣловъ! Одна минута владычества поглотила мозгъ всего существованія. Не шумъ жизни, а ея содержаніе опредѣляетъ ей цѣну. Раздѣли громъ на простые звуки и ты станешь убаюкивать ими дѣтей; но соедини ихъ въ одинъ внезапный ударъ—и царственный звукъ потрясетъ вѣчное небо. Я рѣшился. (*Ходитъ величественно взадъ и впередъ*).

Шиллеръ. (Заговоръ Фіеско въ Генуѣ, д. III, сц. 2).

Василиса Мелентьева (*одна*).

Задумала я думушку, запала
На сердце мнѣ завѣтная мечта—
Царицей быть. Дурное-ль это мѣсто,
Да занято, другая не пускаетъ,
Сидитъ на немъ. Ошиблись мы съ Григорьемъ
Лукьянычемъ; гнѣвился царь не очень,
И пожалѣлъ онъ пятую жену,
Плаксивую царицу Анну; не далъ
Своимъ рукамъ онъ воли, костылемъ
Не уходилъ,—не растопталъ ногами,—
Не захотѣлъ мнѣ мѣсто опростать.
А мы, было, признаться, такъ и ждали!
Старѣетъ царь и пылкость въ немъ проходитъ.
Отходчивъ сталъ, не такъ бывало прежде;
Не проходилъ гнѣвъ царскій безъ убойства.
А что теперь! Потопалъ, покричалъ,
Деньковъ пятокъ посердится на Анну
И на другихъ, кто подвернется; съ мѣсяцъ
Коситься будетъ на нее, а все же
Она останется моей помѣхой,
Хоть брошенной, постылой, но женою,
Царицею, а я ее рабою...
Я не слѣпа, я вижу, что царю
По нраву я; старикъ на Василису,
Какъ котъ на мышь, глядитъ; но Василисѣ
Наложницей быть мало. Пробиралась,
Ползла ползкомъ я ко двору царицы,
За сиротство́ и бѣдность натерпѣлась
Позору я и брани отъ боярынь,

От толстыхъ дуръ, унизанныхъ серьгами
И кольцами. Какъ козы въ сарафанахъ,
Кичатся тѣмъ, что аксамитъ тяжелый
Коробится лубкомъ на ихъ плечахъ!
Умнѣй меня онѣ, иль краше, что ли?
Одна краса у нихъ, что растолтѣютъ
Копна копной—отъ вѣчнаго лежанья,
Да отъ питья хмѣльнаго втихомолку,
Подъ страхомъ мужней плети. Злыя бабы!
Имъ ѣсть, да спать, да хохотать весь день
Рѣчамъ безстыднымъ сказочницъ дворовыхъ!
Лишь по мужьямъ и честь имъ;—я обиды
Съумѣла бы имъ вымѣстить сторицей.
Я краше ихъ и въ смирномъ вдовьемъ платьѣ.
Надѣнь-ко я наряды дорогіе,
Ну пусть тогда покажутъ, кто въ Москвѣ
Съ Мелентьевой сравниться можетъ. (*Идетъ къ поставцу*).
Хоть полюбуюсь на себя не много,
Вѣнчальный свой нарядъ надѣну.
Вотъ онъ! (*Вынимаетъ кокошникъ и ферязь*).
Поставлю здѣсь я зеркальце стальное.
Ахъ, какъ давно себя я не видала
Красавицей такой! И оставаться
Рабою мнѣ. Такъ нѣтъ-же! Нѣтъ!
Цареву
Я видѣла любовь и ласку—быть
Хочу царицей я, и буду!

Островскій. (Василиса Мелентьева, д. VI, явл. 1).

(Честолюбіе, комическое самодурство).

Круглова. Чаемъ просить прикажете?

Аховъ. Не хочу, обидѣли. Я къ вамъ было всей душой, а вы меня уважать не хотѣли.

Кругл. Трудно угодить-то на тебя.

Аховъ. Нѣтъ, ты постой! Уважать насъ очень надобно. Особенное намъ должно идти уваженіе супротивъ другихъ людей. А почему такъ? я тебѣ скажу, если не знаешь.

Кругл. Скажи, послушаемъ.

Аховъ. Ты богатаго человѣка, коли онъ до тебя милостивъ, блюди пуще ока своего. Потому, ты своего достатка не имѣешь;

нужда, али что, къ кому тебѣ кинуться? А второе: развѣ ты знаешь, развѣ тебѣ чужая душа открыта, за что богатый человѣкъ къ тебѣ милостивъ? Можетъ, онъ такъ только себѣ отвагу даетъ, а можетъ, сурьезъ! Потому что для нашего брата, ежели что захотѣлось, дорогаго нѣтъ; а у васъ, нищей братіи, ничего завѣтнаго нѣтъ; все продажное. И вдругъ изъ гроша рубль. Поняла?

Кругл. Ну, не вдругъ-то.

Аховъ. А вотъ сейчасъ тебѣ... (*Агніи*). Можешь ты меня поцѣловать теперь, при матери?

Агнія. Могу, коли захочу.

Аховъ. Ну, такъ захоти, въ накладѣ не будешь.

Агнія. Да и барыша мнѣ не надо, а чтобъ только изъ пустяковъ лишняго разговору не заводить, извольте. (*Цѣлуетъ его*).

Аховъ (*Кругловой*). Видѣла?

Кругл. Что видѣть-то? Я и не то видѣла. Чмокнуть-то губами не велико дѣло! Хошь бы тебя она теперь! Это что! Все равно что горшокъ объ горшокъ; сколько ни бей, а масла не будетъ. А то есть дѣло, которое совсѣмъ другаго рода; тогда ужь мать смотри только.

Аховъ. Нѣтъ, ты слушай! Вѣдь богатство-то чѣмъ лестно? Вотъ чѣмъ: что захотѣлось, что задумалъ только — все твое.

Агнія. Ну, еслибъ я узнала, что вы такъ будете мое снисхожденіе понимать, ни за чтобъ васъ не поцѣловала.

Аховъ. Ты молчи, ты молчи! Худаго ты не сдѣлала. Нѣтъ, я говорю, коли вся жизнь—то... можетъ, не одной даже сотни людей въ нашихъ рукахъ, такъ какъ намъ собой не возноситься? Всякому тоже пирожка сладенькаго хочется... А что ужъ про тѣхъ, кому и вовсе-то ѣсть нечего! Ой, за дешево людей покупали, ой за дешево! Повѣришь-ли, иногда даже жалко самому станетъ.

Кругл. Что капиталомъ-то гордиться!

Аховъ. А то чѣмъ-же? (*Со вздохомъ*). Сила, Ѳедосеевна, сила!

Кругл. Что-жъ такое за дѣло у тебя? что за ворожба будетъ?

Аховъ. Съ ними я говорить не хочу. Я ихъ презрилъ. Ниже

каблука своего считаю, вотъ гдѣ. А съ тобой разговоръ заведемъ. Вѣдь, чай, тебѣ нужно и приданое? Не такъ отдашь, въ чемъ она есть? Нужно приданое?

Кругл. Какъ не нужно, конечно нужно.

Аховъ. Такъ вотъ слушай! Чтобы этотъ разговоръ нарушить, что мнѣ вы, ничтожные люди, носъ утерли, мы будемъ ладить такую статью, что я Иполитку женю.

Кругл. Что-жъ, это пожалуй.

Аховъ. Обѣдъ у меня послѣ свадьбы, какой не слыхано. И Ѳомина и всѣхъ цвѣтами ограблю, по всѣмъ комнатамъ постановка будетъ. Двѣ музыки, одна въ комнатахъ, другая на балконѣ для зрителевъ. Официанты въ штиблетахъ. Ефектъ?

Кругл. Ефектъ.

Аховъ. Опосля всего Иполиткѣ награжденіе свыше мѣры. Не вѣришь, такъ за руки отдамъ... И впередъ тебѣ на приданое...

Кругл. Да что дальше-то?

Аховъ. А вотъ какой уговоръ! Женихъ съ невѣстой, какъ изъ церкви, вся шестерня сѣрыхъ, какъ къ воротамъ,—стой! А въ вороты чтобы не въѣзжать! И сейчасъ имъ дворникъ по метлѣ, и чтобы вымели они до крыльца... Ты не бойся, чисто будетъ, еще до нихъ все выметутъ. А они чтобы только примѣръ показали. А я съ гостями буду на балконѣ стоять. Вотъ тогда я васъ прощу и въ честь васъ произведу. И будете вы у меня промежду всѣми гостями все равно, что равные.

Кругл. Да осыпь ты меня золотомъ съ ногъ до головы, такъ я все-таки дочь свою на позорище не отдамъ.

Аховъ. Не отдашь?

Кругл. Не отдамъ.

Аховъ. Ну такъ грязь грязью и останется; и будьте вы прокляты отнынѣ и до вѣка!... Какъ жить? Какъ жить? Родства народъ не уважаетъ, богатству грубить смѣетъ! Дядя говоритъ: поклонись по родственному! Не хочу. Ну, поклонись ты, нищій, хоть за деньги! Не хочу. Умереть ужь лучше поскорѣй, загодя. Все равно вѣдь; развѣ свѣтъ-то на такихъ порядкахъ долго простоитъ. А какъ отцы-то жили! Куда они дѣлись тѣ порядки, ста-

рые, крѣпкіе? Развратъ, что ли, въ мірѣ пошелъ? Такъ его и прежде, пожалуй, еще больше было. Бѣсъ, что ли, какой промежду людьми ходитъ, да смущаетъ ихъ? Отчего вы не лежите теперь въ ногахъ у меня по старому; а я же стою передъ вами весь обруганный, безъ всякой моей вины?

Кругл. Оттого, Ермилъ Зотычъ, говоритъ русская пословица, что не все коту масляница, бываетъ и великій постъ.

(*Обнимаетъ Ипполита и Агнію*).

Островскій. (Не все коту масляница. Сц. I, явл. 7 и сц. IV, явл. 3).

(Властолюбіе, тираннія).

Кабанова. Ну, ты помнишь все, что я тебѣ сказала? Смотри-жъ, помни! На носу себѣ заруби!

Тихонъ. Помню, маменька.

Каб. Ну, теперь все готово. Лошади пріѣхали, проститься тебѣ только, да и съ Богомъ.

Тих. Да-съ, маменька, пора.

Каб. Ну!

Тих. Чего изволите-съ?

Каб. Что-жъ ты стоишь, развѣ порядку не знаешь? Приказывай женѣ-то, какъ жить безъ тебя. (*Катерина потупила глаза въ землю*).

Тих. Да она, чай, сама знаетъ.

Каб. Разговаривай еще! Ну, ну, приказывай! Чтобъ и я слышала, что ты ей приказываешь! А потомъ пріѣдешь, спросишь, такъ ли все исполнила?

Тих. (*Становясь противъ Катерины*). Слушайся маменьки, Катя!

Каб. Скажи, чтобъ не грубила свекрови.

Тих. Не груби!

Каб. Чтобъ почитала свекровь, какъ родную мать!

Тих. Почитай, Катя, маменьку, какъ родную мать.

Каб. Чтобы, сложа ручки, не сидѣла, какъ барыня!

Тих. Работай что нибудь безъ меня!

Каб. Чтобъ въ окна глазъ не пялила!

Тих. Да, маменька, когда-жъ она...

Каб. Ну, ну!

Тих. Въ окна не гляди!

Каб. Чтобъ на молодыхъ парней не заглядывалась безъ тебя!

Тих. Да что-жъ это, маменька, ей Богу!

Каб. (*строго*). Ломаться-то нечего! Долженъ исполнять, что мать говоритъ. (*Съ улыбкой*). Оно все лучше, какъ приказано-то.

Тих. (*сконфузившись*). Не заглядывайся на парней. (*Катерина строго взглядываетъ на него*).

Каб. Ну, теперь поговорите промежду себя, коли что нужно... (*Уходитъ. Катерина и Тихонъ разговариваютъ межъ собой*).

Каб. (*входитъ*). Ну, Тихонъ, пора. Поѣзжай съ Богомъ! (*садится*). Садитесь всѣ. (*Всѣ садятся. Молчаніе*). Ну прощай. (*Встаетъ и всѣ встаютъ*).

Тих. (*подходя къ матери*). Прощайте, маменька!

Каб. (*жестомъ показываетъ въ землю*). Въ ноги, въ ноги. (*Кабановъ кланяется въ ноги, потомъ цѣлуется съ матерью*). Прощайся съ женой!

Тих. Прощай, Катя. (*Катерина бросается ему на шею*).

Каб. Что на шею-то виснешь, безстыдница! Не съ любовникомъ прощаешься! Онъ тебѣ мужъ-глава! Аль порядку не знаешь. Въ ноги кланяйся! (*Катерина кланяется въ поясъ*).

Тих. Прощай, сестрица. (*Цѣлуется съ Варварой*). Прощай Глаша. (*Цѣлуется съ Глашей*). Прощайте, маменька. (*Кланяется*).

Каб. Прощай! Дальніе проводы—лишнія слезы. (*Всѣ уходятъ, кромѣ Кабановой*).

Каб. (*одна*). Молодость-то что значитъ! Смѣшно смотрѣть-то даже на нихъ! кабы не свои, насмѣялась бы до сыта. Ничего-то не знаютъ, никакого порядка. Проститься-то путемъ не умѣютъ. Хорошо еще у кого въ домѣ старшіе есть, ими домъ-то и держится, пока живы. А вѣдь тоже глупые на свою волю хотятъ; а выдутъ на волю-то, такъ и путаются на покоръ, на смѣхъ добрымъ людямъ. Конечно, кто и пожалѣетъ, а больше все смѣются.

Да не смѣяться-то нельзя: гостей позовутъ, посадить не умѣютъ, да еще гляди, позабудутъ кого изъ родныхъ. Смѣхъ, да и только! Такъ-то вотъ старина-то и выводится. Въ другой домъ и взойти то не хочется. А и взойдешь, такъ плюнешь, да вонъ скорѣе. Что будетъ, какъ старики перемрутъ; какъ будетъ свѣтъ стоять, ужъ и не знаю. Ну, да ужъ хоть то хорошо, что не увижу ничего. (*Входятъ Катерина и Варвара. Катеринѣ*). Ты вотъ похвалялась, что мужа очень любишь: вижу я теперь твою любовь-то. Другая хорошая жена-то часа полтора воетъ, лежитъ на крыльцѣ, а тебѣ, видно, ничего.

Кат. Не къ чему! Да и не умѣю. Что народъ-то смѣшить?

Каб. Хитрость-то не великая. Кабы любила, такъ бы выучилась. Коли порядкомъ не умѣешь, ты хоть бы примѣръ-то этотъ сдѣлала; все таки пристойнѣе, а то, видно, на словахъ только. Ну я Богу молиться пойду; не мѣшайте мнѣ.

Вар. Я со двора пойду.

Каб. (*ласково*). А мнѣ что! Поди! Гуляй, пока твоя пора придетъ. Еще насидишься! (*Уходитъ*).

Островскій. (Гроза, д. II, сц. 3, 5, 6, 7).

(Властолюбіе, деспотизмъ).

Уланбекова (*помолчавъ*). А Надю все-таки нужно замужъ отдать.

Надя (*почти плача*). Сударыня, я вами такъ была обласкана, что и выразить не могу. Извините меня, что я смѣю теперь говорить: но, по вашему ко мнѣ расположенію, я отъ васъ совсѣмъ не такой милости ждала. Чѣмъ же я вамъ теперь, сударыня, не угодила, что вы меня хотите за пьяницу отдать?

Уланб. Ты, милая, объ этомъ разсуждать не можешь: ты дѣвушка. Ты должна во всемъ положиться на меня, на свою благодѣтельницу. Я тебя воспитала, я тебя и пристроить обязана. Опять же ты и того не должна забывать, что онъ мой крестникъ. Ты бы за честь должна была благодарить. Да и вотъ еще я тебѣ

скажу одинъ разъ на всегда. Я не люблю, когда разсуждаютъ, просто не люблю, да и все тутъ. Этого позволить я не могу никому. Я съ молоду привыкла, чтобъ каждаго моего слова слушались; тебѣ пора это знать! И мнѣ очень странно, моя милая, что ты осмѣливаешься возражать мнѣ. Я вижу, что избаловала тебя; а вы вѣдь сейчасъ зазнаетесь. (*Надя плачетъ*).

Василиса Перегриновна. Благодѣтельница, чувство нужно человѣку имѣть, чувство. А какое-жъ въ нихъ можетъ быть чувство, окромя неблагодарности?

Уланб. Не съ тобой говорятъ! Что ты вмѣшиваешься во всякое дѣло! (*Надѣ строго*). Это что за новости, ты плакать еще! Чтобы этихъ слезъ не было! (*Надя плачетъ*). Я тебѣ говорю. (*Привстаетъ*). Для меня ваши слезы ровно ничего не значатъ! Когда я захочу что нибудь сдѣлать по своему, ужъ я поставлю на своемъ, никого въ мірѣ не послушаюсь! (*Садится*). И впередъ знай, что упрямство твое ни къ чему не новедетъ; только ты разсердишь меня.

Надя (*плача*). Сирота я, сударыня! Ваша воля во всемъ.

Уланб. Еще бы! разумѣется, моя воля; потому что я тебя воспитала, это все равно, что жизнь дала.

Островскій. (Воспитанница, карт. II, явл. 2).

(Властолюбіе, самодурство).

Голосъ изъ передней: Жена! а, жена! Матрена Савишна!

Матр. Сав. Что тамъ?

Антипъ Антипычъ (*входитъ*). Здравствуй! А ты думала, Богъ знаетъ, что! (*Цѣлуются*). Поцѣлуй еще. (*Заигрываетъ*).

Матр. Сав. (*жмется*). Полно дурачиться-то, Антипъ Антипычъ, перестань! Э! какъ тебѣ не стыдно!

Ант. Ант. Да поцѣлуй!

Матр. Сав. Ахъ, отстань, ради Бога!

Ант. Ант. Уважь. (*Цѣлуются*). Ай да жена! Вотъ люблю! Ай да Матрена Савишна! (*Садится на диванъ*). А знаешь ли что, Матрена Савишна?

Матр. Сав. Что еще?

Ант. Ант. Хорошо бы теперь чайку выпить-съ. (*Смотритъ въ потолокъ и отдувается*).

Матр. Сав. Дарья! (*Входитъ Дарья*). Давай самоваръ, да спроси ключи у Степаниды Трофимовны. (*Дарья уходитъ. Молчаніе. Марья Антиповна сидитъ за пяльцами; Матрена Савишна подлѣ нея. Антипъ Антипычъ смотритъ по угламъ и вздыхаетъ*).

Ант. Ант. (*Грозно*). Жена! поди сюда!

Матр. Сав. Что еще?

Ант. Ант. Поди сюда, говорятъ тебѣ. (*Ударяетъ по столу кулакомъ*).

Матр. Сав. Да что ты, очумѣлъ, что ли?

Ант. Ант. Что я съ тобой и сдѣлаю! (*Стучитъ по столу*).

Матр. Сав. Да что съ тобой? (*Робко*). Антипъ Антипычъ!

Ант. Ант. А! испугалась! (*Смѣется*). Нѣтъ, Матрена Савишна, это я такъ—шутки шучу. (*Вздыхаетъ*). Что же чайку-то-съ.

Матр. Сав. Сейчасъ! Ахъ, батюшки, авось не умрешь!

Ант. Ант. Да что же такъ-то сидѣть! Скука возьметъ.

Островскій. (Семейная картина).

(Деспотизмъ).

Расположенскій. Здраствуйте, батюшка, Самсонъ Силычъ! Здравствуйте матушка, Аграфена Кондратьевна! Олимпіада Самсоновна, здравствуйте.

Большовъ. Здравствуй, братецъ, здравствуй! Садиться милости просимъ. Садись и ты, Лазарь!

Агр. Кондр. Закусить не угодно ли? а у меня и закусочка приготовлена.

Распол. Отчего-жъ, матушка, не закусить; я бы теперь рюмочку выпилъ.

Больш. А вотъ сейчасъ пойдемъ всѣ вмѣстѣ, а теперь пока побесѣдуемъ маненько.

Устинья Наумовна. Отчего-жъ и не побесѣдовать. Вотъ,

золотыя мои, слышала я, будто въ газетѣ напечатано, правда ли, нѣтъ ли, что другой Бонапартъ народился, и будто бы, золотыя мои...

Больш. Бонапартъ Бонапартомъ, а мы пуще всего надѣемся на милосердіе Божіе; да не объ томъ теперь рѣчь.

Устин. Наум. Такъ объ чемъ же, яхонтовый?

Больш. А о томъ, что лѣта наши подвигаются преклонныя, здоровье тоже ежеминутно прерывается, и одинъ Создатель только вѣдаетъ, что будетъ впередъ: то и положили мы, еще при жизни своей, отдать въ замужество единственную дочь нашу, и въ разсужденіи приданаго тоже можемъ надѣяться, что она не острамитъ нашего капитала и происхожденія, а равномѣрно и передъ другими прочими.

Уст. Наум. Ишь вѣдь, какъ сладко разсказываетъ бриліянтовый.

Больш. А такъ, какъ дочь наша здѣсь на лицо, и при всемъ томъ, будучи увѣрены въ честномъ поведеніи и достаточности будущаго зятя, что для насъ оченно чувствительно, то и назначаемъ ее теперича въ общемъ лицезрѣніи. Липа, поди сюда.

Липочка. Что вамъ, тятенька, угодно?

Больш. Поди ко мнѣ, не укушу,—не бось. Ну, теперь ты, Лазарь, ползи.

Подхалюзинъ. Давно готовъ-съ!

Больш. Ну, Липа, давай руку!

Лип. Какъ, что это за вздоръ? Съ чего вы это выдумали?

Больш. Хуже, какъ силой возьму!

Уст. Наум. Вотъ тебѣ, бабушка, и юрьевъ день!

Агр. Конд. Господи, да что-жъ это такое?

Лип. Не хочу, не хочу! Не пойду я за такого противнаго!

Ѳоминишна. Съ нами крестная сила!

Подхал. Видно, тятенька, не видать мнѣ счастія на этомъ свѣтѣ. Видно, не бывать по вашему желанію?

Больш. (*беретъ Липочку насильно за руку и Лазаря*). Какъ же не бывать, коли я того хочу? На что-жъ я и отецъ, коли не приказывать? Даромъ что ли я ее кормилъ?

Агр. Кондр. Что ты! что ты! опомнись!

Больш. Знай сверчокъ свой шестокъ! Не твое дѣло! Ну, Липа! Вотъ тебѣ женихъ! Прошу любить, да жаловать! Садитесь рядкомъ, да потолкуйте ладкомъ—а тамъ честнымъ пиркомъ да за свадебку.

Лип. Какъ же, нужно мнѣ очень съ неучемъ сидѣть! Вотъ оказія!

Больш. А не сядешь, такъ насильно посажу, да заставлю жеманиться.

Лип. Гдѣ это видано, чтобы воспитанныя барышни выходили за своихъ работниконъ?

Больш. Молчи, лучше. Велю, такъ и за дворника выдешь. (*Молчаніе*).

Уст. Наум. Вразуми, Аграфена Кондратьевна, что это за бѣда такая!

Агр. Кондр. Сама, родная, затмилась, ровно чуланъ какой. И понять не могу, откуда это такое взялось?

Ѳом. Господи! Седьмой десятокъ живу, сколько свадебъ праздновала, а такой скверности не видывала.

Агр. Кондр. За что-жъ это вы, душегубцы, дѣвку-то опозорили?

Больш. Да, очень мнѣ нужно слушать вашу фанаберію. Захотѣлъ выдать дочь за прикащика, и поставлю на своемъ, и разговарить не смѣй; я и знать никого не хочу. Вотъ теперь закусить пойдемте, а они пусть побалясничаютъ, можетъ быть, и поладятъ какъ нибудь.

Распол. Пойдемте, Самсонъ Силычъ, и я съ вами, для компаніи, рюмочку выпью. А ужъ это, Аграфена Кондратьевна, первый долгъ, чтобъ дѣти слушались родителей. Это не нами заведено, не нами и кончится. (*Встаютъ и уходятъ, кромѣ Липочки, Подхалюзина и Аграфены Кондратьевны*).

Островскій. (Свои люди сочтемся, д. III, явл. 4).

(Самодурство).

Дикой. Ишь ты, замочило всего (*Кулигину*). Отстань ты отъ меня! Отстань! (*Съ сердцемъ*). Глупый ты человѣкъ!

Кулигинъ. Савелъ Прокофьичъ, вѣдь отъ этого, ваше степенство, для всѣхъ вообще обывателей польза.

Дик. Поди ты прочь! Какая польза! Кому нужна эта польза?

Кул. Да хоть бы для васъ, ваше степенство, Савелъ Прокофьичъ. Вотъ-бы, сударь, на бульварѣ, на чистомъ мѣстѣ и поставить. А ка́кой расходъ? Расходъ пустой: столбикъ каменный (*показываетъ жестами размѣръ каждой вещи*), дощечку мѣдную, такую круглую, да шпильку, вотъ шпильку прямую. (*Показываетъ жестомъ*). Простую самую. Ужъ я все это прилажу, и цыфры вырѣжу, уже все самъ. Теперь вы, ваше степенство, когда изволите гулять, или прочіе, которые гуляющіе, сейчасъ пойдете и видите, который часъ. А то этакое мѣсто прекрасное, и видъ, и все, а какъ будто пусто. У насъ тоже, ваше степенство, и проѣзжіе бываютъ, ходятъ туда наши виды смотрѣть, все-таки украшеніе,—для глазъ оно пріятнѣй.

Дик. Да что ты ко мнѣ лѣзешь со всякимъ вздоромъ! Можетъ, я съ тобой и говорить-то не хочу. Ты долженъ былъ прежде узнать, въ расположеніи ли я тебя слушать, дурака, или нѣтъ. Что я тебѣ ровный что ли? Ишь ты — какое дѣло нашелъ важное! Такъ прямо съ рыломъ-то и лѣзетъ разговаривать.

Кул. Кабы я со своимъ дѣломъ лѣзъ, ну, тогда былъ бы я виноватъ. А то я для общей пользы, ваше степенство. Ну, что значитъ для общества какихъ нибудь рублей десять! Больше, сударь, не понадобится.

Дик. А можетъ, ты украсть хочешь; кто тебя знаетъ!

Кул. Коли я свои труды хочу даромъ положить, что же я могу украсть, ваше степенство! Да меня здѣсь всѣ знаютъ; про меня никто дурно не скажетъ.

Дик. Ну, и пущай знаютъ, а я тебя знать не хочу.

Кул. За что, сударь, Савелъ Прокофьичъ, честнаго человѣка обижать изволите?

Дик. Отчетъ, что-ли, я стану тебѣ отдавать! Я и по важнѣй тебя никому отчета не даю. Хочу такъ думать о тебѣ, такъ и думаю. Для другихъ ты честный человѣкъ, а я думаю, что ты разбойникъ, вотъ и все. Хотѣлось тебѣ это слышать отъ меня? Такъ вотъ слушай! Говорю, что разбойникъ, и конецъ! Что-жъ ты, судиться, что ли, со мной будешь! Такъ ты знай, что ты червякъ. Захочу—помилую, захочу—раздавлю.

Кул. Богъ съ вами, Савелъ Прокофьичъ! Я, сударь, маленькій человѣкъ, меня обидѣть не долго. А я вамъ вотъ что доложу, ваше степенство,—«и въ рубищѣ почтенна добродѣтель»!

Дик. Ты у меня грубить не смѣй! Слышишь ты!

Кул. Никакой я грубости вамъ, сударь, не дѣлаю; а говорю вамъ потому, что, можетъ быть, вы и вздумаете когда что-нибудь для города сдѣлать. Силы у васъ, ваше степенство, много; была-бъ только воля на доброе дѣло. Вотъ, хоть бы теперь то возьмемъ: у насъ грозы частыя, а не заведемъ мы громовыхъ отводовъ.

Дик. (*гордо*). Все суета!

Кул. Да какая же суета, когда опыты были.

Дик. Какіе такіе тамъ у тебя громовые отводы?

Кул. Стальные.

Дик. (*съ гнѣвомъ*). Ну, еще что?

Кул. Шесты стальные.

Дик. (*сердясь болѣе и болѣе*). Слышалъ, что шесты, аспидъ ты этакой; да еще-то что? Наладилъ: шесты! ну, а еще что?

Кул. Ничего больше.

Дик. Да гроза-то что такое по твоему, а? Ну, говори!

Кул. Электричество.

Дик. (*топнувъ ногой*). Какое еще тамъ элестричество! Ну, какъ же ты не разбойникъ! Гроза-то намъ въ наказаніе посылается, чтобы мы чувствовали, а ты хочешь шестами, да рожнами какими-то, прости Господи, обороняться. Что ты, татаринъ, что ли? Татаринъ ты? А, говори! Татаринъ?

Кул. Савелъ Прокофьичъ, ваше степенство, — Державинъ сказалъ:

Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю.

Дикой. А за эти вотъ слова тебя къ городничему отправить, такъ онъ тебѣ задастъ! Эй, почтенные! прислушайте-ко, что онъ говоритъ!

Кулигинъ. Нечего дѣлать, надо покориться! А вотъ когда будетъ у меня милліонъ, тогда я поговорю. (*Махнувъ рукой, уходитъ*).

Дикой. Что-жъ ты, украдешь, что ли, у кого? Держите его! Этакой фальшивый мужиченко! Съ этимъ народомъ какому надо быть человѣку? Я уже не знаю. (*Обращаясь къ народу*). Да вы, проклятые, хоть кого въ грѣхъ введете! Вотъ не хотѣлъ нынче сердиться, а онъ, какъ нарочно, разсердилъ таки. Чтобъ ему провалиться! (*Сердито*). Пересталъ, что-ль дождикъ-то?

Одинъ изъ народа. Кажется, пересталъ.

Дикой. Кажется! А ты, дуракъ, сходи да посмотри. А то: кажется.

Одинъ изъ народа. Пересталъ!

Островскій. (Гроза, д. IV, явл. 2).

(Хвастовство, фатство).

Репетиловъ. Тьфу! оплошалъ! Ахъ мой! Создатель!
Дай протереть глаза... Откудова, пріятель,
Сердечный другъ, любезный другъ, mon cher?
Вотъ фарсы мнѣ какъ часто были пѣты,
Что пустомеля я, что глупъ, что суевѣръ,
Что у меня на все предчувствія, примѣты!
Сейчасъ... растолковать прошу—
Какъ будто зналъ, сюда спѣшу...
Хвать объ порогъ, задѣлъ ногою
И растянулся во весь ростъ...
Пожалуй, смѣйся надо мною,
Что Репетиловъ вретъ, что Репетиловъ простъ,
А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,
Любовь какая-то и страсть—
Готовъ я душу прозакласть,
Что въ мірѣ не найдешь себѣ такого друга,

Такого вѣрнаго, ей, ей!...
Пускай лишусь жены, дѣтей,
Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
Пускай умру на мѣстѣ этомъ
И разразитъ меня Господь...

Чацкій. Да, полно вздоръ молоть!

Репетиловъ. Не любишь ты меня! Естественное дѣло!
Съ другими—я и такъ и сякъ:
Съ тобою—говорю не смѣло,
Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ!...

Чацкій. Вотъ странное уничиженье!

Репетиловъ. Брани меня: я самъ кляну свое рожденье,
Когда подумаю, какъ время убивалъ!...
Скажи, который часъ?

Чацкій. Часъ ѣхать спать ложиться;
Коли явился ты на балъ,
Такъ можешь воротиться.

Репетиловъ. Что балъ, братецъ, гдѣ мы всю ночь до бѣла дня
Въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига!...
Читалъ ли ты, есть книга...

Чацкій. А ты читалъ? задача для меня!
Ты Репетиловъ ли?

Репетиловъ. Зови меня Вандаломъ
Я это имя заслужилъ:
Людьми пустыми дорожилъ,
Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ, или баломъ,
О дѣтяхъ забывалъ, обманывалъ жену,
Игралъ, проигрывалъ, въ опеку взятъ указомъ,
Танцовщицу держалъ, да не одну —
Трехъ разомъ!
Пилъ мертвую! Не спалъ ночей по десяти,
Все отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру...

Чацкій. Послушай: ври, да знай-же мѣру,
Есть отъ чего въ отчаянье придти!

Репетиловъ. Поздравь меня: теперь съ людьми я знаюсь
Съ умнѣйшими! Всю ночь не рыщу на пролетъ...

Чацкій. Вотъ нынче, напримѣръ?

Репетиловъ. Что ночь одна, — не въ счетъ!
За то спроси: гдѣ былъ?

Чацкій. И самъ я догадаюсь,
Чай въ клубѣ?

Репетиловъ. Въ Англійскомъ, чтобъ исповѣдь начать!
Изъ шумнаго я засѣданья.
У насъ всегда по четвергамъ собранья.
О томъ, о семъ потолковать.

Я самъ, какъ схватятся о камерахъ, присяжныхъ,
О Байронѣ, ну, о матерьяхъ важныхъ—
Частенько слушаю, не разжимая губъ;
Мнѣ не подъ силу, братъ, и чувствую, что глупъ!...
Ахъ! Александръ!—у насъ тебя не доставало!
Послушай, миленькій, потѣшь меня хоть мало,
Поѣдемъ-ка сей часъ — мы благо на ходу —
Съ какими я тебя сведу.
Людьми!—Ужъ на меня нисколько не похожи!
Что за люди, mon cher: сокъ умной молодежи!

Чацкій. Богъ съ ними и съ тобой! Куда я поскачу?
Зачѣмъ? Въ глухую ночь? — Домой — я спать хочу.

Репетиловъ. Э! брось! Кто нынче спитъ! Ну, полно, безъ прелюдій,
Рѣшись, а мы... у насъ... рѣшительные люди,
Горячихъ дюжина головъ!
Кричимъ — подумаешь, что сотня головъ.

Чацкій. Да, изъ чего, скажи, бѣснуетесь вы столько?

Репетиловъ. Шумимъ, братецъ, шумимъ.

Чацкій. Шумите вы — и только?

Репетиловъ. Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ,
Но государственное дѣло;
Оно, вотъ видишь, не созрѣло —
Нельзя-же вдругъ!...
Что за люди, mon cher! Безъ дальнихъ я исторій
Скажу тебѣ: во-первыхъ, князь Григорій,
Чудакъ единственный! Насъ со смѣху моритъ;
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка,
И также онъ сквозь зубы говоритъ
И также коротко обстриженъ для порядка.
Ты не знакомъ? О! познакомься съ нимъ!
Другой, Воркуловъ Евдокимъ.
Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ? О, диво!
Послушай, милый! Особливо
Есть у него любимое одно:
А «нонъ ла-шьяръ ми но-но-но!»
Еще у насъ два брата,
Левонъ и Боринька, чудесные ребята!
О нихъ не знаешь, что сказать!
Но если генія прикажите назвать:
Удушьевъ Ипполитъ Маркелычъ!
Ты сочиненія его
Читалъ-ли что нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братецъ! Да онъ не пишетъ ничего.
Вотъ этакихъ людей-бы сѣчь-то,

И приговаривать: писать, писать, писать!
Въ журналахъ можешь ты однако отыскать
Его отрывокъ: «взглядъ и нѣчто».
О чемъ бишь «нѣчто?» Обо всемъ,
Все знаетъ.
Но голова у насъ, какой нигдѣ ужъ нѣту,
Не надо называть, узнаешь по портрету.
Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Вь Камчатку сосланъ былъ, вернулся Алеутомъ,
И крѣпко на руку нечистъ!
Да, умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ.
Когда жъ объ честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ,
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ!
Вотъ люди! Есть ли имъ подобные? Наврядъ!
Ну, между ними я, конечно, за-урядъ—
Немножко поотсталъ, лѣнивъ—подумать, ужасъ!
Однакожъ я, когда умишкомъ понатужась,
Засяду; часу не сижу
И какъ то невзначай вдругъ каламбуръ рожу:
Другіе у меня мысль эту же подцѣпятъ,
И вшестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпятъ;
Другіе шестеро на музыку кладутъ;
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ...
Братъ! смѣйся, а что любо-любо!
Способностями Богъ меня не наградилъ,
Далъ сердце доброе—вотъ чѣмъ я людямъ милъ!
Совру — простятъ....

Лакей. (*у подъѣзда*).
Карета Скалозуба!

Репетиловъ. Чья?

Грибоѣдовъ. (Горе отъ ума, д, IV, явл. 4).

Фатство (см. Гоголя «Ревизоръ» (Хлестаковъ), «Женитьба» (Анучкинъ), Княжнина «Чудаки» (Вѣтромахъ).

(Хвастовство).

Ноздревъ. Ну, братъ, если бы ты зналъ, какъ я продулся! Повѣришь ли, что не только убухалъ четырехъ рысаковъ — все

спустилъ! Вѣдь на мнѣ нѣтъ ни цѣпочки, ни часовъ. А вѣдь будь только двадцать рублей въ карманѣ, именно не больше, какъ двадцать, я отыгралъ бы все, то есть, кромѣ того, что отыгралъ бы, вотъ, какъ честный человѣкъ, тридцать тысячъ сейчасъ положилъ бы въ бумажникъ.

Мижуевъ. Ты однако и тогда такъ говорилъ, а когда я тебѣ далъ пятьдесятъ рублей, тутъ-же просадилъ ихъ.

Ноздр. И не просадилъ бы! ей-богу, не просадилъ бы! Не сдѣлай я самъ глупость, право, не просадилъ бы. Не загни я послѣ короля на проклятой семеркѣ утку, я могъ бы сорвать весь банкъ.

Миж. Однако-жъ не сорвалъ.

Ноздр. Не сорвалъ потому, что загнулъ утку не во время. А ты думаешь, майоръ твой хорошо играетъ?

Миж. Хорошо, или нехорошо, однакожъ онъ тебя обыгралъ.

Ноздр. Эка важность! этакъ и я его обыграю. Нѣтъ, вотъ попробуй онъ играть дублетомъ, такъ вотъ я тогда посмотрю, я посмотрю тогда, какой онъ игрокъ! За то братъ, Чичиковъ, какъ покутили мы въ первые дни!.... Ужъ такъ покутили!.... Послѣ насъ пріѣхалъ какой-то князь, послалъ въ лавку за шампанскимъ: нѣтъ ни одной бутылки во всемъ городѣ, все офицеры выпили. Вѣришь ли, что я одинъ въ продолженіи обѣда выпилъ семнадцать бутылокъ шампанскаго!

Миж. Ну, семнадцать бутылокъ ты не выпилъ.

Ноздр. Какъ честный человѣкъ говорю, что выпилъ.

Миж. Ты можешь говорить себѣ, что хочешь, а я тебѣ говорю, что и десяти не выпьешь.

Ноздр. Ну, хочешь объ закладъ, что выпью.

Миж. Къ чему же объ закладъ?

Ноздр. Ну, поставь свое ружье, которое купилъ въ городѣ.

Миж. Не хочу.

Ноздр. Ну, да поставь, попробуй.

Миж. И пробовать не хочу.

Ноздр. Да, былъ бы безъ ружья, какъ безъ шапки.

. . . .

Ноздр. Вотъ на этомъ полѣ русаковъ такая гибель, что

земли не видно; я самъ своими руками поймалъ одного за заднія ноги.

Миж. Ну, русака ты не поймаешь рукою!

Ноздр. А вотъ же поймалъ, нарочно поймалъ! (*Чичикову*) Теперь я поведу тебя посмотрѣть границу, гдѣ оканчивается моя земля.... Вотъ граница! Все, что ни видишь по эту сторону, все это мое и даже по ту сторону, весь лѣсъ, который вонъ синѣетъ, и все, что за лѣсомъ, все мое.

Миж. Да когда же лѣсъ сдѣлался твоимъ? Развѣ ты недавно купилъ его? Вѣдь онъ не былъ твой.

Ноздр. Да, я купилъ его недавно.

Миж. Когда же ты успѣлъ его такъ скоро купить.

Ноздр. Какъ же? Я еще третьяго дня купилъ и дорого, чортъ возьми, далъ.

Миж. Да вѣдь ты былъ въ то время на ярмаркѣ.

Ноздр. Эхъ ты Софронъ! Развѣ нельзя быть въ одно время и на ярмаркѣ, и купить землю? Ну, я былъ на ярмаркѣ, а прикащикъ мой тутъ безъ меня и купилъ.

Миж. Да, ну развѣ прикащикъ!

Гоголь. (Мертвыя души, ч. I).

(Смиреніе, самоуниженіе).

Чацкій. Ахъ, Софья? Неужли Молчалинъ избранъ ей!
А чѣмъ не мужъ? Ума въ немъ только мало,
Но чтобъ имѣть имѣть дѣтей
Кому ума недоставало!
Услужливъ, скромненькій, въ лицѣ румянецъ есть.
(*Молчалинъ входитъ*).
Вотъ онъ, на цыпочкахъ и не богатъ словами.
Какою ворожбой умѣлъ къ ней въ сердце влѣзть?
(*Обращается къ нему*).
Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ вами
Неудалось сказать двухъ словъ.
Ну, образъ жизни вашъ каковъ?
Безъ горя нынче, безъ печали?
Молчалинъ. По прежнему-съ.
Чацкій. А прежде какъ живали?
Молчалинъ. День за день нынче, какъ вчера.

Чацкій. Къ перу отъ картъ, а къ картамъ отъ пера?
И положенный часъ приливамъ и отливамъ?
Молчалинъ. По мѣрѣ я трудовъ и силъ
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по архивамъ,
Три награжденья получилъ.
Чацкій. Взманили почести и знатность?
Молчалинъ. Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ...
Чацкій. У васъ?
Молчалинъ. Два-съ,
Умѣренность и аккуратность.
Чацкій. Чудеснѣйшіе два и стоятъ нашихъ всѣхъ!
Молчалинъ. Вамъ не дались чины?
По службѣ не успѣхъ?
Чацкій. Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться...
Молчалинъ. Татьяна Юрьевна разсказывала что-то,
Изъ Петербурга возвратясь,
Съ министрами про вашу связь,
Потомъ разрывъ...
Чацкій. Ей почему забота?
Молчалинъ. Татьянѣ Юрьевнѣ?
Чацкій. Я съ нею не знакомъ.
Молчалинъ. Съ Татьяной Юрьевной?
Чацкій. Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались,
Слыхалъ, что вздорная...
Молчалинъ. Да, это, полно, та ли-съ?
Татьяна Юрьевна!... извѣстная, притомъ
Чиновные и должностные
Всѣ ей друзья и всѣ родные!
Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы съѣздить вамъ...
Чацкій. На что-же?
Молчалинъ. Такъ. Частенько тамъ
Мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ.
Чацкій. Я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ.
Молчалинъ. Какъ обходительна, добра, мила, проста
Балы даетъ, нельзя богаче,
Отъ Рождества и до поста,
И лѣтомъ праздники на дачѣ.
Ну, право, чтобы вамъ въ Москвѣ у насъ служить,
И награжденья брать и весело пожить!
Чацкій. Когда въ дѣлахъ—я отъ веселій прячусь,
Когда дурачиться—дурачусь,
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма искусниковъ—я не изъ ихъ числа.

Молчалинъ. Простите. Впрочемъ тутъ не вижу преступленья.
Вотъ самъ Ѳома Ѳомичъ; знакомъ онъ вамъ?
Чацкій. Ну что-жъ?
Молчалинъ. Отличнаго ума и поведенья.
Изъ Петербурга къ намъ переведенъ.
Чацкій. Хорошъ!
Пустѣйшій человѣкъ изъ самыхъ безтолковыхъ.
Молчалинъ. Какъ можно! Слогъ его здѣсь ставятъ въ образецъ.
Читали вы?
Чацкій. Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.
Молчалинъ. Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть,
Не сочинитель я...
Чацкій. И по всему замѣтно.
Молчалинъ. Не смѣю моего сужденья произнесть...
Чацкій. Зачѣмъ же такъ секретно?
Молчалинъ. Въ мои лѣта не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть.
Чацкій. Помилуйте! Мы съ вами не ребята!
За чѣмъ же мнѣнія чужія только святы?
Молчалинъ. Вѣдь надобно жъ зависѣть отъ другихъ.
Чацкій. Зачѣмъ же надобно?
Молчалинъ. Въ чинахъ мы небольшихъ.
Чацкій (*почти громко*). Съ такими чувствами, съ такой душой
Любимъ!... Обманщица! смѣялась надо мной!
Грибоѣдовъ. (Горе отъ ума, д. III, явл. 3).

(Низость).

Чацкій за колонною, Лиза, Молчалинъ потягивается и зѣваетъ, Софья крадется съ верху.

Лиза. Вы, сударь, камень, сударь, ледъ!
Молчалинъ. Ахъ! Лизанька, ты отъ себя ли?
Лиза. Отъ барышни-съ.
Молчалинъ. Кто-бъ отгадалъ,
Что въ этихъ щечкахъ, въ этихъ жилкахъ,
Любви еще румянецъ не игралъ!
Охота быть тебѣ лишь только на посылкахъ!
Лиза. А вамъ, искателямъ невѣстъ
Не нѣжиться и не зѣвать бы:
Пригожъ и милъ—кто не доѣстъ
И не доспитъ до свадьбы.
Молчалинъ. Какая свадьба? съ кѣмъ?
Лиза. А съ барышней?
Молчалинъ. Поди!

Надежды много впереди—
Безъ свадьбы время проволочимъ!
Лиза. Что вы, сударь, да мы кого-жъ
Себѣ въ мужья другаго прочимъ?
Молчалинъ. Не знаю, а меня такъ разбираетъ дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павелъ Аѳанасьичъ разъ
Когда нибудь поймаетъ насъ,
Разгонитъ, проклянетъ!... Да что?... Открыть ли душу?
Я въ Софьѣ Павловнѣ не вижу ничего
Завиднаго. Дай Богъ ей вѣкъ прожить богато!
Любила Чацкаго когда-то,
Меня разлюбитъ, какъ его.!.
Мой ангельчикъ, желалъ бы въ половину
Къ ней тоже чувствовать, что чувствую къ тебѣ...
Да нѣтъ, какъ ни твержу себѣ,
Готовлюсь нѣжнымъ быть, а свижусь—и простыну!
Софья (*въ сторону*). Какія низости!
Чацкій (*за колонной*). Подлецъ?
Лиза. И вамъ не совѣстно?
Молчалинъ. Мнѣ завѣщалъ отецъ,
Во первыхъ — угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья:
Хозяину, гдѣ доведется жить;
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить;
Слугѣ его, который чиститъ платье;
Швейцару, дворнику—для избѣжанья зла,
Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была!
Лиза. Сказать, сударь, у васъ огромная опека!
Молчалинъ. И вотъ любовника я принимаю видъ,
Въ угоду дочери такаго человѣка...
Лиза. Который кормитъ и поитъ,
А иногда и чиномъ наградитъ?
Пойдемте-же—довольно толковали!
Молчалинъ. Пойдемъ любовь дѣлить печальной нашей крали!
Дай, обниму тебя отъ сердца полноты!.. (*Лиза не дается*).
За чѣмъ она не ты? (*Хочетъ идти, Софья не пускаетъ его*).
Софья (*почти шопотомъ*). Нейдите далѣе... Наслушалась я много!
Ужасный человѣкъ! Себя я, стѣнъ стыжусь!
Молчалинъ. Какъ!.. Софья Павловна!
Софья. Ни слова, ради Бога!
Молчите! я на все рѣшусь!...
Молчалинъ (*бросается на колѣна. Софья его отталкиваетъ*).
Ахъ! Вспомните... Не гнѣвайтесь! Взгляните...
Софья. Не помню ничего, не докучайте мнѣ!
Воспоминанія!.. Какъ острый ножъ онѣ...
(*Молчалинъ ползаетъ въ ногахъ ея*).

Софья. Не подличайте, встаньте!
Отвѣта не хочу— я знаю вашъ отвѣтъ:
Солжете...
Молчалинъ. Сдѣлайте мнѣ милость!...
Софья. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Молчалинъ. Шутилъ, и не сказалъ я ничего, окромѣ...
Софья. Отстаньте, говорю. Сейчасъ
Я крикомъ разбужу всѣхъ въ домѣ,
И погублю себя и васъ! (*Молчалинъ встаетъ*).
Я съ этихъ поръ васъ будто не знавала!..
Упрековъ, жалобъ, слезъ моихъ
Не смѣйте ожидать—не стоите вы ихъ!
Но чтобы въ домѣ здѣсь заря васъ не застала,
Чтобъ никогда о васъ я больше не слыхала!...
Молчалинъ. Какъ вы прикажете.

Тамъ-же. (Д. IV, явл. 12).

(Раболѣпство).

Юсовъ. А, ты здѣсь?

Бѣлогубовъ. Здѣсь-съ.

Юс. (*просматривая бумагу*) Бѣлогубовъ.

Бѣл. Чего изволите-съ?

Юс. Вотъ, братецъ ты мой, возьми домой, перепиши это почище. Приказали.

Бѣл. Мнѣ приказали переписать-съ?

Юс. (*садясь*). Тебѣ. У него, сказали, почеркъ хорошъ.

Бѣл. Мнѣ очень пріятно слышать-съ.

Юс. Такъ ты слушай, братецъ: — ты не торопись. Главное, чтобы было почище. Видишь, куда посылать...

Бѣл. Я вѣдь, Акимъ Акимычъ, понимаю-съ. Калиграфически напишу-съ, всю ночь просижу.

Юс. (*вздыхаетъ*). Охо-хо-хо! — охо-хо-хо!

Бѣл. Мнѣ, Акимъ Акимычъ, только бы обратили вниманіе.

Юс. (*строго*). Что ты шутишь этимъ, что-ли?

Бѣл. Какъ можно-съ.

Юс. Обратили вниманіе.... Легко сказать! Чего еще нужно чиновнику? Чего онъ еще желать можетъ?

Бѣл. Да-съ.

Юс. Обратили на тебя вниманіе, ну, ты и человѣкъ, дышешь; а не обратили,—что ты?

Бѣл. Ну, что ужь-съ.

Юс. Червь!

Бѣл. Я, кажется, Акимъ Акимычъ, стараюсь-съ.

Юс. Ты? (*смотритъ на него*). Ты у меня на хорошемъ замѣчаніи.

Бѣл. Я, Акимъ Акимычъ, даже въ пищѣ себѣ отказываю, чтобъ быть чисто одѣтымъ. Чисто одѣтый чиновникъ вѣдь всегда на виду у начальства-съ. Вотъ извольте посмотрѣть, какая талія... (*Поворачивается*).

Юс. Постой. (*Оглядываетъ его и нюхаетъ табакъ*). Талія хорошо... Да еще, Бѣлогубовъ, смотри, пограмотнѣй.

Бѣл. Вотъ правописаніе-то я, Акимъ Акимычъ, плохо-съ... Такъ что, повѣрите-ли, самому обидно.

Юс. Эка важность, правописаніе! Не все вдругъ, привыкнешь. Напиши сначала черновую, да и попроси поправить, а потомъ ужъ съ этого и пиши. Слышишь, что я говорю?

Бѣл. Ужъ попрошу кого нибудь-съ поправить, а то все Жадовъ смѣется-съ.

Юс. Кто?

Бѣл. Жадовъ-съ.

Юс. (*строго*). Да самъ-то онъ что такое? Что за птица? Еще смѣется!

Бѣл. Какъ же-съ, вѣдь надо показать, что ученый-съ.

Юс. Тьфу! Вотъ что онъ.

Бѣл. Я даже никакъ не могу опредѣлить его, Акимъ Акимычъ, что онъ за человѣкъ-съ.

Юс. Ничтожество!... (*Молчаніе*). Сейчасъ я тамъ былъ (*показывая на кабинетъ*), такъ говорили: (*тихо*) незнаю, что съ племянникомъ дѣлать! Пойми изъ этого.

Бѣл. А вѣдь какъ о себѣ-то много мечтаетъ.

Юс. Высоко летаетъ, да гдѣ-то сядетъ! Ужъ чего лучше: жилъ здѣсь на всемъ на готовомъ. Что жъ ты думаешь, благодарность

онъ чувствовалъ какую-нибудь! Уваженіе отъ него видѣли? Какъ же не такъ!.. Грубость, вольнодумство.... Вѣдь хоть и родственникъ ему, а все таки особа.... Кто станетъ переносить? Ну, вотъ ему и сказали другу милому: поди-ка поживи своимъ разумомъ, на десять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, авось поумнѣе будешь.

Бѣл. Вотъ глупость-то до чего доводитъ-съ, Акимъ Акимычъ, Кажется, то есть.... Господи.... этакое счастіе! Поминутно долженъ Бога благодарить. Вѣдь такъ я говорю, Акимъ Акимычъ, долженъ онъ Бога благодарить-съ?

Юс. Еще бы!

Бѣл. Самъ отъ своего счастія бѣгаетъ. Чего ему еще нужно-съ? Чинъ имѣетъ, въ родствѣ съ такимъ человѣкомъ, содержаніе имѣлъ готовое; кабы захотѣлъ, могъ бы мѣсто имѣть хорошее, съ большимъ доходомъ-съ. Вѣдь Аристархъ Владимірычъ ему не отказали бы!

Юс. Ну, вотъ поди же!

Бѣл. Мое мнѣніе такое, Акимъ Акимычъ, что другой человѣкъ съ чувствомъ, на его мѣстѣ, сталъ бы сапоги чистить Аристарху Владиміровичу, а онъ еще огорчаетъ такаго человѣка.

Юс. Все гордость, да разсужденіе.

Бѣл. Какое же разсужденіе! О чемъ мы можемъ разсуждать? Я, Акимъ Акимычъ, никогда....

Юс. Еще бы ты-то.

Бѣл. Я никогда-съ... потому это ни къ чему не ведетъ къ хорошему, окромя непріятности.

Юс. Какъ же ему не разговаривать! Надобно же ему показать-то, что въ университетѣ былъ.

Бѣл. Какая же польза отъ ученья, когда въ человѣкѣ нѣтъ страху... никакаго трепету передъ начальствомъ?

Юс. Чего?

Бѣл. Трепету-съ.

Юс. Ну, да.

Бѣл. Меня бы, Акимъ Акимычъ, столоначальникомъ-съ.

Юс. У тебя губа-то не дура.

Бѣл. Я вѣдь больше потому-съ, что у меня теперь невѣста есть-съ. Только безъ мѣста нельзя-съ, кто жъ отдастъ.

Юс. Что жъ не покажешь?

Бѣл. Первымъ долгомъ-съ.... хоть нынче же... какъ вмѣсто родственника-съ.

Юс. А объ мѣстѣ я доложу. Мы подумаемъ.

Бѣл. Мнѣ бы ужъ это мѣсто на всю жизнь-съ. Я хоть подписку дамъ, потому выше я не могу-съ. Мнѣ не по способностямъ.

Островскій. (Доходное мѣсто, д. I, яв. 5).

(Скупость, сребролюбіе).

Баронъ. Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
Съ какой нибудь развратницей лукавой,
Иль дурой имъ обманутой, такъ я
Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный, къ вѣрнымъ сундукамъ.
Счастливый день! могу сегодня я
Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще неполный)
Горсть золота накопленнаго всыпать.
Не много кажется, но по немногу
Сокровища растутъ. Читалъ я гдѣ-то,
Что царь однажды воинамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу,
И гордый холмъ возвысился, и царь
Могъ съ вышины, съ весельемъ озирать
И долъ, покрытый бѣлыми шатрами,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Такъ я, по горсти бѣдной принося
Привычну дань мою сюда въ подвалъ,
Вознесъ мой холмъ и съ высоты его
Могу взирать на все, что мнѣ подвластно.
Что не подвластно мнѣ?... Какъ нѣкій демонъ,
Отселѣ править міромъ я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою;
И музы дань свою мнѣ принесутъ,
И вольный геній мнѣ поработится,
И добродѣтель, и безсонный трудъ

Смиренно будутъ ждать моей награды.
Я свисну,—и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.
Мнѣ все послушно, я же ничему;
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья.... (*Смотритъ на свое золото*).
Кажется, немного,
А сколькихъ человѣческихъ заботъ,
Обмановъ, слезъ, моленій и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель!
Тутъ есть дублонъ старинный.... вотъ онъ. Нынче
Вдова мнѣ отдала его, но прежде
Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ
Она стояла на колѣняхъ, воя.
Шелъ дождь, и пересталъ, и вновь пошелъ,
Притворщица не трогалась; я могъ бы
Ее прогнать, но что-то мнѣ шептало,
Что мужнинъ долгъ она мнѣ принесла,
И не захочетъ завтра быть въ тюрьмѣ.
А этотъ? этотъ мнѣ принесъ Тибо.
Гдѣ было взять ему лѣнивцу, плуту?
Укралъ, конечно, или, можетъ быть,
Тамъ, на большой дорогѣ, ночью, въ рощѣ....
Да! Если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитыя за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ; я захлебнулся бъ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора.
(*Хочетъ отпереть сундукъ*).
Я каждый разъ, когда хочу сундукъ
Мой отпереть, впадаю въ жаръ и трепетъ
Не страхъ (о нѣтъ! кого бояться мнѣ?
При мнѣ мой мечъ: за злато отвѣчаетъ
Честной булатъ), но сердце мнѣ тѣснитъ
Какое-то невѣдомое чувство....
Насъ увѣряютъ медики: есть люди,
Въ убійствѣ находящіе пріятность.
Когда я ключъ въ замокъ влагаю, тоже
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно
И страшно вмѣстѣ. (*Отпираетъ сундукъ*):
Вотъ мое блаженство! (*Всыпаетъ деньги*).

Ступайте; полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ человѣка.
Усните здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ Боги спятъ въ глубокихъ небесахъ!...
Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средь нихъ глядѣть на блещущія груды. (*Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ сундуки одинъ за другимъ*).
Я царствую!... Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастіе, въ ней честь моя и слава.
Я царствую!... Но кто вослѣдъ за мной
Пріиметъ власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!
Безумецъ, расточитель молодой!
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!
Едва умру, онъ, онъ сойдетъ сюда,
Подъ эти мирные, нѣмые своды
Съ толпой ласкателей придворныхъ, жадныхъ.
Укравъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ—
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дырявые карманы.
Онъ разобьетъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоитъ,
Онъ расточитъ.... А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ это все досталось,
Или шутя, какъ игроку, который
Гремитъ костьми, да груды загребаетъ?
Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,
Что сердце у меня обросло мохомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла, — совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце,—совѣсть,
Незваный гость, докучный собесѣдникъ,
Заимодавецъ грубый; эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ!...
Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
А тамъ, посмотримъ, станетъ ли несчастный
То расточать, что кровью пріобрѣлъ.
О, если бъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ

Я скрыть подвалъ?... О, если бъ изъ могилы
Прійти я могъ, сторожевою тѣнью
Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить, какъ нынѣ!...

Пушкинъ. (Скупой рыцарь, сц. 2).

(Скряжничество).

Клеантъ. Боже мой! да вамъ, батюшка, нечего жаловаться, всѣ знаютъ, что у васъ есть достатокъ.

Гарпагонъ. Какъ? у меня достатокъ? Тѣ, которые говорятъ это, лгутъ. Нѣтъ ничего болѣе ложнаго; одни мошенники распространяютъ эти слухи... Даже дѣти мои, и тѣ предаютъ меня и становятся моими недругами.

Клеантъ. Развѣ говорить, что у васъ есть достатокъ, значитъ быть вашимъ недругомъ?

Гарп. Да, подобныя рѣчи и ваше мотовство будутъ причиною, что на дняхъ меня зарѣжутъ, думая, что я набитъ деньгами.

Клеантъ. Какое же мотовство примѣтили вы во мнѣ?

Гарп. Какое? Что можетъ быть неблагопристойнѣе образа жизни, который вы выставляете на показъ всему городу? Вчера я журилъ вашу сестру, но вы поступаете еще хуже. Это взываетъ къ небу о наказаніи. Я вамъ говорилъ двадцать разъ, сынъ мой, что ваши манеры мнѣ сильно не нравятся; вы корчите маркиза и, чтобы наряжаться такимъ образомъ, должны навѣрно обкрадывать меня.

Клеантъ. Э, да какъ же можно васъ обкрадывать?

Гарп. Почемъ я знаю? На какія же средства вы такъ щеголяете?

Клеантъ. Я, батюшка? Дѣло въ томъ, что я играю и такъ какъ я очень счастливъ въ игрѣ, то трачу на себя всѣ выигрываемыя мною деньги.

Гарп. Очень дурно дѣлаете. Если вы счастливы въ игрѣ, то должны извлекать изъ этого пользу и отдавать выигранныя деньги за умѣренные проценты затѣмъ, чтобы со временемъ собрать кое-что. Я хотѣлъ бы знать, не говоря уже объ остальномъ,

къ чему служатъ всѣ ленты, которыми вы унизаны съ ногъ до головы и недостаточно ли для вашего платья полдюжины застежекъ? Ужасно нужно тратить деньги на парики, когда можно носить волосы своего произращенія, которые ничего не стоятъ. Бьюсь о закладъ, что на одни парики, да ленты пошло, по меньшей мѣрѣ, двадцать пистолей; а двадцать пистолей приносятъ въ годъ осьмнадцать ливровъ шесть су, восемь денье, считая хоть только двѣнадцатый процентъ.

Клеантъ. Вы правы...

Мольеръ. (Скупой, д. I, явл. 5).

(Сребролюбіе).

Гарпагонъ (*вбѣгаетъ на сцену, крича въ изступленіи*). Воръ, воръ!... разбойникъ, убійца! Праведное небо! Я пропалъ, я убитъ; меня зарѣзали: у меня украли мои денежки. Кто бы это былъ? Куда онъ дѣлся? Гдѣ онъ? Гдѣ прячется? Какъ мнѣ быть, чтобы найти его? Куда надо бѣжать? Не тамъ ли онъ? Не здѣсь ли? Кто это? Стой... (*Самъ себѣ, схвативши себя за руку*). Отдавай мнѣ мои деньги, бездѣльникъ!.. Ахъ! это я! Мой духъ въ смущеніи; я не знаю, гдѣ я, кто я, и что я дѣлаю! О мои бѣдныя денежки! мои бѣдныя денежки! Друзья мои любезные! Меня разлучили съ вами; а когда вы у меня отняты, то я потерялъ мою подпору, утѣху, мою радость. Все кончено для меня, мнѣ не зачѣмъ больше жить. Безъ васъ мнѣ жизнь не въ жизнь. Кончено, не могу больше; я умираю, я умеръ, меня похоронили. Нѣтъ ли кого нибудь, кто воскресилъ бы меня, отдалъ бы мнѣ мои милыя деньги, или сказалъ, у кого онѣ? А, что вы говорите?.. Никого нѣтъ! Кто бы ни былъ, сдѣлавшій эту штуку, но онъ тщательно подкараулилъ время и выбралъ какъ разъ тотъ часъ, когда я говорилъ съ моимъ бездѣльникомъ-сыномъ. Иду. Я позову сейчасъ полицію и заставлю пытать весь домъ, служанокъ, лакеевъ, сына, дочь и себя самаго. Сколько народу здѣсь набралось! На кого ни посмотрю, всякаго подозрѣваю, всякій кажется мнѣ воромъ. Эй! о чемъ

тамъ говорятъ? О томъ, кто меня обокралъ? Что за шумъ на верху? Не воръ ли мой тамъ? Пожалуйста, если есть извѣстіе о моемъ ворѣ, умоляю, скажите мнѣ. Не спрятанъ ли онъ тамъ между вами? Они всѣ глядятъ на меня и хохочутъ. Вотъ увидите, что навѣрное и они принимали участіе въ воровствѣ. Ну, скорѣе коммисаровъ, десятскихъ, надзирателей, судей, колодокъ, висѣлицъ, палачей! Я хочу повѣсить весь міръ и, если найду мои денежки, то потомъ самъ повѣшусь.

Мольеръ. (Скупой, д. IV).

(Жадность и скряжничество).

Плюшкинъ. Да вѣдь какъ же? Вѣдь это вамъ самимъ то въ убытокъ?

Чичиковъ. Для удовольствія вашего готовъ и на убытокъ.

Плюшк. Ахъ, батюшка! ахъ, благодѣтель мой! Вотъ утѣшили старика! Ахъ, Господи ты мой мой! Ахъ, Святители вы мои!.. ...Какъ же, съ позволенія вашего, чтобы не разсердить васъ, вы за всякій годъ беретесь платить за нихъ подать? и деньги будете выдавать мнѣ, или въ казну?

Чичик. Да мы вотъ какъ сдѣлаемъ: мы совершимъ на нихъ купчую крѣпость, какъ бы они были живые и какъ бы вы ихъ мнѣ продали.

Плюшк. Да, купчую крѣпость... (*шевелитъ губами*). Вѣдь вотъ купчую крѣпость—все издержки. Приказные такіе безсовѣстные! Прежде бывало полтиной мѣди отдѣлаешься, да мѣшкомъ муки, а теперь пошли цѣлую подводу крупъ, да и красную бумажку прибавь—такое сребролюбіе! Я не знаю, какъ никто другой не обратитъ на это вниманіе. Ну, сказалъ бы ему какъ нибудь душеспасительное слово! Вѣдь словомъ хоть кого проймешь. Кто, что ни говори, а противъ душеспасительнаго слова не устоишь... Эй, Прошка. (*Прошка входитъ*).

...Вотъ, посмотрите, батюшка, какая рожа! Глупъ вѣдь, какъ дерево, а попробуй что нибудь положить—мигомъ украдетъ! Ну, чего ты пришелъ, дуракъ, скажи, чего?... Поставь само-

варъ,—слышишь? да вотъ возьми ключъ, да отдай Маврѣ, чтобы пошла въ кладовую: тамъ на полкѣ есть сухарь изъ кулича, который привезла Александра Степановна,—чтобы подали его къ чаю! Постой, куда же ты? дурачина! эхва, дурачина!... Бѣсъ у тебя въ ногахъ, что ли, чешется?... Ты выслушай прежде. Сухарь-то сверху, чай, испортился, такъ пусть соскоблитъ его ножомъ, да крохъ не бросаетъ, а снесетъ въ курятникъ. Да смотри, ты не входи, братъ, въ кладовую; не то—я тебя, знаешь? березовымъ-то вѣникомъ, чтобы для вкуса-то! вотъ у тебя теперь славный аппетитъ, такъ чтобы еще былъ получше! Вотъ попробуй-ка пойти въ кладовую, а я тѣмъ временемъ изъ окна стану глядѣть...

...Лежала на столѣ четвертка чистой бумаги, да не знаю, куда запропастилась: люди у меня такіе негодные! Мавра! а Мавра! (*Мавра входитъ*). Куда ты дѣла, разбойница, бумагу?

Мавра. Ей Богу, баринъ, не видывала, опричь небольшаго лоскутка, которымъ изволили прикрыть рюмку.

Плюшк. А вотъ я по глазамъ вижу, что подтибрила.

Мавра. Да на что-жъ бы я подтибрила? Вѣдь мнѣ проку съ ней никакаго: я грамотѣ не знаю.

Плюшк. Врешь, ты снесла пономаренку: онъ маракуетъ, такъ ты ему и снесла.

Мавра. Да пономаренокъ, если захочетъ, такъ достанетъ себѣ бумагу. Не видалъ онъ нашего лоскутка!

Плюшк. Вотъ погоди-ка: на страшномъ судѣ черти припекутъ тебя за это желѣзными рогатками! вотъ посмотришь, какъ припекутъ!

Мавра. Да за что же припекутъ, коли я не брала и въ руки четвертки. Ужъ скорѣе другой какой бабьей слабостью, а воровствомъ меня еще никто не попрекалъ.

Плюшк. А вотъ черти то тебя и припекутъ! скажутъ: «А вотъ тебѣ, мошенница, за то, что барина-то обманывала!» да горячими-то тебя и припекутъ!

Мавра. А я скажу: Не за что! Ей Богу не за что: не брала я... Да вонъ она лежитъ на столѣ. Всегда напраслиной попрекаете!

Плюшк. Ну что-жъ ты расходилась такъ, экая занозистая! Ей скажи только одно слово, а она ужъ въ отвѣтъ десятокъ! Поди-ка, принеси огоньку запечатать письмо. Да стой! Ты схватишь сальную свѣчку; сало дѣло топкое; сгоритъ да и нѣтъ, только убытокъ: а ты принеси-ка мнѣ лучину.

Гоголь. (Мертвыя Души, ч. I).

(Жадность).

Шейлокъ. Ну, Тубалъ, какія новости изъ Генуи? отыскалъ ты мою дочь?

Тубалъ. Я бывалъ во многихъ мѣстахъ, гдѣ о ней говорили, но отыскать ее не могъ.

Шейл. Такъ, такъ, такъ, такъ! Пропалъ брильянтъ, за который я заплатилъ во Франкфуртѣ двѣ тысячи червонцевъ! До этихъ поръ проклятіе не обрушивалось на нашу націю; я не чувствовалъ его до этихъ поръ... Двѣ тысячи червонцевъ пропали — а сколько еще драгоцѣнныхъ, драгоцѣнныхъ камней! — Я хотѣлъ бы, чтобъ моя дочь лежала мертвая у моихъ ногъ, съ драгоцѣнными камнями въ ушахъ; хотѣлъ бы, чтобъ она была похоронена у моихъ ногъ, и чтобъ червонцы лежали въ ея гробѣ. Такъ ничего о нихъ не слышно? Да, ничего... И я еще не знаю, сколько истрачено на поиски. Убытокъ за убыткомъ! Воръ унесъ столько-то, и столько-то стоитъ найти вора. И никакого удовлетворенія, никакого мщенія! Нѣтъ на землѣ несчастія, кромѣ того, которое обрушилось на мои плечи, нѣтъ вздоховъ, кромѣ тѣхъ, которые вылетаютъ изъ моей груди, нѣтъ слезъ, кромѣ тѣхъ, которыя проливаю я!

Шекспиръ. (Венеціанскій купецъ, д. III, сц. 1).

(Скупость, испугъ и отчаяніе).

Крутицкій (*одинъ*). Вотъ онъ какой! Вотъ онъ какой! Насилу духъ перевелъ. Отъ него бѣгать надо. Онъ злой человѣкъ.

(*Задумывается. Вдругъ въ лавкѣ громкій хоръ: «хороша наша деревня». Крутицкій въ испугѣ со всѣхъ ногъ бросается къ своему крыльцу. На ходу, подлѣ лавки, у него изъ шинели выпадаетъ свертокъ. Онъ этого не замѣчаетъ*). Разбойники! Оглашенные! Измучили они меня. (*Садится на крыльцо*). Охъ, силъ моихъ нѣтъ. Сердце упало. Всѣхъ бы васъ кнутикомъ, кнутикомъ: не воруй, не воруй! Да и этого стряпчаго вашего тоже: «не пиши фальшивыхъ пашпортовъ». Что онъ тутъ про шинель болталъ! Нѣтъ, шинель (*встаетъ и гладитъ рукой по ворсу*) хороша. Повытерлась кое-гдѣ, ну, носишь, носишь, такъ по шву, разумѣется, разорвется. А на то есть иголочка, да ниточка. Нѣтъ, шинель хороша; а ежели издали поглядѣть, такъ она почти новая. Глупый ты стряпуга! «Худа она, по швамъ ползетъ». Ахъ ты глупый! А кабы ты зналъ, что эта шинель стоитъ! Хорошо мнѣ въ ней, радостно. Шубы собольей не возьму за нее, десяти, ста шубъ. Смѣйтесь надо мною, бейте меня, я стерплю. Я завернусь въ мою шинель, мнѣ и хорошо, мнѣ и тепло, мнѣ и весело, да еще самъ надъ вами посмѣюсь, надъ всей Москвой посмѣюсь. Чиновникъ въ худой шинели! А не знаешь ты, глупый человѣкъ (*оглядываясь*), что я изъ одной полы пять домовъ каменныхъ выстрою; изъ другой полы пять деревень куплю. Тутъ и твои деньги цѣлы. Всѣ тутъ; всѣ со мной. (*Ощупываетъ подкладку шинели и радостно смѣется*). Вотъ онѣ, вотъ онѣ! Вотъ и здѣсь, вотъ и здѣсь, вотъ... Ахъ, ахъ, потерялъ! (*Обезумѣвъ отъ испуга, опускается на ступени*). Нѣтъ, нѣтъ, найдутся. Куда имъ пропасть? Я вдругъ духомъ упалъ; вотъ я посижу, вздохну немножко, да и найду. За подкладку завалились, за подкладку. Да, да. А зашивалъ, а зашивалъ! Эхъ, Михей! Вотъ я пошарю сейчасъ. (*Опускаетъ руку*). Страшно! А ну, какъ тамъ нѣтъ. Нѣтъ, я подожду искать. Ну, что же, ну, хоть и потерялъ, вѣдь я здѣсь потерялъ, здѣсь и найду. Вотъ... гдѣ я ходилъ? Здѣсь я ходилъ, въ саду я прятался, вотъ и поищу, вотъ и найдутся. Здѣсь никто, кромѣ меня не ходилъ? Да нѣтъ, право, не ходилъ, ей Богу, не ходилъ... Ахъ! (*Ударяетъ себя рукой по лбу*). Елеся ходилъ... онъ ходилъ... онъ и въ саду былъ... Нѣтъ... кажется

не былъ. Да нѣтъ, нѣтъ, не былъ. Что я! Да тутъ онѣ, тутъ. Вотъ опущу руку и тутъ. А я было... хе-хе-хе!..

Вотъ я сперва за подкладкой пошарю, а послѣ и поищу. Вѣдь тутъ, тутъ; а какъ было я испугался. (*Щупаетъ за подкладкой*). Нѣтъ! Ну и поищу, и поищу... (*Потерявшись*). Теперь вотъ... черезъ двѣ минуты я либо опять съ деньгами, либо... Господи, не попусти! (*Плачетъ, какъ ребенокъ*). Двадцать лѣтъ я голодалъ, двадцать лѣтъ жену морилъ голодомъ. Господи! Я хуже мота, хуже пьяницы; тѣ хоть удовольствіе себѣ дѣлаютъ, а я копилъ, копилъ, да и потерялъ. Казнить меня на площади, жилы тянуть. Какъ потерять! Деньги берегутъ, а не теряютъ. Вѣдь я знаю, что ихъ берегутъ, я лучше всѣхъ знаю, какъ берегутъ ихъ. А я то вотъ и потерялъ, какъ глупый ребенокъ. Михей, гдѣ денежки, гдѣ денежки? Ну, что я скажу? (*Плачетъ*). Потерялъ. Я оглупѣлъ, я дурачкомъ сталъ на старости лѣтъ. (*Плачетъ*). Ищи, Михей, ищи! (*Вслушивается*). Кто сказалъ—ищи! Это я самъ сказалъ—ищи! Да, да, ищи, а не найдешь, заплачешь, не такъ заплачешь, охъ, какъ заплачешь, горько заплачешь! Зачѣмъ копилъ, зачѣмъ? Бывало, жена больная дрожитъ отъ холода, стонетъ: «Михей, Михей, сжалься, я умираю, чайку мнѣ, хоть чашечку, согрѣться бы мнѣ». А мнѣ было жаль гривенника для нея... Ищи, Михей, ищи! (*Оглядывается*). А? Кто тутъ? Да никого нѣтъ. Я самъ же сказалъ, а другихъ ищу. Гдѣ я былъ? Постой, постой! Я помню, да вотъ гдѣ, въ саду. (*Идетъ въ садъ*).

Островскій. (Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ, д. IV, явл. 5 и 7).

Крутицкій (*входитъ блѣдный, разстроенный*). Куда я пришелъ, куда? (*Осматривается*). Ахъ! Домой пришелъ. Зачѣмъ, зачѣмъ? (*Берется за голову*). Нечего мнѣ дома дѣлать, нечего. Тоска меня загрызетъ, лютая тоска загрызетъ. (*Сквозь слезы*). Пойду, лучше погуляю. Меня немножко вѣтромъ пообдуетъ. (*Печально*). Пойду. Далеко пойду, за заставу куда нибудь отъ людей подальше. Тяжело на людей-то смотрѣть. Охъ, какъ го-

лова горитъ! (*Снимаетъ картузъ и кладетъ его на крыльцо*). Пойду погуляю. Въ Тюфелеву рощу пойти? Тамъ хорошо, глухо такъ, никто туда, никто не ходитъ. Кто туда пойдетъ? Пойдетъ бѣднякъ какой нибудь съ горя, да съ тоски погулять, да ужъ... и удавится тутъ же. Вотъ, говорили, тамъ нынче весной одинъ закладчикъ повѣсился, обокрали его на двадцать тысячъ. Да и есть отъ чего. Какъ это пережить! Какъ пережить? Невозможно! У всякаго своя радость, своя утѣха; онъ копилъ, берегъ, въ томъ и вся жизнь его была; ничего ему не нужно, однѣ только деньги, однѣ свои деньги, а украли деньги, нѣтъ денегъ, зачѣмъ ему жить? Зачѣмъ жить-то? Что дѣлать-то на свѣтѣ? Плакать, тосковать, проклинать себя, биться объ уголъ головою, двадцать разъ въ день на гвоздь петлю повѣсить, да опять снять. Еще вотъ намъ Богъ сонъ далъ; ну, заснешь, забудешь, а проснешься-то? Опять таже тоска, и каждый день, каждый день. Такъ ужъ лучше одинъ конецъ. Охъ, охъ! (*Съ отчаяніемъ*). Пойду, погуляю. Охъ какъ тяжело, душно какъ! Пойду, пойду. Далеко вѣдь! Что жъ, я извозчика найму. На что мнѣ деньги? На что онѣ теперь? Возьму вотъ; возьму, да и брошу. Столько ли Михей бросилъ. Убить его, убить! Ну, и кидай, ну все и кидай! (*Вынимаетъ нѣсколько мѣдныхъ денегъ и бросаетъ*). На-те, подбирайте, кто хочетъ; не надо мнѣ, не надо, я ихъ беречь не умѣю. Пойду, сейчасъ пойду. (*Идетъ, шатаясь, и видитъ на землѣ мѣдную монету*). Ай! вотъ онъ! (*Поднимаетъ пятакъ и съ радостью бѣжитъ на прежнее мѣсто*). Нашелъ, нашелъ! (*Судорожно прячетъ его въ карманъ жилета*). Сюда его, спрятать поскорѣй, благо, не видали. (*Помолчавъ, опускаетъ руки*). Мало. А моихъ много было. Какъ скучно! Ахъ, тоска смертная! Пойду погуляю. (*Идетъ нетвердыми шагами. Осматривается и махнувъ рукой, поворачиваетъ въ садъ*).

(Тамъ же, д. V, явл. 1).

(Любовь-любовный разсказъ).

Отелло. Почтенные синьоры,
Пока она придетъ сюда, я вамъ

Такъ искренно, какъ Богу, открываю
Свои грѣхи, скажу, какъ я успѣлъ
Снискать любовь прекрасной этой дѣвы,
И какъ она мою пріобрѣла.

Дожъ. Мы слушаемъ, Отелло.

Отелло. Ея отецъ любилъ меня и часто
Звалъ въ домъ къ себѣ; онъ заставлялъ меня
Расказывать исторію всей жизни,
Годъ за годъ всѣ сраженія, осады
И случаи, пережитые мной.
Я пробѣгалъ все это, начиная
Отъ дѣтскихъ дней до самаго мгновенья,
Когда меня онъ слышать пожелалъ.
Я говорилъ о всѣхъ моихъ несчастьяхъ,
О бѣдствіяхъ на сушѣ и моряхъ:
Какъ ускользалъ въ проломѣ я отъ смерти,
На волосокъ висѣвшей отъ меня;
Какъ взятъ былъ въ плѣнъ врагомъ жестокосердымъ
И проданъ въ рабство; какъ, затѣмъ, опять
Я получилъ свободу... Говорилъ я
Ему о томъ, что мнѣ встрѣчать случалось
Во время странствій: о большихъ пещерахъ,
Безплоднѣйшихъ пустыняхъ, страшныхъ безднахъ,
Утесахъ неприступныхъ и горахъ,
Вершинами касающихся неба;
О канибалахъ, что ѣдятъ другъ друга,
О племени антропофаговъ злыхъ
И о людяхъ, которыхъ плечи выше,
Чѣмъ головы.-Расказамъ этимъ всѣмъ
Съ участіемъ внимала Дездемона,
И каждый разъ, какъ только отзывали
Домашнія дѣла ее отъ насъ,
Она скорѣй старалась ихъ окончить
И снова шла, и жадно въ рѣчь мою
Впивалася. Все это я замѣтилъ
И, улучивъ удобный часъ, искусно
Съумѣлъ у ней изъ сердца вырвать просьбу
Ей расказать всѣ странствія мои,
Которыя до этихъ поръ безъ связи
Урывками ей слышать привелось.
И началъ я разсказъ мой, и не разъ
Въ ея глазахъ съ восторгомъ видѣлъ слезы,
Когда я ей разсказывалъ о страшныхъ
Несчастіяхъ изъ юности моей.
Окончилъ я—и цѣлымъ міромъ вздоховъ

Она меня за трудъ мой наградила,
И мнѣ клялась, что это странно, чудно,
И горестно, невыразимо горько;
Что лучше ужъ желала бы она
И не слыхать про это, но желала бъ,
Чтобъ Богъ ее такой, какъ я, создалъ.
Потомъ она меня благодарила,
Прибавивши, что если у меня
Есть другъ, въ нее влюбленный, пусть онъ только
Раскажетъ ей все то, что я сказалъ—
И влюбится она въ него. При этомъ
Намекѣ я любовь мою открылъ.
Она меня за муки полюбила,
А я ее за состраданье къ нимъ.
Вотъ чары всѣ, къ которымъ прибѣгалъ я...
Она идетъ,—спросите у нея

Шекспиръ. (Отелло, д. I, сц. 3).

Вѣра. Не страшенъ страхъ, Надежда
А страшенъ грѣхъ... Вотъ какъ любовь—змѣя
Подъ сердце ляжетъ, словно подъ колоду,
Да высосетъ всю кровь изъ ретиваго,
Да какъ не то, что о грѣхѣ молиться—
А, кажется, молилась бы грѣху,—
Такъ тутъ вотъ жутко...что твой лѣсъ потемный! (*Помолчавъ*)
Ну... что со мною было—я не знаю...
Какъ сквозь просонковъ слышала: кричали,
Трубили въ рогъ... Очнулася я поздно,
Ужъ въ сумерки... Въ какомъ-то я шатрѣ...
Гляжу: коверъ подостланъ подо мною,
А въ головахъ камчатная подушка,
И парчевой попоной я накрыта...
Кругомъ собаки лаютъ, кони ржутъ,
Народъ гуторитъ...

Надежда. Что жъ это такое?
Бояре, что ль, охотилися?

Вѣра. Онъ...
Приподняла я голову—подходитъ...
Въ потьмахъ лица не видно, только очи,
Какъ уголья въ жаровнѣ... Говоритъ:
«Долгонько спалось, гостья дорогая?
А намъ бы вотъ довѣдаться, какъ гостья
Велитъ себя по имени назвать,
Какъ величать по отчеству?» Самъ—въ поясъ.
Я ни гугу: языкъ не шевелится...

А вижу-то, что изъ бояръ-бояринъ:
По рѣчи слышно: голосъ такъ и льется,
Что за осанка, что за ростъ и плечи!..
Онъ мнѣ опять: «Мужевая жена,
Аль красная дѣвица—обзовися;
Мы до дому проводимъ.» Я молчу.
Сверкнулъ глазами, отвернулся, крикнулъ:
«Князь Вяземскій! послать сюда дѣвчонку!»
И вышелъ вонъ... Втолкнули Степаниду
А тамъ, ужъ какъ свезли меня домой,
Какъ на постель раздѣли—положили—
Не помню.

Надежда. Вѣра!.. Знаешь ли ты?

Вѣра. Что?

Надежда. И я бы также полюбила...

Вѣра. Надя,
Да ты скажи мнѣ: какъ же не любить-то?
Душа изъ тѣла рвется... Ты послушай.

(*Слышенъ отдаленный звукъ трубъ*).

Надежда (*въ смущеніи прислушивается*). Что—это? трубы?

Вѣра. Пусть себѣ ихъ трубятъ!
Дослушай лучше пѣсенку мою.
Проснулася я ночью на постели;
Щемитъ мнѣ сердце—сладко таково;
По тѣлу дрожь, какъ искры присѣкаетъ;
Коса трещитъ, вертится изголовье;
Въ глазахъ круги огневые пошли...
Вскочила я, окошко распахнула,
Дышу—дышу всей грудью... а въ саду
Роса дымится и укропомъ пахнетъ,
И подъ ухомъ въ травѣ куетъ кузнечикъ...
Ну, что, Надежа, чтобы ты сказала,
Какъ если-бъ онъ да шасть изъ за угла,
Да пошептомъ промолвилъ: «Эхъ, молодка,
Аль ласковымъ глазкомъ на насъ не взглянешь?
Аль бѣлою рукою не поманишь?
Пустила бы въ свѣтелку...»
Я шатнулась
И о косякъ ударилась плечомъ.
А самое трясетъ, какъ въ лихоманкѣ...
Сказать хотѣла: «отойди, проклятый!»
А говорю: «влѣзай же, что ль скорѣе!»
Ужъ видно Богъ попуталъ за грѣхи!

Мей. (Псковитянка, д. I, явл. 2).

(Любовное признаніе).

Груша. Что ты такой сердитый? На меня что-ль сердитъ?

Петръ. Я нынче не въ себѣ, скучно, дѣла такія есть.

Груша. А ты не скучай! Что за скука!.. Такъ-то, голубчикъ мой бѣленькой.

Петръ. Ужъ очень я тебя люблю! Надо-ть такъ думать, ты меня приворожила чѣмъ ни на есть!

Груша. Что ты! Господь съ тобой!

Петръ. Возьми ты вострый ножъ, зарѣжь меня, легче мнѣ будетъ.

Груша. Да что съ тобой сдѣлалось?

Петръ. Несчастный я человѣкъ? Ничего я не пойму, ничего не соображу. Голова моя вся кругомъ пошла! Ровно туману кто напустилъ на меня!

Груша. Да отчего такъ? Скажи.

Петръ. Говори ты мнѣ прямо, такъ, чтобъ ужъ я зналъ: любишь ли ты меня?

Груша. А то скажешь—нѣтъ? Извѣстно, люблю.

Петръ. Ой ли? Вѣрно твое слово?

Груша (*обнимая его крѣпко*). Вотъ какъ люблю!.. вотъ!

Петръ. Груша, такъ ты меня такъ любишь? Ну, пропадай все на свѣтѣ! Скажи ты мнѣ теперь: загуби свою душу за меня!— Загублю, глазомъ не сморгну.

Груша. Что ты, что ты? Нехорошо! Нешто такія слова говорятъ? Въ какой часъ скажется. Вотъ у насъ кузнецъ Еремка, все этакъ душой-то своей клялся, въ треисподнюю себя проклиналъ... Ну что-жъ, сударь ты мой... такая-то страсть!.. И завелъ его на сѣновалъ подъ крышу. Насилу стащили, всего скорчило. Ужъ такой-то этотъ Еремка распостылый! Какихъ бѣдъ съ нимъ не было! Два раза изъ проруби вытаскивали, а ему все какъ съ гуся вода.

Петръ. Что мнѣ себя жалѣть-то? Ужъ и такъ пропащая моя голова, за одно пропадать-то! Говори, мое солнышко, чего тебѣ

нужно: золота, серебра, каменьевъ самоцвѣтныхъ—себя заложу, а тебѣ подарю.

Груша. Ничего мнѣ, голубчикъ ты мой бѣленькой, не надо, всего у меня довольно. А ты вотъ что, парень, люби ты меня, какъ я тебя люблю.

Петръ. Эхъ, дѣвка! Что балясы-то точить! Видишь я въ какомъ разѣ! Проси чего хочешь. Дорогаго проси!

Груша. Чего у тебя просить-то! А вотъ что: ходи почаще, носи пряничковъ послаще, да еще ленту поалѣе, да гляди на меня помилѣе, да цѣлуй покрѣпче... ха, ха, ха... Да вотъ еще я у тебя давно хотѣла попросить, купи ты мнѣ перстенечикъ.

Петръ. Ужо два привезу.

Груша. У насъ у всѣхъ дѣвушекъ есть... ну, понимаешь... пріятели. Посмотри въ праздникъ, сколь хорошо: на улицѣ сидятъ всѣ вмѣстѣ; а ты вотъ со мной никогда не погуляешь. Покрайности я перстенекъ покажу, что есть у меня такой парень, который меня вѣрно любитъ. Ты пріѣзжай ужо пораньше, заложимъ тройку, насажаемъ дѣвокъ, поѣдемъ кататься съ пѣснями.

Петръ. Давай руку. (*Беретъ руку*). Значитъ, кончено! (*Ударяетъ ее по рукѣ. Груша киваетъ головой*). Такъ на кой намъ шутъ дѣвокъ! Мы двое поѣдемъ.

Груша. Что жъ не поѣхать!

Петръ. Поѣдешь?

Груша. Извѣстно, поѣду.

Петръ (*цѣлуетъ Грушу*). Вотъ это люблю! Это по нашему. Поди, посмотри, нѣтъ-ли кого въ избѣ, или на дворѣ.

Груша. Что такъ скоро? Посиди.

Петръ. Теперь нѣкогда. Еще вечеръ-то нашъ.

Груша. Ну, нельзя, такъ не надо. (*Уходитъ*).

Островскій. (Не такъ живи, какъ хочется, д. II, явл. 5).

(Начало любви).

Фаустъ. И такъ, когда вошелъ я въ этотъ садъ,
Меня узнала ты сейчасъ, мой ангелъ милый!

Маргарита. Вы не замѣтили: потупила я взглядъ...
Фаустъ. И ты, неправда ль, мнѣ простила
Поступокъ своевольный мой,
Какъ, помнишь, шла изъ церкви ты домой?
Маргарита. Остолбенѣла я; вѣдь случая такого
Со мною не бывало никогда.
Не можетъ обо мнѣ никто сказать дурнаго—
За что жъ, я думала, такая вдругъ бѣда?
Богъ знаетъ, чѣмъ ему могла я показаться!
И что же вздумалось ему
Со мной такъ нагло обращаться?
Но не хочу скрывать: не знаю почему,
А въ тотъ же мигъ душой я къ вамъ расположилась,
И, правду коль сказать, я на себя сердилась
За то, что я на васъ сердиться не могла.
Фаустъ. О, какъ, мой ангелъ, ты мила!
Маргарита (*срывая цвѣтокъ*). Позвольте на минутку.
Фаустъ. Что такое?
Связать букетъ ты хочешь?
Маргарита. Такъ, пустое...
Игра...
Фаустъ. Что?
Маргарита. Будете смѣяться надо мной!
Подите... (*обрываетъ листки и лепечетъ про себя*).
Фаустъ. Что-жъ ты лепечешь, ангелъ мой?
Маргарита (*вполголоса*). Любитъ—не любитъ...
Фаустъ. О милое, чистѣйшее созданье!
Маргарита (*продолжая*).
Любитъ—нѣтъ, любитъ—нѣтъ.
(*Вырывая послѣдній листокъ, съ радостью*). Любитъ!
Фаустъ. О, ангелъ мой! пусть слово это слово будетъ
Тебѣ отвѣтомъ неба! да, онъ любитъ!
Ты понимаешь ли, что значитъ это: «любитъ»?
(*Онъ беретъ ее за обѣ руки*).
Маргарита. Мнѣ что-то страшно стало вдругъ?
Фаустъ. Не бойся, не бойся, мой другъ!
Дай выразить этому взору,
Пожатью горячему рукъ
Все то, что не выразишь словомъ!
Позволь мнѣ предаться блаженству вполнѣ,
Блаженству, о другъ мой сердечный,
Которому быть должно вѣчно здѣсь, вѣчно!
(*Маргарита, вырываясь, убѣгаетъ. Онъ стоитъ нѣсколько времени въ размышленіи, потомъ уходитъ за нею*).

Гете. (Фаустъ, ч. I, сц. 12).

(Любовное признаніе).

Олинька (*тихо поетъ*).

«Дай отвѣтъ на ихъ призванье
Ты въ душѣ своей,
И на тайное свиданье
Ты приди скорѣй!... приди скорѣй!...»

Скавронскій (*внезапно появляясь*). Вы звали, я пришелъ! (*Олинька вскрикиваетъ и молчитъ*).

Скавр. (*тихо садясь подлѣ нея*). Не бойтесь, Ольга Николаевна, не бойтесь... это я, тотъ самый, котораго вы любите, котораго вы сейчасъ призывали... Мы давно не чужіе другъ другу, и я давно знаю, что у васъ на душѣ... Но я боялся, самъ не знаю чего. Я ждалъ минуты—она пришла теперь. Вы спрашиваете, я отвѣчаю; я люблю васъ. (*Олинька молчитъ*). Что же молчите вы. Зачѣмъ вы дрожите, отчего вы боитесь меня?.. Скажите мнѣ что нибудь... Скажите напримѣръ, почему мужчины, хвастая своею храбростью, лгутъ при этомъ? Почему они медлятъ, боятся сказать завѣтное слово? А вы... вы первыя сказали его? Сказали и не возьмете слова назадъ, не такъ ли?.. Вѣдь я не ошибся, Ольга Николаевна... Оля, ты любишь меня, не правда ли?..

Олинька (*медленно полушопотомъ*). Правда... (*Поцѣлуй*).

Маріанна. Не утѣшай меня, Русскій; наше дѣло потеряно, я знаю это... Но я презрѣнная женщина! Нѣтъ во мнѣ ни совѣсти, ни религіи! Тамъ умираютъ мои братья, а я здѣсь съ тобою, съ Русскимъ, вино пью... Зачѣмъ тогда помѣшалъ ты убить меня? Я не была бы преступницей, мнѣ бы жить не хотѣлось больше!.. (*Помолчавъ*). Впрочемъ еще не рѣшено навѣрно людьми, гдѣ наше отечество?.. Дѣло отчизны казалось мнѣ святымъ, когда я любила, когда мнѣ было что любить въ немъ... Теперь у меня тамъ никого нѣтъ! Когда все родное, все, что было дорого къ жизни, потеряно,—не все ли равно, гдѣ жить и какъ жить?.. И къ чему

служатъ намъ мораль и религія, когда въ жизни все наоборотъ идетъ!.. Слушай, Русскій, слушай меня внимательно. Наши ксендзы говорятъ: что бы вы ни сдѣлали для насъ, поляковъ, вы враги наши! Это говорятъ тѣ, которые имѣютъ право прощать грѣхи наши, которыя могутъ отворять намъ двери рая! Я Полька, ты Русскій! Я должна была бы ненавидѣть тебя... я... я люблю тебя!..

Скавронскій. (*Медленно*). У меня невѣста есть...

Маріанна. (*Страстно*). Да развѣ я спрашивала тебя объ этомъ?.. Какое мнѣ дѣло до того, мужъ ли ты, или женихъ? Я люблю тебя... (*Поцѣлуй*).

С—г. (Ром. Потерянный рай).

(Любовныя письма).

Письмо Татьяны къ Онѣгину.

Я къ вамъ пишу—чего же болѣ?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣньемъ наказать,
Но вы, къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотѣла;
Повѣрьте: моего стыда
Вы не узнали бъ никогда,
Когда бъ надежду я имѣла,
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ,
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
Вамъ слово молвить, и потомъ
Все думать, думать объ одномъ
И день и ночь до новой встрѣчи.
Но, говорятъ, вы нелюдимъ;
Въ глуши, въ деревнѣ, все вамъ скучно;
А мы... ничѣмъ мы не блестимъ,
Хоть вамъ и рады простодушно.
Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
Въ глуши забытаго селенья
Я никогда не знала бъ васъ,

Не знала бъ горькаго мученья.
Души неопытной волненья
Смиривъ со временемъ, (какъ знать)?
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать.
«Другой!.. Нѣтъ, никому на свѣтѣ
Не отдала бы сердца я!
То въ вышнемъ суждено совѣтѣ...
То воля Неба—я твоя;
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;
Я знаю: ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранитель мой...
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся;
Незримый, ты мнѣ былъ ужъ милъ,
Твой чудный взглядъ меня томилъ,
Въ душѣ твой голосъ раздавался
Давно... Нѣтъ. это былъ не сонъ!
Ты чуть вошелъ, я въ мигъ узнала,
Вся обомлѣла, запылала,
И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души?
И въ это самое мгновенье
Не ты ли, милое видѣнье,
Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ,
Приникнулъ тихо къ изголовью?
Не ты ль съ отрадой и любовью
Слова надежды мнѣ шепнулъ?
Кто ты: мой Ангелъ ли хранитель,
Или коварный искуситель?
Мои сомнѣнья разрѣши.
Быть можетъ, это все пустое,
Обманъ неопытной души!
И суждено совсѣмъ иное...
Но такъ и быть! Судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю,
Передъ тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ,

Разсудокъ мой изнемогаетъ
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единымъ взоромъ
Надежды сердца оживи;
Иль сонъ тяжелый перерви,
Увы, заслуженнымъ укоромъ!
«Кончаю! страшно перечесть...
Стыдомъ и страхомъ замираю...
Но мнѣ порукой ваша честь,
И смѣло ей себя ввѣряю...»

Письмо Онѣгина къ Татьянѣ.

«Предвижу все: васъ оскорбитъ
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презрѣнье
Вашъ гордый взглядъ изобразитъ!
Чего хочу? Съ какою цѣлью
Открою душу вамъ свою?
Какому злобному веселью,
Быть можетъ, поводъ подаю!
«Случайно васъ когда-то встрѣтя,
Въ васъ искру нѣжности замѣтя,
Я ей повѣрить не посмѣлъ:
Привычкѣ милой не далъ ходу;
Свою постылую свободу
Я потерять не захотѣлъ.
Еще одно насъ разлучило...
Несчастной жертвой Ленскій палъ...
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвалъ;
Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связанъ,
Я думалъ: вольность и покой
Замѣна счастью. Боже мой!
Какъ я ошибся, какъ наказанъ!
«Нѣтъ, поминутно видѣть васъ,
Повсюду слѣдовать за вами,
Улыбку устъ, движенье глазъ
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вамъ долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Предъ вами въ мукахъ замирать,
Блѣднѣть и гаснуть... вотъ блаженство!
«И я лишенъ того: для васъ
Тащусь повсюду на удачу;

Мнѣ дорогъ день, мнѣ дорогъ часъ,
А я въ напрасной скукѣ трачу
Судьбой отсчитанные дни;
И такъ ужъ тягостны они.
Я знаю: вѣкъ ужъ мой измѣренъ;
Но чтобъ продлилась жизнь моя,
Я утромъ долженъ быть увѣренъ,
Что съ вами днемъ увижусь я...
«Боюсь: въ мольбѣ моей смиренной
Увидитъ вашъ суровый взоръ
Затѣи хитрости презрѣнной—
И слышу гнѣвный вашъ укоръ.
Когда бъ вы знали, какъ ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать—и разумомъ всечасно
Смирять волненіе въ крови;
Желать обнять у васъ колѣни,
И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
Излить мольбы, признанья, пѣни,
Все, все, что выразить бы могъ;
А между тѣмъ притворнымъ хладомъ
Вооружить и рѣчь, и взоръ,
Вести спокойный разговоръ,
Глядѣть на васъ веселымъ взглядомъ!..
«Но такъ и быть: я самъ себѣ
Противиться не въ силахъ болѣ;
Все рѣшено: я въ вашей волѣ,
И предаюсь моей судьбѣ.»

Пушкинъ. (Евгеній Онѣгинъ).

Письмо Вѣры къ Печорину.

«Я пишу къ тебѣ въ полной увѣренности, что мы никогда «болѣе не увидимся. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разставаясь «съ тобою, я думала то же самое; но небу было угодно испытать «меня вторично; я не вынесла этого испытанія, мое слабое серд«це покорилось снова знакомому голосу.... ты не будешь прези«рать меня за это, не правда ли? Это письмо будетъ вмѣстѣ про«щаньемъ и исповѣдью: я обязана сказать тебѣ все, что накопи«лось на моемъ сердцѣ съ тѣхъ поръ, какъ оно тебя любитъ. Я «не стану обвинять тебя: ты поступилъ со мною, какъ поступилъ «бы всякій другой мужчина: ты любилъ меня, какъ собственность,

«какъ источникъ радостей, тревогъ и печалей, смѣнявшихся вза-«имно, безъ которыхъ жизнь скучна и однообразна. Я это поняла «сначала... Но ты былъ несчастливъ, и я пожертвовала собою, «надѣясь, что когда нибудь ты оцѣнишь мою жертву, что когда «нибудь ты поймешь мою глубокую нѣжность, независящую ни «отъ какихъ условій. Прошло съ тѣхъ поръ много времени: я «проникла во всѣ тайны души твоей... и убѣдилась, что то была «надежда напрасная. Горько мнѣ было! Но моя любовь срослась «съ душой моей: она потемнѣла, но не угасла. Мы разстаемся «на вѣки, однако ты можешь быть увѣренъ, что я никогда не буду «любить другаго: моя душа истощила на тебя всѣ свои сокрови-«ща, свои слезы и надежды. Любившая разъ тебя не можетъ смо-«трѣть безъ нѣкотораго презрѣнія на другихъ мужчинъ, не пото-«му чтобъ ты былъ лучше ихъ, о, нѣтъ! но въ твоей природѣ есть «что-то особенное, тебѣ одному свойственное, что-то гордое и «таинственное; въ твоемъ голосѣ, что бы ты ни говорилъ, есть «власть непобѣдимая; никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть «быть любимымъ; ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекатель-«но; ни чей взоръ не обѣщаетъ столько блаженства; никто не «умѣетъ лучше пользоваться своими преимуществами и никто не «можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что ни-«кто столько не старается увѣрить себя въ противномъ.... Про-«щай, прощай.... Я погибла, — но что за нужда? Если бъ я «могла быть увѣрена, что ты всегда меня будешь помнить, — не «говорю ужъ любить,—нѣтъ, только помнить... Прощай; идутъ... «я должна спрятать письмо...»

Лермонтовъ. (Герой нашего времени).

Письмо Леленики къ Волынскому.

«Не знаю: выше, ниже ли я другихъ женщинъ, но увѣрена, что ни одна не можетъ любить тебя, какъ я. Нѣсколько уже дней извѣстно мнѣ, что ты женатъ. О женщинѣ, которую называютъ твоей женой, говорили при государынѣ. Сначала поразило меня это извѣстіе, не скрою отъ тебя, но оно пришло поздно. Я не могу перемѣнить себя, не могу покинуть любви своей; она силь-

нѣе меня, сильнѣе самой судьбы! И какъ, и откуда изгоню я тебя? Нѣтъ капли крови во мнѣ, которая не напитана была бы самою пламенною къ тебѣ любовью; нѣтъ біенія сердца, которое не отозвалось бы ею, — мѣста во всемъ существѣ моемъ, гдѣ бы ты не жилъ. Я вся твоя! Имѣй сто женъ, сто любовницъ — я твоя, ближе, чѣмъ кора при деревѣ, растеніе при землѣ. Дѣлай изъ меня, что хочешь, какъ изъ вещи, которая тебя утѣшаетъ и которую, измявши, можешь покинуть, какъ изъ плода, который ты воленъ высосать и—бросить!... Я создана на это; мнѣ это опредѣлено при рожденіи моемъ. Говори мнѣ, что хочешь, противъ себя; пускай цѣлый міръ видитъ въ тебѣ дурное: я ничего не слышу, ничего не вижу, кромѣ тебя — прекраснаго, возвышеннаго, обожаемаго мною! Ты виноватъ предо мною?... Никогда! Ты преступникъ изъ любви же ко мнѣ: могу ль тебя наказывать? Каждый ударъ на тебѣ повторился бы сторицею на моемъ сердцѣ. Видишь, я женщина слабая, самая слабая женщина!»

Лажечниковъ. (Ледяной домъ, ч. III, гл. 8).

(Любовь, ухаживаніе и обольщеніе).

Донъ-Жуанъ. Мнѣ, мнѣ молиться съ вами, Донна-Анна!
Я недостоинъ участи такой.
Я не дерзну порочными устами
Мольбу святую вашу повторять;
Я только издали съ благоговѣньемъ
Смотрю на васъ, когда, склонившись тихо,
Вы кудри черные на мраморъ блѣдный
Разсыплете—и мнится мнѣ, что тайно
Гробницу эту ангелъ посѣтилъ.
Въ смущенномъ сердцѣ я не обрѣтаю
Тогда моленій. Я дивлюсь безмолвно
И думаю: счастливъ, чей хладный мраморъ
Согрѣтъ ея дыханіемъ небеснымъ
И окропленъ любви ея слезами...

. . . .

Донна-Анна. Ну что? чего вы требуете?
Д.-Жуанъ. Смерти!
О, пусть умру сейчасъ у вашихъ ногъ,
Пусть бѣдный прахъ мой здѣсь же похоронятъ,

Не подлѣ праха, милаго для васъ,
Не тутъ—не близко—далѣ гдѣ нибудь,
Тамъ—у дверей, у самаго порога,
Чтобъ камня моего могли коснуться
Вы легкою ногой или одеждой,
Когда сюда, на этотъ гордый гробъ,
Пройдете кудри наклонять и плакать.

Д. Анна. Вы не въ своемъ умѣ.

Д. Жуанъ. Или желать
Кончины, Донна-Анна, знакъ безумства?
Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ хотѣлъ
Въ живыхъ остаться, я бъ имѣлъ надежду
Любовью нѣжной тронуть ваше сердце;
Когда бъ я былъ безумецъ, я бы ночи
Сталъ провождать у вашего балкона,
Тревожа серенадами вашъ сонъ;
Не сталъ бы я скрываться,—я напротивъ,
Старался-бъ быть вездѣ замѣченъ вами;
Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ не сталъ
Страдать въ безмолвіи...

Д. Анна. Такъ это вы...
Молчите?

Д. Жуанъ. Случай, Донна-Анна, случай
Увлекъ меня! Не то вы бъ никогда
Моей печальной тайны не узнали...

Д. Анна. И любите давно ужъ вы меня?

Д. Жуанъ. Давно или недавно, самъ не знаю,
Но съ той поры лишь только знаю цѣну
Мгновенной жизни, только съ той поры
И понялъ, что значитъ слово счастье.

Д. Анна. Подите прочь—вы человѣкъ опасный.

Д. Жуанъ. Опасный! Чѣмъ?

Д. Анна. Я слушать васъ боюсь.

Д. Жуанъ. Я замолчу; лишь не гоните прочь
Того, кому вашъ видъ одна отрада.
Я не питаю дерзостныхъ надеждъ,
Я ничего не требую, но видѣть
Васъ долженъ, когда уже на жизнь
Я осужденъ...

Д. Жуанъ. Счастливецъ! Онъ сокровища пустыя
Принесъ къ ногамъ богини: вотъ за что
Вкусилъ онъ райское блаженство. Если бъ
Я прежде васъ узналъ—съ какимъ восторгомъ
Мой санъ, мои богатства, все бы отдалъ,

Все за единый благосклонный взглядъ!
Я былъ бы рабъ священной вашей воли!
Всѣ ваши прихоти я бъ изучалъ,
Чтобъ ихъ предупреждать, чтобъ ваша жизнь
Была однимъ волшебствомъ безпрерывнымъ!
Увы, судьба судила мнѣ иное?

Пушкинъ. (Каменный гость, сц. 3 и 4).

(Любовное обольщеніе).

Элеонора (*держа карточку въ рукахъ, равнодушно, медленно и холодно.*) Вы, г. Росвейнъ? Вы просили передать мнѣ вашу карточку... (*Смотритъ на него, какъ будто ожидаетъ, чтобъ онъ объяснилъ ей причину своего посѣщенія.*) Вы авторъ той оперы, которую играли сегодня?.. Вы питомецъ графа Карніоли?.. Вы родились въ Далмаціи.... гдѣ-то въ тѣхъ краяхъ?... Объяснитесь, пожалуйста, въ чемъ могу я имѣть удовольствіе быть вамъ полезной.

Росвейнъ (*въ смущеніи*). Ваша свѣтлость, я не подумалъ...

Элеон. Вы не думали? Боже мой, что съ вами? Вамъ дурно? вы страшно блѣдны...

Росв. (*сквозь зубы.*) Я ухожу, княгиня, я пришелъ затѣмъ только, чтобъ возвратить вамъ платокъ... Мнѣ сказали, что онъ принадлежитъ вамъ.

Элеон. (*съ презрѣніемъ.*) Да вамъ дурно — я это вижу, я позвоню....

Росв. Не звоните, ради Бога! я ухожу...

Элеон. Но вы падаете... садитесь (*повелительно*), да садитесь же!

Росв. (*садясь*). Простите, княгиня, я усталъ... страшно усталъ.

Элеон. Г. Росвейнъ, позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ. Въ другой разъ, когда вы будете вызывать привидѣнія, удостовѣрьтесь прежде въ своихъ силахъ... Ну, а теперь успокойтесь (*улыбаясь*). Такъ у васъ нашлась сегодня свободная минута и вы рѣшились сдѣлать мнѣ честь пожертвовать ее мнѣ. (*Садится на

лѣво.) Вамъ вздумалось придти ко мнѣ въ полночь, не соблюдая никакихъ приличій; — такъ и должно быть между старинными друзьями, какъ мы съ вами, не правда ли? Къ счастію у меня доброе сердце — я не сержусь на васъ.... Но довольно объ этомъ. Трудитесь г. Росвейнъ, и подарите намъ на будущій годъ еще такую оперу, какъ «Взятіе Гренады». Я отъ души буду вамъ апплодировать (*смѣясь*), но не выпущу изъ рукъ платка, чтобы не помѣшать вашимъ занятіямъ. (*Росвейнъ встаетъ.*) А какъ зовутъ вашу невѣсту?

Росв. (*гордо.*) Ея имя—истина.

Элеон. (*спокойно.*) Я что-то не слыхала такого женскаго имени. Вы ее очень любите?

Росв. Болѣе всего въ мірѣ.

Элеон. И прекрасно! Вотъ вы и оправились! Стоило только упомянуть о ней — вы совсѣмъ ожили. Сознайтесь, что я умѣю ходить за больными?

Росв. Благодарю васъ.

Элеон. Докажите мнѣ свою благодарность: сыграйте что-нибудь и тогда вы совсѣмъ оправитесь.

Росв. (*въ нерѣшительности.*) Княгиня...

Элеон. Мнѣ кажется, что вы это можете для меня сдѣлать.

Росв. Повинуюсь. (*Садится за органъ и играетъ мелодію сначала съ большою силою и энергіею. Элеонора уходитъ въ глубину галлереи и слѣдитъ за Росвейномъ. Она оборачивается и, оперишсь о колонну, смотритъ въ садъ. Лунный свѣтъ падаетъ на нее. Росвейнъ начинаетъ въ нее вглядываться и музыка переходитъ въ тихіе и сладкіе напѣвы, потомъ въ страстную серенаду и мало по малу умолкаетъ. Онъ встаетъ, пристально смотритъ на неподвижную Элеонору, подходитъ къ ней и низко кланяется.*) Я кончилъ. Прощайте, княгиня.

Элеон. (*какъ будто пробудясь изъ забытья.*) Прощайте.

Росв. (*уходитъ, но дойдя до галлереи, поспѣшно возвращается.*) Вы простили меня, княгиня?

Элеон. Нѣтъ, не простила.

Росв. Развѣ можно негодовать на безумнаго? а безуміе—ре-

месло мое. Не оно ли доставило вамъ нѣсколько минутъ блаженства, заставивъ васъ смѣяться, а, можетъ быть, и плакать?.. Поймите, княгиня, какой цѣной мы покупаемъ это могущество! Представьте себѣ, что этотъ очарованный міръ воображенія, который такъ невольно приковываетъ ваше вниманіе въ театрѣ, постоянно владѣетъ нами.... Эта жгучая химера постоянно у насъ передъ глазами; она вертится около насъ, манитъ къ себѣ, влечетъ.... и опутываетъ. Этотъ-то волшебный міръ, тѣнь, искру котораго я поймалъ въ глазахъ вашихъ.... я думалъ.... я надѣяся найти здѣсь... я бѣжалъ, летѣлъ сюда въ надеждѣ осуществить мечты свои... если бъ даже мнѣ пришлось искупить все это цѣною упрековъ и вѣчныхъ угрызеній совѣсти...

Элеон. (*садясь на право*). Ну, что жъ, вы нашли, чего искали?

Росв. Да, нашелъ. Въ то время, какъ вы стояли, освѣщенная луной, мнѣ чудилось, подъ обаяніемъ этой дивной ночи, что я живу въ томъ очарованномъ мірѣ, куда стремится каждая душа, которая жаждетъ прекраснаго.... Я видѣлъ... да, я видѣлъ собственными глазами балконъ Джульетты, освѣщенный мерцаніемъ полной луны... Около меня шелестило платье Десдемоны.... Въ эту минуту я утолялъ эту жажду прекраснаго — о которой сейчасъ вамъ говорилъ — изъ божественнаго кубка совершенства... и кубокъ этотъ подавала мнѣ чья-то рука и наполняла его до самыхъ краевъ. О!... благословляю эту руку, какъ ни жестока, какъ ни холодна одна!... (*Схватываетъ руку Элеоноры и немедленно опускаетъ ее, какъ будто испугавшисьсвоего поступка*).

Элеон. Одно слово, г. Росвейнъ; вы меня любите?

Росв. Княгиня...

Элеон. Да отвѣчайте же! Мнѣ кажется, что подобный вопросъ.... особенно, когда я съ нимъ обращаюсь къ кому нибудь, заслуживаетъ вниманія.

Росв. Княгиня, я только что говорилъ другой...

Элеон. (*посиѣшно вставая и прерывая.*) Г. Росвейнъ, мнѣ очень хочется убавить у васъ немного спѣси. Вы поэтъ, слѣдовательно, любовь для васъ что-то въ родѣ офиціальной науки...Но я вамъ докажу, что слабая женщина.... слабая потому только,

что она женщина и у нея есть душа… я вамъ докажу, что она болѣе знакома съ этимъ чувствомъ, нежели вы. И такъ вы любите—кого? Право не знаю… да вы и сами не знаете… Но положимъ вы и въ самомъ дѣлѣ любите… Вы дрожите, боитесь… боитесь страданій, упрековъ совѣсти, словомъ, всего боитесь! Но мы, женщины, мы любимъ не такъ. Если бъ я когда нибудь полюбила…. если бъ истинная страсть закралась ко мнѣ не въ голову, какъ поэту, а въ сердце, во всѣ жилы мои…. то, божусь, я бы ничего не боялась, можетъ быть, я сдѣлалась бы преступною…. но не испугалась бы любви.

Росв. Княгиня!…

Элеон. Да, я смѣло бы взглянула въ глаза этому призраку, и смѣло, безъ притворства, бросилась бы въ его пагубныя объятія! (*Подходитъ къ нему и продолжаетъ страстно.*) Да, Росвейнъ, для меня не было бы преградъ. Если бъ мнѣ пришлось вмѣстѣ съ жизнью повергнуть къ стопамъ того, кого бы я полюбила, мое честное имя, всю мою будущность… я бы торжественно, публично кинула перчатку цѣлому свѣту, чтобы сбросить съ себя все… оторваться отъ всего и оставить себѣ только любовь… одну любовь!…

Росв. Какъ жестоко вы мной играете!… (*Падаетъ въ изнеможеніи на стулъ, налѣво отъ Элеоноры*).

Элеон. (*Понизивъ голосъ, съ нѣжнымъ и грустнымъ выраженіемъ.*) И если бъ любовь моя была отвергнута, въ чемъ я не сомнѣваюсь—не правда ли, Andrea? то мнѣ бы не было страшно испытать это униженіе… Я бы убѣжала одна, совершенно одна, куда глаза глядятъ… куда нибудь далеко… въ неизвѣстный людямъ край…. счастливая, съ улыбкою на устахъ, вотъ какъ теперь…. и увяла бы тамъ отъ любви… умерла бы отъ страсти…. Прощайте. Сочиняйте сонеты на любовь. Теперь вы знаете, что это за чувство? Прощайте. (*Наклоняется, жарко цѣлуетъ его въ голову и уходитъ. Росвейнъ въ совершенномъ изнеможеніи встаетъ и уходитъ за нею.*

О. Фелье. (Далила. Д. II, явл. 6).

(Борьба любви).

Марiонъ. Въ васъ много страннаго, Дидье... инаго
Совсѣмъ не понимаю я,
Но все жъ я васъ люблю.
Дидье. Вы любите меня:
„Люблю"-великое, Мари, святое слово.
Произносить его нельзя всего,
Не взвѣсивъ, не сознавъ заранѣе всей силы,
Глубокаго значенія его.
Вы любите меня, мой ангелъ милый,
Какъ радъ тому повѣрить былъ бы я,
Но вы еще почти дитя;
Ни жизни, ни себя еще вполнѣ не зная,
Вы говорите, можетъ быть,
Что любите, совсѣмъ не понимая,
Что значитъ искренно и глубоко любить?
Такъ знайте же, Мари, любовь не шутка.
Не все въ ней радости; то роковая страсть...
Ея не слушаетъ ни воли, ни разсудка
Всесокрушающая власть.
Порой она, какъ уголь подъ золой,
Въ душѣ невидимо таится;
Но часъ наступитъ роковой—
И въ свѣтъ она и въ пламя обратится.
Тогда преграды сокрушивъ,
И въ прахъ, и въ пепелъ обративъ
Всѣ наши помыслы и всѣ другія страсти,
Полна непобѣдимой власти,
Она царитъ всецѣло надъ душей,
То освѣжающей грозой
Всѣ наши чувства обновляя,
То радость, счастье и покой
Своимъ дыханьемъ отравляя.
Блаженство-ли, терновый-ли вѣнецъ
Несокрушимая ея даритъ намъ сила—
Намъ все равно! Для насъ одинъ конецъ
И лишь одинъ исходъ—могила.
Теперь скажите мнѣ, вы о любви такой
Мнѣ говорите?
Марiонъ (*чуть не со слезами и едва слышно*).
Милый мой!...
Дидье. Такой любовью пылкой и глубокой
Я васъ люблю! И какъ мнѣ не любить?

Лишь васъ узнавъ, я началъ жить!
До той поры скиталецъ одинокій...
Безъ цѣли и надеждъ я посвѣту бродилъ,
И въ тѣ недолгія, но горькія скитанья
Извѣдалъ все: борьбу, страданья...
Но не жилъ я!... Тогда я не любилъ!

Маріонъ (*горячо*). Я тоже васъ люблю, и можетъ быть, сильнѣе,
Чѣмъ вы меня! Сюда явилась я
Для васъ однихъ. На вѣкъ считать меня своею —
Вы можете.

Дидье (*падая къ ея ногамъ.*) Мари, не обмани меня.
Жестоко было бы завѣсы рая
Предъ грѣшникомъ минутно распахнуть,
И вдругъ несчастнаго столкнуть
Въ кромѣшный адъ! О, умоляю,
Не обмани, не обмани меня.
Да, это было бы безбожно.

Маріонъ. Что вамъ сказать еще, не знаю я,
Но сдѣлать все готова, что возможно,
Чтобъ любовь мою, Дидье, вамъ доказать.

Дидье. Для этого достаточно сказать
Одно лишь слово.

Маріонъ (*живо*). О, заранѣе спокойно
Даю вамъ слово....

Дидье. Быть моей женой?

Маріонъ (*про себя*). Зачѣмъ любви его я недостойна.
О, Боже! сжалься надо мной!

Дидье. Согласны вы, Мари?

Маріонъ (*тихо*). Не знаю... (*Еще тише*). Нѣтъ, не могу...

Дидье. А, понимаю!
Я предложеніемъ своимъ васъ оскорбилъ,
Быть можетъ? Да, бѣднякъ безродный
Не пара вамъ.—А я-то васъ любилъ
И смѣлъ надѣяться! О, сумасбродный,
Погибшій, жалкій человѣкъ!...
Забудьте обо мнѣ и о моей печали
И будьте счастливы!... Теперь на вѣкъ
Прощайте! (*Идетъ къ двери, Маріонъ бросается къ нему*).

Маріонъ. О, Дидье! Что вы сказали!...
Давно-ль клялась я вамъ, что васъ люблю?...
Чего же болѣе? Ахъ! объ одномъ молю —
Дидье, Дидье, не уходите! (*горько плачетъ*).

Дидье (*возвращаясь*). Я огорчаю васъ? Простите!
Простите же и сжальтесь надо мною...
Скажите «да» — и васъ своей женою

Я увезу въ цвѣтущій уголокъ,
И тамъ мы будемъ жить. любовію согрѣты,
Вдали отъ всѣхъ, отъ шума свѣта
И отъ докучливой, ненужной суеты...
Надежды, мысли и мечты —
Все, все другъ другу повѣряя... (*Молчаніе*).
Ну что-жъ? Я жду...

МАРІОНЪ (*задумчиво*). Да, жизнью рая
Была-бъ такая жизнь...

ДИДЬЕ. И это твой отвѣтъ (*обнимая ее*).
Согласна ты? согласна?

МАРІОНЪ (*вырываясь изъ его объятій и падая на кресло*).
Нѣтъ.

ДИДЬЕ (*холодно*). Что дѣлать! видно рѣшено судьбою
Мнѣ счастія не знать... Докучною мольбою
Я утруждать не стану больше васъ.

МАРІОНЪ (*въ сторону*). Пусть будетъ проклятъ страшный часъ,
Когда мы встрѣтились! (*ему*)
О, если бы вы знали...
Я объясню вамъ все...

ДИДЬЕ. Что вы читали? (*Беретъ со стола книгу и читаетъ*).
«Цвѣты любви въ стихахъ. Посвящено Маріонъ де Лормъ...»
(*съ горькимъ смѣхомъ*).
И горько и смѣшно.
Да, вдохновеніе поэты почерпаютъ
Теперь въ грязи! и книги посвящаютъ
Кому-жъ? Маріонъ де Лормъ!... Ну господа,
И честь и слава вамъ! (*къ Маріонъ*). Сюда,
Скажите мнѣ, какъ эта дрянь попала?
(*съ отвращеніемъ бросаетъ книгу на полъ*).

МАРІОНЪ (*опустивъ глаза, говоритъ тихо, запинаясь*).
Случайно... Право, я не знала,
А то не стала бы читать.

ДИДЬЕ. Я вѣрю, что не знали. О, конечно,
И непорочной, и безгрѣшной,
Вамъ никогда никто не могъ сказать
Кто эта женщина. Всѣ говорятъ, она
Очаровательна, какъ ангелъ воплощенный,
Съ душею-жъ низкою, до нельзя развращенной,
И жизнь ея позорна и гнусна.
Мужчина каждый къ ней свободно
Подходитъ, требуя любви—и отдаетъ...
Нѣтъ, я ошибся—продаетъ
Она любовь свою кому угодно.

МАРІОНЪ (*закрывъ лицо руками, говоритъ про себя*).

О, горе, горе! Надъ собой
Готова сдѣлать я не знаю что.....

Гюго. (Маріонъ, д. I, яв. 3).

(Борьба любви).

Сюлливанъ (*нѣжно Леліи, которой дурно*). Успокойтесь... придите въ себя, милая Лелія!..

Лелія (*мало по малу приходя въ себя, слабымъ голосомъ*). О, Боже мой! зачѣмъ я не умерла!..

Сюл. Полноте!.. къ чему эти ужасныя мысли?.. Я готовъ отдать мою жизнь, чтобы очистить васъ отъ малѣйшаго подозрѣнія! Еще не зная вашего имени... я уже вѣрилъ въ чистоту и непорочность вашего сердца!.. О, Лелія!.. если бъ вы могли заглянуть въ глубину моей души... если бы видѣли въ ней всѣ страданія и мученія, какія я долженъ былъ перенесть вчера въ вашемъ домѣ... тогда бы удостовѣрились, что нѣтъ жертвы, которую бы, какъ дань моего счастія, не рѣшился я принести для вашего спокойствія.

Лел. Благодарю васъ, г. Сюлливанъ... благодарю, что вы не отняли у меня единственнаго утѣшенія въ жизни!.. я знаю... я ужъ потеряна въ глазахъ моихъ родныхъ и въ мнѣніи свѣта... теперь, кромѣ васъ, у меня нѣтъ другой подпоры... (*съ увлеченіемъ*). Теперь вы властелинъ моей судьбы!..

Сюл. Вашей судьбы!

Лел. (*вставъ, рѣшительно*). Говорите... приказывайте... Я готова слѣдовать за вами повсюду!!. Я съ гордостью буду носить ваше имя!..

Сюл. (*едва воздерживаясь отъ восторга*). Возможно-ли?.. Вы... (*Минута молчанія*). Нѣтъ, Лелія!.. нѣтъ!.. Я не долженъ... не могу рѣшиться на поступокъ недостойный ни васъ, ни меня!.. (*съ чувствомъ*). Я васъ люблю... люблю, какъ нельзя больше любить, какъ никто не будетъ васъ любить! Въ первую минуту, когда я увидѣлъ васъ здѣсь... мною овладѣлъ какой-то безумный восторгъ... я не могъ обуздать своихъ чувствъ!.. го-

ворю вамъ чистосердечно... въ глазахъ вашихъ, я не хочу быть лучше того, чѣмъ наградилъ меня Богъ!.. Если бъ я повиновался только силѣ моей любви... повѣрьте, не медля ни минуты, посвятилъ бы вамъ всю мою жизнь... и какъ небесную милость принялъ бы то счастіе, которымъ вы хотите надѣлить меня!.. (*Медленно съ глубокимъ чувствомъ*). Но надъ моей любовью, Лелія... преобладаютъ другія чувства... Это честь моя... честь ваша... и вся ваша будущность!.. Въ жизни нашей, Лелія, невозможно быть счастливымъ однимъ своимъ блаженствомъ!.. счастье наше заключается въ счастіи другихъ и въ безропотномъ исполненіи нашихъ обязанностей!.. (*съ волненіемъ*). Я испыталъ это, Лелія... У меня была мать... которая любила меня безпредѣльно... для которой я самъ отдалъ бы мою жизнь!... а между тѣмъ я избралъ, противъ ея воли, сценическое поприще... и этимъ невыразимо огорчилъ и опечалилъ ее!.. Бѣдная матушка! она предвидѣла и предсказала мою мучительную будущность!.. Она меня простила... но я никогда не могъ себя простить... и когда она скончалась... ея слезы тяжелымъ камнемъ пали на мою совѣсть!.. воспоминаніе это до сихъ поръ еще терзаетъ меня!.. (*Отеревъ слезу*). Никакая слава, никакіе успѣхи не въ состояніи выкупить моихъ мученій!

Лел. (*съ волненіемъ*). Что я слышу!..

Сюл. Всякій день укоряю я себя за мой ужасный поступокъ, который, быть можетъ, ускорилъ ея кончину!

Лел. (*примѣняя его слова къ себѣ*). О, Боже!

Сюл. Подумайте же, Лелія... если и вашъ отецъ не перенесетъ вашего ослушанія...

Лев. (*съ крикомъ*. Не договаривайте!..

Сюл. (*поспѣшно*). О! тогда вы сами будете презирать меня... и поступите справедливо!

Лел. (*пораженная*). Нѣтъ! нѣтъ! Это невозможно... а между тѣмъ, одна мысль... о Боже мой!... Боже мой!.. Что мнѣ дѣлать?..

Сюл. (*взявъ ее за руку*). Дѣлайте то, что говоритъ въ эту минуту ваше сердце!.. Но прежде, чѣмъ мы разстанемся навсегда.. (*Движеніе Леліи*) выслушайте, что скажетъ вамъ сердце честнаго

человѣка: оно желаетъ, чтобъ моя Лелія снова заняла свое почетное мѣсто въ свѣтѣ... чтобъ она могла показаться въ немъ безъ смущенія съ яснымъ челомъ... чтобъ она могла гордиться любовью своего отца... и безропотно покориться его волѣ... Наконецъ, чего желаю я больше всего... чтобы въ будущемъ дѣти ея гордились своей матерью, не увлекались пагубными примѣрами и никогда не терзали ея душу!

Лел. (*со страхомъ*). Г. Сюлливанъ!

Сюл. Не оставляйте своего отца, Лелія!.. Ваша покорность... ваша нѣжность успокоятъ и осчастливятъ закатъ его жизни!.. Въ этихъ попеченіяхъ заключается первая и отрадная обязанность дочери!.. Если мужъ, котораго вамъ назначитъ отецъ, не оправдаетъ впослѣдствіи его надеждъ... если онъ увидитъ ваши страданія... повѣрьте, Лелія... онъ будетъ болѣе васъ несчастенъ, потому что вы покорились его волѣ!.. Не ропщите на него и въ то время, Лелія...

Лел. (*съ увлеченіемъ*). Я покоряюсь вамъ во всемъ... вы слышали... я уже вамъ сказала, что вы властелинъ моей судьбы!.. Приказывайте!.. даю вамъ клятву, я исполню все!

Сюл. (*скрывая волненіе и стараясь казаться спокойнымъ*). И такъ... слушайте же меня, Лелія... я отведу васъ къ г. Дженкинсу!.. Я скажу ему: вотъ ваша дочь... она все также чиста... и достойна васъ, какъ прежде! Возьмите ее... я вамъ ее возвращаю!..

Мельвиль. (Любовь и предразсудокъ, д. III, явл. 12).

(Любовь, періодъ соглашенія).

(*Садъ. Юлія у окна, Ромео передъ нимъ. Ночь*).

Ромео. ...О говори же, свѣтлый ангелъ. Блещешь
Ты въ этой тьмѣ надъ головой моей,
Какъ блещетъ неба посланецъ крылатый,
Когда предъ изумленными очами
Во прахъ повергшихся людей, опережаетъ
Онъ облаковъ тяжелый ходъ
И по воздушной выси рѣетъ.

Юлія. О Ромео, Ромео! Отчего, зачѣмъ
Ты Ромео? Отрекись ты отъ отца,
Отъ имени ты откажись, иль если
Нельзя ужъ то, такъ поклянись въ любви ты
И я не буду больше Капулетъ.

Ромео. Еще ли слушать мнѣ, иль говорить?

Юлія. Одно твое лишь имя—врагъ мнѣ... Но вѣдь ты
Самъ по себѣ, ты не Монтекки. Что такое
Монтекки? Не рука вѣдь это, не нога
И не лицо, не тѣла членъ какой;
Не человѣка часть... Зовись же ты иначе!
И что такое—имя? Что зовемъ мы розой,
Зовись она иначе, запахъ тотъ же!
И Ромео, не зовись онъ Ромео, все бы
Прекрасенъ и безъ имени остался.
О, сбрось ты имя, Ромео, и за имя,
Которое—не часть же самаго тебя,
Возьми ты всю меня!

Ромео. Ловлю тебя на словѣ...
Ты милымъ назови меня своимъ—
И я перекрещенъ, и я ужъ больше
Не Ромео!

Юлія. Кто ты, тьмой ночною скрытый
Подслушавшій признанія мои?

Ромео. Ужъ я теперь не знаю, какъ и зваться!
Мнѣ прозвище мое, моя святая,
Отнынѣ гнусно... врагъ оно тебѣ...
И, будь оно лишь на бумагѣ, я бы
Его теперь на вѣки зачеркнулъ!

Юлія. Еще ста словъ въ ушахъ не прозвучало,
Произнесенныхъ этимъ голосомъ, а мнѣ
Знакомы словно эти звуки!.. ты
Не Ромео ль увы! и не Монтекки ль?

Ромео. Ни тотъ и ни другой, моя святая,
Когда тебѣ тотъ и другой противны!

Юлія. Какъ ты пришелъ, скажи мнѣ, и зачѣмъ?...
Стѣна и высока и неприступна...
Ты вспомни только, кто ты?... Смерть тебѣ,
Коль здѣсь тебя мои родные встрѣтятъ!

Ромео. На легкихъ крыльяхъ страсти черезъ эту
Я стѣну перенесся... Удержать ли
Любовь преградамъ каменнымъ?.. Она
Что можетъ сдѣлать, то и смѣетъ сдѣлать;
И нѣтъ мнѣ нужды до твоихъ родныхъ!

Юлія. Тебя убьютъ они, коли увидятъ.

Ромео. Увы! Опаснѣй мнѣ твои глаза
Чѣмъ двадцать ихъ мечей... Лишь ласково взгляни ты,
И закаленъ я противъ ихъ вражды.
Юлія. Дай Богъ, чтобы тебя не увидали!
Ромео. Отъ взоровъ ихъ я скрытъ покровомъ ночи.
А если ты меня не любишь,—мнѣ все
Равно тогда, хотя бъ и увидали!
Конца своей я жизни отъ вражды ихъ
Желаю лучше, чѣмъ отстрочки смерти
Холодностью твоею...
Юлія. Кто сюда
Дорогу указалъ тебѣ?
Ромео. Любовь,
Которая искать ее велѣла...
Она совѣтъ дала мнѣ, я—глаза ей...
Я не морякъ, но будь ты далеко,
Какъ твердая земля за дальнимъ моремъ,
Пустился бъ за такимъ товаромъ я.
Юлія. Ты знаешь, маска тьмы теперь скрываетъ
Лицо мое; а то бы на щекахъ ты
Дѣвичьяго стыда увидѣлъ краску,
Стыда за всѣ мои за рѣчи къ ночи
Тобой подслушанныя. Рада я
Была бы соблюсти приличье; рада
Была бы отпереться отъ того,
Что я сказала... но прощай пристойность!
Меня ты любишь ли? ты, знаю, да, отвѣтишь,
А я повѣрю на слово... Но если
И поклянешься—можешь измѣнить
Ты клятвѣ. Только что смѣется, говорятъ
Юпитеръ надъ любовнымъ вѣроломствомъ!
О милый Ромео! Если вправду любишь—
Скажи ты честно; если жъ ты подумалъ
Что достаюся слишкомъ я легко,
Нахмурю брови я, сурова стану
И буду говорить все нѣтъ; чтобъ ты
Ухаживалъ за мной, а то ни за что въ мірѣ...
О, мой Монтекки!.. Слишкомъ влюблена я;
Меня сочтешь ты вѣтренной, пожалуй;
Но вѣрь, синьоръ, вѣрнѣе тѣхъ я буду,
Которыя держать себя умѣютъ.
Я тоже бы себя сдержала—надо
Признаться въ томъ—когда бы не подслушалъ,
Безъ моего ты вѣдома, моихъ
Любви признаній искреннихъ. Прости же

Ты мнѣ и въ легкомысліи меня ты
Не упрекай за то, что только ночь
Тебѣ открыла темная случайно.

Ромео. Синьора, я клянусь луной святою,
Сребрящею верхи деревъ, покрытыхъ
Плодами...

Юлія. Не клянися ты луною,
Измѣнчивой луною, каждый мѣсяцъ
Мѣняющею ликъ свой,—да не будетъ
Подобна ей твоя любовь!

Ромео. Такъ чѣмъ же
Велишь мнѣ клясться?

Юлія. Не клянись совсѣмъ ты,
Иль милымъ существомъ своимъ, кумиромъ
Единственнымъ моимъ ты поклянися—
И я повѣрю.

Ромео. Если сердца страсть...

Юлія. Нѣтъ не клянись!... Хоть ты моя и радость,
Но нашъ союзъ не радостенъ ночной мнѣ...
Онъ слишкомъ быстръ, нежданъ, внезапенъ слишкомъ,
Похожъ на молнію, которой нѣтъ ужъ,
Когда мы говоримъ: сверкаетъ!.. Милый,
Покойной ночи! Нашъ цвѣтокъ любви,
Быть можетъ, пышно расцвѣтетъ подъ жаркимъ
Дыханьемъ лѣта въ новое свиданье;
Покойной ночи, доброй ночи! Сладокъ
Да будетъ сонъ твой!.. Какъ дышать мнѣ сладко!

Ромео. И ты меня оставишь безъ отрады?

Юлія. Какая же возможна въ эту ночь?

Ромео. Любовью на любовь обмѣнъ ненарушимый.

Юлія. Я отдала свою еще до просьбы—
И жаль, что нечего мнѣ больше отдавать.

Ромео. Какъ? ты бы взять ее назадъ хотѣла?

Юлія. Чтобъ щедрой быть и вновь тебѣ отдать,
Но я—чего желаю, тѣмъ владѣю!
Во мнѣ, какъ море, безгранична щедрость
И глубока любовь: чѣмъ больше я
Даю тебѣ, тѣмъ больше я имѣю...
Любовь и щедрость—обѣ безъ конца,

Шекспиръ. (Ромео и Юлія, сц. 7).

(Любовь страсть).

Юлія. О, кони огненогіе! Спѣшите
Вы вскачь къ жилищу Фебову. Когда бы

Былъ Фаэтонъ возницею, давно
Угналъ бы васъ онъ къ западу, и ночь
Тѣнистая спустилась бы на землю.
Покровъ густой, о ночь, прiютъ любви,
Раскинь скорѣй, чтобы людскiе взоры
Закрылися и Ромео трепеталъ
Въ объятiяхъ моихъ, никѣмъ незримый,
Не порицаемый. Свѣтло съ избыткомъ
Любовникамъ среди восторговъ ихъ,
Отъ блеска собственной красы,—и если
Любовь слѣпа, тѣмъ лучше ладитъ съ ночью.
Приди же, о торжественная ночь,
Ты, величавая жена, вся въ черномъ,—
И проиграть, выигрывая, ты
Меня къ игрѣ таинственной, которой
Двѣ непорочности залогомъ служатъ,
Наставь, о ночь! Приливъ нескромной крови
Закрой ты на щекахъ моихъ, своей
Мантильей черною, пока любовь,
Сначала робкая, смѣлѣй не станетъ,
Не обратится въ долга чистоту.
Придите, ночь и Ромео, ты — мой день въ ночи:
День потому, что прилетишь
На крыльяхъ ночи ты бѣлѣй, чѣмъ первый снѣгъ
На перьяхъ ворона... Голубка ночь,
Ночь ласковая съ черными очами!
Подай мнѣ Ромео моего, а если
Умретъ онъ, ты его тогда возьми,
На мелкiя на звѣздочки разрѣжь
И сводъ небесъ такъ ярко озарится,
Что влюбится весь мiръ въ тебя, о ночь,
И перестанетъ дню тщеславному молиться...
О! домъ любви себѣ купила я,
Но не владѣю имъ еще: сама
Я куплена, но не взята доселѣ...
Такъ скученъ этотъ день, какъ ночь подъ праздникъ
Скучна нетерпѣливому ребенку,
Которому обновку сшили, а надѣть
Обновки не даютъ...

Тамъ же. (Сц. 13).

---

7).

Марiя. Послушай, гетманъ, для тебя
Я позабыла все на свѣтѣ.
На вѣкъ однажды полюбя,
Одно имѣла я въ предметѣ—

Твою любовь. Я для нея
Сгубила счастіе мое,
Но ни о чемъ я не жалѣю.
Ты помнишь: въ страшной тишинѣ
Въ ту ночь, какъ стала я твоею,
Меня любить ты клялся мнѣ,
Зачѣмъ же ты меня не любишь?

МАЗЕПА. Мой другъ, несправедлива ты!
Оставь безумныя мечты,
Ты подозрѣньемъ сердце губишь.
Нѣтъ, душу пылкою твою
Волнуютъ, ослѣпляютъ страсти.
Марія, вѣрь, тебя люблю
Я больше славы, больше власти.

МАРІЯ. Неправда, ты со мной хитришь.
Давно ль мы были неразлучны!
Теперь ты ласкъ моихъ бѣжишь,
Теперь онѣ тебѣ докучны,
Ты цѣлый день въ кругу старшинъ,
Въ пирахъ, разъѣздахъ—я забыта,
Ты долгой ночью иль одинъ,
Иль съ нищимъ, иль у Езуита.
Любовь смиренная моя
Встрѣчаетъ хладную суровость.
Ты пилъ недавно, знаю я,
Здоровье Дульской. Это новость:
Кто это Дульская?

МАЗЕПА. И ты
Ревнива? Мнѣ ль, въ мои лѣта
Искать надменнаго привѣта
Самолюбивой красоты?
И стану ль я, старикъ суровый,
Какъ праздный юноша, вздыхать,
Влачить позорныя оковы
И женъ притворствомъ искушать?

МАРІЯ. Нѣтъ, объяснись, безъ отговорокъ,
И просто, прямо отвѣчай.

МАЗЕПА. Покой души твоей мнѣ дорогъ,
Марія, такъ и быть, узнай:
Давно замыслили мы дѣло,
Теперь оно кипитъ у насъ,
Благое время намъ приспѣло—
Борьбы великой близокъ часъ.
Безъ милой вольности и славы
Склоняли долго мы главу

Подъ покровительствомъ Варшавы,
Подъ самовластіемъ Москвы.
Но независимой державой
Украйнѣ быть уже пора,
И знамя вольности кровавой
Я поднимаю на Петра.
Готово все: въ переговорахъ
Со мною оба короля;
И скоро въ смутахъ, въ бранныхъ спорахъ
Быть можетъ, тронъ воздвигну я.
. . . .
Вотъ важныя тебѣ признанья
Довольна ль ты? Твои мечтанья
Разсѣяны ль?

Марія. О милый мой,
Ты будешь царь земли родной!
Твоимъ сѣдинамъ какъ пристанетъ
Корона царская!

Мазепа. Постой,
Не все свершилось. Буря грянетъ;
Кто можетъ знать, что ждетъ меня?

Марія. Я близь тебя не знаю страха—
Ты такъ могущъ! О, знаю я—
Тронъ ждетъ тебя!

Мазепа. А если плаха?..,

Марія. Съ тобой на плаху, если такъ.
Ахъ, пережить тебя могу ли?
Но нѣтъ, ты носишь власти знакъ.

Мазепа. Меня ты любишь?

Марія. Я... люблю ли?

Мазепа. Скажи, отецъ или супругъ
Тебѣ дороже?

Марія. Милый другъ,
Къ чему вопросъ такой. Тревожитъ
Меня напрасно онъ. Семью
Стараюсь я забыть мою;
Я стала ей въ позоръ; быть можетъ,
(Какая страшная мечта!)
Моимъ отцомъ я проклята,
А за кого?

Мазепа. Такъ я дороже
Тебѣ отца? Молчишь?,...

Марія. О, Боже!

Мазепа. Что жъ, отвѣчай!

Марія. Рѣши ты самъ.

МАЗЕПА. Послушай: если было бъ намъ,
Ему, иль мнѣ погибнуть надо,
А ты бы намъ судьей была:
Кого бъ ты въ жертву принесла,
Кому бы ты была ограда?
МАРІЯ. Ахъ полно! Сердца не смущай!
Ты искуситель.
МАЗЕПА. Отвѣчай!
МАРІЯ. Ты блѣденъ; рѣчь твоя сурова....
О, не сердись! Всѣмъ, всѣмъ готова
Тебѣ я жертвовать, повѣрь,
Но страшны мнѣ слова такія;
Довольно.
МАЗЕПА. Помни же, Марія,
Что ты сказала мнѣ теперь.....

Путкинъ. (Полтава, пѣснь 2-я).

(Любовь меланхолическая).

АРМИНІЙ. Какъ быстрыя воды
Потокъ свой ліютъ,
Такъ быстрые годы
Веселье младое съ любовью несутъ.
МИНВАНА. Что жъ сердце уныло?
Пусть воды ліются, пусть годы бѣгутъ;
О вѣрный, о милый!
Съ любовію годы и жизнь унесутъ.—
АРМИНІЙ. Минвана, Минвана,
Я бѣдный пѣвецъ;
Ты жъ царскаго сана,
И предками славенъ твой гордый отецъ.
МИНВАНА. Что въ славѣ и санѣ?
Любовь—мой высокій, мой царскій вѣнецъ.
О милый, Минванѣ
Всѣхъ витязей краще смиренный пѣвецъ.
Зачѣмъ же уныло
На радость глядѣть:
Все близко, что мило;
Оставимъ годамъ за годами летѣть.—
АРМИНІЙ. Минутная сладость
Веселаго «вмѣстѣ» помедли, постой;
Кто скажетъ, что радость
На вѣкъ не умчится съ грядущей зарей!
Проглянетъ денница—

Блаженству конецъ:
Опять ты царица,
Опять я ничтожный и бѣдный пѣвецъ.

Минвана. Пускай возвратится
Веселое утро, сіяніе дня;
Зарей озарится
Тотъ свѣтъ, гдѣ мой милый живетъ для меня.
Лишь царскимъ уборомъ
Я буду съ толпой,
А мыслію, взоромъ,
И сердцемъ, и жизнью, о милый, съ тобой.—

Арминій. Прости, ужъ блѣднѣетъ
Разсвѣтомъ далекій, Минвана, востокъ;
Ужъ утренній вѣетъ
Съ вершины кудрявыхъ холмовъ вѣтерокъ.

Минвана. О нѣтъ! то зарница
Блеститъ въ облакахъ;
Не скоро денница;
И тихъ вѣтерокъ на кудрявыхъ холмахъ.

Арминій. Ужъ въ замкѣ проснулись;
Мнѣ слышался шорохъ и звукъ голосовъ.

Минвана. О нѣтъ! встрепенулись
Дремавшія пташки на вѣтвяхъ кустовъ.

Арминій. Заря ужъ багряна.

Минвана. О милый, постой.

Арминій. Минвана, Минвана,
Почто жъ замираетъ такъ сердце тоской?

(*Привѣшиваетъ арфу на вѣтви дуба*).

Будь арфа для милой
Залогомъ прекрасныхъ минувшаго дней;
И сладкіе звуки
Любви не забудь;
Услада разлуки
И вѣстникъ души неизмѣнныя будь.
Когда же мой юный,
Убитый печалію цвѣтъ опадетъ,
О вѣрныя струны,
Въ васъ съ прежней любовью душа перейдетъ.
Какъ прежде взыграетъ
Веселіе въ васъ
И другъ мой узнаетъ
Привычный, зовущій къ свиданію гласъ.
И думай, ихъ пѣнью
Внимая вечерней, Минвана, порой,
Что легкою тѣнью

Все вѣрный летаетъ твой другъ надъ тобой,
Что прежнія муки,
Превратности страхъ,
Томленье разлуки,
Все съ трепетной жизнью онъ бросилъ во прахъ.
Что жизнь переживши,
Любовь лишь одна не разсталась съ душой;
Что робко любившій
Безъ робости любитъ и болѣе твой.
А ты, дубъ вѣтвистый,
Ее осѣняй;
И вѣтеръ душистый,
На грудь молодую дышать прилетай.

Жуковскій. (Эолова Арфа).

(Любовь нераздѣленная).

Беневоленскій. Въ жизни главное дѣло—умъ и предусмотрительность. Что такое я былъ, и кто я теперь? Вотъ она исторія-то! Бывало, всякому встрѣчному кланяешься, чтобы тебя не прибилъ кто нибудь, а теперь насъ и рукой не достанешь. И капиталъ есть и жену красавицу нашелъ. Чортъ возьми! (*Пожимаетъ руки, потомъ деретъ себя за хохолъ*). Ахъ ты, Максимка Беневоленскій! А думалъ ли ты объ этомъ счастіи, сидя въ школѣ въ затрапезномъ халатѣ? Ничего, братецъ. Вотъ, (*стучитъ себя пальцемъ по лбу*) вотъ чѣмъ пробьемъ себѣ дорогу. Нужда родитъ умъ, а умъ родитъ деньгу, а съ умомъ, да съ деньгами все можно сдѣлать! (*Задумывается*). Не поучиться ли мнѣ танцовать?.. Поучусь. Или ненадо? Нѣтъ, что! Дѣловому человѣку неловко. А иногда такъ тебѣ и хочется плясать. (*Немного подпрыгиваетъ. Проходятъ разныя лица изъ залы, онъ становится въ приличную позу и закладываетъ руку за жилетъ. Изъ двери налѣво выходятъ Паша и Дуня*).

Дуня. Ахъ, Максимъ Дорофеичъ, здравствуйте. Наше вамъ почтеніе! (*Беневоленскій отворачивается въ сторону*). Что-жъ, ты меня не узналъ, что-ли?

Бенев. Ахъ, это ты, Дуня! Зачѣмъ же ты...

Дуня. Невѣсту твою посмотрѣть.

Бенев. Да какъ же это! Вѣдь я не велѣлъ было...

Дуня. Что это не велѣлъ? Ты меня пускать не велѣлъ! Ахъ, безсовѣстный ты человѣкъ! Безстыжіе твои глаза!..

Бенев. Нѣтъ, я ничего... я такъ! Чтожъ, Дуня, посмотри, поди. Тамъ вонъ невѣста, тамъ приданое...

Дуня. То-то, посмотри! Не глядѣли-бъ мои глаза-то, кажется, на тебя. Вотъ, Паша, смотрѣть посылаетъ, видишь, какой добрый! Самъ все покажетъ. Что жъ, матушка, вѣдь не чужой. Ахъ ты, соколикъ!

Бенев. Ты, Дуня, поосторожнѣй—увидитъ кто нибудь, нехорошо! (*Становится въ позицію*).

Дуня. А хочешь, сейчасъ дебошъ сдѣлаю?

Бенев. Дура, дура! Что ты, что ты!

Дуня. Не бойся, не бойся! Что ты испугался? Я не въ тебя.

Бенев. Нѣтъ, Дуня, полно, въ самомъ дѣлѣ. Коли тебѣ что нужно, ты лучше ко мнѣ на домъ приди.

Дуня. Не пойду я къ тебѣ, не безпокойся.

Бенев. А здѣсь, Дуня, тебѣ что-жъ дѣлать. Посмотри невѣсту и ступай.

Дуня. Ужъ я видѣла! Хороша, вѣдь, Паша, ужъ можно сказать, что хороша. (*Къ Беневоленскому*). Только съумѣешь ли ты съ этакой женой жить? Ты смотри, не загуби чужаго вѣку даромъ. Грѣхъ тебѣ будетъ. Остепенись, да живи хорошенько. Это вѣдь не со мной: жили, жили, да и былъ таковъ. (*Утираетъ глаза*).

Паша. А ты говорила, что тебѣ его не жаль.

Дуня. Вѣдь я любила его когда-то. Чтожъ надо-же когда нибудь разставаться; не вѣкъ такъ жить. Еще хорошо, что женится; авось будетъ жить порядочно. А все таки, Паша, ты то возьми, лѣтъ пять жили... вѣдь жалко. Конечно, не много я отъ него добраго видѣла... больше слезъ... одного сраму что перенесла. Такъ, ни за что прошла молодость и помянуть нечѣмъ.

Паша. Что дѣлать, Дуня.

Дуня. А вѣдь, бывало, и ему рада-радешенька, какъ пріѣдетъ. Смотри-жъ, живи хорошенько!

Бенев. Ну ужъ конечно.

Дуня. То-тоже. Эта вѣдь тебѣ на вѣкъ, не то, что я. Ну, прощай, не поминай лихомъ, добромъ нечѣмъ. Что это я, какъ дура расплакалась, въ самомъ дѣлѣ! О! махнемъ рукой, Паша, завьемъ горе веревочкой!

Бенев. Прощай, Дуня!

Дуня. Адье, мусье!—Пойдемъ, Паша. (*Уходятъ*).

Бенев. Сумашедшая женщина! Еще хорошо, что такъ обошлось. Однако, я было перетрухнулъ. (*Входитъ официантъ*). Дай-ка мнѣ, братецъ, рюмочку хересу. Фу! какъ гора съ плечъ. (*Официантъ подаетъ*). Благодарю, любезный. (*Уходитъ*).

Островскій. (Бѣдная невѣста, д. V, сц. 9).

(Кокетство наивное).

Арнольфъ. Агнеса! Я хочу потолковать съ тобою:
На свѣтѣ часто мы встрѣчаемся съ бѣдою,
И ближній ближнему здѣсь всячески вредятъ.
Представь же ты себѣ,—сосѣди говорятъ,
Что будто безъ меня какой-то здѣсь повѣса
Прихаживалъ къ тебѣ, любезная Агнеса,
И именно тайкомъ, въ калитку черезъ садъ.
Я вѣрить не хочу—и бьюся объ закладъ,
Что злые языки тебя оклеветали.

Агнеса. Ахъ нѣтъ, не бейтеся; вамъ право не солгали!

Арнальфъ. Такъ мнѣ не солгано?

Агнеса. Я увѣряю васъ,
Онъ эти дни почти не выходилъ отъ насъ.

Арнольфъ (*всторону*).
Вотъ ангелъ-то: во всемъ въ минуту мнѣ призналась!
И то сказать—когда невинность притворялась? (*Агнесѣ*).
Но, кажется, мой другъ, когда я не забылъ,
Я принимать чужихъ вамъ строго запретилъ?

Агнеса. Да, это такъ; но вы когда бъ его узнали,
Вы вѣрно бы его и сами обласкали.

Арнольфъ. Все можетъ быть, да какъ онъ видѣлся съ тобой?

Агнеса. Вотъ это и смѣшно, и чудно мнѣ самой.
Безъ васъ разъ, подъ вечеръ, накинувши платочикъ,
Я сѣла на балконъ и штопала чулочикъ;
Вдругъ вижу, что одинъ мужчина мимо насъ

Все ходитъ—и съ меня почти не сводитъ глазъ,
Потомъ сталъ кланяться; мнѣ сдѣлалась страхъ стыдно;
Но изъ учтивости, чтобъ не было обидно,
Я также, поклонясь, привстала на балконъ.
Онъ ближе подошелъ и снова мнѣ поклонъ,
Я тоже,—онъ опять и, сдѣлавшись смѣлѣе,
Мы стали кланяться другъ другу веселѣе.
Онъ все высматривалъ, ходилъ и всякій разъ,
Къ балкону подойдя, мнѣ кланялся тотчасъ.
А я какъ глазъ съ него все время не спускала,
Такъ онъ все кланялся, а я все присѣдала;
И если бы меня не испугала ночь,
Я вѣрно бъ не ушла никакъ съ балкона прочь,
Чтобъ этотъ господинъ и милый и шутливый
Увѣренъ былъ, что я умѣю быть учтивой.

Арнольфъ. Ну что жъ?

Агнеса. Лишь ночь прошла, откуда ни взялась,
Старушка къ намъ одна, и обласкавши насъ,
Здорово, молвила, дѣвица молодая,
Но любо посмотрѣть, красавица какая!
Но ты, сударыня, на то ли разцвѣла,
Чтобъ прелестью своей надѣлать столько зла?
Такъ знай же, что вчера, съ намѣреньемъ конечно,
Ты сердце ранила одно безчеловѣчно!

Арнольфъ, (*всторону*). О вѣдьма старая! Развратница дѣтей!

Агнеса. Я сердце ранила? я отвѣчала ей.
Да, да, сударыня, и вовсе безъ причины,
Ты сердце ранила вчерашняго мужчины!
Ахъ, Богъ мой! Невзначай за ласки всѣ его
Неужто что нибудь я бросила въ него?
О нѣтъ! сказала мнѣ старушка чуть не плача:
Ужъ видно такова несчастнаго удача.
А, впрочемъ, это зло и эти чудеса
Надѣлали твои злодѣйскіе глаза.
Ахъ, Богъ мой! Неужли, спросила я съ слезами:
Я точно родилась съ злодѣйскими глазами?
Да, да, сударыня, въ нихъ скрытъ какой-то ядъ:
Кто всмотрится въ тебя, тотъ самъ тому не радъ;
И такъ, болѣзнь его, ты видишь, не игрушка.
Къ тому жъ, примолвила мнѣ добрая старушка:
Когда онъ и въ тебѣ надежды не найдетъ,
Такъ этотъ человѣкъ навѣрное умретъ.
О нѣтъ, сказала я; за это Богъ накажетъ!...
Но чтобъ помочь ему, что-жъ дѣлать онъ прикажетъ?
Ахъ, отвѣчала мнѣ старушка: мой больной

Лишь хочетъ вечеркомъ увидѣться съ тобой
И средства попросить, которымъ, безъ сомнѣнья,
Избавишь ты его отъ этого мученья.
И такъ, сказала я; что-жъ это за бѣда!
Пожалуй—приходить онъ можетъ къ намъ всегда.
Арнольфъ, (*всторону.*) Ахъ! если бы съ тобой мнѣ, старой сатаною,
Да встрѣтиться—ужъ ты бъ раздѣлалась со мною!
Агнеса. Онъ началъ къ намъ ходить и сдѣлался здоровъ.
Я рада всякому помочь—мой нравъ таковъ,
Разжалобясь, божусь, добрѣе я ребенка.
Мнѣ даже жаль, когда зарѣжутъ и цыпленка.

Мольеръ. (Школа женщинъ, д. II, яв. 5).

(Кокетство натуральное).

Гольцовъ. Простите меня, Вѣра Павловна!

Вѣрочка. Я не могу васъ не простить.

Гольц. Отчего же-съ?

Вѣроч. Такъ папашѣ угодно.

Гольц. Только потому-съ?

Вѣроч. Разумѣется. Я бы не вышла къ вамъ ни за что на свѣтѣ.

Гольц. Въ этомъ радости для меня не много-съ. Я бы желалъ знать, что вы сами обо мнѣ думаете-съ?

Вѣроч. Что вы ко мнѣ пристаете!

Гольц. (*Хочетъ взять руку*). Позвольте-съ!

Вѣроч. Это что еще?

Гольц. Ручку поцѣловать.

Вѣроч. Съ чего это вы выдумали!

Гольц. Вѣдь ужъ вы меня простили?

Вѣроч. Да, я васъ простила, а руки не дамъ.

Гольц. И вы долго будете сердиться-съ?

Вѣроч. Долго! Вотъ новости! Всю жизнь.

Гольц. Да, помилуйте, какъ же это можно-съ, когда вы...

Вѣроч. Что я?

Гольц. Да какъ же, вы изволили обѣщать-съ...

Вѣроч. Что такое?

Гольц. Да вчера изволили... быть столько добры-съ... за меня замужъ...

Вѣроч. За васъ замужъ? Кто же это вамъ сказалъ?

Гольц. Да и Павелъ Прохорычъ говоритъ-съ...

Вѣроч. Папаша можетъ мнѣ приказать помириться съ вами, а этого не можетъ.

Гольц. Значитъ, мнѣ нельзя никакой и надежды имѣть?

Вѣроч. Никакой.

Гольц. Извините, что я васъ побезпокоилъ. Дѣлать мнѣ здѣсь нечего-съ. Прощайте-съ! (*Молчаніе*). Честь имѣю кланяться (*хочетъ идти*).

Вѣроч. Слушайте, куда же вы?

Гольц. Домой-съ. Засвидѣтельствуйте мое почтеніе Павлу Прохоровичу (*идетъ къ двери*).

Вѣроч. Не ходите!

Гольц. (*въ дверяхъ*). Помилуйте, Вѣра Павловна! Что же мнѣ здѣсь оставаться! Только одно мученіе.

Вѣроч. Если вы уйдете, я такъ разсержусь, такъ разсержусь, что...

Гольц. Вѣдь ужъ какъ ни сердитесь, хуже этого для меня не будетъ-съ. Чего же еще! Вы даже и надежды не позволяете имѣть.

Вѣроч. Еще бы позволить! Нѣтъ, вы вотъ что скажите: если вы уйдете теперь, вы ужъ никогда больше не придете?

Гольц. Зачѣмъ же я пойду, разсудите сами-съ.

Вѣроч. Такъ никогда?

Гольц. Никогда-съ.

Вѣроч. Ну и прекрасно! И не надо васъ! Не приходите! Прощайте!

Гольц. Прощайте, Богъ съ вами!

Вѣроч. Прощайте! (*Вырываетъ у Гольцова шляпу*). Уходите! Что жъ вы нейдете?

Гольц. Что-жъ это за насмѣшки-съ? Пожалуйте шляпу-съ?

Вѣроч. Нѣтъ ужъ, теперь не отдамъ (*прячетъ шляпу за себя*).

Гольц. Ахъ, позвольте! Изломаете, право, изломаете.

Вѣроч. Ни за что, ни за что не отдамъ. Ну, ужъ возьмите! (*Гольцовъ протягиваетъ руку, она прячетъ шляпу*).

Гольц. Вы ужъ лучше простите меня; помиримтесь, какъ слѣдуетъ, тогда я самъ останусь.

Вѣроч. Отымите отъ меня шляпу, помирюсь.

Гольц. Вѣдь захочу, такъ отниму-съ.

Вѣроч. Попробуйте!

Гольц. Извольте! (*Охватываетъ руками Вѣрочку, она сопротивляется, онъ ее цѣлуетъ*).

Вѣроч. Это что еще! (*Топаетъ ногой*). Кто вамъ позволилъ! Вы хотите, чтобъ я васъ прогнала?

Гольц. Виноватъ-съ! Пожалуйте шляпу, я самъ уйду.

Вѣроч. Возьмите! (*Отдаетъ шляпу*).

Гольц. Прощайте! (*Идетъ къ дверямъ*).

Вѣроч. (*тихо*). Саша!

Гольц. Что вамъ угодно-съ?

Вѣроч. Что вы воротились! Я совсѣмъ васъ не звала. Это я про себя.

Гольц. Извините-съ! (*Уходитъ*).

Вѣроч. (*кричитъ все громче и громче*). Саша! Саша! Саша! Ахъ, какой противный! Онъ, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ уйдетъ. (*У окна*). Саша! Саша, воротись! Воротился, воротился! (*Прыгаетъ отъ радости, Гольцовъ входитъ*). Ты, Саша, такой... такой... нехорошій! Ты не стоишь, чтобъ тебя любили! Ты хотѣлъ уйти и никогда не приходить. И выходитъ, что ты злой, а я добрая.

Гольц. Значитъ, вы меня совсѣмъ прощаете?

Вѣроч. Совсѣмъ.

Гольц. И я опять смѣю называть васъ Вѣрочкой?

Вѣроч. Нѣтъ, не смѣешь. Ну, да называй, пожалуй.

Гольц. И ручку поцѣловать можно?

Вѣроч. Можно. На! (*Протягиваетъ ему руку*).

Гольц. (*цѣлуя руку*). Мы ужъ, Вѣрочка, объ этой ссорѣ и помнить не будемъ.

Вѣроч. Не будемъ.

Гольц. И замужъ, Вѣрочка, пойдешь за меня?

Вѣроч. Пойду. Только ты не уходи. (*Гольцовъ цѣлуетъ руку. Входитъ Анна Павловна*).

Островскій. (Шутники, д. III, явл. 4).

(Кокетство свѣтское).

Альцестъ. Я правду вамъ скажу: угодно слушать вамъ?
Такъ жить, какъ вы, нельзя; такъ поступать—жестоко.
Вся желчь во мнѣ кипитъ; я оскорбленъ глубоко,
Я вижу по всему: разстаться должно намъ.
Я не умѣю льстить и хитрыми словами
Коварно увѣрять, что часъ не наступилъ...
О! я бы клятву далъ, что не разстанусь съ вами,
Но чтобъ ее сдержать—во мнѣ не хватитъ силъ!

Селимена. Такъ вотъ вы для чего хотѣли быть со мною,
Чтобы бранить меня?...

Альц. Нѣтъ, вовсе не бранить.
Но вы такъ ласковы со всѣми, кто желаетъ,
Толпа поклонниковъ всегда васъ окружаетъ—
А это трудно мнѣ отъ васъ переносить.

Селим. Толпа поклонниковъ! Вы, право, очень строги!
Но если нравлюсь я, кто жъ въ этомъ виноватъ!
Они мной заняты, со мною быть хотятъ—
Неужли съ палкою встрѣчать ихъ на порогѣ?

Альц. Не палка—сердце васъ должно бы охранять
Отъ пошлой болтовни и глупыхъ объясненій
Присяжныхъ волокитъ, должно вамъ силу дать
Встать выше женскихъ искушеній.
Я знаю: красота невольно ихъ влечетъ,
Но ласковый пріемъ ихъ дальше увлекаетъ;
Игра невинная глазами подаетъ
Надежду лестную, надежда обольщаетъ,
Игра невинная заходитъ далеко...
Кто знаетъ, гдѣ конецъ?... А вамъ, вамъ только надо
Кокетство уменьшить, умѣрить нѣжность взгляда—
Безъ палки будетъ вамъ легко
Прогнать докучливое стадо.
Но объясните мнѣ, я не могу понять,
Какими странными судьбами
Вамъ нравится Клитандръ? Что въ немъ, скажите сами,
Какою силою онъ можетъ увлекать
И сердца вашего живыя струны трогать?
Онъ длинной шпагою, должно быть, васъ прельстилъ?

Не знаю, чѣмъ еще? Что на мизинцѣ ноготь
Длиннѣе шпаги отпустилъ?
Нѣтъ? Изобильемъ лентъ? Костюмомъ прихотливымъ
Онъ поражаетъ васъ? Васъ ослѣпилъ парикъ!
Нѣтъ? Но не можетъ быть, чтобъ голосомъ фальшивымъ
Онъ прямо въ душу къ вамъ проникъ.

Селим. Какъ вы взволнованы и какъ несправедливы.
Онъ при дворѣ имѣетъ вѣсъ;
Въ моемъ процессѣ онъ...

Альц. Теряйте вашъ процессъ!

Селим. Ко всей вселенной вы ревнивы!

Альц. Ко всей вселенной—да! А вы, какъ вижу я,
Ко всей вселенной благосклонны...

Селим. И упрекаете за это вы меня?
Вы—мной предъ всѣми отличенный?
А лучше, если бъ одному
Я отдавала предпочтенье?

Альц. Я вами отличенъ. Но чѣмъ же?—Не пойму.
Разсѣйте, наконецъ, сомнѣнья.

Селим. Чѣмъ? Убѣжденіемъ, что вы любимы мной.

Альц. И радъ бы вѣрить всей душой,
Гдѣ жъ доказательства?

Селим. Но если я сказала:
Альцестъ, я васъ люблю—и этого вамъ мало?
Вы все не вѣрите?...

Альц. Повѣрить я готовъ,
Но кто поручится, что этихъ самыхъ словъ
Вы, можетъ быть, сейчасъ другимъ не говорили?

Селим. Вотъ мнѣніемъ какимъ меня вы наградили!
Вотъ ваша страстная, высокая любовь!
Довольно! я сейчасъ разсѣю всѣ сомнѣнья:
Что говорила я—беру назадъ вполнѣ;
Я говорила въ заблужденьи.
Нѣтъ, не приписывайте мнѣ
Обмана вашихъ чувствъ и вашего сознанья—
Теперь все кончено.

Альц. Зачѣмъ я васъ люблю!
О! если вырвусь я изъ вашего вліянья,
Я небеса благословлю!
Я не скрываю, нѣтъ, я пламенно желаю
Изъ сердца вырвать прочь вашъ образъ роковой,
Но... всѣ усилія напрасны—я не знаю,
За что наказанъ я любовію такой!

Селим. Да, странная любовь! Едва ли кто такъ любитъ.

Мольеръ. (Мизантропъ, д. II явл. 1).

(Кокетство притворное).

ТАРТЮФЪ. Вы присылать сейчасъ изволили за мной?
ЭЛЬМИРА. Да, съ вами надобно остаться мнѣ одной;
Но чтобы кто нибудь не подсмотрѣлъ за нами,
Пожалуста, вы все кругомъ заприте сами.
(*Тартюфъ запираетъ двери и возвращается*).
Тотъ шумъ, который здѣсь случился безъ меня,
Совсѣмъ не то.... чего бъ теперь желала я.
Дамисъ никакъ такихъ послѣдствій не предвидѣлъ:
Онъ, натурально, васъ ужасно разобидѣлъ;
И мнѣ немудрено вамъ было доказать,
Что всячески его старалась я унять;
И признаюсь, за васъ я такъ перепугалась,
Что, наконецъ, сама невольно потерялась!
Но такъ какъ говорятъ: нѣтъ худа безъ добра,
То, кажется, и намъ утѣшиться пора.
Мой мужъ безъ памяти влюбился въ васъ — и, стало,
Онъ васъ подозрѣвать не думаетъ нимало,
А въ доказательство, приказываетъ мнѣ
Нарочно съ вами быть всегда наединѣ.
Мы оба, какъ жена и другъ, ему послушны,
И если точно вы ко мнѣ не равнодушны,
То, не смотря, что я послѣдствій трепещу...
Я, можетъ быть, за все охотно васъ прощу.
ТАРТЮФЪ. Позвольте мнѣ.... придти въ себя отъ удивленья!
Но вы за часъ совсѣмъ другаго были мнѣнья.
ЭЛЬМИРА. Ахъ! если разсердилъ васъ давишній отказъ,
Такъ, видно, женщины загадкою для васъ,
И вы не знаете, что этакъ защищаться,
Есть тоже самое, что въ слабости признаться.
Нельзя-жъ, чтобъ женщина на все рѣшилась вдругъ,
Нельзя-же ей въ своей любви признаться вслухъ!
И страхъ, и мужъ.... во всемъ находитъ затрудненье....
Но часто нашъ отказъ похожъ на позволенье.
Вотъ до чего для васъ забыться я могла!
Вы сами видите, я всѣмъ пренебрегла,
И если безъ стыда на это я рѣшилась,
Скажите мнѣ: къ чему за васъ бы я вступилась?
Къ чему-бъ упрашивать Дамиса стала я,
Когда бъ взаимность чувствъ не увлекла меня?
И наконецъ, когда я свадьбѣ такъ мѣшала....
Не значитъ ли, что я васъ явно ревновала?
Не значитъ-ли: что вы мнѣ нравились самой,
И что я не могла васъ уступить другой!

Тартюфъ. Такая искренность изъ вашихъ устъ прелестныхъ
Прекраснѣе всѣхъ благъ и радостей небесныхъ;
Я чувствую, что я восторгомъ упоенъ,
И въ небо, кажется, седьмое вознесенъ!
Вамъ нравиться—я чту небеснымъ воздаяньемъ
И вся душа горитъ сладчайшимъ упованьемъ!
Но, между тѣмъ, могу ль я счастливъ быть вполнѣ,
Когда вы, можетъ быть, польстили только мнѣ,
Чтобы завлечь меня взаимностью желанной....
И помѣшать моей женитьбѣ съ Маріанной?
И такъ, когда пошло на искренность у насъ,
То я подозрѣвать не перестану васъ,
Пока любовника въ сомнѣніяхъ печальныхъ
Вы не допустите до ласкъ первоначальныхъ,
И положивъ конецъ сомнѣніямъ моимъ,
Докажите, что я существенно любимъ!

Эльмира (*кашляетъ, давая знать мужу*).
Ахъ, Боже мой! какъ вы безсовѣстно спѣшите:
Хоть нѣсколько мою вы скромность пощадите.

Тартюфъ. Но если точно я и счастливъ, и любимъ,
Что жъ можетъ помѣшать желаніямъ моимъ?

Эльмира. Но вспомните, чѣмъ вы насъ сами поучали.
Чтобъ мы ничѣмъ.... благихъ небесъ не оскорбляли.

Тартюфъ. О! если небеса пугаютъ только васъ,
То я на этотъ счетъ васъ вразумлю тотчасъ
И поученіемъ разсѣю страхъ напрасный.

Эльмира. Но мужу измѣнить.... вѣдь это грѣхъ ужасный.

Тартюфъ. Что до грѣховъ, то я ихъ знаю лучше всѣхъ;
Но мелочи смѣшно считать за тяжкій грѣхъ.
Конечно, многое достойно осужденья....
Но знаете.... на все есть мѣра снисхожденья.
Смотря по случаю, намъ надо привыкать
Своею совѣстью свободно управлять.
И можно-ль упрекнуть того дурнымъ дѣяньемъ,
Кто очищается сердечнымъ покаяньемъ?
Я въ этихъ правилахъ васъ скоро укрѣплю,
И въ доказательство, какъ страстно васъ люблю,
Я на единаго себя беру свободно
И зло, и грѣхъ, и все, что только вамъ угодно.
(*Эльмира кашляетъ еще сильнѣе*).
Какъ вы раскашлялись!

Эльмира. Да, это безъ конца.

Тартюфъ. Вамъ не угодно-ли кусочикъ леденца?

Эльмира. Нѣтъ, кашлю моему онъ вѣрно не поможетъ,
Онъ такъ упрямъ и такъ давно меня тревожитъ...

Тартюфъ. Какъ жаль!
Эльмира. Да, у меня ужъ слезы на глазахъ!
Тартюфъ. Я кончу тѣмъ, что вашъ смѣшонъ, по чести, страхъ,
Что наша связь и мнѣ оказанныя ласки
Не могутъ никакой подвергнуться огласкѣ.
Не зло, но явность зла намъ въ обществѣ вредитъ;
И что за грѣхъ... когда тихонько кто грѣшитъ?
Эльмира (*кашляя, стучитъ по столу*).
Я чувствую, что я не въ силахъ защищаться,
Что я принуждена безъ отговорокъ сдаться,
Что убѣжденіямъ здѣсь вѣрить не хотятъ
И, наконецъ, на все рѣшиться мнѣ велятъ.
Вы согласитеся, что это слишкомъ больно.
Но если женщина увлечена невольно,
И тотъ, кого она предпочитаетъ всѣмъ,
Не убѣждается, къ несчастію, ничѣмъ,
Рѣшительно ее склоняетъ къ послушанью,
То надобно жъ его покорствовать желанью:
Повиновеніе есть общій нашъ удѣлъ.
Не тотъ ли виноватъ, кто этого хотѣлъ?
Я за послѣдствія себя не обвиняю!
Тартюфъ. Помилуйте, за все одинъ я отвѣчаю!
Эльмира. Но я боюсь, чтобъ насъ подслушать кто не могъ
И какъ нибудь мой мужъ меня не подстерегъ.
Тартюфъ. Какъ эти мелочи вамъ въ голову приходятъ!
Вѣдь онъ изъ тѣхъ, кого свободно за носъ водятъ:
Простой, смѣшной, полуослѣпшій человѣкъ
И нашъ покорнѣйшій слуга на цѣлый вѣкъ.
Эльмира. Чтобъ ни было, но мнѣ простительно бояться,
Намъ надо всякаго теперь остерегаться.
Пожалуйста, на все взгляните поскорѣй.
Гдѣ кто... и нѣтъ ли здѣсь шпіоновъ у дверей.

Мольеръ. (Тартюфъ, д. IV, явл. 5).

(Кокетливое заигрываніе).

Эллуэнъ. (*входитъ справа, съ цвѣтами въ рукахъ*). А! вы здѣсь? Какимъ чудомъ?

Максъ. Честь имѣю...

Элл. Что, вы рисуете? а я нарвала себѣ цвѣтовъ для сегодняшняго бала. Вы знаете, что мы сегодня ѣдемъ на балъ къ графинѣ де Кастено?

Максъ. Нѣтъ-съ, я не зналъ.

Элл. (*весело*). Впрочемъ вы никогда ничего не знаете... (*Кладетъ цвѣты на скамью, налѣво, оставляя у себя два или три цвѣтка, которые ощипываетъ, разговаривая*).

Максъ. Я такъ рѣдко бываю въ замкѣ... у меня столько дѣла...

Элл. И притомъ вы такой дикарь...

Максъ (*холодно*). Я вовсе не дикарь... но веду себя осторожно, зная свое мѣсто и хочу, чтобъ никто не могъ меня ни въ чемъ упрекнуть...

Элл. (*послѣ паузы*). Но что жъ такое я сказала, или что я сдѣлала, что бъ могло васъ обидѣть?

Максъ. Ничего, увѣряю васъ.

Элл. Отчего жъ вы такъ перемѣнили ваше со мной обращеніе? Мнѣ казалось прежде, что я могла расчитывать на вашу дружбу?

Максъ (*откровенно*). О, вы можете и теперь на нее расчитывать!.. Это чувство такъ естественно, понятно: наши положенія здѣсь совершенно одинаковы... мы оба безъ состоянія, одиноки... безъ друзей, безъ поддержки. Для васъ, для дѣвушки, положеніе это даже тягостнѣе и гораздо опаснѣе чѣмъ для меня; потому расчитывайте смѣло на мое расположеніе, доказательствъ котораго я не могу представить никакихъ, выключая одного добраго совѣта... но, можетъ быть, вы не захотите принять его...

Элл. О, нѣтъ, напротивъ... говорите, пожалуйста.

Максъ (*мягко*). Даже, если это горькая истина?

Элл. Все равно, говорите.

Максъ. И такъ, m-lle Эллуэнъ, вы прелестны, но... и у васъ есть недостатокъ.

Элл. Одинъ? только?

Максъ (*улыбаясь и съ добротой*). Только.

Элл. Какой-же?

Максъ. Говорить ли?

Элл. Я прошу васъ.

Максъ. И такъ... вы...

Элл. (*граціозно*). Что?—ну?

Максъ. Кокетка;—правда?

Элл. Нѣтъ?—вотъ никогда не замѣчала.

Максъ. Ну такъ замѣтьте хорошенько... и увидите. (*Эллуэнъ тихо опускаетъ голову, смущенная его взглядомъ. Максъ продолжаетъ все съ большею добротою*). Не спорю... это бездѣлица, но что жъ дѣлать... Мы съ вами не должны имѣть недостатковъ; мы обязаны, обречены быть совершенствами въ своемъ родѣ и то, что было бы очень мило и граціозно у другихъ, намъ съ вами ставится въ вину: такова участь всѣхъ бѣдныхъ на свѣтѣ!

Элл. (*поднимая голову*). Какъ вы добры, г. Максъ! Вы мой истинный другъ!

Максъ. Желалъ бы быть...

Элл. Чѣмъ? моимъ другомъ?

Максъ (*серьезно*). Истиннымъ, какъ вы сейчасъ сказали.

Элл. Право? Такъ вы меня любите?—да? (*ощипываетъ листки цвѣтка*) посмотримъ: немножко?

Максъ. Ну, безъ сомнѣнія.

Элл. (*кокетливо*). Очень?

Максъ (*помолчавъ*). Нѣтъ.

Элл. (*бросая цвѣты съ досады*). А!..

О. Фелье. (Управитель, д. I, явл. 4).

(Кокетство мѣщанское).

Мамаева (*садится въ кресло*). Цѣлуйте ручку, ваше дѣло улажено.

Глумовъ. Я васъ не просилъ.

Мам. Нужды нѣтъ, я сама догадалась.

Глум. (*цалуетъ руку*) Благодарю васъ. (*Беретъ шляпу*).

Мам. Куда же вы?

Глум. Домой. Я слишкомъ счастливъ. Я побѣгу подѣлиться моей радостью съ матерью.

Мам. Вы счастливы? Не вѣрю.

Глум. Счастливъ, на сколько можно.

Мам. Значитъ, не совсѣмъ; значитъ, вы еще не всего достигли.

Глум. Всего, на что только я смѣлъ надѣяться.

Мам. Нѣтъ, вы говорите прямо: всего вы достигли?

Глум. Чего же мнѣ еще! Я получу мѣсто.

Мам. Не вѣрю, не вѣрю. Вы хотите въ такихъ молодыхъ годахъ показать себя матеріалистомъ, хотите увѣрить меня, что думаете только о службѣ, о деньгахъ.

Глум. Клеопатра Львовна...

Мам. Хотите увѣрить, что у васъ никогда не бьется сердце, что вы не мечтаете, не плачете, что вы не любите никого.

Глум. Клеопатра Львовна, я не говорю этого.

Мам. А если любите, можете ли вы не желать, чтобы и васъ любили?

Глум. Я не говорю этого.

Мам. Вы говорите, что всего достигли.

Глум. Я достигъ всего возможнаго, всего, на что я могу позволить себѣ надѣяться.

Мам. Значитъ, вы не можете позволить себѣ надѣяться на взаимность. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ вы даромъ тратите ваши чувства. Вѣдь это перлы души. Говорите, кто эта жестокая?

Глум. Но вѣдь это пытка, Клеопатра Львовна.

Мам. Говорите, негодный, говорите сейчасъ! Я знаю, я вижу, по вашимъ глазамъ, что вы любите! Бѣдный! Вы очень, очень страдаете?

Глум. Вы не имѣете права прибѣгать къ такимъ средствамъ. Вы знаете, что я не посмѣю ничего скрыть отъ васъ.

Мам. Кого вы любите?

Глум, Сжальтесь!

Мам. Стоитъ ли она васъ?

Глум. Боже мой, что вы со мною дѣлаете!

Мам. Умѣетъ ли она оцѣнить вашу страсть, ваше прекрасное сердце?

Глум. Хоть убейте меня, я не смѣю.

Мам. (*шопотомъ*). Смѣлѣе, мой другъ, смѣлѣе!

Глум. Кого люблю я?

Мам. Да.

Глум. (*падая на колѣно*). Васъ.

Мам. (*тихо вскрикивая*). Ахъ.

Глум. Я вашъ рабъ на всю жизнь. Карайте меня за мою дерзость, но я люблю. Заставьте меня молчать, заставьте меня не глядѣть на васъ, запретите мнѣ любоваться вами; еще хуже: заставьте меня быть почтительнымъ, но не сердитесь на меня! Вы сами виноваты. Еслибъ вы не были такъ очаровательны, такъ снисходительны ко мнѣ, я, можетъ быть, удержалъ бы мою страсть въ предѣлахъ приличія, чего бы мнѣ это ни стоило. Но вы, ангелъ доброты, вы, красавица, изъ меня, благоразумнаго человѣка, вы сдѣлали бѣшенаго сумасброда! Да, я сумасшедшій! Мнѣ показалось, что меня манитъ блаженство и я не побоялся кинуться въ пропасть, въ которой могу погибнуть безвозвратно. Простите меня. (*Склоняетъ голову*).

Мам. (*цѣлуя его въ голову*). Я васъ прощаю.

Островскій. (На всякаго мудреца довольно простоты, д. II, явл. 10).

(Жеманство).

Пупырина (*проталкиваясь между крестьянами*). Пустите, пустите... (*Подходя къ столу*). Петръ Алексѣичъ, я къ вамъ...

Демкинъ. Что прикажете? Прошу васъ. (*Указываетъ на стулъ*).

Пупыр. Защитите... Защитите... Я женщина; вы посредникъ... вы обязаны защищать слабыхъ...

Демк. Что такое случилось?

Пупыр. Вы видите: я сама пріѣхала къ вамъ... я дама — и пріѣхала, стало быть, я была вынуждена...

Демк. Да потрудитесь же мнѣ объяснить въ чемъ дѣло...

Пупыр. Вы—мужчина, вы—молодой человѣкъ, а я—дама... я не могу высказать всего... Ахъ, зачѣмъ это назначаютъ посредниками такихъ молодыхъ!.. Я не могу вамъ высказать... Хочу сказать, взгляну на васъ—и не могу, не могу... стыдно...

Демк. Такъ зачѣмъ же вы пожаловали ко мнѣ, если не можете объяснить, что вамъ угодно?..

Пупыр. Ахъ, какой вы, неужели вы не понимаете, что могутъ быть въ жизни такія обстоятельства, которыя... Вы видите: я дама и сама пріѣхала къ вамъ, стало быть, я была вынуждена...

Демк. Ну извините, пожалуйста: мнѣ некогда... видите сами, сколько народа дожидается...

Пупыр. (*хныкая*). Но вы посредникъ, вы обязаны принять во мнѣ участіе: я слабая женщина... и меня обижаютъ...

Демк. Да что же я могу наконецъ сдѣлать, когда вы ничего не хотите мнѣ сказать!..

Пупыр. Ахъ, какой вы... да поймите же, что я не могу... Я женщина.

Демк. (*молча пожимаетъ плечами*).

Пупыр. Ну, отвернитесь...

Демк. Какъ отвернитесь?

Пупыр. Такъ отвернитесь: не смотрите на меня... Я, можетъ быть, скажу...

Демк. (*смѣясь*). Ну извольте.

Пупыр. Ахъ, тутъ народъ... мужики... Выйдите отсюда, любезные.

Демк. Да полноте же, пожалуйста, право мнѣ некогда!

Пупыр. Ну, ну, не сердитесь... Не смотрите же на меня: я сейчасъ скажу... (*Демкинъ отворачивается*). У меня горничная дѣвка... Машка... охъ, Боже мой, не могу... Ну, не сердитесь... Сейчасъ... сейчасъ. Нѣтъ, я лучше на ухо... (*Шепчетъ на ухо Демкину*). Ну что вы меня вынуждаете говорить!.. Ну, вотъ сказала...

Демк. (*оборачиваясь со смѣхомъ*). Да мнѣ-то какое же дѣло до этого?..

Пупыр. Какъ какое? какъ какое?.. Вы посредникъ, вы обязаны наблюдать за нравственностью. Въ моемъ домѣ прежде этого никогда не бывало. Я прежде за это строго наказывала... Теперь я не имѣю права наказать... Теперь для этого посредники назначены: я васъ и прошу взыскать съ нея...

Демк. Ну ужъ, сударыня, извините, это не мое дѣло... обратитесь къ кому нибудь другому...

Пупыр. Да какъ же къ другому?.. Къ кому же я могу обратиться кромѣ своего посредника?.. Вы войдите же въ мое положеніе: вѣдь я слабая женщина... Кромѣ того, что она оскорбила меня, какая же она мнѣ слуга, какая работница? постоянно больна, ничего дѣлать не можетъ... Я ее даромъ кормить не намѣрена...

Демк. Ну такъ отошлите ее...

Пупыр. Да какъ же я останусь безъ прислуги?

Демк. Найдите себѣ другую.

Пупыр. Что, что вы говорите? Нанять другую, платить деньги, а негодяйка, развратница будетъ гулять?.. Ну, Петръ Алексѣичъ, я отъ васъ этого не ожидала... Это значитъ поощрять развратъ, а не наказывать его... Если вы будете внушать имъ (*указываетъ на крестьянъ*) такія мысли, такъ признаюсь...

Демк. Ну, я вамъ больше никакого совѣта дать не могу... Извините меня...

Пупыр. Но вы обязаны принять во мнѣ участіе, какъ въ женщинѣ... Вы видите: я сама къ вамъ пріѣхала, стало быть, я была вынуждена...

Демк. Повторяю вамъ: я тутъ ничего не могу сдѣлать... Мнѣ право, некогда... (*Къ крестьянамъ*). Ну, вамъ что нужно? говорите...

Пупыр. Вы выгоняете меня изъ дома? Вы не хотите со мной говорить!.. Хорошъ посредникъ, хорошъ защитникъ дворянскихъ интересовъ!.. Конечно, еслибъ я была не женщина, а мужчина, я бы знала, какъ съ вами раздѣлаться... Я бы также точно поступила съ вами, какъ Михайло Иванычъ Хазиперовъ...

Демк. (*съ невольнымъ движеніемъ*). То есть какъ же?

Пупыр. А такъ-съ... Это очень хорошо всѣмъ извѣстно... (*Дѣлаетъ знаки руками по воздуху, какъ будто даетъ пощечины*). Да и по дѣломъ, и по дѣломъ!...

Демк. Ну, ужъ теперь я васъ дѣйствительно попрошу уйти... Не угодно ли вамъ. (*Указываетъ на дверь*).

Пупыр. О, я уйду!.. (*Выразительно*). Я уйду... Но вамъ это даромъ не пройдетъ... Я по всему околотку васъ ославлю... Такъ ославлю, такую мораль на васъ пущу, что не только Хазиперова дочь... послѣдняя гувернантка, горничная за васъ не пойдетъ... Хорошо!.. Хорошо!.. (*Уходитъ*).

А. Потѣхинъ. (Отрѣзанный ломоть, д. IV, явл. 3).

(Материнская любовь, защита дочери).

Гекуба.
Лаэртовъ сынъ! уже ли ты забылъ
Тотъ день, когда ты былъ переодѣтый
Въ стѣнахъ могущественной Трои. Вспомни,
Какъ ты у ногъ моихъ, страшася смерти,
Молилъ о жалости, о состраданьи,
Какъ блѣдный и трепещущій,—колѣна
Ты обнималъ мои!... Я не отвергла
Твоихъ моленій... Я тебя спасла
И жизнію своей ты мнѣ обязанъ!
Уже ли же теперь, Улиссъ, ты будешь
Неблагодаренъ и жестокъ? Ужели
За жизнь свою ты смерть назначишь?
Безчеловѣчный! Для чего? За что
Вы Поликсену умертвить хотите?
Ахиллъ вашъ жертвы требуетъ себѣ?
Отдайте же ему свою Елену,
Виновницу всѣхъ бѣдъ Троянъ и Грековъ;
Пусть кровь ея на вѣки примиритъ
И побѣдителей и побѣжденныхъ!
Улиссъ! Ужель вотще я умоляю?
Я жизнь тебѣ дала, отдай мнѣ дочь!
Ты умолялъ меня, и я молю!
Ты руку мнѣ слезами орошалъ
Смотри, какъ предъ тобой я горько плачу!
Ты обнималъ тогда мои колѣна...
Вотъ я у ногъ твоихъ! Отдай мнѣ дочь!
Не спрашивай ея невинной крови...
Она одна осталась мнѣ теперь
Отечествомъ, семействомъ, утѣшеньемъ...
Не отнимай ее: въ ней жизнь моя!
Вы побѣдители... Но развѣ должно
Убійствами вашъ подвигъ увѣнчать?
И въ постоянствѣ счастья и побѣды

Изъ смертныхъ кто увѣренъ можетъ быть?
Я—горестный тебѣ примѣръ!
Давно ль семействомъ
И радовалась и гордилась я?
И все прошло, исчезло! Я въ плѣну;
Нѣтъ царства, нѣтъ друзей и нѣтъ дѣтей!
О, сжалься, мудрый сынъ Лаэрта; ты
Между царями силенъ краснорѣчьемъ...
Скажи имъ, убѣди ихъ, пристыди,
Что низко и безбожно поражать
Дѣтей и женъ! Что боги никогда
Не требуютъ невинной крови въ жертву!
Что, даровавъ побѣду Грекамъ, боги
Довольны будутъ милосердьемъ ихъ!
Что плѣнныхъ умерщвлять постыдно, низко!..
Улиссъ, склонись, спаси! Тебя я буду
Любить какъ брата, какъ отца, какъ бога!

. . . .

Поликсена. . . . . Улиссъ! я за тобой иду... О, мать!
Не останавливай меня, и дай мнѣ
Безъ униженья умереть... Мы все
На свѣтѣ потеряли; сохранимъ же
Наслѣдіе и брата и отца;
Пусть жизнь возьмутъ, намъ остается честь!
Гекуба. Дочь! мужество твое теперь ужасно!..
Мы только умолять должны и плакать...
О Греки, вы въ жестокости своей
Несправедливы и ослѣплены...
Вы смерть Ахилла отомстить хотите?..
Его убилъ Парисъ, мой сынъ... Такъ я
Одна должна быть принесена быть въ жертву
Ведите на гробницу вы меня,
И кровь мою пролейте...
Улиссъ. Не тебя, но Поликсену требуетъ Ахиллъ!
Гекуба. Такъ умертвите насъ обѣихъ, только
Не разлучайте такъ жестоко насъ!
Улиссъ. Мы рады васъ обѣихъ пощадить,
Когда бы гласъ боговъ не назвалъ жертвы.
Гекуба. Но развѣ дочь могу я пережить?
Улиссъ. Мы то свершимъ, что повелѣли боги...
Поликсена. О, мать моя! Что наши всѣ слова?
Противиться мы развѣ можемъ силѣ?
Ужель намъ ждать, чтобы людей толпа
И полъ нашъ оскорбила и лѣта?
Нѣтъ! волѣ рока обѣ предадимся...

Прижми меня послѣдній разъ въ объятья!
Позволь колѣна мнѣ твои обнять!
Дай руку мнѣ свою поцѣловать!..
Благослови меня въ часъ грозной смерти!
Живи, страдай, я счастливѣй тебя!

Гекуба. Отъ всѣхъ дѣтей мнѣ дочь одна осталась,
И ту злодѣи умертвить хотятъ!
Что станется со мной? Чего мнѣ ждать?

Поликсена. Что жъ отъ тебя сказать отцу и брату?

Гекуба. Скажи имъ, что моихъ страданій мѣру
Рокъ переполнилъ!..

Поликсена. Тамъ тебя мы встрѣтимъ!
Улиссъ, подай мнѣ жертвенный покровъ;
Онъ отъ меня скорбь матери сокроетъ..
Я умереть готова, но не въ силахъ
Перенести ея мученій, слезъ...

Еврипидъ (Гекуба).

(Материнская любовь, радость свиданія).

Гудула. Дочь моя, моя дочь! У меня есть дочь! Вотъ она... Богъ мнѣ возвратилъ ее. Вы... идите всѣ посмотрѣть на мою дочь... Боже мой! какъ она хороша! Господи! пятнадцать лѣтъ Ты заставилъ меня ждать и возвратилъ мнѣ ее красавицей. Цыгане ее не испортили! Кто мнѣ говорилъ это? Дочка, милая дочка, поцѣлуй меня. О, добрые цыгане, какъ я люблю ихъ... Да, это ты!.. Такъ вотъ почему мое сердце билось всякій разъ, какъ ты проходила мимо. А я думала, что ненавижу тебя; о прости мнѣ, моя Агнеса, прости мнѣ. Ты думала, что я злая; я люблю тебя. Твой маленькій шейный значекъ, цѣлъ онъ? О, да, вотъ онъ. О, красавица! Вѣдь отъ меня ты получила свои большіе глаза, дочка. Поцѣлуй меня, я люблю тебя. Теперь мнѣ все равно, что у другихъ матерей есть дѣти; какое мнѣ дѣло до нихъ! Пусть придутъ, посмотрятъ: вотъ моя дочь. Вотъ ея шея, глаза, волосы, руки!.. Пусть найдутъ у кого нибудь лучше. Ручаюсь, что многіе въ нее влюбятся... Я плакала пятнадцать лѣтъ; я подурнѣла, она стала красавицей. Поцѣлуй меня!..

Гюго. (Соборъ Богоматери, част. XI. гл. 1).

(Материнская любовь, борьба любви и эгоизма).

Медея. О, дѣти, дѣти! у васъ есть теперь и родина и домъ, гдѣ, покинувъ меня несчастную, вы будете жить, на вѣки разставшись съ матерью; я же изгнанницей пойду въ другую страну; я не буду радоваться съ вами, не буду видѣть васъ счастливыми, не буду снаряжать вашихъ свадебъ, убирать вашихъ невѣстъ и брачныхъ постелей; не буду зажигать свадебныхъ факеловъ. О, я несчастная своимъ неукротимымъ увлеченіемъ! Напрасно же я вскормила васъ, дѣти! напрасно я страдала, томилась мученіями и переносила тяжкія боли. Я-то надѣялась, возлагала когда-то на васъ великія надежды; я-то надѣялась, что вы будете кормить меня, старуху; что когда умру, вы погребете меня прилично, какъ слѣдуетъ. Теперь погибла эта сладкая надежда. Разлученная съ вами, я проведу жизнь печальную и грустную; и вы никогда не увидите матери вашими милыми очами; вы перейдете къ другой жизни! Горе мнѣ, горе! Зачѣмъ вы смотрите на меня вашими очами, зачѣмъ вы улыбаетесь вашею послѣднею улыбкою. Горе мнѣ, горе! Что мнѣ дѣлать? Смѣлость моя пропадаетъ, когда смотрю на свѣтлыя очи дѣтей моихъ. Нѣтъ, не могу. Простите, прежніе замыслы! я уведу съ собою дѣтей изъ этой страны; тамъ, живучи со мною, они будутъ радовать мое сердце. Зачѣмъ, заставляя отца страдать ихъ страданіями, подвергаться мнѣ вдвое большимъ страданіямъ? Нѣтъ, никогда, никогда! Простите замыслы! Но что я дѣлаю? Неужели я захочу подвергнуться насмѣшкамъ, оставивъ своихъ враговъ не отмщенными. Нѣтъ, нужно рѣшиться! Ахъ ты, робкое сердце, зачѣмъ ты поддаешься нѣжнымъ увлеченіямъ! Удалитесь въ домъ дѣти, отвернись, кто хочетъ, отъ этой кровавой жертвы. Рука моя не дрогнетъ...

Еврипидъ. (Медея).

(Материнская любовь, извѣстіе о сынѣ).

Марѳа. Сынъ — несомнѣнно! Дальніе края
И дикія пустыни возмутились—

И за него оружіе подняли;
Полякъ-вельможа, гордый палатинъ,
Рѣшается отдать ему въ супруги
Не дочь свою, а золото литое...
И я одна, я, мать, его отвергну?
И буду очевидицей нѣмой
Какъ вихорь общей радости и счастья
Всю Русь охватитъ въ день вѣнчальный сына?
Онъ сынъ мой!—знаю, чувствую и вѣрю!
Хочу повѣрить и берусь за якорь
Ниспущенный мнѣ съ неба для спасенья.
Онъ! онъ идетъ вооруженно
Спасти меня и отомстить врагу!
Я слышу звуки громкихъ трубъ и бубновъ!
Сбирайтесь отъ сѣвера и юга,
Изъ всѣхъ степей, изъ вѣковыхъ лѣсовъ,
Всѣ языки державному на встрѣчу
По всѣмъ путямъ! Сѣдлайте и коня,
Взнуздайте и оленя и верблюда!
Какъ волны моря, слейтесь отовсюду
Безчисленно подъ царскую хоругвь!
О, для чего же здѣсь съ тоской—печалью,
И имъ конца и мѣры нѣтъ—я гибну?
Ты, солнце вѣковѣчное! Ты ходишь
Кругомъ земли—снеси мои желанья!
Ты, воздухъ необъятный и летучій,
Вѣй на него моимъ благословеньемъ.
Опричь молитвъ и скорби ничего
Нѣтъ у меня. Изъ глубины душевной
Ихъ окрыленно шлю я въ выси неба,
Чтобъ воинствомъ помощнымъ низошли
Ко моему возлюбленному сыну.

Шиллеръ. (Димитрій Самозванецъ, д. II. сц. 4).

Материнская любовь, сожалѣніе).

Бальзаминова. (*Одна сидитъ съ чулкомъ въ рукахъ.*) Миша! Миша! Что ты тамъ въ кухнѣ дѣлаешь? («Не мѣшайте, маменька! Матрена меня завиваетъ!») Все завивается! Все завивается! Красотой-то своей ужъ очень занятъ. Эхъ, молодо, зелено! Все счастье себѣ хочетъ составить, прельстить кого-нибудь. А я такъ думаю, не прельститъ онъ никого; разумомъ-то онъ у

меня больно плохъ. Другой и собой-то, изъ лица-то не казистъ, такъ словами обойдетъ; а мой-то умныхъ словъ совсѣмъ не знаетъ. Да, да! Ужъ и жаль его. Знай-ка онъ умныя-то слова, по нашей бы сторонѣ много могъ выиграть: сторона глухая, народъ темный. А то словъ-то умныхъ не знаетъ. Да и набраться то негдѣ. Ужъ хоть бы изъ стиховъ что ли выписывалъ. (*Подумавъ.*) И диковина это, что случилось! Въ кого это онъ родился такъ бѣлокуръ? Опять бѣда: нынче бѣлокурые-то не въ модѣ. Ну и носъ.... не то, чтобы онъ курносый вовсе, а такъ мало какъ-то, чего-то нехватаетъ. А понравиться хочется, особенно, кабы богатой невѣстѣ. Ужъ такъ, бѣдный, право, старается,— изъ кожи лѣзетъ. Кто жъ себѣ врагъ! Сторона-то у насъ такая, богатыхъ невѣстъ очень много, а глупы вѣдь. Можетъ, Мишѣ и посчастливится по ихъ глупости. Умишкомъ-то его очень Богъ обидѣлъ. (*Бальзаминовъ кричитъ изъ кухни:* «Маменька, я хочу аля-полька завиться!») Глупенькій, глупенькій! Зачѣмъ ты завиваешься? Волосы только ерошишь, да жжешь, всѣ врозь смотрятъ. Такъ-то лучше къ тебѣ идетъ, натуральнѣе! Ахъ ты, Миша, Миша! Мнѣ-то ты милъ, я-то тебя ни на кого не промѣняю; какъ-то другимъ-то понравишься, особенно богатымъ-то? Что-то ужъ и не вѣрится! На мои-то бы глаза лучше и нѣтъ тебя, а другіе-то нынче разборчивы. Поговорятъ съ тобой, ну и увидятъ, что ты умомъ-то недостаточенъ. А кто жъ этому виноватъ? (*Вздыхаетъ.*) Глупенькій ты мой! А вѣдь, можетъ, и счастливъ будетъ. Говорятъ, такимъ-то Богъ счастье даетъ.

Островскій. (Праздничный сонъ до обѣда. д. I, яв. 1).

(Отцовская любовь, разлука).

Эдипъ.

Будь счастливъ и за этотъ шагъ одинъ:
Пусть Богъ хранитѣ тебя, не какъ меня!
О, дѣти, гдѣ вы, гдѣ? Сюда, ко мнѣ,
Къ рукамъ моимъ, какъ брата, подойдите!
Родившаго отца взоръ прежде свѣтлый
Вотъ какъ онѣ вамъ нынѣ дали видѣть!
Отца, который васъ родилъ, не зная,

От той, которою был сам рожден!
Не вижу вас, но плачу я об вас,
Когда подумаю, как вам придется
Прожить с людьми остаток горькой жизни.
В какое общество пойдете граждан?
На праздники какiе вы пойдете,
Чтоб с праздником, не с плачем в дом вернуться?
Когда ж достигнете вы лѣт замужства,
Найдется ль, дѣти, человѣк такой,
Который бы стал выше предразсудка
И принял бы сей пагубный позор,
Приросшiй к тѣм, которые меня,
И к тѣм, которые родили вас.
Какого зла не достает еще!
Отца убил отец ваш и потом
Он с матерью своей прижил дѣтей —
Упреки в том придется слушать вам.
И кто ж возмет вас за себя? Никто.
Без брака, без дѣтей умрете вы.
О, Менекея сын! Когда мы оба,
Которые родили их, погибли,
И ты один отец им остаешься,
Не брось ты их — онѣ тебѣ родны —
Без мужа, в бѣдности, чтоб не скитались
И не сравняй с моей и их судьбу,
Но пожалѣй, в таких их видя лѣтах,
Всего лишенных, лишь в тебѣ одном
Имѣющих надежду всю. О, дѣти!
Когда б имѣли вы и смысл и разум,
Я много б вам сказал. Теперь одно
Мнѣ остается пожелать, чтоб вам
Досталась лучше жизнь, чѣм жизнь отца.

Софокл. (Эдип-Царь).

(Отцовская любовь, горе).

Прiам. Вспомни отца своего, Ахиллес, безсмертным подобный,
Старца такого ж, как я, на порогѣ старости скорбной!
Может быть, в самый сей миг и его, окруживши, сосѣды
Ратью тѣснят и некому старца от горя избавить.
Но, по крайней он мѣрѣ, что жив ты и зная, и слыша,
Сердце тобой веселит и вседневно льститься надеждой
Милаго сына узрѣть, возвратившагось в дом из под Трои.
Я же, несчастнѣйшiй смертный, сынов возрастил браноносных

Въ Тронѣ святой, и изъ нихъ ни единаго мнѣ не осталось!
Я пятьдесятъ ихъ имѣлъ при нашествіи рати Ахейской:
Ихъ девятнадцать братьевъ отъ матери было единой,
Прочихъ родили другія любезныя жены въ чертогахъ;
Многимъ Арей истребитель сломилъ имъ несчастнымъ колѣна.
Сынъ оставался одинъ, защищалъ онъ и градъ нашъ и гражданъ;
Ты умертвилъ и его, за отчизну сражавшагось храбро,
Гектора. Я для него прихожу къ кораблямъ Мирмидонскимъ;
Выкупить тѣло его приношу драгоцѣнный я выкупъ.
Храбрый, почти ты боговъ! Надъ моимъ злополучіемъ сжалься,
Вспомнивъ Пелея родителя! Я еще болѣе жалокъ!
Я испытую, чего на землѣ не испытывалъ смертный:
Мужа, убійцы дѣтей моихъ, руки къ устамъ прижимаю.

Гомеръ (Иліада пѣснь XXIV).

Лиръ (*входитъ съ трупомъ Корделіи на рукахъ*).
Рыдайте, люди, войте, войте, войте...
О, каменный народъ! будь у меня
Твои глаза да глотка, я бы такъ
Рыдалъ, что вопль мой расколол бы небо!—
Она ушла на вѣки... Да, я знаю,
Кто мертвый, кто живой... Она мертва;
Какъ мать сыра-земля!
Дай зеркало... вотъ, если на губахъ
Стекло у ней потускнетъ, запотѣетъ,
Тогда жива... ...Перо
Дрожитъ... Она жива... Будь ты жива—
За разъ бы тутъ съ души снялось все горе,
Что пережилъ за весь свой вѣкъ!
. . . .
Чума на васъ,
На всѣхъ на васъ, предатели, убійцы!
Я бъ могъ спасти ее... Теперь она
Ушла на вѣкъ! Корделія, Корделія,
Постой на мигъ! Ты говоришь?.. У ней
Всегда былъ нѣжный, милый, тихій голосъ—
У женщины прелестнѣйшая вещь.—
А рабъ ее повѣсилъ...
. . . .
Повѣшенъ мой голубчикъ бѣдный!.. Нѣтъ,
Нѣтъ жизни! нѣтъ! Собака, лошадь, мышь
Живутъ, а ты... Хоть бы одно дыханье!
И не придешь ты больше никогда!..
О никогда! во вѣки никогда!..

Послушай, здѣсь вотъ разстегни... Спасибо.
Ты видишь? а?.. Смотрите на нее...
Смотри... Ея уста... Смотри жъ, смотри! (*умираетъ*).

Шекспиръ (Король Лиръ, д. V, сц. 4).

(Отцовская любовь, нѣжная заботливость).

Царь. Что, Ксенія? что милая моя?
Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ.
Дитя мое! судьба мнѣ не судила
Виновникомъ быть вашего блаженства.
Я, можетъ быть, прогнѣвалъ небеса,
Я счастіе твое не могъ устроить;
Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь!
А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?
Өеодоръ. Чертежъ земли Московской, наше царство
Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,
Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море,
Вотъ Пермскіе дремучіе лѣса.
А вотъ Сибирь.
Царь. А это что такое
Узоромъ здѣсь віется?
Өеодоръ. Это Волга.
Царь. Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья!
Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣть
Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.
Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни.
Когда нибудь, и скоро, можетъ быть,
Всѣ области, которыя ты нынѣ
Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
Всѣ подъ руку достанутся твою.
Учись, мой сынъ, и легче, и яснѣе
Державный трудъ ты будешь постигать.

Пушкинъ (Борисъ Годуновъ).

Царь. Подите всѣ—оставьте одного
Царевича со мною. Умираю;
Обнимемся. Прощай, мой сынъ: сейчасъ
Ты царствовать начнешь... о Боже, Боже!
Сейчасъ явлюсь передъ тобой—и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!

Но чувствую, мой сынъ, ты мнѣ дороже
Душевнаго спасенья... такъ и быть!
Я подданнымъ рожденъ, и умереть
Мнѣ подданнымъ во мракѣ бъ надлежало,
Но я достигъ верховной власти—чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
А я за все одинъ отвѣчу Богу.
О, милый сынъ, не обольщайся ложно,
Не ослѣпляй себя ты добровольно.
Въ дни бурные державу ты пріемлешь:
Опасенъ онъ, сей чудный самозванецъ,
Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
Могъ удержать смятенье и мятежъ;
Передо мной они дрожали въ страхѣ;
Возвысить гласъ измѣна не дерзала;
Но ты младой, неопытный властитель,
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушить мятежъ, опутывать измѣну!
Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу... Слушай:
Совѣтника во-первыхъ избери
Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
Любимаго народомъ, а въ Боярахъ
Почтеннаго породой, или славой—
Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
Искусный вождь: Басманова пошли
И съ твердостью снеси боярскій ропотъ.
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ Думѣ,
Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка—
Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановить опалы, казни—можешь
Ихъ отмѣнить: тебя благословятъ,
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда престолъ онъ Грознаго пріялъ.
Со временемъ и по немногу снова
Затягивай державные бразды:
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская.
Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни Уставъ церковный.
Будь молчаливъ! не долженъ Царскій голосъ
На воздухѣ теряться по пустому;

Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь, или великій праздникъ.
О, милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ—
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость!
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ.
Въ семьѣ своей будь завсегда главой;
Мать почитай, но властвуй самъ собою:
Ты мужъ и Царь; люби свою сестру—
Ты ей одинъ хранитель остаешься.

Пушкинъ. (Борисъ Годуновъ).

(Отцовская любовь, нѣжность).

О грезахъ юности, томимъ воспоминаньемъ,
Съ отрадой тайною и тайнымъ содроганьемъ,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, если бъ знало ты, какъ я тебя люблю!
Какъ милы мнѣ твои улыбки молодыя
И быстрые глаза, и кудри золотыя,
И звонкій голосокъ! Не правда ль, говорятъ,
Ты на нее похожъ? Увы! года летятъ;
Страданія ее до срока измѣнили,
Но вѣрныя мечты тотъ образъ сохранили
Въ груди моей; тотъ взоръ, исполненный огня,
Всегда со мной. А ты, ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебѣ мои непрошенныя ласки?
Не слишкомъ часто-ль я твои цѣлую глазки?
Слеза моя твоихъ ланитъ не обожгла-ль?
Смотри жъ, ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мнѣ. Къ чему? Ее, быть можетъ,
Ребяческій разсказъ разсердитъ, или встревожитъ;
Но мнѣ ты все повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
Предъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
Молитву дѣтскую она тебѣ шептала
И въ знаменье креста персты твои сжимала,
И всѣ знакомыя, родныя имена
Ты повторялъ за ней,—скажи, тебя она
Ни за кого молиться не учила?
Блѣднѣя, можетъ быть, она произносила

Названіе теперь забытое тобой ..
Не вспоминай его... Что имя?—Звукъ пустой!
Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной.
Но если, какъ нибудь, когда нибудь, случайно
Узнаешь ты его,—ребяческіе дни
Ты вспомни и его, дитя, не прокляни!..

Лермонтовъ.

(Религіозное чувство, благоговѣніе).

О, Ты пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ—Богъ!

. . . .

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей-то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безмертно бытіе,
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился
И чтобъ чрезъ смерть я возратился,
Отецъ; въ безсмертіе твое.
Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей!
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ не возможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ въ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И—благодарны слезы лить.

Державинъ. (Богъ).

(Религіозное чувство, суевѣріе).

Ѳеклуша. Послѣднія времена, матушка, Марѳа Игнатьевна, послѣднія, по всѣмъ примѣтамъ послѣднія. Еще у васъ въ городѣ рай и тишина, а по другимъ городамъ такъ просто содомъ, матушка: шумъ, бѣготня, ѣзда безпрестанная! Народъ-то такъ и снуетъ, одинъ туда, другой сюда.

Кабанова. Некуда намъ торопиться-то милая, мы и живемъ, не спѣша.

Ѳекл. Нѣтъ, матушка, отъ того у насъ тишина въ городѣ, что многіе люди, вотъ хоть бы васъ взять, добродѣтелями, какъ цвѣтами, украшаются; отъ того-то все и дѣлается прохладно и благочинно. Вѣдь эта бѣготня-то, матушка, что значитъ? Вѣдь это суета! Вотъ хоть бы въ Москвѣ; бѣгаетъ народъ взадъ да впередъ, неизвѣстно зачѣмъ. Вотъ она суета-то и есть. Суетный народъ, матушка, Марѳа Игнатьевна, вотъ онъ и бѣгаетъ. Ему представляется-то, что онъ за дѣломъ бѣжитъ; торопится, бѣдный, людей не узнаетъ, ему мерещится, что его манитъ нѣкто; а придетъ на мѣсто, анъ пусто, нѣтъ ничего, мечта одна. И пойдетъ въ тоскѣ. А другому мерещится, что будто онъ догоняетъ кого-то знакомаго. Со стороны-то свѣжій человѣкъ сейчасъ видитъ, что никого нѣтъ, а тому-то все кажется отъ суеты, что онъ догоняетъ. Суета-то, вѣдь, она въ родѣ туману бываетъ. Вотъ у васъ въ этакой прекрасный вечеръ рѣдко кто и за вороты-то выдетъ посидѣть; а въ Москвѣ-то теперь гульбища, да игрища, а по улицамъ-то индо грохотъ идетъ; стонъ стоитъ. Да чего, матушка, Марѳа Игнатьевна, огненнаго змія стали запрягать, все видишь, для ради скорости.

Кабан. Слышала я, милая.

Ѳекл. А я, матушка, такъ своими глазами видѣла. Конечно, другіе отъ суеты не видятъ ничего, такъ онъ имъ машиной показывается; они машиной и называютъ, а я вѣдь видѣла, какъ онъ лапами-то вотъ такъ (*растопыриваетъ пальцы*) дѣлаетъ. Ну, и стонъ, которые люди хорошей жизни, такъ слышатъ.

Кабан. Назвать-то всячески можно, пожалуй хоть машиной

назови; народъ-то глупъ, будетъ всему вѣрить. А меня хоть ты золотомъ осыпь, такъ я не поѣду.

Ѳекл. Что за крайности, матушка! Сохрани Господи отъ такой напасти. А вотъ еще, матушка, Марѳа Игнатьевна, было мнѣ въ Москвѣ видѣніе нѣкоторое. Иду я рано поутру, еще чуть брезжется, и вижу на высокомъ, превысокомъ домѣ, на крышѣ, стоитъ кто-то, лицемъ черенъ. Ужъ сами понимаете, кто. И дѣлаетъ онъ руками, какъ будто сыплетъ что, а ничего не сыпится. Тутъ я догадалась, что это онъ плевелы сыплетъ, а народъ днемъ въ суетѣ-то своей невидимо и подберетъ. Отъ того-то они такъ и бѣгаютъ, отъ того-то у нихъ и женщины-то всѣ такія худыя, тѣла-то никакъ не нагуляютъ; да какъ будто онѣ что потеряли, либо чего ищутъ, въ лицѣ печаль, даже жалко.

Кабан. Все можетъ, моя милая! Въ наши времена чего дивиться!

Ѳекл. Тяжелыя времена, матушка, Марѳа Игнатьевна, тяжелыя. Ужъ и время-то стало въ умаленіе приходить.

Кабан. Какъ такъ, милая, въ умаленіе?

Ѳекл. Конечно, не мы, гдѣ намъ замѣтить въ суетѣ-то? А вотъ умные люди замѣчаютъ, что у насъ и время-то короче становится. Бывало, лѣто и зима то тянутся, тянутся, не дождешься, когда кончатся; а ныньче и не увидишь, какъ пролетятъ. Дни-то и часы все тѣже, какъ будто остались; а время-то, за наши грѣхи, все короче и короче дѣлается. Вотъ что умные-то люди говорятъ.

Кабан. И хуже этого, милая, будетъ.

Ѳекл. Намъ-то только не дожить до этого.

Кабан. Можетъ, и доживемъ.

Островскій. (Гроза, д. III, явл. 1).

(Релегіозное чувство, фанатизмъ).

Великій Инквизиторъ. Стою ли я передъ монархомъ?
Король. Да.
Вел. Инквиз. Я этого не ожидалъ ужъ больше.
Кор. Я повторяю сцену лѣтъ прошедшихъ:

Филиппъ—инфантъ совѣта снова проситъ
У своего учителя.

Вел. Инквиз. Въ совѣтѣ
Мой ученикъ, великій вашъ родитель
Ни разу не нуждался.

Кор. Онъ былъ счастливъ.
Я учинилъ убійство, кардиналъ,
И нѣтъ покоя.

Вел. Инквиз. Для чего жъ убійство
Вы учинили?

Кор. Я вдался въ обманъ
Ужасный, безпримѣрный...

Вел. Иквиз. Да, я знаю.

Кор. Какъ! что вы знаете?

Вел. Инквиз. Ужъ много лѣтъ
Я знаю то, что узнаете вы
Лишь съ захожденья солнца.

Кор. (*съ отчаяніемъ*). Такъ вы знали
Объ этомъ человѣкѣ?

Вел. Инквиз. Жизнь его
Давно съ начала до конца
Въ святыхъ регистрахъ Санта—Казы.

Кор. И онъ свободенъ былъ?

Вел. Инквиз. Нить, на которой
Онъ былъ привязанъ здѣсь, была длинна,
Но неразрывна.

Кор. Но онъ былъ за границей
Моихъ владѣній.

Вел. Инквиз. Гдѣ бы ни былъ онъ,
Я былъ при немъ.

Кор. (*съ негодованіемъ ходитъ взадъ и впередъ*). Вы знали въ чьихъ рукахъ
Я находился—и ни словомъ даже
Объ этомъ мнѣ не намекнули?

Вел. Инквиз. Этотъ
Вопросъ назадъ пріймите. Почему же
Вы не спросили насъ, когда въ обьятья
Вы бросились къ такому человѣку?
Его вы знали. Взглядъ единый вамъ
Изобличалъ еретика. Что жъ васъ
Могло заставить скрыть такую жертву
Отъ наказанія

Кор. Онъ также въ жертву
Былъ принесенъ.

Вел. Инквиз. Нѣтъ. онъ убитъ... безславно,
Кощунственно. Та кровь, что намъ во славу

Должна бы течь обильными ручьями,
Убійцъ лишь подлыхъ руки обагрила.
Онъ нашимъ былъ. Что васъ могло заставить
Чужимъ добромъ, какъ тать, распоряжаться?
Онъ жилъ, чтобъ умереть чрезъ насъ. Его
На бѣдность вѣку нашему Господь
Самъ подарилъ, чтобъ мудрствующій умъ
Во всѣхъ его постыдныхъ заблужденьяхъ
Торжественно, открыто обличить.
То былъ обдуманный мой планъ. И вотъ,
Что сталося съ работой стольких лѣтъ!
Мы обокрадены, а вы остались
Лишь съ кровью на рукахъ.

Кор. Я страстью
Былъ увлеченъ. Прости мнѣ!

Вел. Инквиз. Страстью?
Филиппъ—инфантъ мнѣ развѣ отвѣчаетъ?
И развѣ постарѣлъ одинъ я?—Страстью! (*Качаетъ головой*).
Даруй же послѣ этого свободу
Своимъ народамъ, если самъ еще
Въ цѣпяхъ.

Кор. Въ такихъ дѣлахъ я новичекъ
Еще. Имѣй со мной терпѣнье

. . . .

Есть
Еще одна послѣдняя работа—
А тамъ отыди съ миромъ въ вѣчность.
Забудемъ прошлое, пусть миръ межъ нами,
Какъ прежде, водворится. Миръ иль нѣтъ?

Вел. Инквиз. Миръ, если вы раскаялись.

Кор. (*Послѣ минутнаго молчанія*).
Мой сынъ
Мнѣ измѣнилъ.

Вел. Инквиз. Чего же вы хотите?

Кор. Всего иль ничего.

Вел. Инквиз. Что значитъ все?

Кор. Я помогу уйдти ему, коль смертью
Его нельзя мнѣ будетъ наказать.

Вел. Инквиз. И такъ?

Кор. Создашь ли ты такую вѣру,
Что защищала бы дѣтоубійство?

Вел. Инквиз. Чтобъ умирить святую справедливость
На древѣ Божій Сынъ былъ распятъ.

Кор. И эту мысль по всей Европѣ станешь
Ты проповѣдывать?

Вел. Инквиз. Доколѣ крестъ
Народы чтутъ.
Кор. Я согрѣшаю противъ
Природы: этотъ мощный голосъ ты
Молчать заставишь ли во мнѣ?
Вел. Инквиз. Предъ вѣрой
Нѣтъ голоса природы.
Кор. Я даю
Тебѣ мои права судьи. Мнѣ можно ль
Совсѣмъ остороиться будетъ?
Вел. Инквиз. Дайте
Мнѣ ихъ.
Кор. Онъ мой единый сынъ. Кому же
Я все оставлю?
Вел. Инквиз. Лучше тлѣнью, чѣмъ
Свободѣ.
Кор. (*встаетъ*). Мы согласны. Въ путь теперь.
Вел. Инквиз. Куда?
Кор. Принять обѣщанную жертву. (*уводитъ его*).

Шиллеръ. (Донъ-Карлосъ д. V явл. 10).

Религiозная ревность (комич. форма) см. Шиллера «Лагерь Валленштейна» вых. 8; умиленіе см. Майкова «Савонаролла»).

(Ханжество).

Оргонтъ. Неужли, Боже мой! слова ихъ справедливы?
Тартюфъ. Увы, мой братъ! погрязъ въ грѣхахъ я, нечестивый!
Изъ грѣшниковъ меня грѣшнѣе въ мірѣ нѣтъ...
Такимъ предателемъ гнушаться долженъ свѣтъ!
Вся жизнь моя есть плодъ душевнаго распутства
И скопище однихъ крамолъ и душегубства!
И вотъ судьба мнѣ случай сберегла,
Чтобъ покарать меня за гнусныя дѣла!
Пусть извергу причтутъ любыя злодѣянья...
Какія я могу представить оправданья?
Нѣтъ, нѣтъ, предателя скорѣе обвини
И съ поруганіемъ изъ дома изгони!
Я всякій гнѣвъ почту щедротою благою,
Въ сравненьи съ тѣмъ, чего я, безъ сомнѣнья, стою!
Оргонтъ. (*Дамису*). Злодѣй! Да какъ языкъ поворотился твой,
Невинность обнести такою клеветой?

Дамисъ. Стыдитесь, батюшка! и этотъ злой притворщикъ
Увѣритъ васъ...

Оргонтъ. Молчи, безсовѣстный доносчикъ!

Тартюфъ. Ахъ! пощади, твой сынъ ни въ чемъ не виноватъ;
Тебя единственно предостеречь хотятъ.
Нѣтъ, надобно узнать, какое я созданье...
Я, можетъ быть, на все рѣшиться въ состояньи!
Страшись, чтобъ наша связь не кончилась дурнымъ;
Не обольщай себя смиреніемъ моимъ.
Ты думаешь, что я полусвятой отшельникъ...
Но онъ поручится тебѣ, что я бездѣльникъ! (*Дамису*).
Такъ, сынъ возлюбленный, смѣлѣе продолжай!
И, не щадя меня, преслѣдуй и карай!
Ты видишь самъ, какимъ я извиваюсь змѣемъ!
Ругай меня ханжой, разбойникомъ, злодѣемъ,
Я все стерплю, во всемъ охотно признаюсь,
(*Упадая на колѣна*).
И даже пасть къ твоимъ ногамъ не постыжусь!

Оргонтъ. О, Боже мой! и ты прощенія не просишь,
Злодѣй!

Дамисъ. Помилуйте!

Оргонтъ. Ты головы не сносишь,
Разбойникъ!

Дамисъ. Я клянусь!..

Оргонтъ (*Тартюфу*). Молчи! Возстань, мой братъ!
Возстань! Ахъ, Боже мой!

Дамисъ. Но кто же виноватъ...

Оргонтъ. Молчи, злодѣй! или я выйду изъ терпѣнья!

Тартюфъ. Ахъ! христіанскаго не забывай смиренья.
Я въ жизнь мою себѣ не позволялъ
Чтобъ за меня другой невинно пострадалъ.

Оргонтъ, (*Дамису*). Безсовѣстный!

Тартюфъ. Твои упреки слишкомъ строги!..
(*Упадая на колѣна*)

Оргонтъ, (*дѣлая тоже*). Я самъ скорѣе брошусь въ ноги.
Ахъ, Боже мой! (*Обнимая Тартюфа*). Мой братъ!

Дамисъ. И этотъ подлый льстецъ
Увѣритъ васъ...

Оргонтъ. Молчи, безсовѣстный наглецъ!
А иначе сейчасъ, передъ его глазами,
Я задушу тебя отцовскими руками!
Я понялъ, я узналъ и вижу почему
Вы всячески вредить стараетесь ему;
И злобой вашею ничто не позабыто
Чтобъ святость клеветой запачкать ядовитой!

Такъ знайте же, что всѣ старанья ваши вздоръ;
Нѣтъ, варвары! я всѣмъ пойду наперекоръ,
Я докажу, что онъ мнѣ будетъ зятемъ, сыномъ
И что я, наконецъ, здѣсь полнымъ господиномъ.

Дамисъ. Помилуйте! за что жъ вы губите сестру?

Оргонтъ. На зло тебѣ, злодѣй — сегодня-жъ ввечеру,
Я обвѣнчаю ихъ; а ты за оскорбленья,
Сейчасъ, при мнѣ, у ногъ его проси прощенья.

Дамисъ. Нѣтъ, подо мной земля разступится скорѣй!

Оргонтъ. Такъ я жъ по своему раздѣлаюсь, злодѣй,
(*Тартюфу, который его удерживаетъ*).
(*Дамису*). Гдѣ... что нибудь!.. позволь, святой отшельникъ,
Убить его, когда онъ живъ еще, бездѣльникъ!
Изчезни съ глазъ и въ домъ отцовскій ни ногой!

Дамисъ. Извольте, но клянусь!..

Оргонтъ. Ни слова! я съ тобой
Не знаюся; тебя наслѣдства я лишаю
И къ этому еще, разбойникъ, проклинаю!
(*Дамисъ уходитъ*).

. . . .

Тартюфъ. Пускай его Господь по моему проститъ!
Одно, мой братъ, одно прискорбно мнѣ, конечно,
За что такъ оскорблять меня безчеловѣчно!

Оргонтъ. Мой другъ!

Тартюфъ. Я чувствую, что я не въ силахъ устоять,
Я самъ не свой!.. Убитъ и тѣломъ и душою,
И скоро къ вѣчному переселюсь покою!

Оргонтъ. (*въ слезахъ бѣжитъ къ дверямъ, въ которыя выгналъ сына*).
Ахъ, Боже мой! зачѣмъ его я отпустилъ!
Зачѣмъ разбойника на мѣстѣ не убилъ! (*Тартюфу*).
Ахъ, не грѣши! стыдись бездѣлкой сокрушаться.

Тартюфъ. Мой другъ! намъ надобно рѣшительно разстаться.

Оргонтъ. Въ умѣ ли ты?..

Тартюфъ. Повѣрь, возлюбленный мой братъ,
Что на меня не то еще наговорятъ.

Оргонтъ. Помилуй! я не дамъ имъ выговорить слова.

Тартюфъ. Нѣтъ, нѣтъ, клеветники вооружатся снова;
Ты слишкомъ добръ, чтобъ ихъ заставить замолчать
И посмотри—они поднимутся опять.

Оргонтъ. Нѣтъ, чортъ возьми!

Тартюфъ. Жена все сдѣлать въ состояньи!
Меня изгнать—ея первѣйшее желанье.

Оргонтъ. О женщины!

Тартюфъ. Къ чему себя намъ обольщать!..
Позволь, позволь тебя въ послѣдній разъ обнять!

Оргонтъ. Ахъ, пощади! за что жъ умру я сиротою?
Тартюфъ. Ахъ! сколько власти ты имѣешь надо мною.
Но я...
Оргонтъ. Ни слова, другъ!
Тартюфъ. Изволь, я остаюсь,
Но съ тѣмъ, что я тебѣ торжественно клянусь
Съ Эльмирой прекратить всѣ прежнія сношенья
И чтобы не подать и тѣни подозрѣнья,
Я не увижуся съ ней больше никогда.
Оргонтъ. А я хочу, чтобъ ты, наперекоръ, всегда
Съ ней видѣлся. Бѣсить людей моя отрада!
И всѣмъ на зло тебѣ за нею бѣгать надо.
Но мы не такъ еще злодѣямъ отомстимъ:
Я сдѣлаю тебя наслѣдникомъ моимъ,
Женю на дочери, и зятю въ награжденье
Сейчасъ бѣгу мое все укрѣпить имѣнье.
Не воспрепятствуй мнѣ въ намѣреньи благомъ!
Тартюфъ. Пусть воля Господа исполнится во всемъ!

Мольеръ. (Тартюфъ, д. III явл. 6 и 7).

(Любовь къ отечеству).

И какой же русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, не сказать иногда: «Чортъ побери все»! его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно—чудное? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ, и самъ летишь и все летитъ; летятъ версты, летятъ на встрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ, съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ; летитъ вся дорога ни вѣсть куда въ пропадающую даль; и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканьи, гдѣ не успѣваетъ значиться пропадающій предметъ; только небо надъ головою, да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ — одни кажутся недвижны. Эхъ тройка, птица—тройка! кто тебя выдумалъ? знать, у бойкаго народа ты могла только родиться,—въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ—гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ

схваченъ винтомъ, а наскоро живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ, снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ, чортъ знаетъ, на чемъ; а привсталъ, да замахнулся, да затянулъ пѣсню—кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ — и вонъ она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вонъ уже видно вдали, какъ что-то пылитъ и сверлитъ воздухъ.

Не такъ ли ты, Русь, что бойкая, необгонимая тройка, несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты; все отстаетъ и остается позади. Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель. Не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значитъ это наводящее ужасъ движеніе и что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони,—что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню—дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху, и мчится, вся вдохновенная Богомъ!.. Русь, куда жъ несешься ты? дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и, косясь, постораниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства.

Гоголь. (Мертвыя души, час. I.).

Русь! Русь! вижу я тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу. Бѣдна природа въ тебѣ, не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія ея дива, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства, — города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь набро-

шенныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣсни? Что зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу, и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня! какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?.. И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль предъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи... у! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль, Русь!..

Гоголь. (Мертвыя души, ч. I).

(Любовь къ искусству).

«Я ждалъ тебя, сынъ. Тебѣ предстоитъ путь, по которому отнынѣ потечетъ жизнь твоя. Путь твой чистъ, — не совратись съ него. У тебя есть талантъ; талантъ есть драгоцѣнный даръ Бога,—не погуби его. Изслѣдуй, изучай все, что ни видишь, покори все кисти, но во всемъ умѣй находить внутреннюю мысль и пуще всего старайся постигнуть высокую тайну созданья. Бла-

женъ избранникъ, владѣющій ею! Нѣтъ ему низкаго предмета въ природѣ. Въ ничтожномъ художникъ-создатель такъ же великъ, какъ и въ великомъ; въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго; ибо сквозитъ невидимо сквозь него прекрасная душа создавшаго, и презрѣнное уже получило высокое выраженіе, ибо протекло сквозь чистилище его души. Намекъ о Божественномъ, небесномъ раѣ заключенъ для человѣка въ искуствѣ, и потому одному оно уже выше всего. И во сколько разъ торжественный покой выше всякаго волненья мірскаго, — во столько разъ творенье выше разрушенія; во сколько разъ ангелъ одной только чистой невинностью свѣтлой души своей выше всѣхъ несмѣтныхъ силъ и гордыхъ страстей сатаны—во столько разъ выше всего, что ни есть на свѣтѣ, высокое созданье искусства. Все принеси ему въ жертву и возлюби его всей страстью,—не страстью, дышущей земнымъ вожделѣніемъ, но тихой, небесной страстью: безъ нея не властенъ человѣкъ вознестись отъ земли и не можетъ дать чудныхъ звуковъ успокоенія. Ибо для успокоенія и примиренія всѣхъ нисходитъ въ міръ высокое созданье искусства. Оно не можетъ поселить ропота въ душѣ, но звучащей молитвой стремится вѣчно къ Богу. Но есть минуты, темныя минуты...»

(*Гоголь*, Портретъ, ч. II).

(Любовь къ свободѣ).

Брутъ. Смерть его необходима, и не для меня — для себя мнѣ не къ чему искать его гибели,—а для общественнаго блага. Ему хочется короны; тутъ весь вопросъ въ томъ, какъ она измѣнитъ его? Вѣдь именно лучезарные дни и выводятъ ехиднъ, и это заставляетъ ходить осторожно. Коронуемъ его—тогда... тогда, конечно, снабдимъ жаломъ, дадимъ возможность вредить, когда вздумается. Но вѣдь величіе дѣлается злоупотребленіемъ тогда только, когда отдѣляетъ милосердіе отъ власти; Цезарь-же, если говорить правду, никогда не подчинялъ еще разсудка страстямъ своимъ. Но вѣдь извѣстно уже и то, что смиреніе—лѣстница юныхъ честолюбій, что на нее посматриваетъ только взбирающійся, что взобравшійся обращается къ ней спиною и смотритъ въ облака,

презирая нижними ступенями, по которымъ взбирался. Тоже можетъ и Цезарь; а чтобъ не могъ — необходимо предотвратить это. Если то, что онъ теперь и не оправдываетъ еще такой враждебности — она оправдывается тѣмъ, что всякое новое возвеличеніе его неминуемо приведетъ къ той, или другой крайности. А потому будемъ смотрѣть на него, какъ на змѣю въ яйцѣ, которая, когда вылупится, сдѣлается также зловредной, какъ и весь змѣиный родъ, и умертвимъ въ скорлупѣ еще.

Луцій. (*входитъ*). Свѣча зажжена. Но вотъ, отыскивая кремень, я нашелъ на окнѣ эту запечатанную бумагу; я знаю вѣрно, что ея не было на немъ, когда я пошелъ спать.

Брутъ. Ступай, спи: ночь не миновала еще. Вѣдь завтра, кажется, иды марта?

Луц. Не знаю.

Брутъ. Поди взгляни въ календарь и скажи мнѣ.

Луц. Сейчасъ (*уходитъ*).

Брутъ. Огненныя испаренія вспыхиваютъ въ воздухѣ такъ часто, что можно прочесть и здѣсь. (*Развертываетъ письмо и читаетъ*). «Ты спишь, Брутъ! проснись и сознай себя. Неужели Римъ... Говори, рази, спасай! Ты спишь, Брутъ, проснись!» — Съ нѣкотораго времени часто подбрасываютъ мнѣ такія письма. «Неужели Римъ...»—я долженъ пополнить это такъ: неужели Римъ склонитъ выю подъ гнетъ одного человѣка? Какъ, Римъ? Мои предки выгнали Тарквинія изъ Рима, только что его провозгласили царемъ.—«Говори, рази, спасай!» — Меня просятъ говорить, разить. О Римъ! придется спасать тебя — клянусь: ты будешь вполнѣ удовлетворенъ рукой Брута.

Брутъ. Будьте только до конца терпѣливы. — Римляне, сограждане, друзья, слушайте мое оправданіе и не нарушайте молчанія, чтобъ могли слышать; вѣрьте мнѣ ради чести моей и не откажите въ должномъ уваженіи моей чести, чтобы могли вѣрить; судите меня по вашему разумѣнію и напрягите все ваше вниманіе, чтобы могли судить справедливо. Если между вами есть хоть одинъ искренній другъ Цезаря—я скажу ему, что Брутъ любилъ

Цезаря не меньше его. Если затѣмъ этотъ другъ спроситъ: отчего жъ возсталъ Брутъ противъ Цезаря—я отвѣчу ему: не оттого чтобы я меньше любилъ Цезаря, а отъ того, что любилъ Римъ больше. Что было бы для васъ лучше: видѣть ли Цезаря живымъ, и умереть всѣмъ рабами, или видѣть его мертвымъ, чтобы всѣмъ жить людьми свободными? Цезарь любилъ меня—и я оплакиваю его; онъ былъ счастливъ — и я радовался этому; онъ былъ доблестенъ — и я уважалъ его; но онъ былъ властолюбивъ — и я убилъ его. Тутъ все—и слезы за любовь, и радость счастію, и уваженіе за доблести, и смерть за властолюбіе. Есть между вами хоть одинъ человѣкъ столь подлый, что желаетъ быть рабомъ? Есть — пусть говоритъ: только онъ и оскорбленъ мной. Есть между вами человѣкъ столь глупый, что не желаетъ быть Римляниномъ? Есть—пусть говоритъ: только онъ и оскорбленъ мной. Есть между вами человѣкъ столь гнусный, что не любитъ своего отечества? Есть—пусть говоритъ: только онъ и оскорбленъ мной. Я жду отвѣта.

Граждане. Нѣтъ, Брутъ, нѣтъ между нами такого?

Брутъ. А когда такъ, то никто и не оскорбленъ мной. Я поступилъ съ Цезаремъ, какъ вы поступили бы и съ Брутомъ. Причины смерти его вписаны въ Капитоліѣ безъ всякаго умаленія его достоинствъ, безъ всякаго преувеличенія вины, за которую умеръ.

(*Входятъ Антоній и другіе съ трупомъ Цезаря*).

Вотъ и трупъ его, провожаемый Маркомъ Антоніемъ, который, хотя и не участвовалъ въ умерщвленіи его—воспользуется, однако же, плодами его смерти, займетъ мѣсто въ республикѣ, какъ и каждый изъ васъ. Вотъ мое послѣднее слово: для блага Рима я убилъ человѣка, котораго любилъ наиболѣе — сражу и себя тѣмъ же самымъ кинжаломъ, если смерть моя понадобится отечеству.

Граждане. Живи, Брутъ! живи! живи!

Шекспиръ (Юлій Цезарь Д. II сц, 1 и Д. III. Сц. 2).

(Любовь къ свободѣ см. Шиллера «Донъ Карлосъ», д. III, сц. 10).

(Ненависть. Презрѣніе гнѣвное).

Медея. О презрѣннѣйшій! Увы! не знаю другаго слова, чтобы выразить твою робкую низость; такъ это ты пришелъ ко мнѣ, ты, мой злѣйшій врагъ? Вѣдь это не мужество и не смѣлость, если кто, сдѣлавши людямъ зло, смотритъ прямо имъ въ глаза: вѣдь это безстыдство, величайшее зло изъ всѣхъ золъ между людьми! Но ты хорошо сдѣлалъ, что пришелъ. Высказавши тебѣ все, я облегчу мою душу, и ты, слушая меня, заболишь сердцемъ. Начну съ самаго начала. Я спасла тебя, какъ знаютъ то Греки, бывшіе съ тобою на кораблѣ Арго, когда тебѣ нужно было обуздать огнемъ пышущихъ быковъ и взорать ими смертоносное поле. Я убила дракона, что, никогда не зная сна, стерегъ золотое руно, обвивъ его своими кольцами и тѣмъ озарила тебя свѣтомъ спасенія. Покинувъ отца и родной домъ, я, безразсудная, отправилась съ тобою въ Іолкосъ, въ Пеліотиду; я умертвила Пеліаса самою плачевною смертью, руками его дочерей, и избавила тебя отъ страха. И ты, презрѣннѣйшій изъ людей, обязанный мнѣ столькими благодѣяніями, бросилъ меня и, имѣя дѣтей, затѣялъ новый бракъ. Еще бы можно простить тебѣ, если бы ты былъ бездѣтенъ. Твои клятвы въ вѣрности разсыпались: не знаю, не думаешь ли, что боги, правившіе тогда міромъ, теперь уже не правятъ имъ; что теперь между людьми иные законы, а не тѣ, которые были тогда, потому что ты, сознавая, нарушилъ данную клятву. Сколько разъ ты, презрѣннѣйшій, сжималъ эту руку! Сколько разъ обнималъ мои колѣна! И теперь ты обманулъ меня, лишилъ меня надеждъ. Куда же я теперь пойду. Не въ домъ ли отца, не на родину ли, которыми я пожертвовала для тебя? Не къ несчастнымъ ли дочерямъ Пеліаса? Безъ сомнѣнія, прекрасно и онѣ примутъ меня, убійцу ихъ отца! Вотъ каково мое положеніе: стариннымъ моимъ друзьямъ я стала ненавистна; тѣмъ, кому не слѣдовало мнѣ дѣлать зла, я, изъ любви къ тебѣ, сдѣлалась врагомъ! Да, за все это ты далъ мнѣ счастіе, которому позавидуетъ вся Греція. И я, несчастная, найду въ тебѣ чуднаго и вѣрнаго мужа, когда изгнанная изъ этой страны, пойду скитаться

одна безъ друзей, съ дѣтьми только. Прекрасная слава пойдетъ о тебѣ, молодомъ женихѣ, когда я, спасшая тебя, и твои дѣти будутъ скитаться нищими.

Еврипидъ. (Медея).

(Презрѣніе къ самому себѣ)

Гамлетъ. (*одинъ*) Богъ съ вами! Я одинъ теперь...
Какое я ничтожное созданье!
Комедіянтъ, наемщикъ жалкій, и въ дурныхъ стихахъ
Мнѣ, выражая страсти, плачетъ и блѣднѣетъ,
Дрожитъ, трепещетъ... Отчего?
И что причина? Выдумка пустая:
Какая то Гекуба!
Чтожъ ему Гекуба?
Зачѣмъ онъ дѣлитъ слезы, чувства съ нею?
Что, если бъ страсти онъ имѣлъ причину,
Какую я имѣю? Залилъ бы слезами
Онъ весь театръ, и воплемъ растерзалъ бы слухъ,
И преступленье ужаснулъ, и въ жилахъ
У зрителей онъ заморозилъ кровь!
А я?
Ничтожный я, презрѣнный человѣкъ,
Безчувственный—молчу, молчу, когда я знаю,
Что преступленье погубило жизнь и царство
Великаго властителя... отца!.. Или я трусъ?
Кто смѣетъ словомъ оскорбить меня,
Или нанесть мнѣ оскорбленье безъ того,
Чтобъ за обиду не вступился я,
Не растерзалъ обидчика, не кинулъ
На растерзанье вранамъ трупъ его? И что же?
Чудовище разврата и убійцу вижу я,
И самый адъ зоветъ меня къ отмщенью,
А я безплодно изливаю гнѣвъ въ словахъ,
И онъ безвреденъ—онъ, когда я живъ,
Я, сынъ убитаго отца, свидѣтель
Безславья матери!.. Гамлетъ, Гамлетъ!
Позоръ и стыдъ тебѣ!..

Шекспиръ. (Гамлетъ, д. II сц. II).

(Отвращеніе).

Гамлетъ (*держитъ черепъ*). Увы, бѣдный Іорикъ! Я зналъ его, Гораціо. Какую остроту ума имѣлъ онъ! Какія неподражаемыя выдумки! Сколько разъ носилъ онъ меня на плечахъ! А теперь—видъ отвратительный, ужасный! У меня поварачивается вся внутренность! Здѣсь были уста, которыя столь часто цѣловалъ я! Гдѣ теперь шутки твои? Твои прыжки? Твои пѣсни? Твои остроты, возбуждавшіе за столомъ неумолкаемый хохотъ? Ни одной не осталось! Ни одной, посмѣяться надъ собственнымъ безобразіемъ! Иди теперь въ уборную красавицы, скажи, что пусть она хоть на палецъ толщиною наложитъ румянъ на щеки, ее ждетъ такое же превращеніе; заставь ее смѣяться при этомъ! Гораціо, скажи мнѣ одно, прошу тебя!

Горацiо. Что такое, принцъ?

Гамлетъ. Думаешь ли ты, что великій Македонскій герой Александръ таковъ же сдѣлался въ могилѣ?

Горацiо. Точно таковъ, принцъ.

Гамлетъ. И съ такою же вонью?—Фуй!... (*Бросаетъ черепъ*).

Шекспиръ. (Гамлетъ, д. V яв. 1).

(Подозрительность).

Мозгляковъ (*одинъ*). Это ужасно! это ужасно! Онъ обманываетъ Фофочку, мою Фофочку, мою дочь... единственное существо въ своемъ... т. е. въ моемъ родѣ... негодяй! шелапай! тьфу! Я это зналъ... предчувствовалъ... не даромъ ни за что не хотѣлъ замужъ ее выдавать... вотъ оно и вышло по моему. Дома-то, со мною-то, она бы, голубушка моя, всегда была покойна, счастлива... я то бы ужъ ее не обманулъ, а онъ... я увѣренъ, что у него есть какая нибудь тамъ этакая, а можетъ и двѣ этакія... а можетъ и три этакія... а можетъ, какъ у Турки какаго нибудь... ай, ай, ай!.. И вѣдь полгода не прошло послѣ свадьбы,—просто изъ рукъ вонъ!.. Да нѣтъ, нѣтъ! ты, братъ, у меня

не отвертишься! Я тебя выведу на свѣжую воду!.. Что онъ измѣняетъ ей, — теперь это не подлежитъ никакому сомнѣнію... это какъ 2 + 2 = 4!.. И если Фофа это узнаетъ... вѣдь она его, изверга, любитъ до безумія... (*съ отчаяніемъ*) умретъ, умретъ непремѣнно... жена моя, Прасковья Гавриловна тоже умретъ... и я... я тоже умру, мы всѣ умремъ... ни за грошъ умремъ по той причинѣ, что этотъ разбойникъ, зять мой; — онъ гроша мѣднаго не стоитъ!.. дрянь!.. мальчишка!.. (*пріискивая выраженіе*) фармазонъ... (*пауза*). Сегодня всю ночь глазъ сомкнуть не могъ... этакое волненіе сдѣлалось... и у Прасковьи Гавриловны тоже... и у ней этакое волненіе сдѣлалось... у насъ у обоихъ этакое волненіе сдѣлалось!.. (*съ отчаяніемъ*) вотъ онъ до чего меня доводитъ!.. Наконецъ, я не вытерпѣлъ,—вѣдь это свыше силъ человѣческихъ, вскочилъ, одѣлся и сюда!..

Прокудинъ (*въ туфляхъ и халатѣ, входя*). Извините, батюшка, я заставилъ васъ дожидаться... скажите, пожалуйста, что случилось?

Мозгл. (*таинственно*). Никто насъ не услышитъ?

Прокуд. Никто!—Вы меня пугаете... развѣ что матушка?

Мозгл. Нѣтъ, батюшка, дѣло не въ матушкѣ! присядьте.

Прокуд. Рѣшительно не понимаю.

Мозгл. (*торжественно*) присядьте! (*садятся*). Скажите мнѣ, Викторъ Александровичъ, вы вчера вечеромъ выѣзжали куда-нибудь?

Прокуд. (*просто*). Да—какъ и всегда!

Мозгл. Гм! И вернулись... поздно?

Прокуд. Нѣтъ... не очень, а что?

Мозгл. (*рѣзко*). Вы вернулись въ сорокъ-семь минутъ 12...

Прокуд. Можетъ быть, —что жъ изъ этого?

Мозгл. Съ 8-ми и до 22-хъ 9-го вы были въ галлереѣ?

Прокуд. Чтожъ тутъ дурнаго?

Мозгл. Гм!.. что дурнаго... вы не изволите вид... гмъ! въ галлереѣ... женатый человѣкъ... ничего, ничего, ваша рѣчь впереди, я продолжаю...

Прокуд. Позвольте однако, Иванъ Васильичъ... такъ вы

меня только для этого подняли съ постели въ 6 часовъ утра... (*хочетъ встать*).

Мозгл. (*удерживая его*). Позвольте... ваша рѣчь впереди... я продолжаю: изъ галлереи въ 22 минуты 9-го, вы поѣхали къ Ѳомину... ваша рѣчь впереди... у Ѳомина вы взяли букетъ въ 15 руб. сер... Съ васъ просили 17, но вы дали 15?

Прокуд. Да что же наконецъ, вы у меня въ карманѣ сидѣли, что ли? (*хочетъ встать*).

Мозгл. (*удерживая его*). Ваша рѣчь впереди, я продолжаю... съ этимъ букетомъ, въ 8 ч. 45 м., взявши извощика, вы отправились въ Старую Конюшенную, въ домъ коллежскаго регистратора Перегуляева... пожалуйста, не запирайтесь!

Прокуд. И не думаю, помилуйте!

Мозгл. Подъѣхавъ къ дому коллежскаго регистратора Перегуляева, вы позвонили, вамъ отворили... и вы вошли.

Прокуд. Натурально, коли отперли, такъ и вошелъ...

Мозгл. Съ букетомъ... замѣтьте!

Прокуд. Ну да, съ бук...

Мозгл. Ваша рѣчь впереди!.. Въ 10 минутъ 12-го. вы вышли изъ дому коллежскаго регистратора Перегуляева и поѣхали домой.

Прокуд. Совершенно справедливо.

Мозгл. Штт!—вышли уже безъ букета... гдѣ букетъ? что вы сдѣлали съ букетомъ? а?—отвѣчайте мнѣ.

Прокуд. Но, наконецъ...

Мозгл. Штт! гдѣ букетъ? а—а?—Такъ-то, а? Такъ вы, милостивый государь, обманываете Фофочку... кому вы это возите букеты,—а? а? кому? (*встаютъ*).

Прокуд. Ну такъ! напередъ зналъ! Да послушайте, Иванъ Семенычъ, наконецъ вѣдь это скучно становится. Придти въ 6 часовъ утра, стащить человѣка съ постели и битый часъ толковать о вздорѣ, о пустякахъ... и это каждый день, каждый Божій день. (*Съ досадою*). Иванъ Семенычъ, это ни на что не похоже,—изъ рукъ вонъ наконецъ...

Мозгл. Но... но... позвольте,—ваша рѣчь впереди...

Прокуд. Днемъ,—ну такъ ужъ и быть; а то и ночью... надо жъ и честь знать... Что жъ это такое?.. покоя нѣтъ!

Мозгл. Не горячитесь... ваша рѣчь вп..

Прокуд. Я не горячусь, но хочу разъ навсегда поговорить съ вами серьезно! Вы, Иванъ Семенычъ, безспорно, вы прекрасный, всѣми уважаемый человѣкъ...

Мозгл. Надѣюсь!..

Прокуд. Но у васъ есть одинъ странный недостатокъ, даже порокъ... манія,—шишка какая-то...

Мозгл. Что-о-о съ? какая тамъ шишка?..

Прокуд. Вы изъ вашей дочери сдѣлали себѣ кумира и обожаете этотъ кумиръ до безумія...

Мозгл. Еще бы: Фофочка — это ангелъ... единственное существо въ своемъ и въ моемъ...

Прокуд. И мало этого, ревнуете ее на каждомъ шагу...

Мозгл. Довольно-съ!

Прокуд. Нѣтъ не довольно... отчего же?.. (*смотритъ на часы*). Времени у насъ впереди много... вы по добротѣ душевной, разбудили меня въ 6 часовъ, (*садится*) такъ ужъ дѣлать нечего, можно и побесѣдовать...

Мозгл. (*садясь*). Можно.

Прокуд. (*подвигаясь къ нему со стуломъ*). Давайте разговаривать.

Мозгл. (*тоже*). Давайте.

Прокуд. Вы никогда не хотѣли выдавать вашей дочери замужъ, въ полной увѣренности, что никто, кромѣ васъ, не можетъ составить ея счастья... До послѣдней минуты вы были противъ нашей свадьбы и постоянно пугали Соню, пророча ей грустную жизнь.

Мозгл. И не ошибся.

Прокуд. Въ этомъ то и дѣло, что вы теперь изо всѣхъ силъ рветесь доказать, что не ошиблись, точно будто самолюбіе ваше тутъ замѣшано.

Мозгл. Что за вздоръ! Какаго тутъ чорта самолюбіе!..

Прокуд. Но я вамъ скажу одно. Подозрѣвая постоянно и,

откровенно говоря, постоянно надоѣдая вашими подозрѣніями, вы право будете сами виноваты, если Сонѣ придется дѣйствительно испытать незавидное положеніе обманутой женщины.

Мозгл. Это какимъ образомъ? я-то что жъ тутъ?

Прокуд. Очень просто! Постоянная несправедливость и незаслуженные упреки наводятъ иногда человѣка на поступки, которые безъ того, быть можетъ, никогда бы ему въ голову не пришли.

Мозгл. Позвольте!—а букетъ?

Прокуд. Что букетъ?

Мозгл. Ну?

Прокуд. Букетъ былъ для Кати, моей двоюродной сестры.

Мозгл. (*принужденно смѣясь*). Скажите пожалуйста!.. Такъ это вы ей возите букеты?

Прокуд. Да-съ.

Мозгл. Въ 15-ть цѣлковыхъ?

Прокуд. Да-съ.

Мозгл. Въ 45 минутъ 9-го?..

Прокуд. Она вчера выѣзжала въ первый разъ въ свѣтъ—на первый балъ... нельзя же было...

Мозгл. Та, та, та!.. Что вы меня морочите! Другихъ морочьте, а не меня! (*Горячо*). Знаю я, батюшка, эти штуки, знаю!.. букеты въ 15 цѣлковыхъ двоюроднымъ сестрамъ не возятъ, на это есть трехрублевенькіе...

Прокуд. Иванъ Семенычъ?

Мозгл. (*усиливая*). Трехрублевенькіе есть на это... Я, батюшка, это дѣло знаю... самъ тоже букетцы-то эти важивалъ...

Прокуд. Вотъ что!

Мозгл. Да-съ! У меня у самаго эти Кати двоюродныя бывали...

Прокуд. Бывали?

Мозгл. Бывали-съ!

Прокуд. Скажите!

Мозгл. Да-съ!

Прокуд. До женитьбы?

Мозгл. Да-съ!

Прокуд. И послѣ женитьбы?

Мозгл. Да-съ!

Прокуд. (*вставая*). Ахъ, стыдъ какой! Фи, Иванъ Семенычъ.

Мозгл. Э, э, э... нѣтъ, постойте!.. вру,—до женитьбы, все до жены... (*встаетъ*).

Прокуд. (*смѣясь*). Ничего, не бойтесь, будьте покойны! я не скажу Прасковьѣ Гавриловнѣ.

Мозгл. (*съ досадой*). Полноте-съ, что тутъ за шутки! не во мнѣ тутъ дѣло и не въ Прасковьѣ Гавриловнѣ!.. (*Нѣжно*). Викторъ Александровичъ, послушайте, вы знаете, я человѣкъ добрый, право добрый, я могу быть снисходительнымъ, скажите только мнѣ откровенно...

Прокуд. Что?

Мозгл. Вы обманываете Фофочку? да? Викторъ, душка, голубчикъ, признайся!

Прокуд. Опять! Ну, этому конца никогда не будетъ...

Мозгл. Вѣдь я знаю.

Прокуд. Что вы знаете?

Мозгл. (*вспыхнувъ*). Что я знаю-то? Надуваешь ты Фофочку, вотъ что я знаю...

Прокуд. Иванъ Семенычъ... здоровы ли вы?

Мозгл. Слава Богу.

Прокуд. (*смѣется*). Нѣтъ, вы нездоровы... тутъ у васъ органическое разстройство.

Мозгл. Штт! Не смѣть! Я навѣрное...

Прокуд. (*нетерпѣливо*). А доказательства? Ну-съ? Когда у васъ будутъ доказательства, извольте: тогда милости просимъ... но до тѣхъ поръ я васъ покорнѣйше прошу объ этомъ больше ни слова; а теперь, извините, мнѣ ужасно холодно и я спать хочу. Честь имѣю...

Мозгл. Но однако...

Прокуд. Когда у васъ будутъ доказательства... Доброй ночи, пріятнаго сна! (*Уходитъ*).

Тарновскій. (Фофочка, вод. явл. 2 и 3).

(Ревность).

Клодъ Фролло. О, дѣвушка, сжалься надо мною. Ты считаешь себя несчастной: увы, ты не знаешь что такое несчастіе!.. О, любить женщину, ... и быть ненавидимымъ! Любить ее всѣми силами души своей; чувствовать въ себѣ готовность за малѣйшую ея улыбку отдать свою плоть и кровь, свою славу, спасеніе, безсмертіе и вѣчность, здѣшнюю и будущую жизнь; сожалѣть, что ты не король, не геній, не императоръ, не архангелъ . . . . . . чтобы сдѣлаться ея невольникомъ; обнимать ее денно и нощно своими грёзами и мыслями—и видѣть ее влюбленною въ костюмъ солдата... Быть при своей ревности и ярости свидѣтелемъ того, какъ она расточаетъ презрѣнному глупцу, негодяю сокровища своей любви и красоты!.. Видѣть, какъ это тѣло съ его обольстительными формами, какъ эта грудь со всею ея нѣжностью, какъ эта плоть трепещетъ и краснѣетъ подъ поцѣлуями другаго. О небо! любить ея ноги, руки, плеча, мечтать о ея синихъ жилкахъ, о ея смуглой кожѣ; мучиться, думая о нихъ цѣлыя ночи на полу своей кельи и видѣть, что всѣ твои мечтательныя ласки для нея превращаются въ муку; достигнуть того только, чтобы положить ее на станокъ палача... О! вотъ настоящіе клещи, раскаленныя на адскомъ огнѣ!.. Дѣвушка, сжалься, подожди минуту... Посмотри, умоляю, на потъ, бѣгущій съ моего чела! Дитя, истязай меня одной рукой; приласкай другою. Сжалься дѣвушка, сжалься!..

Гюго. (Соборъ Богоматери ч. VIII гл. 4).

Старикъ. Проснулся я—подруги нѣтъ.
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакалъ...
Алеко. Да какъ же ты не поспѣшилъ
Тотчасъ во слѣдъ неблагодарной
И хищнику, и ей, коварной,
Кинжала въ сердце не вонзилъ?

Старикъ. Къ чему? Вольнѣе птицы младость,
Кто въ силахъ удержать любовь?
Чредою всѣмъ дается радость,
Что было, то не будетъ вновь.

Алеко. Я не таковъ. Нѣтъ, я не споря,
Отъ правъ моихъ не откажусь;
Или хоть мщеньемъ наслажусь.
О нѣтъ! Когда бъ надъ бездной моря
Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодѣя:
Я въ волны моря, не блѣднѣя,
Я беззащитнаго бъ столкнулъ;
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гулъ.

Пушкинъ. (Цыгане).

Федра. А! вотъ еще неиспытанное горе! Для какой новой пытки я предназначена! Все, что я перенесла: страхъ, восторги, пламень страсти, ужасъ моихъ душевныхъ терзаній, невыносимая обида жестокаго отказа; все это было только слабою пробою претерпѣваемыхъ мною нынѣ страданій! Они любятъ другъ друга! Какими чарами обманули они мои глаза? Какъ они свидѣлись? гдѣ? когда? (*къ Энонѣ*). Ты знала это? Зачѣмъ допустила ты обмануть меня? Ты могла сказать мнѣ о ихъ тайной любви? Часто ли видѣли ихъ говорящими, ищущими другъ друга; можетъ, они прятались въ лѣсной глуши?.. Увы! ихъ свиданія были свободны, небо одобряло невинность ихъ вздоховъ; безъ угрызеній совѣсти предавались они своей страсти; всѣ дни для нихъ были ясны и чисты: а я, жалкое отребіе всей природы, я пряталась дня, убѣгала свѣта; смерть была единственнымъ доступнымъ мнѣ божествомъ.

. . . .

Энона. Что-жъ выйдетъ изъ ихъ безплодной любви? Они разлучатся со временемъ.

Федра. Они будутъ вѣчно любить другъ друга! О ужасная мысль! Въ то самое время, когда я говорю, они насмѣхаются

надъ яростью безумно влюбленной женщины. Не смотря на изгнаніе, грозящее имъ разлукою, они клянутся не разставаться никогда… Нѣтъ, не могу я выносить счастія, меня оскорбляющаго; Энона, сжалься надъ моею ревнивою злобой. Арисію нужно погубить! нужно возбудить гнѣвъ моего мужа противъ ненавистной мнѣ крови: пусть онъ не ограничится легкимъ наказаніемъ— вотъ о чемъ будетъ умолять его моя ревность.

Расинъ. (Федра д. IV сц. 6).

Отелло …Этотъ человѣкъ
Необычайно честенъ,—свѣтлый умъ
Образованіемъ украсилъ онъ,
И глубоко постигъ онъ человѣка…
Но мой Создатель!—если это правда!..
Да, если бъ звенья цѣпи насъ связавшей
Вросли мнѣ въ сердце и свилися тамъ
Съ нѣжнѣйшими его вѣтвями,—о!
Я оторвалъ бы съ кровью ихъ отъ сердца!
Лети потомъ по вѣтру птичкой вольной,
Лови любовь и счастье…
Можетъ быть…
Да, можетъ!.. Я уродливъ, черенъ,
Болтать я не умѣю милыхъ фразъ,
Какъ эти вздорные любезники …
Къ тому жъ спускаюся въ долину лѣтъ,
Хоть по немногу, все жъ таки спускась…
О, я обманутъ… можетъ быть, осмѣянъ…
Что жъ остается?.. Ненависть… одна!
Смѣшны и прокляты—вы, узы брака!..
«Она моя!»—Твоя?.. Да развѣ ты
Страстей ея владыка?.. Я рѣшусь
Скорѣй быть гадиной, скорѣй рѣшусь
Питаться смраднымъ воздухомъ темницъ,
Чѣмъ перенесть, чтобъ избранное мною
Не мнѣ принадлежало безраздѣльно…
И вотъ она, души могучей казнь!..
Судьба ея труднѣе темной доли
Душонокъ мелкихъ… Да, какъ смерть,
Неотклонимъ отъ насъ суровый жребій!
Онъ проникаетъ наше бытіе
Чуть только къ бытію насъ призываютъ…
А! Десдемона!.. (*Десдемона входитъ*).
Если можетъ это

Созданье обмануть!.. О небеса!
Смѣетесь вы надъ бѣднымъ человѣкомъ!..
Не вѣрю! нѣтъ, не вѣрю!

Отелло. Обмануть меня!.. Меня!..
Яго. Что съ вами, генералъ?—Вы все
Объ этомъ... Э, забудьте, право!
Отелло. Прочь, прочь отъ меня! Ты адскою машиной
Изъ сердца жилы поволокъ мои...
О легче, Яго, знать свое несчастье,
Чѣмъ сердце пепелить на медленномъ
Огнѣ ужасныхъ подозрѣній,—ждать
Томительно все новыхъ, темныхъ золъ...
Яго. Ахъ вы, синьоръ, тревожите меня!..
Отелло. Да, не было во мнѣ и помышленья,
Чтобы у счастья моего она
Крала минуты для порока; я
Не видѣлъ этого, я этого
Не зналъ, мнѣ эта мысль души не жгла,
Я спалъ покойно, веселъ былъ, доволенъ;
Я на устахъ ея не находилъ
Лобзаній Кассіо... Да, окраденный,
Пока не спохватился, ничего
Не потерялъ еще!
Яго. Ахъ, тяжко мнѣ
Все это слышать, генералъ!
Отелло. ...Я бъ могъ быть счастливымъ еще...
Теперь же! О теперь прости на вѣкъ
Счастливый миръ души, мое довольство!
И вы, о гордые полки мои,
Въ стали, въ цвѣтныхъ волнующихся перьяхъ,
И ты война, творящая героевъ! все
Прости!.. Прости мой ржущій конь, звукъ трубъ,
И барабановъ перекатный громъ,
И ты святое, царственное знамя,
И все великолѣпіе войны,
И вы, пророки смерти, вы—глаголъ
Торжественный Зевеса,—мѣдными
Гремящіе устами—о простите!
Призваніе Отелло совершилось!..
Яго. Что вы, синьоръ?—Возможно ли...
Отелло. А, тварь!
Гдѣ жъ доказательства, чтобы она...
Любовь моя... такъ опозорила
Себя?.. Гдѣ жъ доказательства... Дай мнѣ

На очи ихъ!.. (*хватаетъ его за горло*).
Или клянусь тебѣ,
Спасеніемъ души моей клянуся—
Собакой лучше бы тебѣ родиться,
Чѣмъ демона будить въ груди моей...

Яго. Ахъ, не-ужель до этого дошли вы?

Отелло. Ты долженъ показать мнѣ... понимаешь!
Или по крайней мѣрѣ доказать—
Но такъ, чтобъ сомнѣваться больше я
Не могъ уже... иначе, Яго... да!
Я задушу тебя...

Яго. Мой генералъ...

Отелло. Но если жъ, Яго, это клевета,
Но если жъ на потѣху мучилъ ты
Меня—забудь молиться, задуши
На сердцѣ все добро, всѣ ужасы
Злодѣйствъ возьми на душу, пусть земля
Смутится, глядя на дѣла твои,
И небо плачетъ—нѣтъ, ничѣмъ уже
Своей души ты больше не погубишь...

Отелло. ...Ты долженъ честенъ быть...

Яго. Нѣтъ, я
Умнѣе долженъ быть; а честность—ложь
Безумная;—и тотъ, кто служитъ ей,—
Несчастный! гибнетъ онъ неотвратимо...

Отелло. О Боже, Боже мой! Я думаю—
Жена моя чиста и непорочна,
И думаю, что не чиста;—я думаю...
Ты благороденъ, честенъ,—и потомъ
Я думаю—безчестенъ ты... О дай же,
Дай доказательствъ мнѣ... Хоть чѣмъ нибудь,
Ты докажи!.. О Десдемона! Имя
Твое недавно чистое, какъ ликъ
Діаны,—кажется теперь мнѣ чернымъ,
Уродливымъ, какъ гадкое лицо
Мое... О, если въ мірѣ есть еще
Веревка, ножъ, пучина, ядъ—терпѣть
Не буду долго я... Ну, доказательствъ!..

Яго. Страсть пожираетъ васъ, синьоръ, я вижу...
Мнѣ жаль, что разбудилъ я эту страсть...
Вамъ доказательствъ хочется?

Отелло. Хочу ль
Я доказательствъ?.. Да... хочу

Яго. И можете.—
Но какъ? Какъ это доказать, синьоръ?
Не захотите жъ вы стоять, конечно
Какъ на часахъ у ложа своего,—
Открывъ уста и очи,—въ ту минуту,
Когда другой упьется счастьемъ вашимъ!..
Отелло. Смерть и проклятье!.. О!..

Шекспиръ. (Отелло, д. III. Сц. 3).

Гутьере. Не дивлюсь, безцѣнный другъ, что вѣтеръ
Такъ могучъ, что свѣчи въ этотъ вечеръ
Загасилъ; вѣдь такъ зефиръ взбѣшенный
Испускаетъ вздохъ свой напряженный.
Значитъ, онъ не только пламень можетъ
Загасить, но даже уничтожитъ
Жизнь; и ты во снѣ безъ пробужденья
Умереть могла отъ дуновенья.
Менсiа. Понимать тебя пытаюсь и желаю,
Но и тутъ еще не понимаю.
Гутьере. Развѣ не видала, какъ летаетъ
Бурный вихрь и пламя задуваетъ?—
Но отъ искръ другое въ мигъ родится:
Гаснетъ то, другое разгорится.
Такъ и здѣсь: неистовымъ порывомъ
Вѣтеръ могъ въ своемъ полетѣ лживомъ
Свѣточъ твой задуть, и въ то жъ мгновенье
Мой зажечь.
Менсiа. Не вѣрится сомнѣнью:
Кажется, ты, ревностью томимый,
Говоришь темно.
Гутьере (*про себя*). Не умолима
Скорбь обидъ. Но въ ревности тревожной
Никому быть мудрымъ невозможно.—
(*Вслухъ*). Ревностью? Да что она такое?
Я не знаю... небо всесвятое!—
Еслибъ зналъ, что значитъ быть ревнивымъ,
Я бы могъ...
Менсiа. О, Боже!
Гутьере. ...Быть ревнивымъ?
Что такое ревность? Грезъ созданье,
Атомы, безсонное мечтанье—
Въ случаѣ, когда, рабой ничтожной
Созданный, возстанетъ призракъ ложный

Съ страшными злодѣйскими дѣлами,
И моими будетъ брать руками
Сердце, и потомъ, въ крови омытымъ,
Въ пламени изсохшимъ и убитымъ—
По кускамъ имъ будетъ наѣдаться,
Кровію моею упиваться,
Вынетъ духъ,—о, Боже! Провидѣнье!—
Духъ мой въ раздирающемъ мученьи!...
Еслибъ духъ способенъ былъ терзаться...
Но къ чему мнѣ такъ распространяться!

Менсіа. Ты въ душѣ вселяешь страхъ унылый.

Гутьере. Господи! сто разъ спаси, помилуй!
Ахъ, мой другъ, восторгъ мой, утѣшенье,
Менсіа! супруга и дуенья,
Извини для глазъ твоихъ прекрасныхъ
Мелочность тревогъ моихъ напрасныхъ,
Ложный страхъ, который такъ лукаво
Отнялъ у меня разсудокъ здравый.
Вѣрь мнѣ: во всю жизнь съ благоговѣньемъ
На тебя гляжу и съ уваженьемъ.
Только лишь я съ вымысломъ разстался...
Боже мой! Я внѣ себя, смѣшался!..

Менсіа (*про себя*). Этотъ страхъ, и ужасъ, и печали
Мукой для меня предсмертной стали.

Гутьере. (*про себя*) Чести врачъ, совѣтуюсь съ тобою,
И мое безчестье въ землю скрою!

Кальдеронъ. (Врачъ своей чести. Хорнада II).

(*Входитъ Вѣстникъ*).

Клеопатра. Ахъ, изъ Италіи! Наполни же мои уши, такъ долго томившіяся безплодіемъ, твоими плодоносными вѣстями.

Вѣстникъ. Царица.

Клео. Антоній умеръ? — Подлый рабъ, ты умертвишь свою владычицу, если скажешь это; скажешь: здоровъ и свободенъ, вотъ тебѣ золото, вотъ тебѣ для поцѣлуя рука, рука, которую лобызали цари и, лобызая, дрожали.

Вѣст. На здоровье онъ не жаловался.

Клео. Вотъ тебѣ еще золота. Но послушай, вѣдь мы часто говоримъ и про мертвыхъ, что они на здоровье не жалуются; если ты говоришь въ этомъ смыслѣ — я растоплю это золото и залью имъ зловѣщую пасть твою.

Вѣст. Добрая царица, выслушай меня.

Клео. Говори, говори—я слушаю, но твое лицо не предвѣщаетъ ничего добраго. Если Антоній здоровъ и свободенъ—зачѣмъ же это кислое выраженіе для объявленія такой радостной вѣсти? Если онъ боленъ, тебѣ слѣдовало явиться не въ видѣ человѣка, а въ видѣ фуріи, увѣнчанной змѣями.

Вѣст. Угодно тебѣ выслушать меня.

Клео. Мнѣ хотѣлось бы прибить тебя прежде, чѣмъ заговоришь; но скажешь: Антоній живъ, здоровъ, не плѣнникъ, а другъ Цезаря—я осыплю тебя золотымъ дождемъ, градомъ драгоцѣнныхъ перловъ.

Вѣст. Онъ здоровъ.

Клео. Прекрасно.

Вѣст. Другъ Цезаря.

Клео. Ты славный человѣкъ.

Вѣст. Цезарь и онъ друзья болѣе, чѣмъ когда...

Клео. Я обогащу тебя.

Вѣст. Но.

Клео. Мнѣ не нравится это «но»—оно уничтожаетъ все хорошее предшествовавшаго; это противное «но»—тюремщикъ, готовый вывести какого-нибудь страшнаго преступника. Прошу, вытряхай же скорѣе въ мой слухъ всю котомку вѣстей твоихъ—все вмѣстѣ: и дурное и хорошее. Ты говоришь: онъ другъ Цезаря, здоровъ и свободенъ?

Вѣст. Свободенъ! нѣтъ я не говорилъ этого. Онъ связанъ Октавіей.

Клео. Какъ?

Вѣст. Какъ человѣкъ, обязанный раздѣлять ея ложе.

Клео. Я поблѣднѣла, Харміана?

Вѣст. Онъ женился на Октавіи.

Клео. (*Бьетъ его*). Жесточайшая изъ чумъ да овладѣетъ тобой!

Вѣст. Молю, успокойся, царица.

Клео. (*Продолжая бить его*). Что говоришь ты? Вонъ, гнусный рабъ, или я вышибу твои глаза, какъ мячи, не оставлю во-

лоса на головѣ: велю бичевать желѣзными прутьями, варить въ разсолѣ, въ ѣдкомъ щелокѣ.

Вѣст. Но вѣдь не я устроилъ этотъ бракъ; я принесъ только вѣсть о немъ.

Клео. Скажи, что ты солгалъ и я подарю тебѣ цѣлую область, заставлю тебя гордиться счастіемъ; ограничу этими побоями наказанье за то, что вывелъ меня изъ себя; исполню, сверхъ того, все, что можетъ пожелать твоя скромность.

Вѣст. Онъ женился, царица.

Клео. (*Выхватывая кинжалъ*). Бѣздѣльникъ, твой часъ пробилъ!

Вѣст. Если такъ — я бѣгу. Я тутъ ни въ чемъ не виноватъ. (*Убѣгаетъ*).

Харміана. Добрая царица, приди въ себя; вѣдь онъ невиненъ.

Клео. Громъ разитъ и невинныхъ. О, исчезни же Египетъ въ водахъ Нила! все кроткое обратись въ змѣй ядовитыхъ! Воротите раба; какъ ни бѣснуюсь я—я не укушу его. Воротите его.

Харм. Онъ боится.

Клео. Я не сдѣлаю ему никакаго зла. Руки мои достаточно обезчещены уже и тѣмъ, что били существо далеко низшее меня, тогда какъ я сама во всемъ виновата.

(*Вѣстникъ возвращается*).

Клео. Подойди. Честно, но всегда опасно приносить дурныя вѣсти; хорошія снабжай хоть тысячей языковъ, но дурныя — пусть высказываются сами, когда дадутъ почувствовать себя.

Вѣст. Я исполнилъ долгъ свой.

Клео. Женился онъ? Новымъ «да» ты ужъ не усилишь моей ненависти къ тебѣ.

Вѣст. Женился, царица.

Клео. Да покараютъ тебя боги! ты все еще стоишь на своемъ?

Вѣст. Прикажешь лгать?

Клео. Желала бы, хотя бъ половина Египта уничтожилась волнами, обратилась въ садокъ твердо-чешуйныхъ гадинъ. Вонъ,

исчезни! Будь ты Нарцисъ—для меня ты былъ бы все-таки чудище. Такъ женился?

Вѣст. Прости, государыня.

Клео. Женился?

Вѣст. Не гнѣвайся на желаніе прогнѣвать тебя. Вѣдь наказывать за то, что сама заставляешь дѣлать—величайшая несправедливость. Да, женился на Октавіи.

Клео. О, еслибъ его вѣроломство сдѣлало и тебя бездѣльникомъ!—И это вѣрно, вѣрно?—Удались! товаръ, привезенный тобой изъ Рима, слишкомъ дорогъ для меня; пусть остается у тебя, разоритъ тебя въ конецъ. (*Вѣстникъ уходитъ*).

Харм. Успокойся, добрая государыня.

Клео. Превознося Антонія, я унижала Цезаря.

Харм. Сколько разъ.

Клео. И вотъ, я наказана за это. Выведите меня отсюда; я лишаюсь чувствъ—о, Ира! Харміана!—Теперь ничего, прошло.—Добрый Алексасъ, сходи къ вѣстнику, распроси, какое лицо у Октавіи, сколько ей лѣтъ, какой характеръ; не забудь спросить и о цвѣтѣ волосъ, и возвращайся ко мнѣ, какъ можно скорѣе. Я навсегда отрекаюсь отъ него—нѣтъ, нѣтъ, не отрекаюсь, милая Харміана! Хоть бы онъ и походилъ съ одной стороны на Горгону, но вѣдь съ другой—онъ все-таки Марсъ.—(*Мардіану*). Скажи Алексасу, чтобъ онъ спросилъ и о ростѣ.—Пожалѣй обо мнѣ, Харміана, но не говори ни слова.—Проводи меня въ мою комнату.

Вѣст. Добрая царица, и Иродъ іудейскій не посмѣетъ взглянуть на тебя, когда ты въ гнѣвѣ.

Клео. Я добуду голову этого Ирода; но какъ, когда уѣхалъ Антоній, отъ котораго я могла бы потребовать ее?—Подойди ближе.

Вѣст. Многомилостивая царица...

Клео. Ты видѣлъ Октавію?

Вѣст. Видѣлъ.

Клео. Гдѣ?

Вѣст. Въ Римѣ. Я разсмотрѣлъ лице ея, какъ нельзя лучше; она шла, ведомая братомъ и Маркомъ Антоніемъ.

Клео. Она также высока, какъ я?

Вѣст. Нѣтъ.

Клео. Слышалъ, какъ она говоритъ? пискливо, или грубо?

Вѣст. Она какъ-то тянетъ.

Клео. И это не краситъ; долго онъ не можетъ любить ее.

Харм. Любить ее? о, Изида, да это невозможно!

Клео. Я тоже думаю, Харміана; тянетъ и ростъ карлицы!— Есть что нибудь величественное въ походкѣ? Припомни, если видалъ величественную походку.

Вѣст. Она просто ползаетъ: что стоитъ, что движется — все равно; она болѣе тѣло, чѣмъ жизнь; болѣе изваяніе, чѣмъ существо одушевленное.

Клео. Такъ ли?

Вѣст. Такъ, или я совершенно лишенъ наблюдательности.

Харм. Въ цѣломъ Египтѣ не найдешь и трехъ, одаренныхъ ею въ такой степени.

Клео. Да, онъ смышленъ: я вижу это,—въ ней нѣтъ ничего такого.—И судитъ онъ весьма здраво.

Харм. Чрезвычайно.

Клео. Не можешь ли сказать, какихъ она лѣтъ?

Вѣст. Она была уже вдовой.

Клео. Вдовой?—Слышишь, Харміана?

Вѣст. Полагаю! лѣтъ тридцати.

Клео. А какое у нея лице: длинное, или круглое?

Вѣст. Страшно круглое.

Клео. Съ такимъ лицомъ по большой части бываютъ глупы. Ну, а какаго цвѣта волосы?

Вѣст. Черные, а лобъ такъ малъ, какъ только можешь пожелать.

Клео. Вотъ тебѣ золото. Не сердись, что я сначала обошлась съ тобой такъ сурово; я нахожу тебя очень способнымъ и потому дамъ новое порученіе. Теперь ступай, приготовься, письма наши написаны ужъ. (*Вѣстникъ уходитъ*).

Шекспиръ. (Антоній и Клеопатра, д. II, сц. 5 и д. III, сц. 3).

(Зависть).

Сальери. Усильнымъ, напряженнымъ постоянствомъ
Я наконецъ въ искусствѣ безграничномъ
Достигнулъ степени высокой. Слава
Мнѣ улыбнулась; я въ сердцахъ людей
Нашелъ созвучія своимъ созданьямъ.
Я счастливъ былъ: я наслаждался мирно
Своимъ трудомъ, успѣхомъ, славой, также
Трудами и успѣхами друзей,
Товарищей моихъ въ искусствѣ дивномъ.
Нѣтъ, никогда я зависти не зналъ!
О никогда—ниже, когда Пиччини
Плѣнить умѣлъ слухъ дикихъ Парижанъ,
Ниже, когда услышалъ въ первый разъ
Я Ифигеніи начальны звуки.
Кто скажетъ, чтобъ Сальери гордый былъ
Когда нибудь завистникомъ презрѣннымъ,
Змѣей, людьми растоптанною, вживѣ
Песокъ и пыль грызущею безсильно?
Никто!.. А нынѣ—самъ скажу—я нынѣ
Завистникъ! Я завидую, глубоко,
Мучительно завидую.—О небо!
Гдѣ жъ правота, когда священный даръ,
Когда безсмертный геній—не въ награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій посланъ,
А озаряетъ голову безумца,
Гуляки празднаго?.. О Моцартъ, Моцартъ!

. . . .

Нѣтъ! не могу противиться я долѣ
Судьбѣ моей: я избранъ, чтобъ его
Остановить—не то мы всѣ погибли,
Мы всѣ, жрецы, служители музыки,
Не я одинъ съ моей глухою славой...
Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
И новой высоты еще достигнетъ?
Подыметъ ли онъ тѣмъ искусство? Нѣтъ!
Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ;
Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.
Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ,
Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсенъ райскихъ,
Чтобъ возмутивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть!

Такъ улетай же! Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!
Вотъ ядъ, послѣднiй даръ моей Изоры.
Осьмнадцать лѣтъ ношу его съ собою—
И часто жизнь казалась мнѣ съ тѣхъ поръ
Несносной раной, и сидѣлъ я часто
Съ врагомъ безпечнымъ за одной трапезой,
И никогда на шопотъ искушенья
Не преклонился я, хоть я не трусъ,
Хотя обиду чувствую глубоко,
Хоть мало жизнь люблю. Все медлилъ я.
Какъ жажда смерти мучила меня,—
Что умирать? я мнилъ: быть можетъ, жизнь
Мнѣ принесетъ незапные дары;
Быть можетъ, посѣтитъ меня восторгъ
И творческая ночь, и вдохновенье;
Быть можетъ, новый Гайденъ сотворитъ
Великое—и наслажуся имъ...
Какъ пировалъ я съ гостемъ ненавистнымъ:
Быть можетъ, мнилъ я, злѣйшаго врага
Найду; быть можетъ, злѣйшая обида
Въ меня съ надменной грянетъ высоты—
Тогда не пропадешь ты, даръ Изоры.
И я былъ правъ! и—наконецъ нашелъ
Я моего врага, и новый Гайденъ
Меня восторгомъ дивно упоилъ!
Теперь—пора! Завѣтный даръ любви
Переходи сегодня въ чашу дружбы.

Пушкинъ. (Моцартъ и Сальери).

(Зависть, злорадство).

Василиса Перегриновна. Ты, милушка, тутъ что дѣлаешь?

Лиза. Развѣ не видите?—гуляю.

Вас. Перегр. Вижу! какъ не видать! А что это за гулянье у васъ по ночамъ.

Лиза. А когда же намъ гулять-то? Днемъ работаемъ, да господамъ служимъ, а по ночамъ гуляемъ. Вотъ на васъ такъ я дивлюсь! Неужто вы днемъ-то не нагуляетесь, что вамъ еще хочется по ночамъ бродить, да людей пугать, словно какъ...

Вас. Перегр. Что словно какъ?.. Ну, говори, говори.

Лиза. Что? ничего.

Вас. Перегр. Нѣтъ, ты сказала: словно какъ... Ну, такъ говори жъ теперь, словно какъ кто?

Лиза. Ну, сказала, такъ сказала.

Вас. Перегр. Нѣтъ. ты увертываться не смѣй! ты говори!

Лиза. Да что вы пристали! Я, пожалуй, и скажу. Какъ кикимора.

Вас. Перегр. Что, что! какъ кикимора!.. Какъ ты смѣешь, дрянная дѣвчонка, а! Да что-жъ это такое! Вы меня въ гробъ вогнать хотите! А вотъ я найду здѣсь твоего любовника, да къ барынѣ васъ и приведу. Вотъ посмотрю я тогда, что ты запоешь.

Лиза. Нѣтъ у меня любовника! Нечего вамъ и искать. Пожалуй, хоть весь садъ обыщите! А хоть бы и былъ, такъ не ваше дѣло. Вамъ стыдно про это говорить. Вы и знать-то про это не должны: вы барышня. Это къ стыду вашему относится!

Вас. Перегр. Пой, пой, милая, хорошо ты поешь, гдѣ-то сядешь! Даромъ ты по ночамъ шататься не станешь. Я ваши плутни-то знаю. Я васъ всѣхъ на свѣжую воду выведу. Ужъ теперь раскипѣлось мое сердце, такъ хоть ты мнѣ въ ноги кланяйся, а я тебѣ не прощу этого.

Лиза. Дожидайтесь! Стану я вамъ кланяться, какъ же! Держите карманъ-то!

Вас. Перегр. Нѣтъ, ужъ я теперь каждый кустикъ огляжу.

Лиза. Оглядывайте.

(*Вас. Перегриновна смотритъ по сторонамъ, потомъ подходитъ къ пруду*).

Вас. Перегр. А, вотъ оно что! Скажите пожалуйста, какую штуку придумали! Въ лодкѣ, обнявшись! Какъ это нѣжно! Точно на картинкѣ на какой! Ужъ вамъ бы догадаться гитару взять, да романцы пѣть!.. Цѣлуются! Вотъ это хорошо! Вотъ прекрасно! Опять! Отлично! Ужъ чего лучше? тьфу ты мерзость! Смотрѣть противно! Ну, милые мои, будете вы меня помнить! Теперь разговаривать съ вами нечего. Завтра я съ вами поговорю. (*Уходитъ*).

Лиза. Вотъ нелегкая нанесла! Не расхлебаешь теперь бѣды-то!

Островскій. (Воспитанница, карт. III, явл. 5).

(Мстительность).

Лукреція. Нѣсколько дней назадъ, вы всѣ, здѣсь стоящіе, ругались надъ моимъ именемъ. Теперь вы его произносите съ трепетомъ. Да, вы можете теперь смотрѣть на меня съ ужасомъ. Это я, господа. Я явилась сюда, чтобы сообщить вамъ новость, что вы всѣ отравлены и что вамъ остается жить не болѣе часу... Не трогайтесь съ мѣста: въ сосѣдней залѣ много моихъ тѣлохранителей... Теперь моя очередь возвысить голосъ и раздавить васъ съ головы до пятокъ. Джеппо Ливерето, присоединись къ твоему дядѣ Вителли, котораго я заколола въ подземельи Ватикана! Асканіо Петруччи, отправляйся къ братцу Пандольфо, котораго я убила, чтобы завладѣть его имуществомъ! Олоферно Вителоццо, тебя ожидаетъ Яго Аппіани, котораго я отравила на праздникѣ! Маффіо Орсини, отправляйся къ брату Гравинѣ и разскажи ему, какъ я умертвила его во время сна! Апостоло Газелла, я обезглавила твоего отца Франциска, я задушила твоего брата, Альфонса, присоединись и ты къ нимъ! Господа, вы задали мнѣ пиръ въ Венеціи; я вамъ отплачиваю ужиномъ въ Феррарѣ. Праздникъ за праздникъ, господа!..

О, мои друзья, вы этого не ожидали! Мнѣ кажется, я вполнѣ за себя отмстила!.. (*Монахамъ*). Отцы мои, проводите этихъ господъ въ сосѣднюю залу, исповѣдуйте ихъ и воспользуйтесь минутами, чтобы спасти въ каждомъ изъ нихъ то, что можетъ быть спасено. — Тѣ изъ васъ, господа, у которыхъ сохранилась душа, пусть исповѣдуются безъ опасенія; она будетъ въ хорошихъ рукахъ; эти достойные служители — настоящіе монахи, назначенные мнѣ его святѣйшествомъ папою для содѣйствія мнѣ въ случаяхъ, подобныхъ нынѣшнему... Но заботясь о вашей душѣ, я не забыла подумать и о вашихъ тѣлахъ. Смотрите! (*Монахамъ*). Немного посторонитесь, отцы мои, чтобы этимъ молодымъ людямъ

было видно. (*Видно пять поставленныхъ въ рядъ гробовъ, покрытыхъ чернымъ сукномъ*). Всего счетомъ пять... А, господа! Вы разрываете внутренность несчастной женщины и думаете, что она вамъ не отомститъ! Вотъ это твой гробъ, Джеппо; это твой, Маффіо. Олоферно, Апостоло, Асканіо, это ваши!..

Гюго. (Лукреція Борджія, д. III, сц. 2).

(*Клавдій на колѣнахъ, Гамлетъ входитъ*).

Гамлетъ. Теперь я могъ бы совершить, — удобно;
Онъ молится. Теперь я совершу...
О онъ пойдетъ на небеса
И *такъ* я отомщенъ? О это значитъ:
Злодѣй родителя убилъ, а я,
Я, сынъ его, злодѣя посылаю на небеса!
Нѣтъ, то была-бъ награда, а не месть.
Въ безпечномъ снѣ отца онъ умертвилъ,
Въ веснѣ грѣховъ цвѣтущаго, какъ май.
Что сталось съ нимъ, то вѣдаетъ Создатель,
Но думаю, судьба его тяжка.
Отмщу ли я, убивъ его въ молитвѣ,
Готоваго въ далекую дорогу? Нѣтъ!
Въ ножны мой мечъ! Ты будешь обнаженъ
Ужаснѣе! Когда онъ будетъ пьянъ,
Во снѣ, въ игрѣ, въ забавахъ,
Съ ругательствомъ въ устахъ, среди занятій,
Въ которыхъ нѣтъ святыни и слѣда,—
Тогда рази, чтобы пятами къ небу
Онъ въ тартаръ полетѣлъ, съ душою черной
И проклятой, какъ адъ. Мать ждетъ меня.
Живи еще, но ты уже мертвецъ.

Шекспиръ. (Гамлетъ, д. III, явл. 3),

Шейлокъ. Вотъ для меня еще другое скверное дѣло! Банкротъ, мотъ, который едва смѣетъ показывать свою голову на Ріальто; нищій, который обыкновенно такъ гордо расхаживалъ по площади... Ну, пусть онъ не забудетъ своего векселя! Онъ всегда называлъ меня ростовщикомъ — пусть не забудетъ своего векселя! Онъ всегда давалъ въ займы деньги изъ христіанскаго человѣколюбія—пусть не забудетъ своего векселя!

Саларино. Ну, я увѣренъ, что, если онъ просрочитъ, ты не потребуешь его мяса. На что оно годно?

Шейлокъ. Прикармливать рыбу. Если оно не насытитъ никого, то насытитъ мое мщеніе. Онъ ругался надо мной и сдѣлалъ мнѣ убытку на полмиліона; онъ смѣялся надъ моими потерями, надъ моими заработками, ругалъ мой народъ, мѣшалъ моимъ торговымъ дѣламъ, охлаждалъ моихъ друзей, разгорячалъ моихъ враговъ — и все это — за что? Я жидъ. Да развѣ у жида нѣтъ глазъ? развѣ у жида нѣтъ рукъ, органовъ, членовъ, чувствъ, привязанностей, страстей? развѣ онъ не ѣстъ ту же пищу, что и христіанинъ? развѣ онъ ранитъ себя не тѣмъ же оружіемъ? подверженъ не тѣмъ же болѣзнямъ? лечится не тѣми же средствами? согрѣвается и знобится не тѣмъ же лѣтомъ и не тою же зимою? Когда вы насъ колете, развѣ изъ насъ не идетъ кровь? когда вы щекочете, развѣ мы не смѣемся? когда вы насъ отравляете, развѣ мы не умираемъ? и когда вы насъ оскорбляете, разві мы не отомстимъ? Если мы похожи на васъ во всемъ остальномъ, то хотимъ быть похожими и въ этомъ. Когда жидъ обидитъ христіанина, къ чему прибѣгаетъ христіанское смиреніе? Къ мщенію. Когда христіанинъ обидитъ жида, къ чему должно, по вашему примѣру, прибѣгнуть его терпѣніе?—Ну, тоже къ мщенію! Гнусности, которымъ вы меня учите, я примѣняю къ дѣлу — и коли не превзойду своихъ учителей, такъ значитъ, мнѣ сильно не повезетъ счастіе.

Шекспиръ. (Венеціанскій купецъ, д. III, сц. 1).

Грязной. ...Веди меня, Малюта,
Веди меня на грозный судъ! но прежде
Послѣднюю мнѣ службу сослужи:
Дай мнѣ себя потѣшить, дай мнѣ съ нѣмцемъ
Развѣдаться!

Любаша. (*выбѣгаетъ изъ толпы и хватаетъ Грязнаго за руку*).
Развѣдайся со мною!

Гряз. Любаша!

Люб. Да, опять-таки Любаша!..
Ты про меня и позабылъ, голубчикъ?..

Забывчивъ сталъ!.. Что, на тотъ свѣтъ собрался,
Такъ—На тебѣ! Не хочешь и проститься
Съ своею полюбовницей!.. А жалко,
Куды тебя мнѣ жалко! Понапрасну
Сгубилъ себя: красавицу твою
И вылечать, да лекарь-то могила!
Что? Ты меня не разумѣешь?.. Стой-же,
Я все тебѣ по пальцамъ разскажу:
Ты помнишь, какъ просилъ у нѣмца зелья?
Я слышала тогда весь разговоръ,
Да на другой же день сама я къ нѣмцу
Пошла и тоже выпросила зелья...
Ты за свое отсыпалъ много денегъ,
Я за свое дешевле заплатила...
Извѣстно—что ужъ! Съ дѣвокъ взятки гладки;
А только зелье будетъ по хитрѣе:
Съ него какъ разъ зачахнетъ человѣкъ!

Гряз. Что ты сказала?

Люб. Человѣкъ зачахнетъ,
Потомъ умрётъ... Тутъ нечему дивиться!
Вотъ подивись: я зелье подмѣнила,
А ты его, на мѣсто своего,
Поднесъ моей разлучницѣ... (*Грязной отшатывается*).
Чай, то-то
Былъ радъ! А тутъ, какъ выбрали въ невѣсты,
И начала прихварывать она,
Трухнулъ было? Да скоро спохватился:
Дай Лыкова оговорю, а, можетъ,
Царь на больной не женится—тогда
На нашей улицѣ и будетъ праздникъ.

Гряз. (*хватается за ножъ*). Проклятая!

Люб. Постой, постой: успѣешь,
Дай досказать... Тебѣ бы все браниться,
А нѣтъ того, чтобъ похвалить Любашу!
Ужъ, кажется, придумала я знатно,
И ты еще мнѣ долженъ поклониться:
Приворожилъ по милости моей! (*Смѣется*).

Марѳа. Иванъ Сергѣичъ? Съ кѣмъ это Дуняша
Разговорилась?

Люб. Слышишь-ли! зоветъ!
Ступай, ступай скорѣе,—полюбуйся!
И есть на что: что дальше—будетъ лучше!

Гряз. (*замахивается на нее ножемъ*)

Ну что-жъ, убей! Ты загубилъ мнѣ душу,
Ни слезъ моихъ, ни просьбъ не пожалѣлъ...

Губи же въ досталь! (*бросается къ Грязному*).
Рѣжь меня, разбойникъ!
Гряз. (*ударяетъ ее ножемъ*). Такъ на-жъ тебѣ!
Люб. (*падая*). Спасибо: прямо въ сердце!
Мей. (Царская Невѣста, д. IV, явл. 7).

(Коварство, мстительность).

Царь. Что жъ говорятъ? Кто этотъ самозванецъ?
Шуйскій. Не вѣдаю.
Царь. Но... чѣмъ опасенъ онъ?
Шуйскій. Конечно, Царь, сильна твоя держава!
Ты милостью, радѣньемъ и щедротой
Усыновилъ сердца своихъ рабовъ;
Но знаешь самъ: безсмысленная чернь
Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
Легко пустой надеждѣ предана,
Мгновенному внушенію послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится безстыдная отвага;
Такъ, если сей невѣдомый бродяга
Литовскую границу перейдетъ,
Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
Димитрія воскреснувшее имя.
Царь. Димитрія!.. Какъ? этого младенца?
Димитрія!.. Царевичъ, удались!
Шуйскій. Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ!..
Θеодоръ. Государь,
Дозволишь-ли?..
Царь. Нельзя, мой сынъ, поди.
(*Θеодоръ уходитъ*).
Димитрія!..
Шуйскій. Онъ ничего не зналъ.
Царь. Послушай, Князь: взять мѣры сей же часъ;
Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась
Заставами; чтобъ ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ
Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ
Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай.
Шуйскій. Иду.
Царь. Постой. Не правда ль, эта вѣсть
Затѣйлива? Слыхалъ ли ты когда,
Чтобъ мертвые изъ гроба выходили

Допрашивать Царей, Царей законныхъ,
Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
Увѣнчанныхъ великимъ Патріархомъ?
Смѣшно? а? что? что жъ не смѣешься ты?

Шуйскій. Я, Государь?..

Царь. Послушай, Князь Василій.
Какъ я узналъ, что отрока сего...
Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни,
Ты посланъ былъ на слѣдствіе: теперь
Тебя крестомъ и Богомъ заклинаю,
По совѣсти мнѣ правду объяви:
Узналъ ли ты убитаго младенца
И не было ль подмѣна! Отвѣчай.

Шуйскій. Клянусь тебѣ...

Царь. Нѣтъ, Шуйскій, не клянись,
Но отвѣчай: то былъ Царевичъ!

Шуйскій. Онъ.

Царь. Подумай, Князь. Я милость обѣщаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь—тебя постигнетъ злая казнь,
Такая казнь, что Царь Иванъ Васильичъ
Отъ ужаса во гробѣ содрогнется.

Шуйскій. Не казнь страшна, страшна твоя немилость.
Передъ тобой дерзну ли я лукавить?
И могъ ли я такъ слѣпо обмануться,
Что не узналъ Димитрія? Три дня
Я трупъ его въ Соборѣ посѣщалъ,
Всѣмъ Угличемъ туда сопровожденный.
Вокругъ него тринадцать тѣлъ лежало,
Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ
Ужъ тлѣніе примѣтно проступало;
Но дѣтскій ликъ Царевича былъ ясенъ,
И свѣжъ и тихъ, какъ будто усыпленный:
Глубокая не запекалась язва,
Черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились.
Нѣтъ, Государь, сомнѣнья нѣтъ: Димитрій
Во гробѣ спитъ.

Царь. Довольно, удались!

Пушкинъ. (Борисъ Годуновъ).

(Мстительность).

Тарбаевъ. Ради чего же ты выходишь изъ себя? Ну успокойся. Можетъ быть, этого совсѣмъ и не будетъ.

Анна Сергѣвна. Да, да, навѣрно не будетъ. Будьте увѣрены, что не будетъ, потому что ваша невѣста, Вѣра Андревна, въ эту минуту стоитъ подъ вѣнцомъ съ другимъ, а можетъ быть, уже и обвѣнчалась. Что вы на меня такъ смотрите? Вы не ожидали такого пріятнаго сюрприза? Какъ вамъ это нравится? (*Смѣется*). Навѣрно, это не входило въ ваши благородные планы и тонкія коммерческія соображенія? Вы, кажется, немного удивлены? Ха! ха! ха! (*Сильно смѣется*).

Тарб. (*въ недоумѣніи*). Что за сказки?

Ан. Серг. Нѣтъ, не сказки, не сказки, а, увы! горькая дѣйствительность. Вы, кажется, вообразили, что Вѣрочка влюблена въ васъ. Теперь можете совершенно разочароваться въ этомъ, можете успокоить ваше черезъ чуръ пылкое воображеніе. Вѣрочка столько же интересовалась вами, какъ вотъ тѣмъ сторожемъ, который стоитъ у моста, а можетъ быть, даже и еще меньше. Она давно любитъ Бѣлова; а такъ какъ она не надѣялась, чтобъ отецъ согласился на ея бракъ съ Бѣловымъ, то и воспользовалась вашими тонкими коммерческими соображеніями и разными подготовленіями, которыя вы, вмѣстѣ съ моимъ мужемъ, устроивали къ ея побѣгу, и часъ тому назадъ, скрылась изъ дому. Такимъ образомъ, Вѣрочка сдѣлалась M-me Бѣловой, и, вѣроятно, Бѣловъ вамъ очень, очень благодаренъ за ваши хлопоты, за то, что вы помогли ему.

Тарб. (*въ сторону*). Тфу! Какая гадость! Какъ срѣзался. (*Аннѣ Сергѣвнѣ*). Однако, если это правда... конечно, мнѣ все равно... но какъ же это? какъ же это? Что же послѣ этого значитъ?..

Ан. Серг. А это значитъ, что вы одурачены и одурачены жестоко, и что въ настоящую минуту вы очень смѣшны. А вы воображали, что вы безнаказанно можете смѣяться надъ чув-

ствомъ, безнаказанно оскорблять честь и достоинство женщины! Попробуйте же теперь, каково вамъ, когда надъ вами смѣются, когда оскорблено только ваше самолюбіе. И увѣряю васъ, вы очень, очень смѣшны въ эту минуту. Мнѣ даже жаль васъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько хлопотъ! Столько тонкихъ коммерческихъ соображеній! И вдругъ, какой-то Бѣловъ... ха! ха! ха! И вдругъ все это... ха! ха! ха! Ахъ, если бы вы знали, какъ вы смѣшны теперь... какая у васъ сконфуженная и вытянутая физіономія! Несчастный рыцарь!.. неудачный похититель!.. ха! ха! ха! (*Продолжительно смѣется*).

Тарб. (*въ сторону сердито*). Гм! взбалмошная баба! (*Аннѣ Сергѣевнѣ*). Что же тутъ смѣшнаго? Глупая исторія, и больше ничего. И что вы заладили одно и то же: «безнаказанно! безнаказанно»! О какихъ это еще наказаніяхъ вы толкуете? Нѣтъ-съ! Много, сударыня, будетъ, какъ за всякій вздоръ будутъ наказывать. Что же такое ужасное я сдѣлалъ? Дѣло самое обыкновенное. Холостой человѣкъ вошелъ въ интригу съ замужнею женщиной... позволилъ себѣ эту, эту... забаву... это...

Ан. Серг. Забаву! А, вы договорились таки до чего слѣдуетъ, высказались наконецъ вполнѣ! Такъ это для вашей забавы вы болѣе двухъ лѣтъ преслѣдовали меня вашими клятвами и увѣреніями въ любви, а потомъ втоптали въ грязь мою любовь къ вамъ! Такъ это только для вашей забавы вы заставили меня забыть мой долгъ къ мужу, поселили въ моемъ сердцѣ вѣчный упрекъ, отдали меня навсегда терзаніямъ совѣсти! Такъ знайте же, знайте, что и я тоже хотѣла позабавиться на вашъ счетъ. Побѣгъ Вѣрочки съ Бѣловымъ устроила я... да, я... Я воспользовалась вашими замыслами, о которыхъ узнала отъ своего мужа и отъ ея отца. Вѣрочка и до сихъ поръ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о вашихъ планахъ на ея счетъ. Я отъ ея имени вела переговоры и давала вамъ отвѣты, а въ тоже время убѣдила ее бѣжать съ Бѣловымъ, и всѣ ваши планы и приготовленія употребила для того, чтобъ облегчить Бѣлову возможность увезти Вѣрочку. Вотъ видите, и я умѣю забавляться. Это вамъ урокъ, урокъ, конечно, не очень сильный, — вы заслуживали бы боль-

шаго,—но все равно, будете помнить долго и его. Не очень-то весело быть одураченнымъ и потомъ всѣми осмѣяннымъ, сдѣлаться на всю жизнь героемъ анекдота...

Тарб. Да что же это въ самомъ дѣлѣ? Дуракъ что ли я вамъ достался? Съ чего вы взяли давать мнѣ уроки? Вы, милостивая государыня, лучше подумали бы о себѣ. Что вы на меня все валите? Вѣдь я не насильно завладѣлъ вами. У васъ была своя воля и свой разсудокъ. Вы не ребенокъ и не неопытная дѣвица. Если замужняя женщина рѣшается на связь, такъ она знаетъ, чему подвергается. Само собою разумѣется, что ей нечего ожидать за это похвалъ или уваженія. Она должна быть на все готова. Она сама идетъ на такую роль, сама себѣ назначаетъ мѣсто.

Ан. Серг. Что?.. что?.. что ты сказалъ? что выговорилъ твой гадкій языкъ? Какъ! какъ! этого еще не доставало! И ты... ты осмѣливаешься упрекать меня моимъ поведеніемъ, бросать мнѣ въ лицо моей любовью къ тебѣ, равнять меня къ какими-то презрѣнными существами! Слушай! слушай! да, я виновата! я преступница... но не тебѣ... не тебѣ судить меня... Пусть судитъ меня Богъ, пусть судятъ меня другіе люди. Можетъ быть, я еще найду въ чьемъ нибудь сердцѣ состраданіе. Да, я сама отдала бы себя на судъ людей, если бы видѣла въ томъ необходимость; но ты, ты не стоишь того, чтобъ изъ за тебя я увеличила свой позоръ и выносила бы еще болѣе прежняго оскорбленія отъ мужа. Я достаточно унижена тобой. Ты теперь вполнѣ высказался па дѣлѣ и на словахъ. Какъ я любила тебя, такъ теперь презираю; нѣтъ мѣры моего презрѣнія къ тебѣ! И если ты изъ мести, изъ злобы противъ меня, осмѣлишься разсказать моему мужу или кому нибудь о моемъ участіи въ побѣгѣ Вѣрочки, то я сама все открою мужу, я передамъ ему всѣ твои письма. Раздѣлывайся съ нимъ, какъ знаешь. Я признаюсь тогда не только мужу, а всѣмъ, всѣмъ! Пусть казнятъ меня. Мнѣ все равно. Я покажу и то письмо, которое ты прислалъ съ Битюговымъ. Пусть ты на всю жизнь сдѣлаешься общимъ посмѣшищемъ. Прочь, прочь съ глазъ моихъ! Чтобъ я никогда болѣе не видала тебя, чтобъ я не встрѣчалась нигдѣ съ тобою, чтобы въ лицѣ твоемъ не преслѣдовалъ

меня мой вѣчный позоръ. Я даю тебѣ мѣсяцъ сроку. Уѣзжай изъ этого города. А если ты рѣшишься остаться, я тебя предупреждаю: я не побоюсь никакихъ послѣдствій. Я уничтожу тебя, я сотру тебя съ лица земли, моего злодѣя, я... я... А! что со мной? я ничего не вижу... а!.. (*Падаетъ безъ чувствъ на полъ*).

Маннъ. (Паутина, д. V, явл. 3).

ФИЗИЧЕСКІЯ БОЛѢЗНИ.

(Дурнота).

(*Княгиня и Сарматовъ сидятъ*).

Княг. Послушайте, Сарматовъ, что за причина, что вы съ нѣкоторыхъ поръ отъ меня удаляетесь. Вспомните, какъ мы весело проводили съ вами время... читали, спорили... Сколько я замѣтила, вамъ не было скучно со мной. Отчего же вдругъ такая перемѣна?

Сарм. Княгиня, увѣряю васъ...

Княг. Правду, правду, Сарматовъ.

Сарм. Я думаю, правда вамъ извѣстна, княгиня. Вѣдь вы видѣли сегодня.

Княг. Кого?

Сарм. Мою невѣсту. Жениху извинительно иногда, на время, забывать своихъ друзей.

Княг. (*хочетъ приподняться, но удерживается и дѣлаетъ неимовѣрныя усилія, чтобъ казаться спокойной*). Да, конечно, конечно! Невѣста, да! Вы правы! вамъ надо быть съ нею. Я вѣдь эгоистка, — простите. (*Соображая*). Да, какъ же, я видѣла, видѣла вашу невѣсту... сегодня... тамъ...

Сарм. У Вѣры Александровны?

Княг. Да, да, у Вѣры Александровны... Надежда Васильевна... такъ, кажется...

Сарм. Да-съ, Надежда Васильевна Моргунова.

Княг. Вотъ именно... Моргунова... и скоро свадьба?

Сарм. Въ нынѣшній мясоѣдъ.

Княг. Что жъ, я очень рада. Поздравляю васъ. Дай Богъ вамъ счастія. (*Съ трудомъ переводитъ дыханіе*). Вы это что за бумаги принесли?

Сарм. Ваши все. Къ моимъ занятіямъ, какъ адвоката, прибавятся еще семейныя обязанности. Боюсь не справиться, у васъ теперь есть Красовъ.

Княг. Да, да, какже, Красовъ; онъ можетъ. А вы не стѣсняйтесь, идите, идите, васъ невѣста ждетъ. (*Встаетъ и хватается за ручку кресла*).

Сарм. Прощайте, княгиня. (*Дрожащимъ голосомъ*). Благодарю васъ за все! (*Быстро уходитъ*).

Княг. (*подходитъ, шатаясь къ дивану*). Такъ вотъ что! Такъ поступаютъ со мною! ха, ха, ха! (*падаетъ на диванъ въ истерикѣ. Вбѣгаютъ двое слугъ*).

Слуга 1. Батюшки мои! съ княгиней дурно! (*Кричитъ въ боковую дверь*). Марья Ивановна! Аграфена Федоровна! сюда, скорѣй. (*Дергаетъ за сонетки*).

Сл. 2. (*кричитъ въ большую дверь*). Людмила Александровна! (*Бѣжитъ въ переднюю и кричитъ*). Иванъ! за докторомъ! живо! съ княгиней дурно! (*Вбѣгаютъ три горничныхъ и старая няня, окружаютъ княгиню и даютъ ей нюхать спиртъ*).

Няня. Матушка, ваше сіятельство! Что съ тобой, мое дитятко?

Княг. (*приходя въ себя, слабымъ голосомъ*). А! что? Няня, это ты? Воды дайте... (*Пьетъ*). Вы здѣсь? всѣ? Испугались?.. Я ничего... это такъ... пройдетъ... ничего... (*Приподнимается и садится*).

Нян. Чтой-то, дитятко! Въ жисть съ тобой этого не бывало... вотъ съ матушкой и бабушкой твоей, такъ зачастую.

Княг. Теперь все прошло, идите, спасибо вамъ. (*Всѣ, кромѣ няни, уходятъ*).

Нян. Позволила бы отвести себя въ постельку.

Княг. Нѣтъ, зачѣмъ, я не больна совсѣмъ. У барынь, ты сама говоришь, это часто бываетъ. Это такъ... пустяки... Ахъ, тяжело мнѣ, очень тяжело! (*Обнимая няню, тихо плачетъ*).

Нян. Голубушка ты моя! что за горе такое...

Княг. Нѣтъ, нѣтъ, няня, у меня никакаго горя! Ступай, я хочу быть одна.

Нян. Евгенія Павловича не позвать ли?

Княг. Никого, никого не надо... уйди. (*Няня уходитъ*).

Штеллеръ. (Ошибки молодости, д. V, явл. 3 и 4).

(Дурнота и обморокъ).

Иванъ. Я то-есть пьянъ, не пьянъ, а такъ для куражу выпимши... А драться все не смѣешь...

Волгинъ. Вонъ! вонъ! Дай только придти Владиміру Ивановичу, ужъ я тебѣ докажу дружбу...

Иванъ. Да то-то, что Владиміръ-то Ивановичъ для васъ фю... Але маширъ...

Волг. Это еще что?

Иванъ. Такъ-съ, ничего-съ. Полно намъ съ вами-то амуриться, пора въ отставку. Вотъ и рацея отъ барина.

Волг. Что это!

Иванъ. Такъ-съ ничего-съ. Письмо къ вашей милости отъ Владиміра Ивановича.

Волг. Письмо!? Ну-ка Маша, прочти, что тутъ такое.

Иванъ. Прочтите-съ, прочтите-съ, матушка, тамъ и про васъ есть кое-что.

Машенька (*беретъ письмо и поспѣшно распечатываетъ*), «Милостивый государь, Андрей Петровичъ. Непредвидѣнныя обстоятельства разстроили всѣ мои надежды. Я выбралъ себѣ другую дорогу, составилъ новый планъ жизни и потому долженъ отказаться почти отъ всего, къ чему былъ привязанъ. Другими словами, я не могу болѣе жениться на... вашей... дочери»... Ахъ! Господи, подкрѣпи меня. (*Сквозь слезы*). «Я вы... бралъ себѣ другую подругу жизни. (*Рыдаетъ. Волгинъ, жена его и Сидоровна въ большомъ изумленіи*).

Волг. Далѣе, далѣе...

Машенька. Папенька, голубчикъ, не могу... не могу...

Господи, что со мной, я съ ума сойду... Сидоровна! перо, бумаги... я напишу къ нему... я сама побѣгу къ нему. Иванъ, пойдемъ, пойдемъ, пойдемъ, пойдемъ. Охъ, пойдемъ... Иванъ, да ты пошутилъ вѣрно, признайся, пошутилъ, вѣдь это не правда? нѣтъ?

Иванъ (*плача*). Эхъ, сердечная. Правда, матушка барышня, сущая правда, видитъ Богъ, правда. Этотъ фертикъ окаянный сбилъ его съ толку-то. Слышь, на начальницѣ на какой-то женить хочетъ.

Машенька. Что, онъ любитъ ее?

Иванъ. Кто ихъ знаетъ; вѣрно слюбились, когда женится.

Машенька. Да нѣтъ, нѣтъ, не повѣрю; вѣдь это грѣшно!

Иванъ. Грѣшно, ей Богу, грѣшно...

Машенька. Охъ, не ожидала я этого. Господи, Господи, прогнѣвала я Тебя... Охъ голова, голова. (*Падаетъ безъ чувствъ. Волгинъ и жена его бросаются къ ней*).

Волгина. Сидоровна, воды, воды скорѣй!.. (*Сидоровна идетъ за водой, Иванъ приноситъ со стола чашку съ кипяткомъ, но опомнившись, ставитъ назадъ*).

Волгинъ. Обмерла совсѣмъ... Маша, Машенька, Машенька, да полно, голубочка ты моя... И дышать перестала. У-ухъ! (*Выпрямляясь*). Иванъ, съ глазъ долой. Чтобы никогда нога ни твоя, ни твоего барина не была въ моемъ домѣ. Скажи ему, что онъ подлецъ, чтобы онъ не встрѣчался со мной, а то я ему покажу, какъ насмѣхаться надъ сѣдинами отца и простотой дочери... Вонъ, вонъ... съ глазъ долой... (*Иванъ хочетъ выйти. Сидоровна приноситъ воды и вмѣстѣ съ Волгиной приводятъ въ чувство Машеньку*).

Машенька (*приходя въ себя*). Иванъ, ты здѣсь еще. Папаша, не гоните его. Онъ не виноватъ. Поди сюда, Иванъ, поди... кланяйся твоему барину, пожелай ему счастія, и скажи, что онъ глубоко, глубоко огорчилъ меня, но Богъ ему судья. Иванъ, скажи ему еще, нѣтъ, не теперь... когда нибудь, такъ, при случаѣ, что я все еще люблю его. Господи! прости его. (*Снова лишается чувствъ*).

Иванъ. Слушаю, матушка, слушаю. Экъ ее раскачало, сердечную! (*Уходитъ, пошатываясь. Всѣ хлопочутъ около Машеньки*)...

Королевъ. (Карьера, д. II, явл. 7).

(Истерика).

Анна Сергѣвна. Вы не въ состояніи были носить маску и въ теченіи какого нибудь мѣсяца; а я, вмѣсто любви, нашла только позоръ.

Тарбаевъ. Помилуй, что за выраженія.

Ан. Серг. Да, такія отношенія безъ любви только позоръ и больше ничего. Если посторонніе не подозрѣваютъ нашей связи и пока еще щадятъ меня, за то мнѣ стыдно самой себя. Ваша любовь дала бы мнѣ силы на борьбу со всѣми послѣдствіями моего страшнаго поступка, и я смѣло выдерживала бы эту борьбу, потому что вознаграждена была бы за эти страданія инымъ счастіемъ, а теперь: что я такое? Преступная жена и отвергнутая, брошенная, осмѣянная любовница! Да, я жестоко, жестоко наказана за свою довѣрчивость. Я достойна общаго посмѣянія.

Тарб. (*въ сторону*) Такой сцены еще никогда не бывало! (*Аннѣ Сергѣвнѣ.*) Анета, перестань ради Бога... твои нервы слишкомъ раздражены... успокойся... Ты нездорова; ты не помнишь, что говоришь.

Ан. Серг. Нѣтъ, помню. Очень хорошо помню. Ну, что-жъ, пусть всѣ смѣются надо мной! И подѣломъ! Подѣломъ глупой, безумной мечтательницѣ! Судьба осудила ее на вѣчную тюрьму; а она захотѣла вздохнуть свободно, захотѣла жить; вздумала насильно создать себѣ счастье. За это и посмѣялась надъ нею судьба, и какъ жестоко посмѣялась! И ей урокъ, и другимъ урокъ! Будутъ смирнѣе нести свое ярмо! Пусть она казнится, пусть страдаетъ, пусть обливается слезами! Пусть смѣются надъ ней! Отдалась, по глупости, —да, да, по глупости, — человѣку, который никогда не любилъ ея, который видѣлъ въ ней только минутную потѣху для себя и потомъ бросилъ ее, какъ презрѣнное суще-

ство, не заслуживающее и сожалѣнія! Развѣ это, въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно? Ха, ха, ха! Развѣ не смѣшно? Ха, ха, ха! О, Боже мой, Боже мой! (*Падаетъ въ кресло, закрываетъ лицо руками и громко рыдаетъ.*)

Тарб. (*ухаживая за Ан. Сергѣевной*). Анета, голубчикъ! Что съ тобой! Успокойся. Увѣряю тебя... клянусь тебѣ, что мнѣ и въ голову не приходило избѣгать тебя, или обманывать. Я не могъ быть у тебя чаще. Клянусь тебѣ, другъ мой... увѣряю тебя. (*Въ сторону*): Не знаешь, чѣмъ и унять. (*Смотря въ дверь*). А! мужъ! (*Аннѣ Сергѣевнѣ*). Иванъ Гаврилычъ, Иванъ Гаврилычъ идетъ сюда... Перестань, ради Бога.

Маннъ. (Паутина. д. II, явл. 6).

Милашинъ... Марья Андреевна! я предлагаю вамъ свою руку; мнѣ хочется доказать вамъ, что я благородный человѣкъ.

Марья Андреевна. Ахъ, Иванъ Ивановичъ, не хотѣлось бы мнѣ васъ обидѣть, да нечего дѣлать. Не нуждаюсь я ни въ вашей помощи, ни въ вашемъ благородствѣ; не пойду я за васъ ни за что на свѣтѣ.

Мил. Да, конечно, я не Беневоленскій; онъ завидный женихъ.

Марья Андр. Беневоленскій человѣкъ съ состояніемъ, да и маменька хочетъ, чтобы я за него вышла; вотъ почему я предпочту Беневоленскаго.

Мил. Не угодно? Какъ вамъ угодно! Мнѣ только одно обидно: за что вы меня унижаете, ставите хуже какаго нибудь Мерича. Я дѣлаю вамъ честное предложеніе, а вы на меня сердитесь; а Мерича не гнали прочь, когда онъ ухаживалъ за вами.

Мар. Андр. Послушайте, за кого вы меня принимаете? Вы даже не имѣете уваженія ко мнѣ. Нѣтъ, надобно это покончить однимъ разомъ. Будетъ плакать. (*Утираетъ глаза*). Если бъ теперь Меричъ сдѣлалъ предложеніе, я бъ не пошла за него. Я выхожу за Беневоленскаго—это рѣшено. Не замѣтно, что я плакала? Мнѣ хочется показать маменькѣ, что я безъ всякаго усилія

рѣшилась выдти за мужъ. Пусть она будетъ весела и покойна, я возьму все на себя. Полноте дуться и вы. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, не замѣтно слезъ?

Мил. Почти не замѣтно.

Мар. Андр. Ну и слава Богу! Станемте смѣяться, станемте разговаривать о чемъ нибудь постороннемъ. Не были ли вы въ театрахъ какъ нибудь на дняхъ?

Мил. Вы думаете меня обмануть и себя также. Для чего это? Вѣдь я знаю, что у васъ на душѣ.

Мар. Андр. (*топаетъ ногой*). Я совсѣмъ васъ не обманываю; мнѣ, право, что-то вдругъ весело сдѣлалось. Давайте играть во что нибудь. Ахъ, вотъ карты! Давайте играть въ карты.

Мил. Давайте, пожалуй, если вамъ угодно. (*Садятся къ столу*).

Мар. Андр. Во что же? Въ дураки давайте.

Мил. (*сдаетъ*). Поиграемте, поиграемте. Послушайте, Марья Андреевна, — вы притворяетесь. Вы не хотите, чтобы я видѣлъ ваши слезы. Зачѣмъ же вы отъ меня-то скрываетесь: я вамъ не чужой. Это досадно!

Мар. Андр. Играйте, играйте, а то останетесь.

Мил. Вы такъ горды, что не хотите мнѣ позволить принимать въ васъ участіе. Вѣдь это замѣтно, что вы притворяетесь.

Мар. Андр. Что, остались! (*Смѣется*).

Мил. Ну, что жъ, остался. (*Мѣшаетъ карты, сдаетъ*). Вѣдь это ужасно досадно! Это гордость. Вы меня этимъ унижаете, считаете ни за что.

Мар. Андр. Вы принимаете, еще принимаете. Ну, такъ вы опять остались. (*Хохочетъ*).

Мил. Вѣдь это невыносимо, просто.

Мар. Андр. Сдавайте, сдавайте, что же вы? (*Милашинъ сдаетъ. Марья Андреевна задумывается, закрываетъ глаза платкомъ и опирается руками на столъ; потомъ утираетъ глаза и беретъ карты*). Кому ходить, мнѣ? (*Анна Петровна входитъ*).

Анна Петровна. Что это у васъ за смѣхъ?

Мар. Андр. Да вотъ Иванъ Иванычь все остается. Вы совсѣмъ не умѣете играть. Когда же мы, маменька, напишемъ отвѣтъ Максиму Дорофеичу? (*Продолжаетъ играть*). Поблагодарите его за предложенiе и напишите, что я согласна.

Анна Петр. Ты, Маша, согласна? Ну, спасибо тебѣ, утѣшила ты меня. Вотъ теперь я вижу, что ты меня любишь. Обрадовала ты меня... Ужъ такъ обрадовала, что и сказать нельзя... Вотъ, Иванъ Иванычъ, у меня дочка... и красавица и умница... Гдѣ тутъ бумага была? Вотъ теперь вдругъ-то и не придумаешь, что написать. (*Беретъ бумагу и пишетъ. Марья Андр. и Мил. играютъ въ карты*).

Мар. Андр. (*Милашину*). Хоть бы поскорѣе это кончилось, моихъ силъ больше не достаетъ. (*Встаетъ*). Дайте, я вамъ помогу. Что вы пишите?

Анна Петр. А вотъ: «Милостивый государь, Максимъ Дорофеичъ! Благодарю васъ за лестное для насъ предложенiе; Машенька согласна и проситъ васъ сегодня на чашку чая». Хорошо ли такъ-то? Ужъ я не знаю. А? Аль другое написать?

Мар. Андр. Нѣтъ, прекрасно, прекрасно! Вотъ и отошлите скорѣй!

Анна Петр. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, хорошо? Иванъ Иванычъ, хорошо?

Мил. Очень хорошо.

Анна Петр. А не надо ли чего прибавить?

Мар. Андр. Нѣтъ, не надо, ничего не надо... довольно и этого... Пошлите поскорѣй. Дарья, Дарья! (*Входитъ Дарья*). Пошли поскорѣй кого нибудь съ этимъ письмомъ къ Максиму Дорофеичу. Ступай, Дарья, поскорѣй. Я не выдержу больше. Иванъ Иванычъ, мнѣ дурно! (*Милашинъ подбѣгаетъ, подаетъ ей стулъ; Марья Андреевна сидитъ нѣсколько времени въ изнеможенiи, потомъ заливается слезами*).

Островскiй. (Бѣдная невѣста, д. IV, явл. 10 и 11).

(Чахотка).

Мими (*блѣдная, истомленная, на порогѣ мансарды, опирается на дверь*). Родольфъ!

Родольфъ. (*цѣлуя ее*). Мими, милая Мими!

Мими (*въ его объятіяхъ*). Родольфъ, другъ мой, дай мнѣ присѣсть, я не могу стоять. (*Марсель подвигаетъ кресло, она садится. Мюзеттъ подлѣ нея*). Ахъ, вотъ и ты; здравствуй, Мюзеттъ, ты вернулась, это хорошо! (*Протягивая руку Марселю*). Здравствуй, Марсель, все идетъ хорошо и мнѣ также. (*Въ сторону*). Нѣтъ, мнѣ дурно.

Род. Ты больна?

Мими. Нѣтъ, я только устала.

Род. Бѣдная Мими.

Мими. Да, твоя бѣдная Мими опять у тебя. Ты вѣдь не ждалъ меня, не такъ ли?

Род. Откуда ты такъ поздно и въ такую погоду?

Мими. Откуда? О, я не съ бала;—я изъ больницы.

Род. Боже мой!

Марсель (*тихо Родольфу, отводя его въ сторону*. Я не знаю почему, но я боюсь; Мими, кажется, сильно больна.

Род. (*тихо*). Я это самъ вижу.

Марс. Я схожу за нашимъ молодымъ докторомъ.

Род. Да, да, приведи его сейчасъ же. (*Возвращается къ Мими, Марсель уходитъ*).

Мими (*продолжая разговоръ съ Мюзеттъ*). Да, Боже мой, я изъ госпиталя; тамъ дурно умирать. Насилу я изъ него вышла, меня не хотѣли пустить. Къ счастію недостало кроватей, я была лишняя. И вотъ — я здѣсь (*Родольфу*). Ахъ, другъ мой, я боялась, что не увижу тебя больше...

Род. (*на колѣнахъ около ея кресла*). Но въ ту ночь, когда ты ушла съ бала...

Мими (*живо*). Да, знаю.

Род. Куда же ты пошла?

Мими. Я пошла прямо на мостъ, какъ гризетка въ романахъ.

Род. Ты хотѣла умереть?

Мими. Хмъ!.. Что жъ ты хотѣлъ, чтобъ я сдѣлала? Мнѣ сказали, что я помѣха твоему счастію; сначала я сомнѣвалась... но потомъ. (*Со вздохомъ*). Ахъ... наконецъ я рѣшилась... Я думала, что ты просто забылъ меня и побѣжала прямо къ рѣкѣ; куда же мнѣ было дѣться?..

Род. (*нѣжно*). Мими!

Мими. Я смотрѣла, какъ бѣжитъ вода; о, какая она была грязная, гадкая!.. Облокотилась я на перила и машинально стала глядѣть кругомъ себя. Вдругъ, не знаю сама почему, я взглянула въ улицу... и въ нашемъ маленькомъ окошечкѣ я замѣтила свѣтъ: я забыла задуть свѣчку... Мнѣ показалось, что все мое прошедшее счастіе взглянуло на меня въ это окошко. Я забыла и знатную даму и рѣку и начала думать о тебѣ. Я вспомнила то время, когда мы жили вмѣстѣ въ этой комнаткѣ. Тогда, помнишь ли, у насъ также долго бывалъ свѣтъ; ты работалъ по ночамъ и время отъ времени подходилъ къ моей кровати и цѣловалъ меня. Всѣ эти воспоминанія совсѣмъ спутали мои мысли. Напрасно вздувшаяся рѣка говорила мнѣ: «скорѣе... иди»... и волны ея убѣгали подъ мостъ; я не торопилась; я думала, что когда я буду на днѣ, ты вѣдь не придешь уже цѣловать меня... Однако надобно было чѣмъ нибудь кончить; не для забавы пришла я туда. Я снова наклонилась черезъ перила и снова мнѣ стало страшно... Тогда я опять посмотрѣла на свѣтящееся окошко и сказала себѣ: я брошусь, когда свѣтъ потухнетъ. Ахъ, видишь ли, мой другъ, когда страдаютъ, такъ сейчасъ говорятъ: «я умру»! Думаютъ, что это легко; но на дѣлѣ это вовсе не такъ. Пока я дожидалась сигнала, чтобы спрыгнуть въ воду, меня схватила лихорадка, голова закружилась и я упала безъ чувствъ... А проснулась я уже въ госпиталѣ.

Мюз. (*въ сторону*). Бѣдная дѣвушка!

Род. (*Мими, которая хочетъ встать*). Ты устала, Мими, отдохни.

Мими. Все сдѣлаю, что ты хочешь... Послушай, если бы

однако я здѣсь встрѣтила другую... какъ славно выпрыгнула бы я въ окошко. (*Кашляетъ*).

Род. Не разговаривай больше.

Мими. Ты меня все еще любишь, не правда ли?

Род. Люблю ли?.. (*Стучатъ въ дверь. Входятъ докторъ и Марсель*).

Докторъ. Вы меня звали?

Род. (*подходя къ доктору*). Штъ!..

(*Мюзеттъ подходитъ къ Мими и тихо говоритъ съ ней*).

Докт. Понимаю... [illegible]

Род. Мими... милая, это одинъ изъ нашихъ друзей мимоходомъ зашелъ къ намъ. Онъ докторъ... Что, если бы ты сказала ему, гдѣ у тебя болитъ; что ты чувствуешь?..

Докт. (*подходитъ къ Мими, беретъ ее за руку*). Вы позволите, сударыня. (*Молчаніе*)... О, успокойтесь... это ничего... вы отдохнете... и все пройдетъ... (*Подходя къ Родольфу*). Другъ мой, все кончено.

Род. Кончено, Мими, бѣдная Мими!

Докт. (*къ Мими*). Вы не безпокойтесь...

Мими. О, съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, мнѣ лучше. (*Вздрагиваетъ и кашляетъ*). Надобно только поскорѣй меня вылечить. (*Показывая на Родольфа, у котораго она беретъ руку*). Видите, я единственная его радость,—печальная радость; не правда ли? Но все равно, онъ меня любитъ... (*Взглянувъ на платье Мюзеттъ*). Какое красивое платье!.. Сейчасъ, возвращаясь изъ больницы, я смотрѣла на магазины. Какъ жаль, что все это стоитъ такъ дорого! (*Съ живостью*). Смѣшно право: когда больна, всего хочется. (*Родольфу*). Ты знаешь, вѣдь я не кокетка, а мнѣ хотѣлось бы... (*Печально*). Нѣтъ, лучше не думать. (*Докторъ садится къ столу и пишетъ, Марсель стоитъ около Мюзеттъ*).

Род. Отчего же, напротивъ, говори, что такое, скажи. Не шелковое ли платье, какъ у Мюзеттъ, съ блондовой отдѣлкой?

Мими (*смѣясь и кашляя*). Блондовой!.. О какой ты глупый... это кружева... Нѣтъ, я не хочу шелковаго платья. Я бы

хотѣла... муфту, очень бы хотѣла. (*Мюзеттъ знаками показываетъ Родольфу, чтобъ онъ сказалъ: да*).

Род. (*къ Мими*). Только-то, моя милая? муфта у тебя будетъ.

Мюз. (*тихо Марселю*). У меня есть одна... Сходи за ней.

Мими. Скоро?

Род. Сейчасъ же.

Мими. Вѣдь она дорого стоитъ. Ты развѣ богатъ теперь?

Род. (*живо*). Да, мы теперь богаты.

Мими. А если мы богаты, то надобно поощрять торговлю. Сходи, купи мнѣ муфту.

Докт. У меня есть еще нѣсколько визитовъ. Я зайду еще вечеромъ. (*Уходитъ. Родольфъ и Марсель его провожаютъ*).

Мюз. (*къ Мими*). Мими, не хочешь ли прилечь, отдохнуть.

Мими. Да, очень. (*Встаетъ, поддерживаемая Мюзеттъ и Родольфомъ. Оглядывается*). А... докторъ ушелъ?

Род. Да.

Мими. Что онъ сказалъ про меня?

Род. Онъ сказалъ, что если ты будешь осторожна, то черезъ недѣлю можешь на балъ ѣхать.

Мими. Съ моей муфтой?

Род. Ну, конечно.

Мими (*которой помогаютъ лечь на постель*). Ахъ, какъ это хорошо! И для начала, я постараюсь заснуть; тамъ вѣдь я почти совсѣмъ не спала... Эти большія залы... Ночью тамъ такъ печально. (*Обнимая Родольфа*). Другъ мой, не отсылай меня въ больницу, я умру тамъ... (*нѣжно*). Мнѣ такъ хорошо здѣсь. (*Понижая голосъ*). Въ моей маленькой комнаткѣ. (*Еще тише*). Подлѣ тебя... мой Родольфъ... (*Засыпаетъ*).

Мюрже. (Цыганская жизнь, д. V, сц. 5 и 6).

Афоня. Дѣдушко, отдохнемъ здѣсь немножко! Недужится мнѣ. Садись вотъ на скамеечку!

Архипъ. Сядемъ, Афоня, сядемъ. Плохи мы съ тобой; меня старость, а тебя хворость одолѣла.

Афоня. Я не хвораю, а я такой уродился. Я, дѣдушка, не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ.

Арх. Не слушай ты бабьяго разговору! Никто не знаетъ, какой ему предѣлъ положенъ.

Афоня. Что мнѣ бабы! Я самъ знаю, что я не жилецъ. Меня на ѣду не тянетъ. Другой, поработавши, сколько съѣстъ! Много, много съѣстъ, и все ему хочется. Вонъ, братъ Левъ, когда устанетъ, — ему только подавай. А по мнѣ хоть и вовсе не ѣсть; ничего душа не принимаетъ. Корочку погложу и сытъ.

Арх. Это къ росту бываетъ.

Афоня. Нѣтъ, не къ росту. Куда мнѣ еще рости, съ чего! Я и такъ великъ по годамъ. А это значитъ: мнѣ не жить. Ты, дѣдушко, возьми то: живой человѣкъ о живомъ и думаетъ, а у меня ни къ чему охоты нѣтъ. Другой одежду любитъ хорошую, а мнѣ все равно, какой ни попадись зипунишко, было бы только тепло. Вотъ ребята теперь, такъ у всякаго своя охота есть; кто рыбу ловитъ, кто что; въ разныя игры играютъ, пѣсни поютъ, а меня ничто не манитъ, Въ тѣ-поры, когда людямъ весело, мнѣ тошнѣй бываетъ, меня тоска пуще за сердце сосетъ.

Арх. Такъ въ тебя Богъ вложилъ. Ты у насъ, Афоня, божій человѣкъ.

Афоня. Нѣтъ, дѣдушко, нѣтъ, не говори ты этого! Какой я божій человѣкъ! Я видалъ божьихъ людей: они добрые, зла не помнятъ; ихъ бранятъ, дразнятъ, а они смѣются. А я, дѣдушко, сердцемъ крутъ: вотъ какъ братъ же; только братъ отходчивъ, а нѣтъ; я, дѣдушко, злой! (*Молчаніе*). Вотъ я, дѣдушко, никакъ уснуть не могу; что я днемъ-то вижу, все это мнѣ и лѣзетъ въ глаза, засосетъ у меня сердце и всю ночь я плачу. Какой я жилецъ! Мнѣ теперь съ здоровьемъ - то и поправиться нельзя. Ужь очень у меня сердце горячо! Скорѣй бы меня Богъ прибралъ, чтобы мнѣ меньше мучиться.

Островскій. (Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ. д. II. Явл. 1).

(Подагра).

Карскій. Милая Машенька, хоть нынче мужчины и точно непостоянны, однако, не всѣ, не всѣ! а потому я, какъ другъ, совѣтую тебѣ полюбить, попробовать, испытать; это очень, очень занимательно! не стыдись же!... и скажи мнѣ откровенно: что бы ты подумала, если вдругъ — на тебѣ посватался человѣкъ извѣстный, гмъ! солидный, гмъ!.. гмъ!.. напримѣръ, такой человѣкъ, какъ я?..

Бецкая (*отступая*). Человѣкъ, какъ вы?.. ха! ха! ха! вотъ мило!

Кар. (*хочетъ ее обнять*). Да, да, мой ангелъ, я давно ужъ имѣю намѣреніе...

Бец. Подите! вы смѣетесь надо мной!

Кар. Нѣтъ, чортъ возьми! нѣтъ! я не смѣюсь, я говорю тебѣ очень серьезно, что намѣренъ жениться, и непремѣнно! ой! ой! ой! ангелъ мой! Машенька! ну, что же ты скажешь на это?.. а?

Бец. Ахъ! да что жъ это съ вами, вы охаете?..

Кар. (*сконфузившись*). Гмъ! я! да... да... немножко. Ѣхавши сюда очень скоро, я... я... зашибъ себѣ ногу...

Бец. Ахъ, какъ жаль!..

Кар. Ничего, ничего,—это до свадьбы заживетъ! Говори же, моя душенька! отвѣчай, согласна ли ты быть моею подругой? моею нѣжною путеводительницею?.. однимъ словомъ: моею, совсѣмъ моею?..

Бец. Ахъ! Боже мой! Я, право, такъ растерялась... Конечно, хоть я и сама давно желала съ вами познакомиться...

Кар. (*разнѣжась*). Какъ! ты желала?.. возможно ли! Сама желала?.. ангелъ мой! такъ клянусь, что я буду рабомъ всѣхъ твоихъ желаній!.. да, да, посмотри, я самъ не свой!!. горю, горю, посмотри, пожалѣй меня!.. если ты мнѣ откажешь, я пропалъ! Гмъ!.. Ма-ма-ма-ма-Машенька! я весь истлѣю, превращусь въ пепелъ!.. ой! ой! ой! посади меня... посади... уфъ! (*въ изнеможеніи бросается въ кресло*).

Бец. (*помогая ему*). Ахъ! батюшки-свѣты! какъ вы страш-

но смотрите. Помилуйте, что жъ будетъ хорошаго, если вы на мнѣ женитесь? всякій будетъ надъ нами смѣяться, указывать пальцами...

П. Григорьевъ. (Вод. Жена Кавалериста, явл. 13).

(Страданія отъ голода и жажды).

(*Тюрьма*).

Гаддо (*тихонько подымаясь*).
Онъ, кажется уснулъ?.. Анзельмо, братецъ—
Послушай, милый братъ...
Анзельмо (*подымаясь*). Что? Кто тутъ говоритъ?
Гаддо. Я, Гаддо...
Анзельмо. Ты? Ахъ! право я не знаю...
Мнѣ что-то голосъ твой такъ страшенъ...
Гаддо. Можетъ быть, намъ будетъ веселѣй,
Когда мы станемъ говорить..Здѣсь сыро,
Здѣсь холодно... Я весь дрожу...
Анзельмо. А мнѣ, ахъ! Гаддо — какъ же пить мнѣ захотѣлось...
И если бъ капельку мнѣ дать воды...
Гаддо. Молиться станемъ...
Анзельмо. Какъ? Я не умѣю...
Ахъ! пить!..
Гаддо (*складывая руки*). Помилуй, Господи, бѣдняжку Гаддо!
Анзельмо. Полно — ты отца разбудишь — онъ уснулъ!
Уголино (*тихо*). Нѣтъ! я не сплю, несчастные!
Гнзельмо. Ты видѣлъ,
Какъ онъ сердился, цѣпи грызъ и рвалъ,
Когда нашъ Лотто плакалъ и кричалъ,
И у отца просилъ кусочикъ хлѣба...
Гаддо. Анзельмо! я боюсь — нашъ Лотто что-то
Давно замолкъ. Куда дѣвалъ его отецъ?
Ты ничего не отвѣчаешь мнѣ...
Анзельмо. Ахъ! какъ мнѣ захотѣлось пить... О Боже!
(*Падаетъ въ безсиліи. Лампадка потухаетъ*).
Уголино. Умолкли! Умерли?.. Лампада тухнетъ...
Тѣмъ лучше... не увижу больше я
Ихъ лицъ, истерзанныхъ мученьемъ смерти!..
Да гдѣ же медлишь ты, уродливый скелетъ?
Ты, можетъ быть, терзаешь чье нибудь дитя;
Отца ты у сиротъ несчастныхъ похищаешь,
Или отъ алтаря невѣсту въ гробъ влечешь..

А здѣсь, здѣсь... Двухъ я схоронилъ —
Темница мрачная могилой имъ была...
Остались двое — умирайте! — Легче
Смерть томленій смерти...

(*Слышны отдаленные голоса*).

Уголино!

Уголино. Что это? Мечта!
А, слава Богу! я безумѣть начинаю:
Мнѣ голоса послышались, когда и солнца лучъ
Сюда не достигаетъ...

Голоса (*ближе*). Уголино!

Уголино. Не мечта!
То голосъ человѣка! Нѣтъ! все тихо....

Голоса (*ближе*). Уголино!

Уголино. То голосъ человѣка!

Анзельмо. (*съ воплемъ*). Дай мнѣ пить, отецъ.
Я умираю...

Гаддо. Мнѣ кусочикъ хлѣба!

Голоса (*ближе*). Уголино!

(*Слышенъ стукъ шаговъ*).

Уголино (*встаетъ и кричитъ*). Здѣсь я!
Постойте, дѣти, на мгновенье —
Насъ кличутъ!

Голоса. (*близко*). Уголино!

(*Окна освѣщаются факелами проходящихъ*).

Гаддо. Хлѣба!

Уголино. Замолчи!..
Я здѣсь! (*свѣтъ факеловъ удаляется*).
Они проходятъ мимо!
Здѣсь я, здѣсь...

(*падаетъ на скамью*).

Анзельмо. (*въ бреду*) А, какой роскошный садъ... плоды, цвѣты...
Всѣ пляшутъ, всѣ поютъ, и сколько птичекъ,
И какъ здѣсь весело играть и бѣгать...

Голоса. (*опять близко*) Уголино!

Гаддо. (*съ дикимъ воплемъ*). Ахъ!

Уголино. (*яростно*). Замолчи, несчастный!..
Здѣсь мы, здѣсь!
Сюда, сюда! Но мой охриплый голосъ
Подъ сводами темницы умираетъ...
Когда бъ я могъ туда, къ окну, взобраться!..

Гаддо. Господи!

Уголино. Сюда, мы здѣсь, сюда!
(*Собравъ остатокъ силы, онъ бросается къ окнамъ, и въ отчаяніи отступаетъ*).

Анзельмо (*испугавшись*). Отецъ, отецъ! прости,
Мнѣ пить хотѣлось, я не буду...
(*Уголино кусаетъ руки въ бѣшенствѣ. Анзельмо обнимаетъ его колѣни*).
Ты родилъ насъ;
Когда ты голоденъ, зачѣмъ ты гложешь руки?
Ѣшь насъ!.. Боюсь...

Уголино. И этотъ?

Голоса. Уголино!

Уголино. Поспѣшите!
Послѣдній умираетъ... Люди, люди...
(*Онъ падаетъ въ безсиліи и отчаяніи*;
(*слышны удары, шумъ; камни валятся, ставятъ лѣстницы и кричатъ*).
Уголино! Уголино!

Нино (*прыгаетъ внизъ и бросается къ Уголино*).
Дядя мой! проснись, опомнись... Боже! благодарю тебя!

Уголино (*приходя въ себя*). Что? Живъ ли кто изъ нихъ!
(*Дѣтей выносятъ къ отцу, онъ ихъ обнимаетъ; группа*).

Нино. Сбери остатокъ силъ—пойдемъ!

Уголино. Куда?

Нино. Покаяться, простить враговъ, и примириться
Съ людьми и съ Богомъ...

Уголино (*приподымаясь*). Силъ моихъ достанетъ
Произнести... благословенье... слово мира...
(*Падаетъ, хочетъ стать на колѣна и сложить руки*).
Боже! (*Умираетъ*).

Нино. (*на колѣняхъ*). Судьбы твои свершились, Судія Всевышній!
Невинные страдальцы спасены!

Полевой.(Уголино, д. V, яв. посл.).

ДУШЕВНЫЯ БОЛѢЗНИ.

(Сумашествіе).

Старикъ (*входитъ въ лохмотьяхъ, полунагой*)
Здорово, здорово, зять!

Князь. Кто ты?

Стар. Я здѣшній воронъ.

Князь. Возможно ль? это мельникъ!

Стар. Что за мельникъ!
Я продалъ мельницу бѣсамъ запечнымъ;
А денежки отдалъ на сохраненье

Русалкѣ, вѣщей дочери моей;
Онѣ въ песку Днѣпра-рѣки зарыты,
Ихъ рыбка-одноглазка сторожитъ.

Князь. Несчастный, онъ помѣшанъ! Мысли въ немъ
Разсѣяны, какъ тучи послѣ бури.

Стар. Зачѣмъ вечоръ ты не пріѣхалъ къ намъ?
У насъ былъ пиръ, тебя мы долго ждали.

Князь. Кто ждалъ меня?

Стар. Кто ждалъ? Вѣстимо, дочь.
Ты знаешь, я на все гляжу сквозь пальцы
И волю вамъ даю! сиди она
Съ тобою хоть всю ночь, до пѣтуховъ—
Ни слова не скажу я.

Князь. Бѣдный мельникъ!

Стар. Какой я мельникъ! Говорятъ тебѣ,
Я воронъ, а не мельникъ. Чудный случай:
Когда ты помнишь, бросилась она
Въ рѣку, я побѣжалъ за нею слѣдомъ
И съ той скалы прыгнуть хотѣлъ, да вдругъ
Почувствовалъ: два сильные крыла
Мнѣ выросли внезапно изъ подъ мышекъ
И въ воздухѣ сдержали. Съ той поры
То здѣсь, то тамъ летаю; то клюю
Корову мертвую, то на могилѣ
Сижу, да каркаю.

Князь. Какая жалость!
Кто жъ за тобою смотритъ?

Стар. Да, за мною
Присматривать не худо: старъ я сталъ
И шаловливъ. За мной, спасибо, смотритъ
Русалочка.

Князь. Кто?

Стар. Внучка.

Князь Невозможно
Понять его! Старикъ ты здѣсь въ лѣсу
Иль съ голоду умрешь, иль звѣрь тебя
Заѣстъ. Не хочешь ли пойти въ мой теремъ,
Со мною жить?

Стар. Въ твой теремъ? Нѣтъ, спасибо!
Заманишь, а потомъ меня, пожалуй,
Удавишь ожерельемъ. Здѣсь я живъ,
И сытъ, и воленъ. Не хочу въ твой теремъ (*уходитъ*).

Пушкинъ. (Русалка сц. 4).

(Сумасшествіе).

Лаэртъ. Что это? Что за шумъ?

(*Офелія входитъ, странно убранная травами и цвѣтами*).

О пламень, изсуши мой мозгъ! Сожги
Слеза горючая очей моихъ кристаллы!
Клянусь Творцомъ! Мнѣ за твое безумство
Заплатятъ на вѣсахъ, такъ что на землю
Падетъ моя наполненная чаша.
О роза майская, Офелія! Сестра!
Дитя невинное!—О Боже мой!
Неужли умъ дѣвицы молодой
Не крѣпче жизни старика?
О, какъ въ любви природа утонченна!
Свой лучшій даръ, разсудокъ драгоцѣнный,
Она заставила ее отдать
На память милому!

Офелія. (*поетъ*). Онъ лежалъ не покрытый въ гробу,
Его опустили въ могилу,
По немъ не одну проронили слезу—
Прощай мой голубчикъ!

Лаэртъ. Имѣй ты умъ и проповѣдуй мщенье,
Ты насъ не тронула бъ такъ глубоко.

Офелія. Вамъ надо пѣть: «въ могилу, въ могилу, зовите въ могилу его!» А какъ идетъ этотъ напѣвъ къ шуму колеса на самопрялкѣ! Вѣдь это управитель, что соблазнилъ дочь своего господина.

Лаэртъ. Этотъ вздоръ значительнѣе смысла.

Офелія. Вотъ незабудки, это на память; не забывай меня, милый другъ!—А вотъ павилика—она означаетъ вѣрность.

Лаэртъ. Поученіе среди безумства; помянуты любовь и вѣрность.

Офелія (*королю*). Вотъ вамъ хмѣль и васильки; (*королевѣ*) вамъ — полынь; она горька, какъ горько бываетъ раскаяніе. — Вотъ не тронь-меня. Я хотѣла дать и фіялокъ, да всѣ онѣ завяли, когда умеръ отецъ мой.—Говорятъ, онъ тихо скончался.

(*Поетъ*) Добрый молодецъ, Робертъ,
Радость свѣтлая моя...

Лаэртъ. Тоску и грусть, страданья, самый адъ,
Все въ красоту она преобразила.

Офелія. (*поетъ*). Такъ не придетъ онъ къ намъ опять,
Его намъ больше не видать?
Его ужъ нѣтъ, его ужъ нѣтъ!
Какъ опустѣлъ вдругъ бѣлый свѣтъ,
Онъ не придетъ ужъ къ намъ опять!
Его власы, какъ мягкій ленъ,
Весеннимъ снѣгомъ убѣленъ.
Но что печаль? Моей слезѣ
Не возвратить его землѣ.
Будь въ небесахъ благословенъ!
Также, какъ и всѣ христіане! Вотъ моя молитва. Счастливо оставаться.

Шекспиръ. (Гамлетъ, д. IV сц. 5).

Поприщинъ. Сегодня великій Инквизиторъ пришелъ въ мою комнату, но я, услышавши еще издали шаги его, спрятался подъ стулъ. Онъ, увидѣвши, что нѣтъ меня, началъ звать. Сначала закричалъ: «Поприщинъ!»—Я ни слова. Потомъ: «Аксентій Ивановъ! титулярный совѣтникъ! дворянинъ!»—Я все молчу.—Фердинандъ VIII, король Испанскій!»—Я хотѣлъ было высунуть голову, но послѣ подумалъ: «Нѣтъ, братъ, не надуешь! знаемъ мы тебя: опять будешь лить холодную воду мнѣ на голову.» Однакоже онъ увидѣлъ меня и выгналъ палкою изъ подъ стула. Чрезвычайно сильно бьется проклятая палка! Впрочемъ, за все вознаградило меня нынѣшнее открытіе: я узналъ, что у всякаго пѣтуха есть Испанія, что она у него находится подъ перьями. Великій Инквизиторъ однако же ушелъ отъ меня разгнѣванный и грозя мнѣ какимъ-то наказаніемъ. Но я совершенно пренебрегъ его безсильную злобу, зная, что онъ дѣйствуетъ, какъ машина, какъ орудіе Англичанина. . . . .

...Нѣтъ, я больше не имѣю силъ терпѣть. Боже! что они дѣлаютъ со мною! Они льютъ мнѣ на голову холодную воду. Они не внемлютъ, не видятъ, не слушаютъ меня. Что я сдѣлалъ имъ. За что они мучатъ меня? Чего хотятъ они отъ меня, бѣднаго? Что могу дать я имъ? Я ничего не имѣю. Я не въ силахъ, я не могу вынести всѣхъ мукъ ихъ, голова горитъ моя и все кружится предо мною. Спасите меня! возьмите меня! дайте мнѣ тройку быстрыхъ, какъ вихорь, коней! садись, мой ямщикъ, звени, мой коло-

кольчикъ, взвейтеся кони и несите меня съ этого свѣта! Далѣе, далѣе, чтобъ не видно было ничего, ничего. Вонъ небо клубится передо мною, звѣздочка сверкаетъ вдали: лѣсъ несется съ темными деревьями и мѣсяцемъ; сизый туманъ стелется подъ ногами, струна звенитъ въ туманѣ; съ одной стороны море, съ другой Италія; вонъ и русскія избы чернѣютъ. Домъ ли то мой синѣетъ вдали? Мать ли моя сидитъ передъ окномъ? Матушка, спаси твоего бѣднаго сына. Урони слезинку на его больную головушку! Посмотри, какъ мучатъ они его! Прижми ко груди своей бѣднаго сиротку! ему нѣтъ мѣста на свѣтѣ! его гонятъ! — Матушка, пожалѣй о своемъ больномъ дитяткѣ!.. А знаете ли, что у Алжирскаго Дея подъ самымъ носомъ шишка?

Гоголь. (Записки Сумашедшаго).

Придворная дама. Вотъ, смотрите: она идетъ, точно также какъ и прежде, и божусь, что сонная. Примѣчайте. (*Входитъ леди Макбетъ со свѣчою*).

Докторъ. Откуда она взяла свѣчу.

Пр. д. Въ спальнѣ, на столѣ. Свѣча должна тамъ горѣть всю ночь; такъ она приказываетъ.

Докт. Глаза ея открыты.

Пр. д. Да, но зрѣніе закрыто въ нихъ.

Докт. Что это она дѣлаетъ? Смотрите, какъ третъ руки!

Пр. д. Это ея обыкновенное занятіе—все, кажется, будто умываетъ руки; иногда такъ проходитъ четверть часа и болѣе.

Л. Макбетъ. Здѣсь опять пятно.

Докт. Она говоритъ. Я стану для памяти записывать, все что мы ни услышимъ.

Л. Макб. Прочь, проклятое пятно! прочь, говорю я! одно, два! — Ну что же, теперь пора! — Адъ страшенъ? Право? Стыдись, другъ мой; боишься, а еще воинъ! —что нужды, если и узнаютъ: на судъ никто не позоветъ насъ. — Однако, кто жъ могъ думать, что въ старикѣ такъ много крови!

Докт. Слышите?

Л. Макб. У фейфскаго Тана была жена; гдѣ она теперь? —

Уже ли никогда не будутъ чисты мои руки? Ну, полно, другъ мой, ты испортишь все подобными причудами.

Докт. Довольно, довольно! Вы услышали то, чего не должны слышать.

Пр. д. По крайней мѣрѣ она сказала то, чего говорить не должна была. Богу только извѣстно, что на душѣ у ней.

Л. Макб. А здѣсь все пахнетъ кровью. Всѣ благовонія Аравіи не очистятъ рукъ моихъ! Ахъ, ахъ!

Докт. Какіе вздохи! Видно тяжело ея сердцу!

Пр. д. Я не хотѣла бы имѣть въ груди такое сердце за все царское величіе!

Докт. Да, да; хорошо.

Пр. д. Дай Богъ, чтобы все хорошо было!

Докт. Отъ такой болѣзни у меня нѣтъ лекарства. — Бывали однако люди, которые ходили во снѣ и потомъ умерли мирно Христіанскою смертію.

Л. Макб. Вымой руки и надѣнь халатъ; но не будь такъ блѣденъ. Еще разъ говорю тебѣ, что Банко зарытъ въ землю и не можетъ выйти изъ могилы.

Докт. Да? такъ-то?

Л. Макб. Пойдемъ, ляжемъ въ постель: кто-то стучится въ ворота. Пойдемъ, дай мнѣ руку. Что сдѣлано, того не перемѣнишь. Пойдемъ, пойдемъ (*Уходитъ*).

Шекспиръ. (Макбетъ д. V. явл. 1).

(Галлюцинація).

Макбетъ. Не кинжалъ ли предъ собой я вижу,
Къ моей рукѣ лежащій рукоятью?
Сюда! дай мнѣ схватить тебя скорѣй!
Я не держу тебя въ рукѣ, но вижу.
Ты здѣсь еще... Видѣнье роковое,
Доступно ль осязанью ты и зрѣнью,
Иль ты ничто иное, какъ кинжалъ
Воображенья, ложное созданье,
Рожденное разгоряченнымъ мозгомъ?
Тебя еще я вижу между тѣмъ,

Какъ будто осязаемую форму,
Какъ будто самый тотъ кинжалъ, который
Я вынимаю изъ ноженъ теперь.
Ты мнѣ показываешь ту дорогу,
Куда иду я, и орудье то,
Которое употребить я долженъ.
Иль у меня глаза—игрушка чувствъ
Всѣхъ остальныхъ, иль ихъ они одни
Всѣхъ стоютъ вмѣстѣ; но тебя я вижу;
Все вижу, и на лезвіѣ твоемъ,
На рукояткѣ капли крови... Тамъ
Ихъ прежде не было. Нѣтъ ничего!
Одинъ лишь замыселъ кровавый мой
Тѣ призраки въ глазахъ моихъ раждаетъ.

Шекспиръ. (Макбетъ, д. II, сц. 1).

(Галлюцинація).

Гамлетъ. (*предъ портретомъ Клавдія*).
Убійца и злодѣй! рабъ, недостойный
И сотой части прежняго супруга!
Король—паяцъ, укравшій діадему
И тайно спрятавшій ее въ карманъ!
Королева. Остановись!
(*входитъ Тѣнь*).
Гамлетъ. Король изъ тряпокъ и лоскутьевъ...
Спаси меня, закрой меня крылами,
Сонмъ небожителей святыхъ!
Чего ты хочешь, образъ благородный?
Королева. О, горе мнѣ! Онъ обезумѣлъ!
Гамлетъ. Ты не съ укоромъ ли явился къ сыну
За то, что онъ не внялъ минутѣ страсти,
И грознаго велѣнья не свершилъ?
Скажи!
Тѣнь. Не позабудь! мое явленье
Угасшій замыселъ должно воспламенить.
Взгляни: надъ матерью витаетъ ужасъ;
Стань между ней и тяжкою борьбою
Ея души; воображенье въ слабыхъ
Всего сильнѣй. Заговори съ ней, Гамлетъ!
Гамлетъ. Что съ вами, матушка?
Королева. О! что съ тобою,
Что ты глаза вонзилъ въ пустое мѣсто
И говоришь съ пространствомъ съ безтѣлеснымъ?

Въ твоихъ очахъ душа сверкаетъ дико,
Какъ спящій станъ на звукъ тревоги бранной.
Встаютъ власы на головѣ твоей!
О милый сынъ! залей огонь недуга
Росой терпѣнія. Куда глядишь ты?

Гамлетъ. На него.
Смотри, какъ блѣдно взоръ его горитъ!
И камни поняли бы горькій смыслъ
Его лица, его обиды тяжкой.
О, не гляди! Твой жалкій, грустный образъ
Смягчитъ мое суровое рѣшенье
И я его не совершу; быть можетъ,
Слеза, не кровь, моею местью будетъ.

Королева. Съ кѣмъ разговариваешь ты?

Гамлетъ. Ты ничего не видишь тамъ?

Королева. Нѣтъ, ничего; но все, что тамъ, я вижу.

Гамлетъ. И ты не слышала?

Королева. Ни слова, кромѣ насъ.

Гамлетъ. Взгляни, смотри, какъ тихо онъ уходитъ!
Отецъ мой, точно какъ живой! Смотри!
Вонъ, вонъ идетъ онъ: вотъ выходитъ въ дверь.
(*Тѣнь уходитъ*).

Королева. То лишь мечта фантазіи твоей;
Душа сильна въ созданьяхъ безтѣлесныхъ,
Когда разсудокъ омраченъ.

Гамлетъ. Разсудокъ омраченъ?
Мой пульсъ, какъ твой, играетъ въ стройномъ тактѣ;
Его мелодія здорова, какъ въ твоемъ;
Мои слова не бредъ души безумной.
Угодно ли? Я повторю ихъ снова;
Безуміе отпрянуло бы прочь.

Шекспиръ. (Гамлетъ, д. III, сц. 4).

(Слабоуміе старческое).

(*Иванъ Ивановичъ сидитъ въ креслахъ*).

Катерина Ивановна. Ну что, папочка, здѣсь, у меня вамъ хорошо, покойно...

Иванъ Иванычъ. (*Гладя дочь по головѣ*). Хорошо... хорошо, Катюша... Здѣсь тихо, никто не шумитъ... спокойно... Тамъ матушка, матушка твоя... (*машетъ рукою*) ахъ... то бранится... недовольна... то народу назоветъ: шумъ, гамъ, хохотъ...

всю ночь... Я ужъ ныньче ничего не возражаю: молчу... какъ хочетъ... Я ныньче тихо... а она все недовольна...

Кат. Ив. Бѣдненькій папа... И какъ это я до сихъ поръ не догадалась позвать къ себѣ... Ты на меня не сердишься, папочка...

Ив. Ив. За что, Катя... за что?.. нѣтъ...

Кат. Ив. А что я такая гадкая: долго тебя не брала къ себѣ, а тамъ тебя мучили...

Ив. Ив. Нѣтъ, милушка, нѣтъ... я на тебя не сержусъ... Какъ же: ты не можешь безъ мужа... Какъ онъ позволилъ, вотъ ты и взяла... я, вѣдь, знаю...

Кат. Ив. Да нѣтъ, папочка, милый... нѣтъ, это не мужъ; я его и не спрашивала... Я думаю, онъ бы и не согласился... Мнѣ хотѣлось, да я не знала, какъ сдѣлать: это Петръ Акинфычъ мнѣ растолковалъ, что мнѣ нечего и спрашивать... что имѣю право и должна тебя взять... (*Вполголоса*). Папочка, ты его любишь?..

Ив. Ив. Кого, Катечка?.. мужа-то твоего?

Кат. Ив. Нѣтъ, папа, нѣтъ... За что тебѣ его любить... Нѣтъ, я... я про Петра Акинфыча тебя спрашиваю...

Ив. Ив. Что же?.. онъ, ничего, онъ человѣкъ, кажется, скромный, почтительный такой... Съ Серафимчикомъ тамъ что-то у него... вышло... Она денегъ требовала... Ну, онъ не далъ... Ну, онъ не далъ... Ну, какъ же онъ можетъ хозяйскія деньги давать... Я понимаю... не можетъ... Да... я понимаю... А со мной онъ ничего... вѣжливъ... Ничего... я имъ доволенъ...

Кат. Ив. Ахъ, папочка, онъ отличный, превосходный человѣкъ... Онъ меня многому научилъ. Я на себя и на людей стала иначе смотрѣть... Я поняла, что мнѣ надо дѣлать и для чего жить на свѣтѣ...

Ив. Ив. Ну что же... это прекрасно... что молодой человѣкъ такъ совѣтуетъ... почитать родителей и старшихъ... слушаться мужа... любить дѣтей своихъ... вотъ и прекрасно... (*Помолчавъ*). Катюшечка, а знаешь, что я тебѣ скажу...

Кат. Ив. Что, голубчикъ, папочка?..

Ив. Ив. Вотъ что, душенька, мнѣ бы... покушать чего-нибудь хотѣлось... такъ кусочекъ бы чего-нибудь...

Кат. Ив. Ахъ, папочка, родной... сейчасъ, сейчасъ... чего же вамъ угодно...

Ив. Ив. Такъ, чего нибудь... все равно... Я... сладкое очень люблю... сладенькаго чего нибудь... (*Кат. Ив. хочетъ идти*). Катенька... знаешь: мнѣ бы вареньица бы на блюдечкѣ... да саечки бы... хлѣбца бы бѣленькаго... да побольше бы вареньица-то... Тамъ лекаря не велятъ много-то... да они врутъ... мнѣ это ничего... я люблю...

Кат. Ив. Сейчасъ, сейчасъ, милый папочка... сейчасъ... (*бѣжитъ къ дверямъ и говоритъ чрезъ нихъ*). Сейчасъ, поскорѣе подайте варенья, бисквитъ, бѣлаго хлѣба, вина... поскорѣе, слышите...

Ив. Ив. Катюша... ты не разсердись, что я такъ... точно маленькій... теперь не время кушать... да я такъ...

Кат. Ив. Да полноте, папа... Какъ не грѣхъ... А вы ничего не думайте; и какъ вамъ чего захочется, такъ вы и приказывайте...

Ив. Ив. То-то... я, вѣдь, на тебя надѣюсь... Ты у меня добрая... всегда была добрая...

(*Паша приноситъ подносъ съ виномъ, тарелкою варенья и пр*).

Кат. Ив. Ну вотъ, папочка, кушайте на здоровье... Вотъ я вамъ наложу...

Ив. Ив. А ты что же, не хочешь?..

Кат. Ив. Нѣтъ, и я съ вами полакомлюсь... Я тоже люблю...

Ив. Ив. Ну, вотъ и хорошо... вотъ спасибо... (*Ѣстъ съ жадностью*). Мнѣ, вѣдь, тамъ Серафимчикъ... ничего... смѣются только, какъ попрошу чего... А я вѣдь ужъ старъ, глупъ сталъ: мнѣ обидно... а я люблю...

Кат. Ив. Бѣдный папаша мой, бѣдный... (*Цѣлуетъ его голову и гладитъ по головѣ рукою*).

Ив. Ив. Какое варенье у тебя славное... Какое славное...

Потѣхинъ. (Виноватая, д. III, яв. 1).

(Тупость).

Маланья (*говоритъ медленно*). Шла я тутъ по вулицѣ...

Круглова. Такъ что жъ?

Мал. Такъ онъ... какъ его?

Кругл. Кто, онъ-то?

Мал. Какъ, бишь, его?.. Въ сусѣдяхъ то...

Кругл. Что же?

Мал. Да нешто ихъ тутъ, всѣхъ... Много ихъ. Такой черноватый.

Кругл. Сѣдой, что ли?

Мал. Да, сѣдой. Что я!.. А я черноватый...

Кругл. Аховъ, что ли?

Мал. Надо, что онъ... Аховъ его... что ли. Большой такой...

Кругл. Средняго росту?

Мал. Да пожалуй, что и такъ.

Кругл. Ну, что же онъ? Проснись ты, сдѣлай милость!

Мал. Что проснись!.. Не походя я сплю, а когда время... такъ что кому! Кланяйся, говоритъ.

Кругл. Немного-жъ ты сказала.

Мал. Что жъ мнѣ еще говорить? (*Уходитъ и сейчасъ же возвращается*). Да, забыла... Зайду, говоритъ.

Кругл. Когда?

Мал. Кто жъ его... Мнѣ почемъ знать? (*Уходитъ и возвращается*). Да! изъ головы вонъ... Нынче, говоритъ, зайду, Аховъ онъ, что ли прозывается? Черноватый такой...

Кругл. Сѣдой весь?

Мал. Да и то сѣдой. Эка память, Господи! (*Уходитъ*).

. . . .

Круглова и Ѳеона (*сидятъ и пьютъ чай. У двери стоитъ Маланья подперши рукой щеку*).

Кругл. Ты, Ѳіонушка, отъ обѣдни?

Ѳеон. Отъ обѣдни, матушка.

Кругл. Гдѣ стояла?

Ѳеон. Въ Хамовникахъ.

Кругл. А далеко вѣдь?

Ѳеон. Конечно, что не моимъ бы ногамъ, только что усердіе, такъ ужъ... (*Ставитъ чашку*).

Кругл. (*наливая*). Пей еще!

Ѳеон. Выпью, не обезсудьте.

Мал. А вотъ... въ лѣни живущимъ все тяжело, которые нежели себя опущаютъ. Другой разъ коутру-то... такъ тебя нѣжитъ-томитъ... ровно тебя опоили; плоть-то эта самая точно въ ростъ идетъ, по суставамъ-то ровно гудетъ легоничко... Не токма, чтобы какое дѣло великое, что по христіанству тебѣ слѣдуетъ; а самоваръ, и тотъ лѣнь поставить, все бы лежала.

Ѳеон. А ты, дѣвушка, блажь-то съ себя стряхивай —старайся! Въ струнѣ себя нарови... а то долго ль, и совсѣмъ одубѣешь. У насъ такъ-то было съ одной — вся, какъ свинцомъ налитая, сдѣлалась. Ни понятія, говоритъ, ни жалости во мнѣ ни къ чему не стало.

Мал. Само собой, что грѣхи... наши; а то я... про что же?

Ѳеон. Пожила бы ты у нашего Ермила Зотыча. Онъ еще до заутрени чаю-то напился.

Мал. Ишь ты, какъ его...

Островскій. (Не все коту масляница, сц. I, явл. 2; сц. II, явл. 1).

Первая дама. Воля ваша, здѣсь не мертвыя души, здѣсь скрывается что-то другое.

Вторая дама. Я признаюсь, тоже... А чтожъ, вы полагаете, здѣсь скрывается?..

1-я дама. Ну, какъ вы думаете?

2-я дама. Какъ я думаю?.. Я признаюсь, совершенно потеряна.

1-я дама. Но, однакожъ, я бы все хотѣла знать, какія ваши на счетъ этого мысли?

2-я дама (*молчитъ въ недоумѣніи*).

1-я дама. Ну, слушайте же, что такое это мертвыя души... Мертвыя души...

2-я дама (*въ волненіи*). Что, что?..

1-я дама. Мертвыя души...

2-я дама. Ахъ, говорите, ради Бога!

1-я дама. Это, просто, выдумано только для прикрытія, а дѣло вотъ въ чемъ: онъ хочетъ увезти губернаторскую дочку.

2-я дама (*всплеснувъ руками, вскрикиваетъ*). Ахъ, Боже мой! ужъ этого я бы никакъ не могла предполагать.

1-я дама. А я, признаюсь, какъ только вы открыли ротъ, я уже смекнула, въ чемъ дѣло.

2-я дама. Но каково же послѣ этого, Анна Григорьевна, институтское воспитаніе! вѣдь вотъ невинность!

1-я дама. Какая невинность! Я слышала, какъ она говорила такія рѣчи, что, признаюсь, у меня не станетъ духа произнести ихъ.

2-я дама. Знаете, Анна Григорьевна, вѣдь это просто раздираетъ сердце, когда видишь, до чего достигла наконецъ безнравственность!

1-я дама. А мужчины отъ нея безъ ума.

Гоголь. (Мертвыя души, ч. I).

(Тупоуміе, ограниченность).

Чичиковъ... Скажите, у васъ умирали крестьяне?

Коробочка. Охъ, батюшка, осьмнадцать человѣкъ! И умеръ все такой славный народъ, все работники. Послѣ того, правда, народились, да что въ нихъ? все такая мелюзга. А засѣдатель подъѣхалъ — подать, говоритъ, уплачивать съ души. Народъ мертвый, а плати, какъ за живаго. На прошлой недѣлѣ сгорѣлъ у меня кузнецъ, такой искусный кузнецъ и слесарное мастерство зналъ.

Чич. Развѣ у васъ былъ пожаръ?

Кор. Богъ приберегъ отъ такой бѣды; пожаръ бы еще хуже; самъ сгорѣлъ, отецъ мой. Внутри у него какъ-то загорѣлось, черезъ чуръ выпилъ; только синій огонекъ пошелъ отъ него; весь истлѣлъ, истлѣлъ и почернѣлъ, какъ уголь. А такой былъ преискусный кузнецъ! И теперь мнѣ выѣхать не на чемъ: некому лошадей подковать.

Чич. На все воля Божія, матушка, противъ мудрости Божьей ничего нельзя сказать... Уступите-ка ихъ мнѣ, Настасья Петровна?

Кор. Кого, батюшка?

Чич. Да вотъ этихъ-то всѣхъ, что умерли.

Кор. Да какъ же уступить ихъ?

Чич. Да такъ, просто. Или, пожалуй, продайте. Я вамъ за нихъ дамъ деньги.

Кор. Да какъ же, я право въ толкъ-то не возьму? Нешто хочешь ты ихъ откапывать изъ земли?.. Да на что жъ онѣ тебѣ?

Чич. Это ужъ мое дѣло.

Кор. Да вѣдь онѣ жъ мертвыя.

Чич. Да кто жъ говоритъ, что онѣ живыя? Потому-то и въ убытокъ вамъ, что мертвыя: вы за нихъ платите, а теперь я васъ избавлю отъ хлопотъ и платежа. Понимаете? Да не только избавлю, да еще сверхъ того дамъ вамъ пятнадцать рублей. Ну, теперь ясно?

Кор. Право... не знаю... Вѣдь я мертвыхъ никогда еще не продавала...

Чич. Еще бы! Это бы скорѣе походило на диво, если бы вы ихъ кому нибудь продали. Или вы думаете, что въ нихъ есть въ самомъ дѣлѣ какой нибудь прокъ?

Кор. Нѣтъ, этого-то я не думаю. Что же въ нихъ за прокъ? проку никакаго нѣтъ. Меня только то и затрудняетъ, что онѣ уже мертвыя.

Чич. (*въ сторону*). Ну, баба, кажется, крѣпколобая. (*Громко*). Послушайте, матушка! Да вы разсудите только хорошенько: вѣдь вы разоряетесь, платите за него подать, какъ за живаго...

Кор. Охъ, отецъ мой, и не говори объ этомъ! Еще третью недѣлю взнесла болѣе полутораста, да засѣдателя подмаслила...

Чич. Ну, видите, матушка? А теперь примите въ соображеніе только то, что засѣдателя вамъ подмасливать больше не нужно, потому что теперь я плачу за нихъ,—я, а не вы; я принимаю на себя всѣ повинности: я совершу даже крѣпость на свои

деньги, — понимаете ли вы это?.. (*Помолчавъ*). Такъ чтожъ, матушка, по рукамъ что ли?

Кор. Право, отецъ мой, никогда еще не случалось мнѣ продавать покойниковъ. Живыхъ-то я уступила вотъ и третьяго года Протопопову, — двухъ дѣвокъ, по сту рублей каждую; и очень благодарилъ: такія вышли славныя работницы; сами салфетки ткутъ.

Чич. Ну, да не о живыхъ дѣло; Богъ съ ними. Я спрашиваю мертвыхъ.

Кор. Право, я боюсь на первыхъ-то порахъ, чтобы какъ нибудь не понести убытку. Можетъ быть, ты, отецъ мой, меня обманываешь, а они того... они больше, какъ нибудь, стоятъ.

Чич. Послушайте, матушка... эхъ какія вы! что жъ они могутъ стоить? Разсмотрите: вѣдь это прахъ. Понимаете ли? это, просто, прахъ. Вы возьмите всякую негодную, послѣднюю вещь, напримѣръ, даже простую тряпку, — и тряпкѣ есть цѣна: ее хоть по крайней мѣрѣ, купятъ на бумажную фабрику, а вѣдь это ни на что не нужно. Ну, скажите сами, на что оно нужно?

Кор. Ужъ это точно правда. Ужъ совсѣмъ ни на что не нужно; да вѣдь меня одно только и останавливаетъ, что вѣдь онѣ уже мертвыя.

Чич. Вы, матушка, или не хотите понимать словъ моихъ или такъ нарочно говорите, лишь бы что нибудь говорить... Я вамъ даю деньги: пятнадцать рублей ассигнаціями, — понимаете ли? Вѣдь это деньги. Вы ихъ не сыщете на улицѣ... Вы берете ни за что, даромъ пятнадцать, да и не серебромъ, а все синими ассигнаціями.

Кор. Право, мое такое неопытное вдовье дѣло! лучше жъ я маленько повремéню, авось понаѣдутъ купцы, да примѣнюсь къ цѣнамъ.

Чич. Срамъ, срамъ, матушка! просто, срамъ! Ну что вы это говорите, подумайте сами. Кто жъ станетъ покупать ихъ. Ну какое употребленіе онъ можетъ изъ нихъ сдѣлать?

Кор. А можетъ, въ хозяйствѣ-то какъ нибудь подъ случай понадобятся...

Чич. Мертвые въ хозяйствѣ! Экъ куда хватили! Воробьевъ развѣ пугать по ночамъ въ вашемъ огородѣ, что ли?

Кор. Съ нами крестная сила! Какія ты страсти говоришь! (*Крестится*).

Чич. Куда жъ еще вы ихъ хотѣли пристроить. Да впрочемъ, вѣдь кости и могилы—все вамъ остается: переводъ только на бумагѣ. Ну такъ что же? Какъ же? Отвѣчайте, по крайней мѣрѣ. (*Помолчавъ*). О чемъ же вы думаете, Настасья Петровна?

Кор. Право, я все не приберу, какъ мнѣ быть; лучше я вамъ пеньку продамъ.

Чич. Да на чтожъ пенька? Помилуйте, я васъ прошу совсѣмъ о другомъ, а вы мнѣ пеньку суете! Пенька пенькою, въ другой разъ пріѣду, заберу и пеньку. Такъ какъ же, Настасья Петровна?

Кор. Ей Богу, товаръ такой странный... совсѣмъ небывалый...

Чич. (*вскочивъ*). Чортъ васъ возьми...

Кор. Охъ, не припоминай его, Богъ съ нимъ! Еще третьяго дня всю ночь мнѣ снился окаянный. Вздумала было на ночь загадать на картахъ послѣ молитвы, да, видно, въ наказаніе-то Богъ и послалъ его. Такой гадкій привидѣлся; а рога то длиннѣе бычачьихъ.

Чич. Я дивлюсь, какъ они вамъ десятками не снятся...

Гоголь. (Мертвыя души, ч. I, глав. 3).

(Глупость невѣжественная).

Настасья Панкратьевна. Милости просимъ, Немила Сидоровна, садиться покорнѣйше прошу. Луша, принеси-ка намъ вареньица.

Луша. Сей часъ. (*Уходитъ*.)

Наст. Панкр. Какъ дѣла ваши?

Немила Сидоровна. Дѣла ничего, слава Богу. Одна печаль у меня: дочерей больно много.

Наст. Панкр. Видно, матушка, Немила Сидоровна, всякому своя ноша тяжела. Вотъ вы объ дочеряхъ, а я о сыновьяхъ.

Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. А по моему, дочери все таки легче.

Нен. Сид. Глазъ, да и глазъ нужно, Настасья Панкратьевна. Вѣдь нынче время-то какое! Люди-то какіе! Вѣрите ли, боишься въ садъ выпустить.

Наст. Панкр. Что дочери! Дочерей и запереть можно, да и хлопотъ съ ними меньше, ни учить, ни что. Ну, конечно, за-мужъ выдавать хлопотно, возни много. А вамъ и то съ полъ-горя, Немила Сидоровна, вѣдь вы денегъ много даете за дочерьми-то, такъ вамъ нечего бояться, что въ дѣвкахъ засидятся.

Нен. Сидор. Про это что толковать. Дочь не домашній товаръ; какъ не какъ, а надо съ рукъ сбывать. Ну тамъ ужъ не наша бѣда, живи, какъ хочешь. А покедова-то вотъ! Вѣдь у насъ приказчики, ну и другаго посторонняго народу много.

Наст. Паткр. Присмотръ нуженъ, я про это вамъ и докладываю, за то ужъ больше-то никакихъ хлопотъ. Мальчики вѣдь на волѣ, Немила Сидоровна, какъ за ними усмотрѣть; вездѣ ходятъ. У меня всего-то два сына: Андрюша, да Купидоша; да и то голова кругомъ идетъ. Андрюша мальчикъ шустрый, проворный, до всего понятливый; такъ, сударыня моя, отъ дому совсѣмъ отбивается; то не хорошо, другое не по немъ; учиться, говоритъ, хочу. Чтъ-жъ, мы развѣ его не учили! И рихметикѣ и граматикѣ имназистъ училъ. На что ему много-то знать. И такъ боекъ, а какъ обучать-то всему, тогда съ нимъ и не сговоришь; онъ мать-то и уважать не станетъ; хоть изъ дому бѣги.

Нен. Сидор. Да, вотъ на счетъ ученья—то. У насъ сосѣдка отдала сына учиться, а онъ глазъ и выкололъ.

Наст. Панкр. Это долго-ли. А вотъ теперь влюбился. Да въ кого, Немила Сидоровна, въ кого! Во что влюбиться-то? Такъ, одна непокорность кь родителямъ.

Нен. Сидор. Въ кого же, Настасья Панкратьевна? Скажите по секрету.

Наст. Панкр. Что за секретъ; весь околодокъ въ трубы трубитъ. Знаете учителя Иванова, такъ въ его дочь; ну и погибаетъ совсѣмъ.

Нен. Сидор. Знаю, знаю, видала. Скажите! Гдѣ же глаза-то у него были! Такъ твореніе какое-то… ни живности, ничего.

Наст. Панкр. Ну вотъ, сами разсудите.

Нен. Сидор. Что говорить!

Наст. Панкр. Каково матери-то?

Нен. Сидор. Подсыпали чего нибудь. Это бываетъ.

Наст. Панкр. Ужъ я и сама такъ думаю.

Нен. Сидор. А вы вотъ что.. не хорошо только говорить то..

Наст. Панкр. Ничего.

Нен. Сидор. А съ разу снимаетъ (*Шепчетъ ей на ухо*).

Наст. Панкр. Помогаетъ?

Нен. Сидор. Помогаетъ. То-то хитры они, анъ хитрѣй ихъ есть. На всякій привороть средство есть; только знать нужно. Я много знаю: и отъ глазу, и отъ запою, и противъ бородавокъ у меня симпатія есть.

Наст. Панкр. Такъ надать попробовать, а то что хорошаго! Мы теперь его женить хотимъ; намъ надо невѣсту съ большими деньгами, потому сами богаты. Что за неволя бѣдную-то брать.

Нен. Сидор. Разумѣется.

Наст. Панкр. Ну вотъ, матушка моя, теперь есть такая на примѣтѣ, отецъ нашелъ; а онъ скрывается отъ отца-то. Всякая мать баловница; другой разъ расплачется, глядишь, и жалко, и сама его прикрываю по малости. А все таки не хорошо.

Нен. Сидор. Нельзя похвалить.

Наст. Панкр. А другой, Купидоша, такъ совсѣмъ какой-то ума рѣхнувшій по театру. Да табакъ куритъ, Немила Сидоровна, такой крѣпкій, просто дышать нельзя. Въ комнатахъ такаго курить нельзя ни подъ какимъ видомъ, кого хочешь, стошнитъ. Такъ все больше въ кухнѣ пребываетъ. Вотъ иногда скучно, позовешь его, а онъ-то и давай кричать по тіатральному; ну и утѣшаешься на него. Съ пѣвчими поетъ басомъ, голосъ такой громкій, такъ какъ словно изъ ружья выпалитъ.

Нен. Сидор. Говорятъ, маленькихъ нехорошо по головѣ бить, глупѣютъ отъ этого.

Наст. Панкр. Кто ихъ знаетъ, можетъ и правда. (*Капитонъ Титычъ выглядываетъ изъ за двери.*) Да вотъ и онъ.

Нен. Сидор. Кто? Дурачекъ-то? Позовите, Настасья Панкратьевна.

Наст. Панкр. Купидоша, Купидоша!

Островскій. (Въ чужомъ пиру похмѣлье, д. II явл. 2).

(Глупость наивная).

Бальзаминовъ. Гдѣ мой крандашъ, гдѣ мой крандашъ?

Бальзаминова. На что тебѣ крандашъ?

Бальз. Надо, маменька. Матрена! Матрена! (*Матрена входитъ*). Гдѣ мой крандашъ?

Матрена. А я почемъ знаю. Какой же ты писарь послѣ этого, когда крандашъ потерялъ.

Бальз. Писарь! писарь!

Матр. Вѣдь крандашъ у тебя все равно, что у солдата ружье. Такъ нешто солдаты ружья теряютъ?

Бальз. Какой я писарь! Я скоро баринъ буду.

Матр. Ты баринъ? Не похоже.

Бальз. А вотъ увидишь, какъ триста тысячъ получу.

Матр. Триста тысячъ! Не вѣрю. У кого жъ это такія деньги бѣшеныя, чтобъ за тебя триста тысячъ дали. Да ты ихъ счесть то не умѣешь.

Бальз. Ну, да что съ тобой разговаривать! Ты ничего не понимаешь.

Матр. Гдѣ понимать! А еще женихъ, жениться хочетъ, а самъ крандашъ потерялъ. Безстыдникъ!

Бальз. (*шаритъ въ боковомъ карманѣ*). Вотъ онъ, нашелъ.

Бальзаминова. Ну, что жъ будетъ?

Бальз. А вотъ сейчасъ. (*Беретъ съ комода бумажку и садится у стола*). Я теперь получаю жалованья сто двадцат руб. въ годъ, мы ихъ и проживаемъ; а какъ будетъ триста тысячъ (*пишетъ*), такъ, если по тысячѣ въ годъ... все-таки мнѣ на триста лѣтъ хватитъ.

Матр. (*всплеснувъ руками*). Батюшки!

Бальзаминова. Неужели жъ ты триста лѣтъ хочешь прожить!..

Бальз. Ну, позвольте! Если по двѣ въ годъ (*пишетъ*), все на полтораста лѣтъ хватитъ.

Бальзаминова. Ты рехнулся совсѣмъ.

Бальз. Что жъ, маменька, при хорошей-то жизни, можетъ быть, и проживешь.

Матр. Какъ не прожить!

Бальз. Ахъ, я о процентахъ-то и забылъ. Сколько, маменька, процентовъ съ трехъ-сотъ тысячъ?

Бальзаминова. Да, чай, тысячъ двѣнадцать.

Бальз. Кажется, маменька, съ чѣмъ-то двѣнадцать тысячъ.

Матр. Съ денежкой.

Бальз. Съ какой денежкой! Что ты врешь!

Матр. Что считать-то, чего нѣтъ. Смотрѣть-то скучно. Ты вотъ сочти лучше: девять вѣниковъ, по денежкѣ вѣникъ, много ли денегъ? И того не счесть. (*Уходитъ*).

Бальз. Пойду погулять, пусть немного вѣтромъ обдуетъ; а то много мыслей въ головѣ объ жизни.

Бальзаминова. Ты бы пока слова-то подбиралъ, какія ужо говорить съ невѣстой.

Бальз. А вотъ я, во время прогулки, и буду слова подбирать.

Бальзаминова. А я платье приготовлю, надо ужъ одѣться хорошенько. (*Уходятъ*).

Островскій. (Праздничный сонъ—до обѣда, кар. I, явл. 5).

(Наглая глупость).

Ноздревъ. «Для друга семь верстъ не околица». Прохожу мимо, вижу свѣтъ въ окнѣ. Дай, думаю себѣ, зайду! вѣрно не спитъ. А вотъ хорошо, что у тебя на столѣ чай, выпью съ удовольствіемъ чашечку: сегодня за обѣдомъ объѣлся всякой дряни, чувствую, что ужъ начинается въ желудкѣ возня. Прикажи-ка мнѣ набить трубку! гдѣ твоя трубка?

Чичиковъ. Да вѣдь я не курю трубки.

Ноздр. Пустое, будто я не знаю, что ты куряка. Эй! какъ бишь зовутъ твоего человѣка? Эй, Вахрамѣй, послушай!

Чич. Да не Вахрамѣй, а Петрушка!

Ноздр. Какъ же? Да у тебя вѣдь прежде былъ Вахрамѣй?

Чич. Никакаго не было у меня Вахрамѣя.

Ноздр. Да, точно, это у Деребина Вахрамѣй. Вообрази, Деребину какое счастіе: тетка его поссорилась съ сыномъ за то, что женится на крѣпостной, и теперь записала ему все имѣніе. Я думаю себѣ: вотъ если бы этакую тетку имѣть для дальнѣйшихъ? Да что, братъ, ты такъ отдалился отъ всѣхъ, нигдѣ не бываешь? Конечно, я знаю, что ты занятъ иногда учеными предметами, любишь читать... Ахъ, братъ, Чичиковъ! если бы только увидѣлъ... вотъ ужъ, точно, была бы пища твоему сатирическому уму. Вообрази, братъ, у купца Лихачева играли въ горку — вотъ ужъ гдѣ смѣхъ былъ! Перепендевъ, который былъ со мною: «вотъ», говоритъ, «если бы теперь Чичиковъ, ужъ вотъ бы ему точно»... А вѣдь признайся, братъ, вѣдь ты, право, преподло поступилъ тогда со мною, помнишь, какъ играли въ шашки? Вѣдь я выигралъ. Да, братъ, ты просто поддѣдюлилъ меня. Но вѣдь я, чортъ меня знаетъ, никакъ не могу сердиться. Намедни съ предсѣдателемъ... Ахъ, да! я вѣдь тебѣ долженъ сказать, что въ городѣ всѣ противъ тебя. Они думаютъ, что ты дѣлаешь фальшивыя бумажки, пристали ко мнѣ, да я за тебя горой, наговорилъ имъ, что съ тобой учился и отца зналъ; ну и ужъ нечего говорить, слилъ имъ пулю порядочную.

Чич. Я дѣлаю фальшивыя бумажки!..

Ноздр. Зачѣмъ ты, однакожъ, такъ напугалъ ихъ? Они, чортъ знаетъ, съ ума сошли со страху: нарядили тебя въ разбойники и въ шпіоны... А прокуроръ съ испугу умеръ; завтра будетъ погребеніе. Ты не будешь? Они, сказать правду, боятся новаго генералъ-губернатора... А вѣдь ты, однакожъ, Чичиковъ, рискованное дѣло затѣялъ.

Чич. Какое рискованное дѣло?..

Ноздр. Да увезти губернаторскую дочку. Я, признаюсь,

ждалъ этого, ей Богу, ждалъ! Въ первый разъ, какъ только увидѣлъ васъ вмѣстѣ на балѣ: «Ну ужъ», думаю себѣ, «Чичиковъ, вѣрно, не даромъ».. Впрочемъ напрасно ты сдѣлалъ такой выборъ: я ничего въ ней не нахожу хорошаго. А есть одна, родственница Бикусова, сестры его дочь, такъ вотъ ужъ дѣвушка! можно сказать—чудо коленкоръ!

Чич. Да что ты, что ты путаешь! Какъ, увезти губернаторскую дочку, что ты?

Ноздр. Ну, полно, братъ: экой скрытный человѣкъ! Я, признаюсь, къ тебѣ съ тѣмъ пришелъ: изволь, я готовъ тебѣ помогать. Такъ и быть: подержу вѣнецъ тебѣ, коляска и перемѣнныя лошади будутъ мои, только съ уговоромъ, — ты долженъ мнѣ дать три тысячи взаймы. Нужны, братъ, хоть зарѣжь!

Гоголь. (Мертвыя души, ч. I).

(Пошлая любезность).

Капустинъ (*молодой человѣкъ, жидкіе волосы его круто завиты и жирно напомажены. Онъ одѣтъ во все новое и страшно боится, чтобъ не замарать и не помять платья. Садясь на стулъ, онъ предварительно разставляетъ фалды, руки старается держать дальше отъ туловища. Воротнички его сорочки подняты и, изъ боязни измять ихъ, онъ вертится цѣлымъ корпусомъ, а не головой. Въ рукахъ конфекты*). Мое почтеніе, Елизавета Ивановна!.. Какъ ваше здоровье? Мамаша просила вамъ кланяться! Марѳа Петровна, мое почтеніе!.. все ли вы въ добромъ здоровьи? Мамаша вамъ кланяется!

Елизавета Павловна. Вы легки на поминѣ.

Капуст. (*цѣлуя у дамъ руки*). Вы меня поминали? Какъ я счастливъ!.. и знаете что? есть примѣта... само собой, я не имѣю суевѣрія... это простительно низкому классу... А все-таки случается иногда, знаете, вдругъ какая нибудь примѣта—выходитъ справедлива. Иду я сюда и... право, мнѣ даже конфузно говорить!

Елиз. Павл. Что такое? говорите!.. я вѣрю всѣмъ предчувствіямъ и примѣтамъ.

Капуст. Я долженъ васъ предупредить… примѣта такая не деликатная… Иду я къ вамъ и вдругъ… нѣтъ, право, мнѣ даже совѣстно!

Елиз. Павл. Да говорите же… фу, какой противный.

Капуст. И вдругъ… вдругъ, знаете, икнулъ нѣсколько разъ!.. И такъ, совсѣмъ невольно… И сейчасъ же подумалъ: вѣрно меня кто нибудь поминаетъ… И вдругъ вы теперь изволите говорить… (*Къ Маѳушѣ*). Я никакъ не могъ льстить себя надеждой, чтобы удостоился когда нибудь…

Маѳуша. Это не я, а сестрица поминала васъ!

Елиз. Павл. Какова сегодня погода?

Капуст. Погода благопріятная… есть маленькій вѣтерокъ, но весьма легкій… воздухъ чистъ… солнце два раза показывалось… Я сдѣлалъ маленькій моціонъ по Невскому… публики еще немного… около католической церкви встрѣтилъ двухъ генераловъ… вслухъ разговаривали о Гарибальди… одинъ хвалилъ безусловно, другой, хотя тоже хвалилъ, но находилъ недостатки… я этакъ пошелъ сзади ихъ и подслушалъ немножко… одинъ рѣзалъ все свысока, поминалъ и цивилизацію и либерализмъ… другой по просту, все пословицами больше… однако, оба умно, очень умно… Около кандитерской Рабона попалась дама въ придворной каретѣ, я посмотрѣлъ… и она посмотрѣла… хотѣлъ было поклониться, да подумалъ: ловко ли будетъ? кажется, незнакомая… у Рабона выставлено множество новыхъ куколокъ… ахъ, какія есть замысловатыя… вообразите: маленькій барабанщикъ… самъ барабанитъ и танцуетъ… а какія бонбоньерки… Позвольте, я сейчасъ покажу…

Елиз. Павл. Я говорила, что онъ вѣчно съ конфектами.

Маѳ. (*пожимаетъ плечами*).

Капуст. Извольте взглянуть: что это такое? куличъ? такъ? не правда ли, настоящій куличъ? Вѣдь можно разрѣзать и съ кофеемъ пить?.. Теперь извольте смотрѣть… Эйнъ, цвей, дрей! (*Снимаетъ крышку съ коробки*). Куличъ, набитый конфектами!..

Карошъ фокусъ?.. Прошу покорнѣйше: шоколадныхъ, ликерныхъ?

Елиз. Павл. Подите, развѣ я ѣмъ когда конфекты!

Капуст. (*Маѳушъ*). Фруктовыхъ? помады?

Марѳ. На тощакъ? Что вы!

Капуст. Въ такомъ случаѣ покорнѣйше прошу сдѣлать имъ честь послѣ обѣда!.. (*Ставитъ коробку на столъ*). Позвольте мнѣ только предупредить васъ на счетъ двухъ вещей: я ихъ взялъ собственно для васъ... вотъ этихъ двухъ голубковъ покорнѣйше прошу сохранить... поставьте ихъ на свой туалетъ... и пусть эти эмблемы твердятъ вамъ о томъ, какъ пріятно голубкѣ съ голубкомъ плавать вмѣстѣ въ жизненномъ морѣ! А это огненное сердце пусть напоминаетъ вамъ то сердце, которое пылаетъ не менѣе этого—пылаетъ и ждетъ... рѣшенія своей участи... Теперь извольте смотрѣть еще фокусъ. Эйнъ, цвей, дрей!.. (*Вытягиваетъ изъ сердца веревочку, на которой прилѣплены три спеленатыя фигурки*).

Елиз. Павл. Что это такое?

Капуст. (*Показывая ей*). Три младенца... три крошки... три ангела...

Елиз. Павл. Какой вы сумашедшій! Развѣ можно дарить такія вещи дѣвицѣ?

Капуст. Отчего же нельзя? Марѳа Петровна дѣвица взрослая... онѣ, вѣроятно, не думаютъ посвятить своей жизни монашескому уединенію, онѣ, вѣроятно, какъ всякая образованная дѣвица, хотятъ найти для себя достойную партію... онѣ знаютъ, что сама природа, такъ сказать...

Елиз. Павл. Ну, разговорились, заговорились!..

Капуст. Ничуть! Я очень хорошо сознаю... это... свою идею! Марѳа Петровна вѣроятно замѣчаютъ, что я хожу въ вашъ домъ... и хожу, такъ сказать, съ нѣкоторою цѣлью... этимъ я не могу оскорбить ни ихъ, никого другаго... мои... это... стремленія основаны на благородномъ чувствѣ... И я только... дожидаюсь, чтобъ вы, Марѳа Петровна, внушили мнѣ смѣлость... и я могъ бы рѣшиться...

Марѳ. Извините меня... я должна присмотрѣть на кухнѣ... кухарка у насъ новая... я учу ее стряпать по книгѣ... извините, пожалуйста! (*Уходитъ*).

Чернышевъ. (Испорченная жизнь, д. I, явл. 3).

(Пошлое самолюбіе).

Серафима Александровна (*садясь*). А мнѣ, Елизавета Павловна, крайне нужно съ вами посовѣтоваться... очень рада, что осталась съ вами наединѣ... я хочу поговорить съ вами о Колинькѣ.

Елиз. Павл. (*разсѣянно*). Объ немъ? Онъ прекрасный, молодой человѣкъ!

Сераф. Алекс. Всѣ знакомые тоже говорятъ... Конечно, человѣку все дается отъ Бога: и умъ, и таланты... но все-таки я, какъ мать, имѣю, такъ сказать, право гордиться, когда хвалятъ моего сына.

Елиз. Павл. Конечно!

Сераф. Алекс. Я его вскормила... я его воспитала... И знаете что? Теперь меня ужасъ какъ безпокоитъ его карьера... Марѳа Петровна прекрасная дѣвушка... я ничего не имѣю сказать противъ нея, но все-таки Колинька, я это говорю, не какъ мать, а какъ совершенно посторонняя; Колинька, во всякомъ случаѣ, со своими достоинствами, могъ бы расчитывать на лучшую партію!

Елиз. Павл. Марѳуша дѣвушка добрая съ прекраснымъ сердцемъ,—она составитъ счастіе своего мужа!

Сераф. Алекс. Конечно, конечно... Только вотъ видите что: у меня есть одна знакомая дама, она занимается этимъ... то есть сваха!.. И она такъ говорила: я вамъ по секрету скажу, говорила, что у нея есть одна купеческая дочка, съ большимъ приданымъ и страстно влюблена въ моего Колиньку!

Елиз. Павл. А... да... вотъ какъ!..

Сераф. Алекс. Я, вотъ видите, пуще всего желаю, чтобы мой Колинька женился по склонности своего сердца... Гдѣ любовь— тамъ и счастье!

Елиз. Павл. Да... да!

Сераф. Алекс. Еще, вотъ видите... у насъ хоть и есть маленькое имѣньице, только очень маленькое...—совсѣмъ даже маленькое... въ особенности при новомъ положеніи... Ахъ, да! говорятъ, какъ это все кончится, — квартиры дешевле будутъ, правда?

Елиз. Павл. Не знаю!

Сераф. Алекс. Такъ по этому по самому предмету мнѣ бы хотѣлось, чтобы Колинька такъ могъ устроить свою карьеру, — чтобы ни въ чемъ не нуждаться. Купеческая дочка, въ этомъ случаѣ, была-бы, такъ сказать, очень удовлетворительна... но только, видите... мнѣ-бы очень не хотѣлось вступать въ родство съ людьми неодинаковаго званія... Свой кругъ, свое общество, не въ примѣръ—вы согласны съ этимъ?

Елиз. Павл. Да... да!.. я думаю онъ теперь у него!

Сераф. Алекс. Да-съ, близехонько! Поэтому я и рѣшилась не настаивать очень на счетъ вашей невѣстки—я побываю у вашего супруга, поговорю... и если онъ чуть что — и если Колинька не станетъ очень горячиться... пусть будетъ, какъ судьба рѣшитъ!

Елиз. Павл. Да, какъ судьба рѣшитъ!.. Вѣрно, онъ не замедлитъ!

Сераф. Алекс. Благодарю васъ, мой ангелъ, за добрый совѣтъ! (*Цѣлуя крѣпко и много*). Я именно такъ и сдѣлаю, какъ вы совѣтовали... Надо вамъ признаться, я желаю поспѣшить Колинькиной женитьбой... Онъ у меня такой свѣженькій, полненькій... Какъ посмотрю на другихъ молодыхъ людей, — сердце кровью обольется... это все отъ скверной жизни... ахъ, какихъ ужасовъ я про нихъ наслушалась! Конечно, за Колиньку я могу поручиться, онъ не перейметъ — онъ у меня очень цѣломудренный... Онъ ни объ чемъ еще не имѣетъ понятія!

Елиз. Павл. (*про себя*). Какая мучительница!

Сераф. Алекс. Мнѣ бы хотѣлось, что бы его здоровье и свѣжесть... пошли, такъ сказать, законнымъ образомъ! Потому, что у меня есть страстное желаніе имѣть внучатъ!

Елиз. Павл. Да... это пріятно!

Сераф. Алекс. Какая симпатія между нами! Я чрезвычайно рада... всѣ мои мысли совершенно сходятся съ вашими!

Чернышевъ. (Испорченная жизнь, д. III, явл. 5).

СМЕРТЬ.

(Отъ нравственнаго потрясенія).

Старикъ Мооръ. Подойди ко мнѣ, сынъ мой! Прости мнѣ за минутную жестокость! Тебѣ я все прощаю. Хочу умереть съ миромъ.

Францъ. Ну, наплакались ли вы о вашемъ сынѣ? У васъ теперь, кажется, только одинъ остался.

Стар. Мооръ. У Іакова было двѣнадцать сыновей; но о своемъ Іосифѣ онъ проливалъ кровавыя слезы.

Францъ. Гм!

Стар. Мооръ. Возьми-ка Библію, Амалія, и прочти мнѣ исторію Іакова и Іосифа: она меня всегда трогала, хотя тогда я еще и не былъ Іаковомъ.

Амалія. Которую же изъ нихъ прочесть вамъ? (*Беретъ Библію и перелистываетъ ее*).

Стар. Мооръ. Прочти мнѣ о горести оставленнаго, когда онъ не нашелъ Іосифа между своими дѣтьми и тщетно ждалъ его въ средѣ своихъ одиннадцати, и о его жалобныхъ крикахъ, когда онъ услышалъ, что его возлюбленный отнятъ у него на вѣки.

Амалія (*читаетъ*). «Вземши же ризу Іосифову, заклаша «козлище отъ козъ и помазаша ризу кровію. И послаша ризу «пеструю и принесоша къ отцу своему, и рекоша: сію обрѣто- «хомъ, познай, аще риза сына твоего есть, или ни. (*Францъ «внезапно уходитъ*). И позна ю и рѣче: риза сына моего есть: «звѣрь лютъ снѣде его, звѣрь восхити Іосифа».

Стар. Мооръ (*упадая на подушки*). Звѣрь лютъ снѣде его, звѣрь восхити Іосифа?

Амалія (*читаетъ далѣе*). «И растерза Іаковъ ризы своя, и

«возложи вретище на чресла свои и плакашся сына своего дни «многи. Собрашася же вси сынове его и дщери и пріидоша утѣ«шити его; и не хотяще утѣшитися, глаголя: яко сниду къ сыну «моему, сѣтуя»...

Стар. Мооръ. Перестань, пересгань! мнѣ дурно.

Амалія (*роняетъ книгу и подбѣгаетъ къ нему*). Боже мой! что съ вами?

Стар. Мооръ. Это смерть!.. черная... стоитъ... передъ моими... глазами... Прошу тебя... позови пастора... причаститься... Гдѣ... сынъ мой... Францъ?

Амалія. Ушелъ! Боже, умилосердись!

Стар. Мооръ. Ушелъ... убѣжалъ отъ смертнаго одра?.. И это все... все... отъ двухъ сыновей!.. Ты далъ ихъ... Ты и отнялъ... да будетъ имя Твое... (*Падаетъ*).

Амалія (*вдругъ вскрикиваетъ*). Умеръ! Все погибло! (*Убѣгаетъ въ отчаяніи*).

Шиллеръ. (Разбойники, д. II, сц. 2).

(Старческая смерть отъ аневризма).

Ларокъ (*спитъ, полуопрокинувшись на креслѣ, направо. Полусвѣтъ, одна лампа на столѣ, на лѣво*).

Максъ. Ну что?

Демаре (*тихо*). Да, я думаю, скоро конецъ... всѣ жизненныя силы упали... пульсъ почти не бьется, но послѣдняя борьба можетъ еще долго продолжиться.

Максъ. И нельзя помочь?

Демаре. Ничѣмъ! Можно только попробовать дать ему чего нибудь успокоительнаго. Я оставлю васъ съ нимъ минуты на двѣ... пойду, приготовлю ему опіума.

Максъ. Ступайте, другъ мой!

Демаре. Если что,—такъ я буду тамъ.

Максъ. Хорошо. (*Демаре уходитъ на лѣво. Тяжелое молчаніе. Максъ смотритъ на спящаго старика*). Вотъ онъ, несчастный!... Но онъ раскаялся... страдалъ... онъ загладилъ свое

преступленіе!.. и Провидѣніе меня же назначило сторожить его послѣдній сонъ. (*Горько*). Странная судьба! (*Пауза*). Онъ спитъ... я завидую его сну... Этотъ день такъ утомилъ меня... (*садится къ столу*) какъ я усталъ! (*Кладетъ голову на руку и дремлетъ. Свѣтъ лампы падаетъ прямо на его лицо. Старикъ просыпается, его глаза дико блуждаютъ по комнатѣ и останавливаются на лицѣ Макса. Онъ вздрагиваетъ и начинаетъ пристально, все болѣе и болѣе вглядываться въ Макса. Онъ пораженъ какимъ-то ужасомъ, дрожитъ всѣмъ тѣломъ и подымается съ сверхестественнымъ усиліемъ. Максъ тоже встаетъ. Дверь въ глубинѣ отворяется, Маргарита показывается на порогѣ и смотритъ въ удивленіи, потомъ со страхомъ*).

Ларокъ (*умоляющимъ голосомъ*). Маркизъ! простите меня.

Маргарита (*въ сторону*). Боже!

Ларокъ (*подвигаясь къ Максу и простирая къ нему дрожащія руки*). Маркизъ, простите меня.

Маргарита (*съ ужасомъ*). Боже! что онъ говоритъ?

Максъ (*догадываясь, подходитъ къ старику и подымаетъ руку надъ его головой*). Умирай покойно, старикъ! я тебя прощаю! (*Лицо старика выражаетъ радость. Онъ шатается, Максъ поддерживаетъ его*).

Маргарита (*подходя*). Что это значитъ? Говорите. Вы знаете какую нибудь ужасную тайну?

Максъ. Я! Ничего... нѣтъ!... Онъ въ бреду, вотъ и все.

Маргарита. Дѣдушка!.. милый дѣдушка! Говорите! Одно слово,—только одно,—умоляю васъ!.. Васъ что-то мучитъ,—не правда ли? Какое-то воспоминаніе? Да, не такъ ли? Скажите... ради Бога! (*Старикъ раскрываетъ губы, но безсвязно лепечетъ... потомъ вдругъ судорожно вытягиваетъ руки... тяжело вздыхаетъ и падаетъ безъ движенія въ кресло*).

Маргарита (*вскрикивая*). Ахъ! (*падаетъ на колѣни*).

Демаре (*тронувъ пульсъ и сердце старика*). Онъ умеръ! Молитесь.

О. Фелье. (Управитель, д. V явл. 10, 11, 12, 13).

(Смерть отъ раны).

(*Стража приближается, неся Антонія*).

Клеопатра (*на могильномъ памятникѣ*). О солнце, сожги громадную сферу, въ которой вращаешься! покройся вѣчнымъ мракомъ измѣнчивый берегъ міра. О Антоній! Антоній! Антоній! Помогите, друзья, встащить его сюда.

Антоній. Успокойся. Не доблестью Цезаря сраженъ Антоній; Антоній самъ восторжествовалъ надъ собою.

Клео. Я знаю, что никто, кромѣ Антонія, не могъ побѣдить Антонія; и все таки—могу ль не стенать, не рваться.

Ант. Я умираю, Клеопатра, умираю; я задерживаю смерть только для того, чтобъ изъ многихъ тысячъ поцѣлуевъ запечатлѣть на твоихъ устахъ еще одинъ—бѣдный, послѣдній.

Клео. О, прости мнѣ, милый другъ мой — я не смѣю сойти къ тебѣ: я боюсь, меня схватятъ. Нѣтъ, никогда не украсится мною царственный тріумфъ счастливаго Цезаря; пока ножи, яды, змѣи будутъ имѣть остріе, отраву, жало — я безопасна. Твоя жена, Октавія, не добьется чести укорить меня своимъ смиреннымъ взоромъ, своимъ холоднымъ безстрастіемъ. — Сюда, сюда, Антоній!—Помогите: мы встащимъ тебя на верхъ; помогайте, друзья.

Ант. О, скорѣй, или умру.

Клео. О, да какъ же это трудно! Какъ ты тяжелъ, мой милый! А можетъ быть, это и оттого, что наши силы совершенно истощились скорбью; имѣй я власть великой Юноны, тебя поднялъ бы мощно-крылый Меркурій и посадилъ бы рядомъ съ Юпитеромъ.—Но скорѣй—желающіе всегда глупы.—Ко мнѣ, ко мнѣ! (*Встаскиваютъ Антонія на верхъ*). Умри, гдѣ жилъ. Оживись поцѣлуями.—О, если бъ мои губы имѣли животворную силу—я истощила бы ее теперь совершенно.

Ант. Я умираю, Клеопатра. умираю. Дай мнѣ нѣсколько капель вина, чтобъ я могъ тебѣ сказать еще нѣсколько словъ.

Клео. Нѣтъ, я буду говорить, буду издѣваться такъ жестоко,

что лживая фортуна, выведенная изъ терпѣнія моими насмѣшками, сломаетъ колесо свое.

Ант. Одно слово, царица: ищи спасенія жизни и твоей чести у Цезаря.—О!

Клео. Онѣ несовмѣстимы.

Ант. Послушай, моя милая: изъ приверженцевъ Цезаря не довѣряйся никому, кромѣ Прокулея.

Клео. Довѣрюсь только моей рѣшимости и рукамъ моимъ; никому изъ приверженцевъ Цезаря.

Ант. Не тужи, не плачь о жалкой перемѣнѣ послѣднихъ дней моихъ; вспоминай лучше о прежнемъ счастіи, когда я былъ величайшимъ, благороднѣйшимъ изъ властителей міра. И теперь, я умираю безъ униженія: не трусомъ, снявшимъ шлемъ передъ соотечественникомъ, а какъ римлянинъ, честно побѣжденный римляниномъ.—Отлетаетъ духъ мой—не могу болѣе. (*Умираетъ*).

Шекспиръ. (Антоній и Клеопатра, д. V, сц. 2).

(Смерть отъ яда).

Клеопатра (*Ирѣ*). Подай порфиру, надѣнь на меня корону — я жажду безсмертія. Соку египетскихъ гроздій не увлажать уже этихъ губъ.— Скорѣй, скорѣй, добрая Ира. — Мнѣ кажется, я слышу призывъ Антонія, — вижу, какъ онъ поднимается, чтобы похвалить благородный поступокъ мой,—слышу, какъ насмѣхается надъ счастіемъ Цезаря, ниспосылаемымъ богами въ оправданіе будущей кары. Иду, супругъ! Мое мужество даетъ мнѣ теперь право на это названіе; вся огонь и воздухъ, я предоставляю остальныя стихіи нисшей жизни. — Кончили? — Такъ придите же, примите послѣднюю теплоту губъ моихъ. Прощай, добрая Харміана! На долгое, долгое разставаніе, Ира. (*Цѣлуетъ ихъ. Ира падаетъ и умираетъ*). Что жъ это? Неужели въ моихъ устахъ жало эхидны? Отчего упала ты? — Если ты и природа могли разстаться такъ тихо, — ударъ смерти — щипокъ любовника: болѣзненный и все-таки желаемый.—Недвижна!—От-

ходя такъ, ты говоришь міру, что съ нимъ не стоитъ и прощаться.

Харм. Разрѣшись черная туча, пади дождемъ, чтобъ я могла сказать: и сами боги плачутъ.

Клео. Она пристыдитъ меня, если первая встрѣтитъ кудряваго Антонія; онъ примется распрашивать ее, подаритъ поцѣлуемъ, котораго жажду, какъ неба. Приди, смертоносная гадина, разсѣки разомъ острыми зубами своими запутанный узелъ жизни. (*Вынимаетъ змѣю и прикладываетъ ее къ груди*). Да будь же позлѣе ядовитая дурочка; отравляй скорѣе! О, если бъ ты могла говорить, ты непремѣнно назвала бы Цезаря осломъ недогадливымъ.

Харм. О, звѣзда востока!

Клео. Тише, тише! Развѣ ты не видишь у груди моей малютки, усыпляющей кормилицу своимъ сосаніемъ?

Харм. О, разорвись сердце!

Клео. Сладостно, какъ бальзамъ, кротко, какъ воздухъ, нѣжно—о Антоній!—(*Прикладываетъ другую змѣю къ рукѣ*). Припущу и тебя. Что медлить еще. (*Падаетъ на ложе и умираетъ*).

Харм. Въ этомъ пустынномъ мірѣ. — Прощай! — Хвастайся теперь, смерть, прекраснѣйшая изъ женъ въ твоей власти! — Замкнитесь окна; отнынѣ золотистому Фебу никогда не обращать уже на себя глазъ такъ царственныхъ. Корона покосилась на тебѣ; поправлю, и затѣмъ—гулять!

Шекспиръ. (Антоній и Клеопатра, д. V, сц. 2).

(Смерть отъ чахотки).

Бригаръ (*входитъ*).

Луиза. Папа!..

Сарторисъ. Вы, г. Бригаръ...

Бригаръ. Она пожелала придти...

Луиза. Жильберта?

Бригаръ. Она здѣсь... (*Луиза уходитъ*).

Бригаръ (*Сарторису*). Вы не откажетесь принять ее... Она

возвращается только для того, чтобы умереть здѣсь... (*Въ глубинѣ сцены появляется Жильберта, поддерживаемая Луизой. Она дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, и падаетъ на колѣни. Бригаръ подходитъ къ ней, чтобъ поднять ее*).

Жильберта. Нѣтъ, не вы, папа, не вы!

(*Сарторисъ бросается къ ней, подымаетъ ее и беретъ на руки*).

Сарторисъ. Ахъ! Жильберта!.. Жильберта!

Жильберта. Благодарю васъ.

(*Жильберта на диванѣ, Сарторисъ на колѣнахъ, около нея*).

Жильберта (*осматриваясь*). Дома, я дома!..

Сарторисъ. Да, вы дома, Жильберта... у себя дома... И вы не умрете, и вы останетесь здѣсь, всегда...

Жильберта (*улыбаясь*). Всегда!..

Сарторисъ. Жильберта, моя Жильберта!

Жильберта. Вы прощаете меня, да?..

Сарторисъ. Да... да... прощаю, и вы не умрете.

Жильберта. О! что касается до этого... Гдѣ мой сынъ. Приведите ко мнѣ Жоржа.

Сарторисъ. Да... я иду...

Жильберта. Сейчасъ и приведите его сами. Бѣдный папа, ты плачешь! (*Сарторисъ возвращается съ Жоржемъ*).

Жоржъ (*съ радостью*). Мамаша...

Жильберта. Жоржъ, мой сынъ... (*Беретъ его и долго держитъ въ объятіяхъ*).

Жоржъ. Наконецъ-то ты возвратилась!

Жильберта. Да... но я думаю не надолго, мой милый Жоржъ, дай мнѣ поцѣловать тебя еще... еще разъ... (*Она цѣлуетъ своего сына нѣсколько разъ*). А теперь, Луиза... приди сюда, Луиза... (*Она передаетъ Жоржа на руки Луизѣ*). Онъ твой... я тебѣ его даю...

Луиза. Жильберта!..

Жильберта. Да, тебѣ... (*Указывая на Сарториса*). И его тоже, возьми ихъ обоихъ... Разъ уже... тоже здѣсь, я произнесла эти же слова... Простите меня...

Луиза. Ахъ.

Жильберта. Подойдите сюда... оба... и дайте мнѣ слово... (*Указывая на Жоржа*). Для него, вы должны...

Сарторисъ. Вы не умрете!.. это невозможно...

Жильберта. Не умру!... (*Смотря на своихъ, которые всѣ плачутъ*). Ахъ, теперь это даже было бы жаль!..

Бригаръ. Дочь моя!..

Жильберта. Бѣдный папа... не плачь обо мнѣ... что я могла ожидать? Что мнѣ придется умирать оставленной всѣми, въ отчаяніи... а вмѣсто этого, я умираю посреди моихъ близкихъ, спокойно, счастливо...

Сарторисъ. Ахъ!.. это я долженъ просить прощенія! я... я не съумѣлъ...

Жильберта. Вы должны просить прощенія! въ чемъ?.. что вы любили меня... слишкомъ много. (*Указывая на Луизу и Бригара*). Это было мое несчастіе, что всѣ слишкомъ много любили меня...

Луиза. Жильберта!..

Жильберта. Вотъ отчего я и умираю... и вотъ отчего я такъ спокойно умираю. Ахъ! (*Отъ сильной слабости она падаетъ на подушку*).

Всѣ (*думая, что она умерла*). Жильберта!..

Жильберта (*приподнимая немного голову*). Боже мой! Неужели это смерть? какъ мнѣ кажется легко!.. Луиза... Гдѣ ты, Луиза?.. Подойди сюда, я хочу сказать тихонько... когда я умру, одѣнь меня, какъ я прежде... (*Указывая на свое черное платье*). Я не хочу... въ этомъ черномъ платьѣ... нѣтъ... Выбери изъ моихъ бальныхъ платьевъ... бѣлое... съ розовыми цвѣточками... вотъ это я хочу... И вы увидите, какая я буду хорошенькая, и еще разъ вы увидите вашу прежнюю Фру-фру!

Сарторисъ. Ахъ!

Жильберта. Вы видите, все тоже... сынъ мой!.. Вы меня прощаете, да?.. Фру-фру, бѣдная Фру-фру! (*Умираетъ*).

Мельякъ и Галеви. (Фру-фру, д. V, явл. 4 и 5).

(Смерть отъ чахотки).

Саша (*въ креслахъ*). Не старайтесь меня успокоить, добрый Сергѣй Николаичъ; повторяю вамъ, для меня все кончено. — Я прошу объ одномъ: пока я жива, не говорите о томъ, что вы отъ меня теперь слышали.—Дайте мнѣ слово.

Ацѣпинъ. Вотъ вамъ рука моя. Никогда ни слова, ни намека!

Саша. Но когда я умру, — скажите ему все. Мнѣ грустно думать, что онъ считаетъ меня холодною и бездушною; хоть тогда, когда меня не будетъ, мнѣ хотѣлось бы въ его глазахъ стоять высоко.—Скажите ему, какъ я любила его; скажите ему, что я несла мой тяжелый крестъ безропотно, твердо и терпѣливо... пока могла... пока были силы... скажите ему... нѣтъ! нѣтъ! ничего не говорите... не надо... не надо! (*Рыдаетъ*).

Ацѣп. (*сдерживая слезы*). Александра Васильевна! Милая барынька моя! Что вы это? Какъ можно? Молитесь, призовите на помощь милосердіе Божіе! Покоритесь его святой волѣ... еще не все потеряно! Иванъ Павловичъ добръ и благороденъ, онъ полюбитъ васъ... впереди еще много.

Саша. Впереди уже ничего нѣтъ!

Ацѣп. Перестаньте! На что это въ самомъ дѣлѣ похоже? Точно будто вы собираетесь умирать?

Саша. Не собираюсь, а придется.

Ацѣп. Будемъ лучше говорить о другомъ. Вотъ посмотрите, чѣмъ я вамъ похвастаю. (*Вынимаетъ изъ кармана миніатюрный портретъ и подаетъ Сашѣ*).

Саша. Мой портретъ? Это вы рисовали?

Ацѣп. Собственноручно. Вздумалось стариной тряхнуть. Вчера только кончилъ.—Рука отвыкла, а глаза еще не измѣняютъ.— Вышло не дурно.

Саша. Право, я не понимаю, за что вы меня такъ любите?

Ацѣп. Экземпляръ-то вы изъ нашихъ барынь очень рѣдкій.

Саша. Что это, какъ мнѣ тяжело дышать?

Ацѣп. Говорили много.

Саша. У меня грудь не болитъ... Со мной что-то странное. Я очень ослабѣла. Придвиньте, добрый Сергѣй Николаичъ, мое кресло ближе къ окну, я сама не могу. (*Встаетъ*).

Ацѣп. Зачѣмъ же вы встали? (*Подвигаетъ кресло и усаживаетъ Сашу*). Такъ хорошо будетъ. Посмотрите на городъ, на людей, это развлечетъ васъ... а погода какая... чудо!

Саша. Когда бъ отворить окно?

Ацѣп. Что вы? какъ можно? долго ли простудиться? Вамъ, я думаю, не мѣшало бы покататься. Вотъ Ѳедоръ Карпычъ пріѣдетъ, мы спросимъ у него.

Саша (*разсматривая портретъ*). Не вѣрится, чтобъ я была такая.

Ацѣп. И были, и опять будете.

(*За кулисами сильный звонъ столовымъ колокольчикомъ*).

Саша. Что это? Жанъ воротился. Это онъ звонилъ. Сергѣй Николаичъ, онъ не доволенъ, разстроенъ... прошу васъ, подите къ нему: развлеките, успокойте его... Нѣтъ, приведите его сюда... я поговорю съ нимъ... намъ пора собираться въ Швейцарію.

Ацѣп. (*беретъ со стола колокольчикъ*). Пусть лежитъ тутъ у васъ. Если вамъ что нибудь нужно будетъ, позвоните. (*Кладетъ колокольчикъ на кресло возлѣ Саши и уходитъ*).

Саша (*смотря въ окно*). Чудесный день!.. Ярко и весело смотритъ солнце... во всемъ, вездѣ жизнь! Что со мною дѣлается? Это уже не слабость... Это какое-то непонятное изнеможеніе... какъ будто нечѣмъ дышать... Отчего я такъ жадно смотрю на все? Мнѣ какъ будто хочется насмотрѣться... Неужели я никогда больше не увижу этой картины? Вонъ нашъ садикъ, можетъ быть, папа сидитъ тамъ, въ своемъ новомъ халатѣ, и грѣется на ласковомъ солнышкѣ... можетъ быть, онъ думаетъ обо мнѣ... Папа! папа! твоя Саша умираетъ! Прощай, папа! Прощай, Жанъ! Господи, если еще не все потеряно, не дай мнѣ умереть такъ скоро! Я жить хочу! Я люблю его! Пусть святыя Твои слова будутъ мнѣ отвѣтомъ. (*Раскрываетъ бархатную книжку и читаетъ шопотомъ; голова ея склоняется на грудь, рука съ книгой опускается на кресло*).

Багровъ (*тихо входитъ и, сдѣлавъ два шага, останавливается*) (*вполголоса*) Саша! (*Дѣлаетъ еще шага два*). Саша! ты спишь! (*Подходитъ къ креслу и говоритъ шопотомъ*). Ты спишь, Саша? (*Всматривается ей въ лицо и трогаетъ за руку*). Она не дышетъ... рука холодная! Саша! Саша! Сергѣй Николаичъ! Люди! помогите! помогите! (*Рыдая, цѣлуетъ руки Саши*).

Дьяченко. (Свѣтскія ширмы, д. V, явл. 8 и 9).

(Самоубійство).

Филиппъ. Довольно вамъ комедію играть,
Мы живо кончимъ дѣло: выбирайте—
Кинжалъ иль ядъ? Ты первый порѣши,
Смѣльчакъ отважный...
Донъ-Карлосъ. Выбираю я
Кинжалъ... онъ не остылъ отъ крови друга.
Вы, королева, высказали столько,
Что и для васъ надежды нѣтъ, и смертью
И вамъ придется вѣрно заплатить...
Но... выбирайте ядъ вы, Бога ради,
Быть можетъ, легче умирать отъ яда;
Сталь съ болью проникаетъ въ сердце—горькій
Совѣтъ любви примите: онъ послѣдній!
(*ударяетъ себя кинжаломъ*).
Всю твердость духа соберите... смѣло
За мной послѣдуй... ангелъ мой... за мною...
Ядъ, ядъ—не сталь... прости, я умираю...
Не медли... я...
Изабелла. Я за тобой иду...
О, какъ мнѣ сладко умирать съ тобою...
Филиппъ. Вамъ смерть сладка! такъ будете вы жить,
На перекоръ преступному желанью...
Изабелла. О, Боже мой!.. онъ умеръ, что же я!
Гдѣ ядъ, скорѣй...
Филиппъ. Я жизнь тебѣ дарую;
Пока она тебѣ несносной будетъ;
Влачи ее въ слезахъ и сокрушеньи...
Когда же, послѣ долгихъ лѣтъ и мукъ,
Забудется прошедшее... и снова
Почувствуешь ты жажду къ жизни... смертью
Тогда блудницѣ мы заплатимъ.
Изабелла. Небо!

Жить мнѣ? съ тобою? выносить злодѣя?
Нѣтъ, никогда... ты спряталъ ядъ коварно—
Кинжалъ остался...

Филиппъ. Гдѣ онъ?

Изабелла (*Поражая себя кинжаломъ*). Онъ въ груди!

Филиппъ. Что вижу?

Изабелла. Смерть жены своей и сына,
Погубленныхъ твоей безумной волей...
А мы невинны были... умираю,
Мой Карлосъ... я съ тобой—моя любовь! (*умираетъ*).

Филиппъ. —Исполнилось! Отмщенъ я!.. кровь обоихъ,
Какая кровь! мной пролита... но я
Не ощущаю радости... Молчанье,
Могильное молчанье ты обязанъ,
Гомезъ, хранить о всемъ, что здѣсь ты видѣлъ...
Пойми... что жизнь оставилъ я тебѣ,
А славой я своею не рискую!..

Альфіери. (Филиппъ, II, д. V сц. 2).

(Отравленіе).

Фердинандъ. Хорошо ты тебя чувствуешь, Луиза.

Луиза. Къ чему этотъ вопросъ?

Ферд. Мнѣ было бы жаль тебя, еслибъ ты ушла отсюда съ ложью на устахъ.

Луиз. Вальтеръ! умоляю васъ...

Ферд. (*въ сильнѣйшей тревогѣ*). Нѣтъ! нѣтъ! Это была бы слишкомъ сатанинская месть! Нѣтъ! Боже меня сохрани! Въ тотъ міръ я не перенесу ея. Луиза! любила ты маршала? Ты уже не выйдешь изъ этой комнаты.

Луиз. Спрашивайте, что хотите. Я ужь больше не отвѣчу (*Садится*).

Ферд. (*серьезнѣе*). Позаботься о своей безсмертной душѣ, Луиза!—Любила ты маршала? Ты ужь не выйдешь изъ этой комнаты.

Луиз. Я ничего не отвѣчу.

Ферд. (*въ неописанномъ волненіи падаетъ передъ нею на колѣни*). Луиза! Любила ты маршала? Эта свѣча не успѣетъ еще догорѣть—ты будешь предъ ликомъ Бога.

Луиз. (*вскакиваетъ въ испугѣ*). Боже! Что такое? И мнѣ вдругъ такъ дурно стало! (*Снова опускается въ кресла*).

Ферд. Уже?... Вы, женщины, останетесь вѣчной загадкой! Нѣжные нервы выдерживаютъ преступленія, подтачивающія въ корнѣ человѣчество—и жалкій гранъ мышьяку убиваетъ ихъ.

Луиз. Ядъ! ядъ! Боже мой!

Ферд. Должно быть. Лимонадъ твой былъ подслащенъ въ аду. Ты пила свою смерть.

Луиз. Умереть! умереть! Боже милосердый! Ядъ въ лимонадѣ —умереть! О! смилуйся надъ душою моей, Боже всемилостивый!

Ферд. Это главное. О томъ же молю его и я.

Луиз. А мать моя... отецъ... Спаситель міра! Мой бѣдный, погибшій отецъ! Или нѣтъ никакаго спасенія? Я такъ молода— и нѣтъ спасенія! и мнѣ ужь умирать!

Ферд. Спасенія нѣтъ, и тебѣ надо умирать. Но будь спокойна. Мы отправимся вмѣстѣ.

Луиз. Фердинандъ! и ты? Ядъ! Фердинандъ! Отъ тебя! Боже, прости ему! Боже милосердый, сними съ него этотъ грѣхъ!

Ферд. Подумай о своихъ грѣхахъ. Это, кажется, не мѣшало бы тебѣ.

Луиз. Фердинандъ! Фердинандъ! О!.. Теперь ужъ я не могу молчать. Смерть... смерть снимаетъ съ насъ всѣ клятвы... Фердинандъ! Ни небо, ни земля не видали никого несчастнѣе меня! Я умираю невинною, Фердинандъ!

Ферд. (*въ испугѣ*). Что ты сказала? Готовясь къ этому пути, кажется, забываютъ о лжи...

Луиз. Я не лгу. Лишь разъ солгала я во всю свою жизнь... Ахъ! какая дрожь пробѣгаетъ у меня по всѣмъ жиламъ... только разъ, какъ написала письмо къ гофмаршалу.

Ферд. О! это письмо!.. Слава Богу! Мужество мое возвращается ко мнѣ.

Луиз. (*слабо владѣя языкомъ; пальцы ея въ судорожномъ движеніи*). Это письмо.. Соберись съ духомъ! ты услышишь страшное признаніе... Рука моя писала, а сердце проклинало эти строки. Твой отецъ диктовалъ мнѣ.

Ферд. (*стоитъ неподвижно, какъ статуя, въ долгомъ мертвомъ безмолвіи и вдругъ падаетъ, какъ громомъ пораженный*).

Луиз. О ужасная ошибка! Фердинандъ, меня принудили... Прости! твоя Луиза предпочла бы смерть, но отецъ мой... опасность... Они сдѣлали такъ хитро...

Ферд. (*вскакиваетъ въ ужасѣ*). Слава Богу! Я еще не чувствую яда. (*Выхватываетъ шпагу*).

Луиз. (*все болѣе и болѣе слабѣя*). Боже! Что ты задумалъ? Это отецъ твой...

Ферд. (*тономъ жесточайшаго бѣшенства*). Убійца и отецъ убійцы! Туда же пойдетъ и онъ, чтобы вѣчный Судія обратилъ весь свой гнѣвъ на виновнаго. (*Хочетъ идти*).

Луиз. Спаситель прощалъ, умирая... Богъ да сохранитъ и тебя и его. (*Умираетъ*).

Ферд. (*быстро оборачивается, замѣчаетъ ея послѣднее предсмертное движеніе и припадаетъ въ отчаяніи къ мертвой*). Подожди! подожди! Не улетай, ангелъ небесный! (*Беретъ ее за руку, но тотчасъ же выпускаетъ*). Холодная, холодная и влажная! Душа ея отлетѣла! (*Снова вскакиваетъ*). Боже моей Луизы! помилуй! помилуй худшаго изъ убійцъ! Это была ея послѣдняя молитва! Какъ хороша, какъ прекрасна она и мертвая. Тронутая смерть пощадила эти прелестныя щеки. Эта кротость не была личиной—и смерть не унесла ея! (*Помолчавъ*). Но что же это? Отчего я ничего не чувствую? Или сила молодости хочетъ спасти меня? Напрасный трудъ! Я этого не хочу. (*Схватываетъ стаканъ*).

Шиллеръ. (Коварство и любовь, д. V., сц. 7).

(Отравленіе).

Арбенинъ (*Ходитъ по комнатѣ, гложа руки*).

Теперь молиться время, Нина:
Ты умереть должна черезъ нѣсколько минутъ—
И тайной для людей останется кончина
Твоя, и насъ разсудитъ только божій судъ.

Нина. Какъ? умереть? теперь? сейчасъ?.. нѣтъ, быть не можетъ!
Арбенинъ (*смѣясь*). Я зналъ заранѣе, что это васъ встревожитъ.
Нина. Смерть, смерть! Онъ правъ... въ груди огонь, весь адъ...
Арбенинъ. Да, я тебѣ на балѣ подалъ ядъ. (*Молчаніе*).
Нина. Не вѣрю, невозможно—нѣтъ! ты надо мною
(*бросается къ нему*)
Смѣешься... ты не извергъ—нѣтъ, въ душѣ твоей
Есть искра доброты... Съ холодностью такою
Меня ты не погубишь въ цвѣтѣ дней.
Не отворачивайся такъ, Евгеній,
Не продолжай моихъ мученій,
Спаси меня, разсѣй мой страхъ...
Взгляни сюда...
(*Смотритъ ему прямо въ глаза и отскакиваетъ*)
О, смерть въ твоихъ глазахъ!
(*Упадаетъ на стулъ и закрываетъ глаза; онъ подходитъ и цѣлуетъ ее*).
Арбенинъ. Да, ты умрешь—и я останусь тутъ
Одинъ, одинъ... Года пройдутъ—
Умру—и буду все одинъ... Ужасно!
Но ты не бойся: міръ прекрасный
Тебѣ откроется, и ангелы возьмутъ
Тебя въ небесный свой пріютъ. (*Плачетъ*).
Да, я тебя люблю, люблю... Я все забвенью,
Что было, предалъ; есть граница мщенью—
И вотъ она.—Смотри: убійца твой
Здѣсь, какъ дитя, рыдаетъ надъ тобой... (*Молчаніе*)
Нина. (*Вырывается и вскакиваетъ*)
Сюда! сюда!.. на помощь!.. умираю...
Ядъ, ядъ!.. Не слышутъ... понимаю:
Ты остороженъ... никого!.. нейдутъ...
Но помни: есть небесный судъ,
И я тебя, убійца, проклинаю!
(*Не добѣжавъ до двери, упадаетъ безъ чувствъ*)
Арбенинъ. (*Горько смѣясь*). Проклятіе! Что пользы проклинать?
Я проклятъ Богомъ! (*Подходитъ*). Бѣдное созданье,
Ей не по силамъ наказанье... (*Стоитъ, сложа руки*).
Блѣдна (*содрогается*). Но всѣ черты спокойны; не видать
Въ нихъ ни раскаянья, ни угрызеній...
Ужель?
Нина. (*Слабо*). Прощай Евгеній!
Я умираю, но невинна... Ты—злодѣй. (*Умираетъ*).

Лермонтовъ. (Маскарадъ, д. III, сц. 2).

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Теорія сценическаго выраженія страстей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Декламація.

Физическія ощущенія.

Мышленіе.

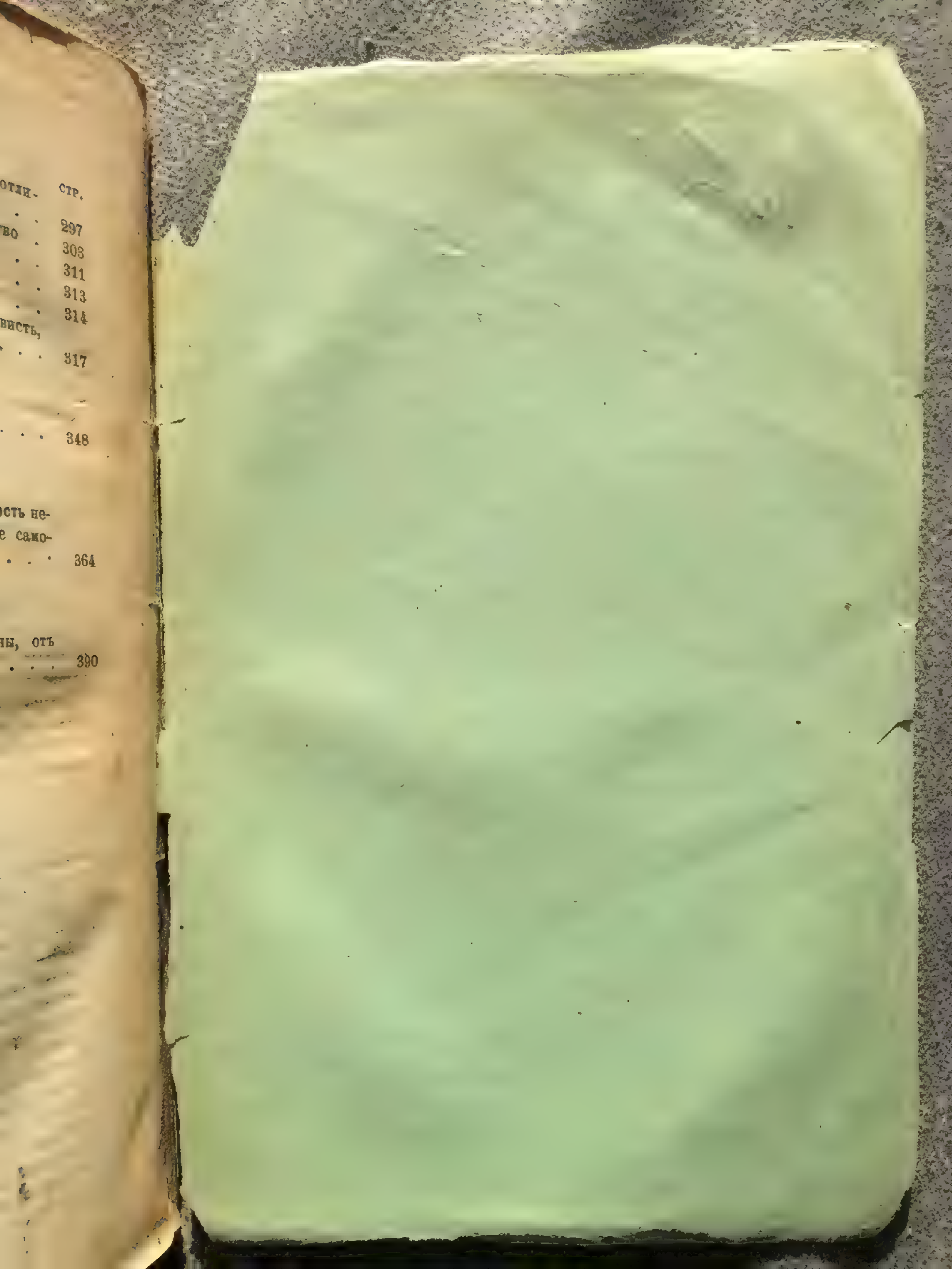
Аффекты.

Страсти.

Физическія болѣзни.

Душевныя болѣзни.

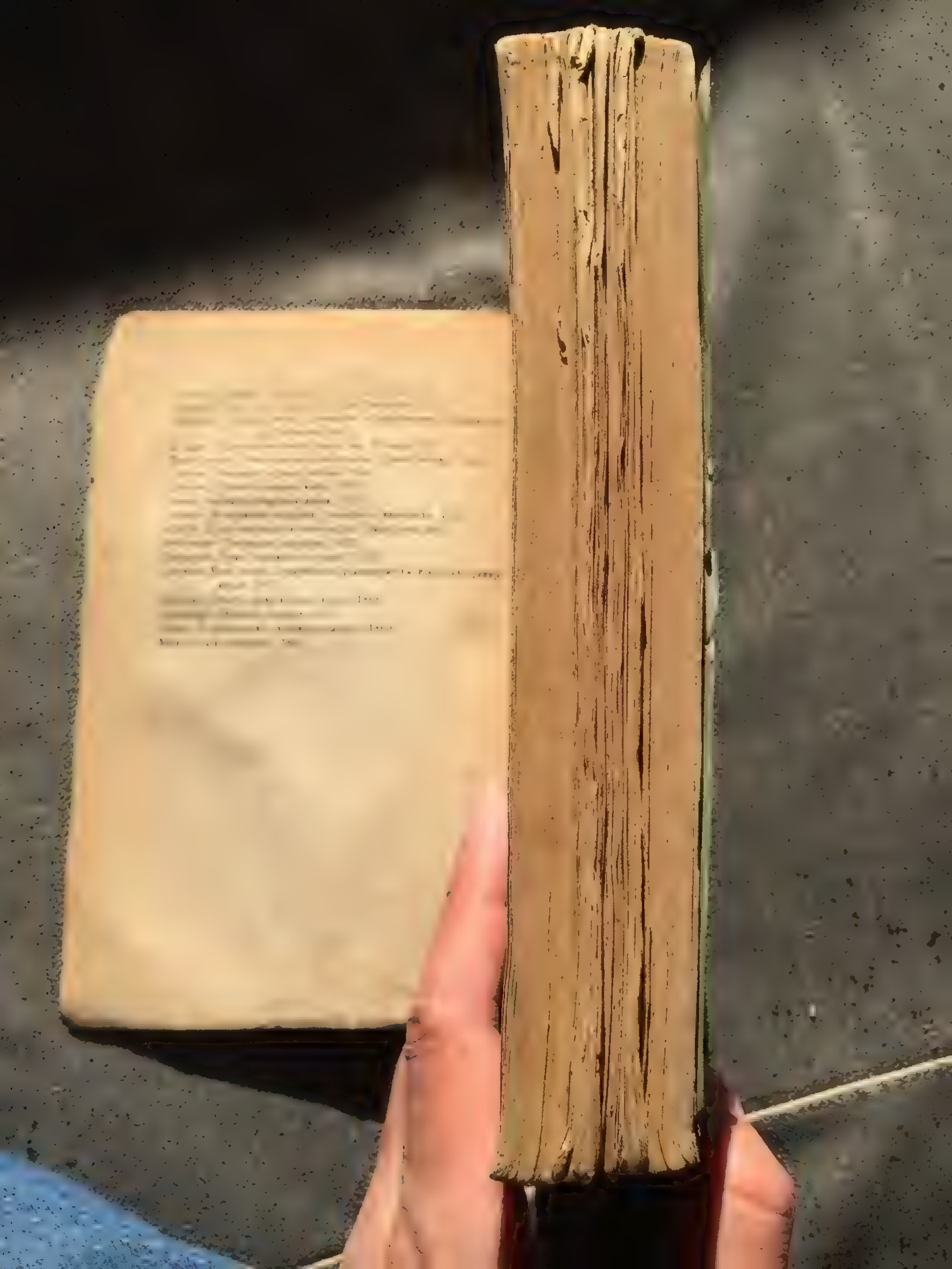
Смерть.

отии- стр.
297
во . 303
311
313
314
вість,
317
348
ость не-
е само-
364
ны, отъ
390

Цѣна 3 руб. сер.

Складъ изданія въ Типографіи Н. Скарятина, на углу Фонарнаго пер., домъ Франка.

РУКС СТВО
СЦЕН ЧЕСКАГО
ИСК УССТВА.
ВЪ 2 Ъ ЧАСТЯХЪ.
874.

Secretos y Curiosidades de METRÓPOLIS (1927)

4:53 / 8:47

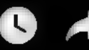
Secretos y Curiosidades de METRÓPOLIS (1927)

2:58 / 8:47

Secretos y Curiosidades de METRÓPOLIS (1927)

2:57 / 8:47

[4k, 60fps, colorized] (1927) Metropolis, Fritz Lang. Dance scene.

3:41 / 4:41

[4k, 60fps, colorized] (1927) Metropolis, Fritz Lang. Dance scene.

3:19 / 4:41

[4k, 60fps, colorized] (1927) Metropolis, Fritz Lang. Dance scene.

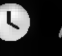

3:25 / 4:41

[4k, 60fps, colorized] (1927) Metropolis, Fritz Lang. Dance scene.

3:38 / 4:41

NAPOLI – Museo Nazionale - Cibele in trono.

ROMA - Talia, musa della Commedia (Museo Vaticano)

НИНА КУКОВЕРОВА

Ленинградскую пионерку Нину Куковерову Великая Отечественная война застала в деревушке Нечеперть. Как только в деревню вошел враг, Нина начала помогать партизанам. А потом и совсем ушла в лес к партизанам и стала разведчицей. Однажды ее послали в деревню Горы, где расположился карательный отряд. Нина притворилась нищенкой, попрошайкой вошла в деревню и все подробно разглядела: где штаб, где арсенал, склад горючего. А ночью партизанский отряд разгромил фашистов, Нина указывала командиру все, что высмотрела днем. Много славных боевых дел совершила девочка, но однажды ушла в разведку и не вернулась. Нина Куковерова награждена медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени и посмертно орденом Отечественной войны 1-й степени. В 74-й школе (ныне 34-я школа-интернат) Петроградского района Ленинграда на вечерней линейке пионерской дружины, куда Нина Куковерова зачислена навечно, первым называют ее имя.

НИНА КУКОВЕРОВА

ЮТА БОНДАРОВСКАЯ

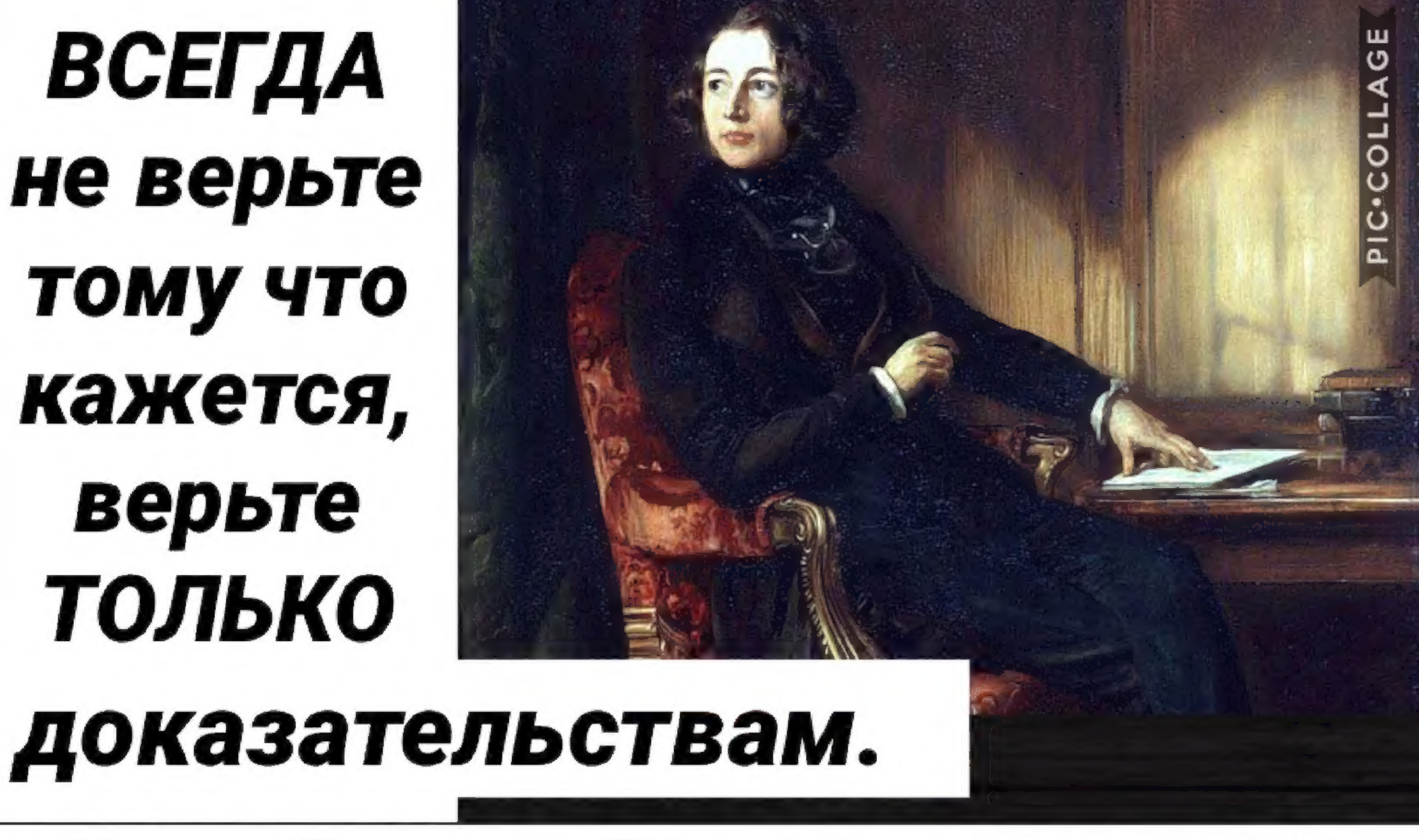
ЮТА БОНДАРОВСКАЯ

Ленинградскую пионерку Юту Бондаровскую Великая Отечественная война застала в деревне под Псковом. Фашисты заняли деревню, и Юта начала помогать партизанам: расклеивала листовки, носила взрывчатку, была связной. Когда полицаи напали на ее след, девочка совсем ушла в лес к партизанам. Ей было тринадцать лет, и ее хотели отправить на Большую землю, но она наотрез отказалась, Юта была отличной разведчицей. Прикинувшись нищенкой с сумой ходила она вокруг гитлеровцев, просила хлеба даже у них, высматривая и выведывая нужные партизанам сведения. С автоматом в руках она участвовала в боях. Когда партизаны соединились с Советской Армией, Юту опять хотели отправить в тыл, но она осталась с партизанами — освобождала Эстонию. Погибла Юта в жестоком бою у эстонского хутора Ростов. Юта Бондаровская посмертно награждена орденом Отечественной войны 1-й степени и медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

IX - 16 — Scène de Comédie grecque (Sculpture antique).

Fernand Nathan, Editeur, Paris. — 1041

Чарльз Диккенс. «Большие надежды» 1861 г.